

Родная ДАДОГА

№ 1(39)' 2017

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолюкин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Санкт-Петербург); *Яснев В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РЕШЕТНИКОВ Леонид Петрович (Москва) — генерал-лейтенант.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Григорий Каложный. Метастратегия ментальных исследований и «ядерное оружие» профессора Н. М. Ракитянского	5
--	---

Связь ВРЕМЕНИ

Ольга Иванова. Крым к России приближали как могли.....	17
Владимир Орлов. Преддуэльные письма Пушкина. Реконструкция	184

ПОЭЗИЯ

Геннадий Иванов.....	37
Анатолий Аврутин	106
Татьяна Суровцева	130
Олег Чупров	136
Борис Краснов.....	199
Елена Шаляпина	254
Владимир Леонов	258
Николай Пересторонин	287

История и СОВРЕМЕННОСТЬ

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). «Горькая ошибка». «Церковная революция» 1917 года, ее последствия и уроки для православного священства и всего народа России на примере истории Карельского края	41
Анатолий Степанов. Монархия рушилась, а где же были монархисты? К 100-летию Февральской революции	76
Николай Коняев. Последнее пророчество Распутина. К 100-летию со дня злодейского убийства Григория Ефимовича Распутина	91

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Александр Проханов. Русское чудо	110
--	-----

Русские СУДЬБЫ

Владимир Малышев. Жизнь за Россию	116
Галина Кучина. Две актрисы.....	169

Дороги ВОЙНЫ

Борис Подопригора. Какой нам помнить ту войну? Заметки о генерале Владимире Молтенском.....	124
--	-----

ПАМЯТОСЛОВ

Николай Бурляев. «Быть первым на Руси — тяжелый крест»	139
Сергей Багров. На другом берегу. <i>Новые рассказы о Николае Рубцове</i>	147

Великая провинция

Никита Шевцов. Елена Наумова. Славный сын Карамзина	177
---	-----

ПРОЗА

Михаил Зарубин. Смерть Сталина. <i>Рассказы</i>	195
Виктор Потанин. Чародей. <i>Повесть</i>	295

На рубеже цивилизаций

Александр Вавилов. Битва за Алеппо	203
Алексей Подцероб. Предшественники современного политического ислама	238

Записки дипломата

Иржи Опршал. Воспоминания чешского дипломата	223
--	-----

Точка зрения

Ростислав Ищенко. Киев: внутривидовой отбор	247
Николай Милоченко. Дураки или негодяи?	264

ВЕХИ

В гостях у Василия Львовича Пушкина. <i>Наталья Листикова</i>	260
---	-----

ТРАДИЦИЯ

Петр Лосев. Старинные славянские обычаи как часть крестьянского мира	271
--	-----

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ольга Платонова. Философское в лирике Юрия Шестакова	281
--	-----

ЛЕСТВИЦА

Блаженный инок. Жизнеописание блаженного инок Владимира, Важеозерского чудотворца	290
--	-----

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Григорий КАЛЮЖНЫЙ МЕТАСТРАТЕГИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И «ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ» ПРОФЕССОРА Н. М. РАКИТЯНСКОГО

Григорий Петрович Калюжный — поэт, прозаик, публицист, литературовед, лауреат литературных премий им. Николая Островского, Вячеслава Шишкова и мн. др., родился в 1947 г. в городе Макеевка Донецкой обл. Окончил Кировоградскую школу высшей летной подготовки. Работал штурманом гражданской авиации на внутренних и международных авиалиниях. Автор пяти поэтических сборников, инициатор создания «Энциклопедии сел и деревень», председатель Правления и редактор одноименного издательства. Секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Истинной науке полагается рассматривать объект своего исследования на максимально возможных глубинах прошлого и перспективах будущего. В этом плане отечественной политической психологии необходимо не только предугадывать новые горизонты, но искать и находить понимание основ национальной субъектности и ментальной идентичности.

Решение этой задачи предполагает также изучение основ менталитета нашего извечного партнера-оппонента — исторического Запада. Тем более что некоторые современные авторы спешат предлагать свои рецепты по радикальному изменению «полуазиатского», «всеядного», «агрессивного» и прочего «российского менталитета» по западному эталону, не подозревая, с какой толщей бытия предстоит иметь дело.

Доктор психологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
Н. М. Ракитянский

Познание не есть отвлеченность. Познание не есть разрыв или раскол, не есть объединение расколотого. Познание есть брак познающего с познаваемым. Познание есть любовь познающего к познаваемому, и любовь эта — взаимная. Познание есть рождение в истине, порождение познающего с познаваемым такого третьего, в чем уже нельзя различить познающего и познаваемого, порождение той истины, которая уже не сводится ни на познающее, ни на познаваемое, а есть чудное потомство, поднимающее родителей на новую и никогда ранее не бывшую высоту. Для кого познаваемое — не родное, тот плохо познает или совсем не познает. Только любовь открывает очи и возвещает тайну познаваемого.

А. Ф. Лосев

В начале 1943 г. командующий 62-й армией Василий Иванович Чуйков прислал в село Серебряные Пруды Московской области письмо, где писал: «Мама, видно твоя молитва дошла до Бога: стояли по колено в крови, но Сталинград не сдали».

Полугодом ранее величайший отечественный мыслитель Алексей Федорович Лосев (1893—1988) закончил свою философскую повесть «Жизнь», в которой дал невиданное до него по своему масштабу и глубине сражение за сущностное осознание понятия Родины. Указывая на то, что непризнание Родины (равно как и отказ от своего национального менталитета. — Г. К.) неизбежно приводит людей к их разложению и собственному социальному самоубийству, Лосев, в частности, пишет в ней: «Всем этим “передовым” людям, стыдившимся говорить о Родине, соответствовала и философия, тоже всегда стыдившаяся таких конкретных вещей и видевшая научность только в отвлечениях рассудка. Философы говорили об “общем” и стремились к “обобщениям”. Но что это за “общее”, что это за “обобщение”? Законы природы и общества, законы субъекта и объекта, — вовсе не есть реально-жизненное общее. Это — головное, рассудочное общее. Великие мыслители Нового времени доходили до больших обобщений, но ни в “мышлении” и “протяжении” Декарта, ни в монадах Лейбница, ни в боге Спинозы, ни в трансцендентальной апперцепции Канта, ни в абсолютном “Я” Фихте, ни в Мировом духе Гегеля нет этого родного, этого родственного, этого отцовского и материнского начала, нет Родины. Это — холодные, абстрактные истуканы рассудочной мысли, головные построения, которые не волнуют человека, не будят в нем жизненных сил и страстей, не зовут на борьбу, на бой, на жертву. Это — головное общее, мыслительное общее; и это не то общее, откуда происходит реальный человек со своим человеческим телом и человеческой душой, откуда он родился, что есть его родительское лоно, что есть его Родина. Человек — чужой всему этому; и трансцендентальная апперцепция, как темная, злобная и свирепая тюрьма духа, гноит человека, губит человека, безжалостно и по-звериному гложет его и — умерщвляет его — в одиночестве, в покинутости, в чудовищной изоляции ото всего, в застенке собственной субъективности».

По сути, Лосев здесь говорит открытым текстом о том, что именно на Западе была создана полномасштабная, многоэшелонированная философия по отсечению, отвлечению человека от понятия Родины и увлечению его в никуда.

Естественно, что слепое увлечение частью русской интеллигенции таковой философией привело ее к отпадению от пути Христовой Благодати и принятию чуждых несовместимых с отечественным менталитетом ценностей. Именно уход всякого рода романтиков от исконной Родины в революционные и другие эмпирии обернулся в 1917 г. не только для них самих, но и для всего российского народа Голгофой.

Почему так? Да потому, что, в отличие от романтически настроенных мечтателей, истинной целью «благотетелей» от международного интернационала, возглавивших революцию, было не всеобщее благоденствие, как они об этом заявляли, а полное разрушение российской государственности, всецело основанной на русском менталитете, ядром которого, по авторитетному мнению видного политического психолога Николая Митрофановича Ракитянского, является — человеколюбие.

Именно православное человеколюбие не только сплотило, но и сроднило все племена и народы России независимо от их вероисповедания. Во всяком случае, никто из них за всю ее историю не исчез, а некоторые, как например татары, многократно умножились. Как видим, менталитет само по себе явление настолько значимое, что без него бытие того или иного народа и представить невозможно. Тем не менее понятие о нем зачастую сводится к механическим определениям типа того, что оный является всего лишь совокупностью особых характерных черт — психических, культурных, умственных и т. д. своего носителя.

Кроме того, менталитет нередко подается широкой аудитории как экзотический, чуть ли не из области развлечений, факт. Я много раз бывал в доме А. Ф. Лосева еще при его жизни, где он не единожды повторял, что фактам, как таковым, доверять нельзя, ибо ими можно вертеть как угодно — нужно знать историю, природу факта!

Исследуя менталитет, как метапсихологическое явление человеческого бытия, Н. М. Ракитянский, прежде всего, указывает на его трансцендентную, выходящую за рамки обыденного понимания природу и подчеркивает, что феномен такового объясняется, в конечном счете, его религиозным происхождением. То есть «любой менталитет формируется и развивается на основе веры».

А. Ф. Лосев в своей книге «Диалектика мифа»¹ весьма обоснованно утверждал, что Знание не может существовать без веры и в сущности своей есть не что иное, как вера или ее вид. Развивая это утверждение в статье «Догматические основания англо-американской ментальной экспансии», Н. М. Ракитянский не менее обоснованно пишет: «Вера, как вид знания и понимания материальной и метафизической реальности, всегда была и будет одной из самых глубинных основ менталитета. Вера, в качестве базисной психической функции, выступает своего рода стержнем, на который нанизывается вся структура национального менталитета»².

В качестве подтверждения этому Н. Ракитянский приводит по существу неотразимое высказывание классика античности Плутарха (ок. 45 — ок. 127 г. н. э.): «Обойди все страны, ты можешь найти города без стен, без письменности, без правителей, без дворцов, без богатств, без монеты, но никто не видел еще города, лишённого храма и богов, города, в котором не воссылались бы молитвы, где не клялись бы именем Божества». И далее, в этой же статье: «Вера формирует смыслообразующие устремления человека, вектор мышления и воли, которые программируют его жизнь и деятельность, его воззрения, намерения и поступки. Вера определяет первичную систему знаний, структуру ментальной матрицы, наполняет ее содержание. Более того, вера обуславливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, ее экономический уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов, государств, каждого отдельного человека».

Из вышеизложенного следует, что природа любого менталитета в немалой мере заключена в сущности веры, его породившей. А вера, по

¹ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Академический проект, 2008. (Философские технологии). С. 257.

² Ракитянский Н. М. Феномен англо-американской ментальной экспансии в контексте психологии веры // Информационные войны. 2009. № 4. С. 78–89.

блистательному изречению А. Ф. Лосева, является высшей формой самоутверждения человека в вечности. Воистину так! Ибо нет ничего кроме веры, что могло бы быть безусловным основанием для такового. Вот почему Н. М. Ракитянский приходит к естественному выводу о том, что «любой менталитет догматически утверждается через веру и его основание и структура не определяется ни через что иное». Отсюда логически вытекает не менее важный вывод Н. М. Ракитянского о том, что практически в любой цивилизации мировоззренческая система имеет свое априорное ядро.

В диалоге «Что движет народами?» он говорит: «Если возьмем пространство мировоззрения, в нем есть ядерное основание, которое мы определяем как смысл жизни. Но и в понятии “смысл жизни” тоже есть свое ядро. В монотеистических (т. е. основанных на единобожии. — Г. К.) менталитетах таким ядром является религиозная вера как высшая ценность и способ самоутверждения народа и каждого человека в вечности. Так возникает своеобразная система таких ядерных образований, где ядром веры является догмат как высшая истина бытия, имеющая трансцендентальный характер».

Таким образом, менталитет, в свою очередь, является ядерным образованием, представляющим духовную субстанцию народа, которая имеет свойство постоянно воспроизводить свою суть. Точнее, менталитет во взаимодействии с новыми условиями жизни непременно воспроизводит именно то, что заложено в народе искони, благодаря чему только и возможна преемственность поколений и, естественно, взаимопонимание между народами.

Но осознание роли менталитета в жизни любого народа, и прежде всего русского, будет недостаточным, если не сказать, что в его состав самым что ни на есть естественным образом входит понятие Родины. А. Ф. Лосев в упомянутой ранее философской повести пишет: «Всякая философия, которая не кончается учением о Родине, есть наивная и ненужная философия. Ее “обобщения” слишком узки и ничтожны; ее “познание” слишком нежизненно, ее “мир” и “бытие” — пустота и тюрьма, всезлое и иступление рассудка, безличное распятие живого духа на Голгофе собственного жалкого самообожествления».

Нужно сразу сказать, что все столь критические заявления А. Ф. Лосева, где бы они ни были, всегда глубоко и неопровержимо обоснованы им. Благодаря этому мы можем непосредственно от него получить истинное представление о том, что есть и что не есть Родина, а заодно с этим приобрести к его чудотворному, подобному Божественной Симфонии, учению о ней.

Вот некоторые фрагменты из этого учения, необходимые для цели данной статьи: «Родина есть общее, но не мыслительно, не логически только общее, а физически и социально общее. Родина есть не то общее, которое только сформулировано в голове, занумеровано, проштемпелевано и зарегистрировано в науке. Родина есть то реальное общее, которое меня реально породило с моим человеческим телом и с моей человеческой душой. Это общее — потому родное мне, родственное мне. Здесь мой отец и мать, не физически только, а для всего того, что во мне есть, и для личности мой отец и мать, и для социальности моей отец и мать, и для духовной жизни моей родители и воспитатели...» «...Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины — это и есть вечная жертва. От самого понятия жертвы философы

так же далеки, как и от понятия Родины. Говорят о поведении, о действии, о моральных и неморальных поступках, наконец, даже о “любви к ближнему”, но в философии не принято говорить о жертве, несмотря на то, что вся человеческая и животная жизнь есть сплошная жертва, вольная или невольная, и несмотря на то, что единственный способ осмыслить бесконечные человеческие страдания — это понять их жертвенный смысл.

Жертва везде там, где смысл перестает быть отвлеченностью и где идея хочет, наконец, перейти в действительность. Только головные измышления нежертвенны. Малейшее прикосновение к жизни уже приближает к нам жертвенную возможность... Вся жизнь, всякая жизнь, жизнь с начала до конца, от первого до последнего вздоха, на каждом шагу и в каждое мгновение, жизнь с ее радостями и горем, с ее счастьем и с ее катастрофами есть жертва, жертва и жертва. Наша философия должна быть философией Родины и Жертвы, а не какой-то там отвлеченной, головной и никому не нужной “теорией познания” или “учением о бытии или материи”.

В самом понятии и названии “жертва” слышится нечто возвышенное и волнующее, нечто облагораживающее и героическое. Это потому, что рождает нас не просто “бытие”, не просто “материя”, не просто “действительность” и “жизнь”, — все это нечеловечно, надчеловечно, безлично и отвлеченно, — а рождает нас Родина, та мать и та семья, которые уже сами по себе достойны быть, достойны существования, которые уже сами по себе есть нечто великое и светлое, нечто святое и чистое. Веления той Матери-Родины непререкаемы. Жертвы для этой Матери-Родины неотвратимы. Бессмысленна жертва какой-то безличной и слепой стихии рода. Но это и не есть жертва. Это — просто бессмыслица, ненужная и бестолковая суматоха рождений и смертей, скука и суэта вселенской, но в то же время бессмысленной животной утробы. Жертва же в честь и во славу Матери-Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственно только и осмысливает жизнь. Преступление, жестокость, насилие, человеконенавистничество, — все это ополчается на нас и на нашу Родину. Но все это только и можно, только и нужно одолеть ради благоденствия Родины. Возмутиться отдельным преступным актом и вступить с ним в борьбу — мало. Это и всякое животное вступит в борьбу за то, что оно считает принадлежащим себе. Нет, побороть противника не ради себя, и не ради своей идеи, и даже не ради только ближнего, а ради самой Родины, — вот где подлинное осмысление всякой человеческой борьбы против зла».

Столь обширное цитирование здесь А. Ф. Лосева вызвано необходимостью по возможности подготовить прежде всего неискушенного читателя к восприятию весьма неординарной теории менталитета Н. М. Ракитянского, которая по сути затрагивает буквально всех соотечественников.

Вместе с этим не менее важно было показать сколь мощно и органично Родина и менталитет народа взаимосвязаны между собой. Прискорбно, но сегодня лосевское утверждение о том, что «Родина требует жертвы», что «сама жизнь Родины — это вечная жертва» — вызывает у немалой части молодых людей недоумение, а некоторые из них встречают его даже в штыки.

Но для нашего с Н. М. Ракитянским послевоенного поколения эти слова А. Ф. Лосева звучат как непреложная истина в ее последней инстанции. Ведь мы, тогдашние дети победителей (!), прямые свидетели того, как наша

страна без какой-либо зарубежной помощи подымалась из праха, из руин. Все, буквально все было подчинено возрождению Родины, без которой ни о каком будущем не могло быть и речи. Никаких сомнений на этот счет ни у кого тогда не было, ибо наши педагоги действовали по принципу: без воспитания нет образования.

Помню, в школе учительница процитировала высказывание из творчества Владимира Галактионовича Короленко (1853—1921) о том, что «человек рожден для счастья, как птица для полета», которое вызвало горячую дискуссию на тему: «Что такое счастье и существует ли оно вообще в действительности?».

Ведь мы, уже повзрослевшие отроки, видели вокруг себя только жертвенную жизнь. К тому же и русская литература счастливыми персонажами нас отнюдь не баловала. Да и среди самих поэтов и писателей, осененных счастьем, что-то не наблюдалось. Прибавим к этому и то, что сам Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837) обронил недвусмысленно: «Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него».

Скорее всего, вопрос о счастье так и повис бы в воздухе, если бы учительница не подвела итог: «Счастье — это когда нет войны, есть хлеб и не приходят похоронки!» Все с нею согласились, и тема была на корню закрыта.

Однако с возрастом, как оказалось, вопрос о счастье так и остался вопросом. Я знаю в русской литературе только одного человека, который разрешил его, по крайней мере, для себя, и оповестил об этом читателей своим невольным признанием: «Мне для счастья надо лишь иметь То, что меня заставило запеть!» Этим человеком был Николай Михайлович Рубцов (1936—1971), умевший задавать себе почти неразрешимые вопросы и отвечать на них предельно просто и ясно и, как правило, языком поэзии.

Однако зададимся и мы вопросом: что это за сила такая, что не просто позволила, а именно заставила не терпевшего никакого насилия, вечно бесприютного Рубцова запеть, да еще и чувствовать себя при этом совершенно счастливым? Может быть, поэт оговорился? Но вот еще из этой же серии признание: «О чем писать? На то не наша воля!..» И далее вспомним здесь другое стихотворение, в котором есть исчерпывающий ответ на поставленный нами вопрос:

*...Вот так поэзия, она
Звенит — ее не остановишь!
А замолчит — напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.*

*Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее...*

Истинная поэзия, как одна из ипостасей духовной субстанции народного менталитета, как раз и была той животворящей силой, которая диктовала Рубцову свою волю и наполняла его душу музыкой любви к Родине. Ему ничего не надо было выдумывать, ибо он жил ею и выражал не только ее

вселенский смысл, но и ее судьбу. В 1964 г., когда наша страна, став космической державой, была на вершине своего могущества, он писал:

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.*

Перед нами не прогноз, не предсказание, а констатация уже произошедшего! После перестройки, едва не обрушившей нашу страну в пропасть, нет никакого сомнения в том, что под словом «они» Рубцов имел в виду прежде всего своих соотечественников, лишенных исконного менталитета Родины, а значит, и чувства всеобщего самосохранения, которое невозможно без национального самосознания, вырастающего из глубин освященной литургическим временем субъектности.

В диалоге «Не в силе Бог, а в правде», опубликованном в «Вестнике актуальных прогнозов» 2007, № 14, Н. М. Ракитянский говорит: «Каждый великий народ с момента своего становления преодолевает во времени систему кризисов, разрешая которые он становится субъектом своей истории. Сегодня ведется провокационная работа против нашей субъектности. Имею в виду все эти упорные разговоры о том, что русских, как народа, не существует... При всех искажениях в национальной политике СССР, свою русскую субъектность мы все-таки имели. Посредством, в первую очередь, языка, русских традиций и обычаев, великой русской культуры и нашей уникальной истории. Посредством, наконец, нашей Великой Победы. Проблема в том, все это наше еще не стало достоянием большинства или хотя бы некой критической его массы, а ведь субъектность — такое качество менталитета, такая его сторона, которая развивается и крепнет в постоянных духовных усилиях. Субъектность — это еще и знание себя, понимание своих “хочу”, “могу”, и “должен”. И это всегда ответственность...».

Приведенное высказывание Н. М. Ракитянского весьма созвучно выводам директора «Центра ноосферной защиты им. Н. Д. Зелинского» Андрея Николаевича Зелинского, выдающегося исследователя в области литургического времени Христианской культуры, который в диалоге с Георгием Благовещенским («Время России» 2010), в частности, говорит о том, что каждая традиционная культура, как религиозно-философская и литургически организованная система, берет свое начало во времени от определенного момента — «пусковой точки традиции».

Но традиция без субъектности невозможна! Отсюда следует, что традиция и субъектность запускаются одновременно. Для христианского сознания такой «точкой запуска» является дата Рождества Христова. И далее А. Н. Зелинский указывает на то, что существуют духовные скрепы, которые связывают культуру со временем и позволяют говорить о времени не просто как о физической, математической или физиологической системе, но как о системе, пытающейся в этом временном мире закрепить вечное. Этой точкой зрения А. Н. Зелинский по существу подтверждает убеждение А. Ф. Лосева, а за ним и Н. М. Ракитянского о том, что вера является высшей формой самоутверждения человека и целого народа в вечности. Таким образом, мы видим наглядный пример того, как благочестивые ученые

мужи, казалось бы, отличных друг от друга научных направлений объединяются в истине, а все потому, что все истинное в мире взаимосвязано.

Не лишним доказательством этому может служить весьма необходимый для осознания сакральной сути русского менталитета разбор А. Н. Зелинским календарной истории в названном выше диалоге. В нем для нас важно то, что в России со времени принятия Православия, т. е. с 988 г., действовал Юлианский календарь, ставший литургическим календарем всего христианского мира. Естественно, что всякий календарь связан со своей религиозной традицией. С православной точки зрения, с распятием Иисуса Христа Ветхозаветное человечество умерло, а с Воскресением Спасителя родилось Христианство. Таким образом, в Крестной смерти Спасителя и Его Воскресении сосредоточивается для христиан центр времени. Вся суть христианского таинства освящения времени, суть новозаветной литургии, заключена в этой бескровной жертве. Причем освящение и преобразование времени касается не только человека, но и всей христианской вселенной, всего Космоса.

А. Н. Зелинский обращает особое внимание на то, что в Юлианском календаре, кроме суточного и годового ритма, существует и недельный ритм. И эта космическая седмица есть отражение божественной седмицы, связанной с шестодневом творения. Семь ступеней Бытия приобретают истинный смысл через седмицу страстей Христовых, поскольку Воскресением в конце ее оправдывается Время — «смертью смерть поправ». Из этого следует, что весь земно-космический ритм гармонично сочетается с духовным смыслом литургического ритма, связанного с проведением центрального праздника Пасхи и всей сакральной системой взаимосвязанных между собой церковных праздников, чтений, литургий на весь год. В этом ритме более тысячи лет самоорганизовывалась культура нашей православной русской цивилизации, осуществлялась ее подлинная история.

Далее А. Н. Зелинский подчеркивает, что литургический ритм, ритм священнодействия непрерывен во времени, и если он искусственно перебивается с какими-то, якобы благими целями, то этим нарушается и всеобщая ритмическая гармония, которая пронизывает весь Космос. Тогда ломаются литургические часы и восстановить земно-космическую гармонию весьма сложно.

Православный Юлианский календарь столетиями определял не только годовой богослужебный круг, но он также слился с историческими событиями государственного значения. Поэтому его замена на Григорианский католический календарь в 1918 г. привела к тому, например, что знаменательные даты России лишились своего сакрального смысла, а крещенные люди оказались отъятыми от богоданных им Святых Покровителей. Так, при помощи лохотронной аферы была осуществлена подмена времени, которая вызвала аритмию памяти у одного из величайших народов мира, превратив его последующие поколения в Иванов, не помнящих родства. Слава Богу, Сталин, имевший церковное образование, в 1937 г. остепенил, если не всех, то многих из этих мировых лохотронщиков, действуя их же методами. А методы их были таковыми, что, по расчетам выдающегося мыслителя XX века Вадима Валериановича Кожинова (1930—2001), только с 1918 по 1922 г. погибло не менее 25 миллионов человек, что, по его же мнению, чуть ли не превышало наши людские потери за всю Великую Отечественную вой-

ну, хотя в Гражданскую не было сравнимых с ней сражений, как не было в ее пределах и такого громадного количества бойцов. Выходит, что у нас была не столько Гражданская война, сколько бойня мирного населения, включая женщин, стариков и детей, то есть — геноцид! Попросту говоря, уничтожались носители русского менталитета с попутной целью вызвать вселенский ужас перед новой властью.

В журнале «Союз национальностей» № 1 за 2016 г. в диалоге «Русские Витязи на чужбине» сын эмигрантов первой волны и один из руководителей основанной еще в 1923 г. «Национальной организации Витязей» Сергей Юрьевич Иванов рассказывает о том, как миллионы русских людей после октябрьского переворота 1917 г. были вынуждены спасаться за рубежом от смертельной опасности. «Среди них оказались все слои населения царской России — от высших до низших сословий, от интеллигентов до рабочих и крестьян, от студентов до подростков».

Будучи национальной организацией, «Витязи» никогда не занимались политикой и не принадлежали никакой партии. Главной и единственной их целью было сохранить русскость среди молодежи, т. е. спасти русский менталитет для будущих поколений, как высочайшую ценность и святыню. Конечно, многострадальный опыт «Витязей» не канет в Лету и, без всякого сомнения, послужит бесценным вкладом в дело возрождения нашей общей Родины. Однако на этом пути придется преодолеть немало трудностей и всевозможных опасностей, на которые так или иначе указывает в своих статьях Н. М. Ракитянский, воистину утверждающий, что все упирается в субъектность!

В диалоге «Не в силе Бог, а в правде» он, в частности, говорит, что одна из наиболее значимых проблем: народ и власть. Когда власть и народ — не враждующие стороны, как бывало практически всю нашу историю, то и субъектность такова, что ей не грозят чудовищные разломы». Иначе говоря, угрозы нашей субъектности находятся не столько во вне, сколько в нас самих.

Исходя из этого, Н. М. Ракитянский предлагает сформулировать идею национальной безопасности не как оборону от нападения (нас бьют — мы защищаемся), а как достижение конкретных целей, необходимых для возрождения русского национального самосознания, что естественно и подобно приходу весны. С этим нельзя не согласиться, ибо достижение поставленных необходимостью целей может быть таковым, что и нападений никаких не будет.

Однако вернемся для дальнейшего осмысления заявленной темы к изложенной ранее концепции литургического времени А. Н. Зелинского, всю суть которой выразила его соратница по духу и творчеству Юлия Григорьевна Шишина в формуле: «Культура — это литургически организованное сознание народа». Из этого следует, что литургические часы, так же как и понятие Родины, являются ментальной сущностью. Таким образом, национальный менталитет, в данном случае русского народа, представляет собой даже не просто компас, а курсовую систему духовной навигации, завязанной на его историческом призвании, выраженном в стремлении к Благодати Божией, как к национальному идеалу. Это стремление зафиксировано в «Слове о Законе и Благодати» киевского митрополита (1051–1054) Илариона как благая весть о случившемся:

*О Законе Моисеем данном,
И о Благодати и истине,
В Иисусе Христе явившихся;
О том как Закон отошел,
А Благодать и истина всю Землю исполнили,
И вера на все языки простерлась,
И на наш народ русский.*

Перевод с древнерусского В. Я. Дерягина

Говоря современным языком, Иларион в своем «Слове...» заявляет об установлении обратной связи между Небесным Вседержителем и земным Самодержцем, чем и было положено начало русской православной государственности, основанной на человеколюбии и веротерпимости. Таким образом, на русского Самодержца налагалась, освященная свыше, ответственность за сохранение всех своих подданных, независимо от их вероисповедания. Причем за все свои решения и поступки он был подотчетен одному только Господу Богу.

В этом смысле все земные обвинения в адрес русских Самодержцев, от кого бы они ни исходили, являются не более чем фикцией, говорящей либо об умопомрачении обвинителя, либо о его антихристианском происхождении. Во всяком случае, мы не знаем ни одного обвинения такого рода, которое бы не рассыпалось в пух и прах при внимательном рассмотрении его исторической и божественной природы.

К примеру, многочисленные обвинения Ивана Грозного (1530–1584) в его якобы бессмысленной жестокости к своим подданным ничего общего с истиной не имеют. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с его Царским Словом, произнесенным на Земском «Соборе примирения» 27 февраля 1549 г., где он оповестил соборян о своем решении привести всех в любовь и согласие. Противникам этому и прочим лихоимцам он дал целых 15 лет для образумления. И только в 1564 г. начались первые гонения на бояр и вельмож, прежде всего за «Великие измены».

Такие действия Царя, возглавлявшего Третий Рим в образе Святой Руси, а значит, и отвечавшего перед Самим Господом за судьбу Православия на Земле, говорят о его воистину вселенской вменяемости! А тем, кто не видит в нем, по своему недомыслию, исполнителя Божьего Промысла, укажем на то, что русский народ прозорливо прозвал Иоанна — Грозным, то есть — Бичом Божиим, который свищет, когда кончается терпение свыше.

Здесь мы, по сути, вернулись на новый уровень к ранее приведенному утверждению Н. М. Ракитянского о том, что «любой менталитет формируется и развивается на основе веры». Вернулись в той мере, которая позволяет получить хотя бы общее представление о личности Помазанника Божьего, олицетворяющего Православную веру, из коей проистекают, в пределах десяти заповедей, все его властные действия, приводящие сограждан к единению и жертвенной жизни ради общей Родины, породившей нас.

Не случайно вера в Царя-батюшку, что бы ни происходило на Руси, была незыблемой. И в этом заключалась отнюдь не блажь или ограниченность народа, а его великая мудрость и сакральное знание того, что с отсутствием Царя у людей словно отнимается разум и душами их овладевают бесы. Народ был уверен: Царь противостоит Антихристу, который посягает

на само его существование. К слову, выражение «без царя в голове» применялось, главным образом, к тем, кто не верил в Бога или поступал не по-божески. Об этом мне говорил Олег Васильевич Волков (1900–1996), которого в Европе называли образцом русского человека и даже «визитной карточкой России». А французский посол Морель, при вручении ему высокой награды Франции, в том числе и за книгу «Погружение во тьму», уподобил его библейскому пророку Иову.

Но обратимся, наконец, к фламану ментальных исследований в области глобальных политических миров Н. М. Ракитянскому, который, изначально занимаясь труднейшей проблемой взаимопонимания между отдельными людьми и народами, однажды задался вопросом: «Почему правящие элиты англо-саксонского мира — в первую очередь Англии и США, составляя в количественном отношении абсолютное меньшинство, стремятся управлять всем миром и навязывать всем свои образцы, стандарты и ценности. Как получилось, что политическое сообщество численностью примерно 500 миллионов человек управляет семьей миллиардами людей, населяющих планету?»

Так сложилось новое направление научного поиска, названное Ракитянским, пока условно, «метапсихологическим». Почему мета? «Мета» означает переход на иной, более высокий уровень обобщения и понимания, который обеспечивается соединением возможностей психологии, философии, истории, политологии, лингвистики, богословия и других наук. Означенный синтез позволяет сфокусировать максимальный исследовательский потенциал для ответа на поставленный вопрос.

За точку отсчета Н. М. Ракитянский взял догматические основания мышления, которые длительное историческое время преобладают в политических сообществах. Это был смелый и даже чуть ли не противоестественный подход. Почему? Потому что в России, начиная с XIX века (случайно ли? — Г. К.) формировалось жестко отрицательное отношение к понятиям «догма», «догмат» и «догматика». Современное сознание воспринимает эти слова крайне негативно, как олицетворение устаревшей церковной системы, которая, якобы, состоит из сплошных ограничений и запретов, мешающих свободному развитию личности. Развенчивая этот миф, Н. М. Ракитянский указывает на то, что религиозные догматы говорят только о Боге. В христианстве, самой догматической религии мира, не существует догматов, которые регламентируют повседневное поведение человека или говорят о том, какой должна быть культура, право, наука, экономика или политический строй. Всякий, кто удосужится ознакомиться с одностраничным «Символом Веры», который содержит краткое и точное догматическое изложение сущности христианского вероучения, убедится в этом.

Свой ответ Н. М. Ракитянский, на им же поставленный вопрос, дал в уже упомянутой здесь статье «Догматические основания англо-американской ментальной экспансии». Эту статью, ввиду ее чрезвычайной познавательной важности, необходимо прочесть каждому, кому дорого будущее нашего Отечества. Мы же скажем, что в ней весьма убедительно изложено то, как под видом глобализации англо-американцы ведут ментальную войну против неудобных им стран и, прежде всего, против России.

Цель этой войны, голосом оракула из преисподней, озвучил один из ведущих идеологов внешней политики США Збигнев Бжезинский, который заявил: «Мировой порядок будет строиться против России, за счет России и

на руинах России». То есть речь идет об уничтожении русского менталитета с последующим обрушением российской цивилизации.

Подобные заявления мир уже слышал от Гитлера, мнившего, что имеет дело с колоссом на глиняных ногах. Ему и в голову не приходило, что Россия в гораздо большей мере небесная страна, нежели земная, что у нее кроме ног есть еще и вселенские крылья. Нынешние ее недоброжелатели, так же как прежние, и помыслить не могут, что замахиваются на спящий Русский Дух, который просыпается, когда кончается терпение свыше. Исследуя отечественный менталитет как метапсихологическое явление человеческого бытия, Н. М. Ракитянский прежде всего указывает на его трансцендентальную природу. То есть на то, что просчитать его обыденным, прагматическим умом невозможно. Об этом же в 1866 г. писал Федор Иванович Тютчев:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*

Кроме англо-американского менталитета Н. М. Ракитянский провел в рамках принятого им подхода исследования по иудейскому менталитету, исламскому и польскому, которому посвящен фундаментальный труд «Россия и Польша» (М.: Институт русской цивилизации, 2011, 938 с.). Эта книга не имеет аналогов не только как пособие для правящих элит лимитрофных государств, расположенных на границах России, но и как первое психолого-политическое исследование исторических реальностей во взаимоотношениях России и Польши.

Книгу отличает доброжелательная объективность и безупречная доказательность. Нужно сказать, что исследовательским текстам Н. М. Ракитянского вообще свойственна максимальная сущностная мыслемкость. В этом смысле они весьма полезны и как внеклассное чтение старшеклассникам.

Одной из важных заслуг Н. М. Ракитянского является то, что он своим метапсихологическим подходом включил в цепочку востребованных уникальные работы таких больших ученых, как А. Ф. Лосев, А. Н. Зелинский и другие. И, в результате, показал, что национальный менталитет, являясь объектом нападения со стороны недоброжелателей России, вполне может быть как «многоядерное» трансцендентальное образование, весьма эффективным оружием отражения этого нападения.

Отец Н. М. Ракитянского прошел Великую Отечественную войну офицером противотанковой артиллерии. Думаю, что его сын может обратиться к нему в Царствие небесное со словами: «Отец! Видно, наша молитва дошла до Бога. Стояли по горло во вражде и клевете на нашу Родину, но русский менталитет ни внешним, ни внутренним супостатам не сдали».

Известно, что любой менталитет выражается через своих носителей, а по сему за Н. М. Ракитянским стоит земная и небесная Россия, а за Бжезинским — преисподняя.

Связь ВРЕМЕНИ

*В начале было Слово.
Первая строка Евангелия
от Иоанна «Новый Завет»*

*Этот день
мы приближали как могли.
Владимир Харитонов*

Ольга ИВАНОВА

КРЫМ К РОССИИ ПРИБЛИЖАЛИ КАК МОГЛИ...*

Ольга Алексеевна Иванова — член Союза писателей России, заслуженный деятель искусств Автономной Республики Крым, лауреат Всероссийской премии им. Н. С. Гумилева, Премии Автономной Республики Крым, лауреат Золотой медали «Василий Шукшин». Живет в г. Симферополе, Крым.

**Печатается в сокращении.*

О возвращении Крыма в состав России написано много. Надеюсь, много еще будет написано. Однако Крымская весна родилась не на пустом месте. Расскажу, как боролись крымчане с украинским зомбированием, как стремились спасти сознание детей, как сама история прошла живой нитью через меня и мою семью. Расскажу, чтобы мои внуки и правнуки никогда не забывали этого и никогда не молчали, столкнувшись с ложью.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОЧЕМУ НЕ ОБРАДОВАЛИ ЗАПАХИ ПЕРЕМЕН?

*Я же плачу в бессилье
В беспризорном Крыму.
Ты ответь мне, Россия,
Почему? Почему?*

Александр Байгушев

Пресловутые девяностые годы. Прекрасный свежий запах только что объявленной политиками перестройки вдруг сменился зловонием лжи, лицемерия, исторических подтасовок и изощренно хитрым низвержением всего (именно всего!), что было свято. Началась яростная атака на сознание людей через средства массовой информации, педагогические инновации разного рода.

Впрочем, почему началась? Именно тогда я вспомнила и не уставала озвучивать слова моего отца Алексея Филипповича Юдина — офицера, капитана Советской армии, командира 5-й артиллерийской батареи 19-го полка 4-й противотан-

ковой бригады 1-й армии Войска Польского¹, сказанные мне, пятилетней девчухе:

— Никогда, слышишь, никогда не смей рассказывать анекдотов о Чапаеве, о Пушкине. Сама не рассказывай и не позволяй другим.

Я не знала еще анекдотов, но отцовский завет приняла безоговорочно.

Уже тогда, в пятидесятые, атака на людские умы даже не готовилась, она просто не прекращалась со времен Великой Отечественной войны, участником которой был папа.

После победных салютов война продолжилась, но имела другую форму (информационную) и велась уже с нами, детьми героев, а позже с нашими детьми и внуками. Она велась «ненавязчивыми» идеологическими средствами. Потихоньку, вкрадчиво, исподволь просачивался анекдотический смехок, чтобы закралось сомнение: а были ли герои, а все ли верно в учебниках истории? Распространению этой интеллектуальной заразы помогали псевдоисторики, вбрасывая и вбрасывая в информационное пространство сенсационные «открытия». И снова отец-историк посадил меня, уже студентку, перед собой и сказал:

— Запомни, крепко запомни, когда уйдет мое поколение (я имею в виду зрелых мужчин, прошедших войну), когда среди ветеранов останутся мальчишки, пришедшие на фронт под крики «ура», нашу историю перепишут.

На мое удивление он только ответил:

— Посмотришь.

После паузы добавил:

— Каждое историческое событие нужно оценивать не с позиции современности, а с позиции того исторического момента, который рассматривается.

И еще помню общение с мамой. Мне было года два-три, не больше. Мама спрашивала, как зовут меня, мою сестру, родителей, бабушек, дедушек, сколько мне лет, по какому адресу живу, а потом:

— Ты русская.

Я это уже знала, но с радостью повторила:

— Я русская! — И, чтобы показать свою осведомленность, продолжила:

— Я живу в России!

— Нет, — сказала мама, — мы раньше жили в России. Сейчас мы живем на Украине.

Я испытала какое-то чувство разочарования, предательства.

— Не хочу, поехали домой! Я хочу жить в России, потому что я русская. Зачем мы уехали на Украину?

— Глупышка, мы никуда не уезжали. Мы живем в Крыму. Он всегда был российским. Но Крым передали Украине. Хрущев подарил.

— Не хочу! Почему вы с папой согласились? Я русская, я хочу жить в России!

¹ Лучшие советские офицеры возглавили воинские подразделения Войска Польского. В составе 1-го Белорусского фронта отец освобождал Белоруссию, Польшу, Германию от фашистов. Награжден тремя орденами Отечественной войны 2-й степени; многими медалями, в том числе: «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За освобождение Варшавы». В книге Н. А. Матышчука «Не щадя собственной жизни. За строкой дневника» (г. Симферополь, «АнтикВА», 2007 г.) в предисловии и на с. 207–220 есть сведения о моем отце, а также в переизданной книге в 2009 г., с. те же.

— Понимаешь, доченька, мы живем в Советском Союзе. Он объединяет Россию, Украину, другие республики. В Советском Союзе все равны.

Мамин ответ не удовлетворил меня:

— Вырасту и уйду в Россию.

Разговоры с отцом и матерью, всегда интересовавшие меня, смогли намертво закрепить в моем детском сознании и чувство интернационализма. К слову, моя семья интернациональная, и среди друзей у меня — украинцы, евреи, армяне, узбеки, грузины, поляки. Многолетние доброжелательные беседы стали незыблемыми камнями в фундаменте моих самосознания и мировоззрения, крепчавших с каждым годом под воздействием книг и встреч со взрослыми людьми, к которым я всегда необоримо тянулась, поэтому, когда рушились социалистические устои, уничтожалась идеология, на которой росло мое поколение, я четко понимала, что перестройка пошла совсем не тем путем, и, ожидая приближение огромной беды, по мере моих сил и возможностей отодвигала ее и противостояла ей, как могла — Словом.

Так было не только в моей семье, ведь она самая рядовая, как многие семьи крымчан. И далее, когда будет написано «я», «члены моей семьи», смело можно читать «крымчане».

ГЛАВА ВТОРАЯ. НЕ МОГЛИ МОЛЧАТЬ

*Время тяжкое сгорбило спину,
А в душе у него наяву —
Что не он прикурить дал Берлину,
А враги захватили Москву.*

Александр Трибушной

1. Через прессу — в массы

Украина стала «нэзалэжной», но Крым продолжал оставаться в ее составе, стало понятно, до поры до времени крымчан будут обкатывать «по хорошему», потому что не подготовлена проукраинская массовка. Вспомним хотя бы телевидение первых «нэзалэжных» дней: череда бесконечных гопаков и ансамблей бандуристов, перемежающихся новостями «дэржавною мовою» и художественными фильмами киностудии им. А. Довженко. С экрана телевизора исчез русский язык, не стало русскоязычных радиопередач, стали закрываться многие крымские газеты, журналы. Стало ясно: страной взят курс на сплошную украинизацию. Это же позволило осознать очевидность: во-первых, украинским идеологам еще только предстоит родиться; во-вторых, долго такое положение дел продолжаться не может; в-третьих, русские и русскоговорящие не должны сидеть сложа руки, чтобы не утратить русскую идентичность, русскую и общеславянскую культуру, они могут противостоять надвигающемуся засилью исторических искажений и идеологических метаморфоз.

Под воздействием западной пропаганды, которая не заставила себя ждать, из газет, в том числе крымских, стали пропадать материалы о Великой Отечественной войне, она все чаще стала именоваться Второй мировой, исчезли слова так или иначе связанные с советской действитель-

ностью и имевшие для многих жителей Советского Союза первостепенное значение. Сначала гражданская позиция, чувство патриотизма, сами эти понятия «вышли из моды», потом и вовсе исчезли. Понятно, свято место пусто не бывает. Все чаще украинские вояжеры с трибун рассказывали, что крымчане должны понять украинцев, встречавших в Киеве гитлеровцев хлебом-солью, и «примирить» ветеранов Великой Отечественной войны с предателями Родины, стрелявшими советским воинам в спину в украинских лесах, признать героями выродков УПА.

Как педагог и писатель, взяв родительский завет за основу, я стала все чаще выступать перед школьниками, студентами, взрослыми читателями, рассказывая то, что было мне известно о Великой Отечественной войне, подчеркивая, что Великую Победу мы смогли одержать благодаря патриотизму и интернационализму советского народа. Рассказывала о глубоких исторических корнях российского патриотизма и русской духовности.

Долгое двадцатилетие с гаком целая армия патриотов делала то же самое. Это были депутаты, педагоги, библиотекари, музейные работники. Обязательно нужно назвать имена хотя бы некоторых из них. Это профессор Крымского государственного мединститута (позже университета) им. С. И. Георгиевского Валентин Львович Зубарев, директор Добровской школы Симферопольского района Яков Михайлович Слонимский¹, представители Русской общины Крыма Сергей Иванович Шувайников и Олег Леонидович Радивилов (все они — депутаты Верховного Совета автономии), доцент того названного медвуза Валентин Дмитриевич Шевцов, преподаватель Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Надежда Федотовна Алешина, директор Народного музея боевой славы села Клепинино Красногвардейского района Виктор Исаакович Пономаренко², директор школьного музея имени Крымских партизан села Заветное Советского района Крыма Николай Иванович Олейников, симферопольские учителя Мария Михайловна Лимаренко, Раиса Васильевна Макаренко, руководители Симферопольской юношеской библиотеки Любовь Алексеевна Герасимова и библиотеки с. Орлиное (г. Севастополь) Светлана Викторовна Дикарева, библиотекари симферопольской школы № 18 Валентина Васильевна Флерова, Межводненской средней школы Черноморского района Валентина Ивановна Махрина, журналист Елена Андреевна Резевич, поэт Сергей Георгиевич Овчаренко, общественники Виталий Иванович Чернышев, Людмила Ивановна Карпова и Елена Николаевна Дробаха, а также многие-многие другие.

Неизгладимой осталась память о комиссаре 18-го партизанского отряда 1-й бригады Северного соединения партизан Крыма Николае Антоновиче Клемпарском, который, будучи уже слепым, до своего девяностолетия на общественных началах водил экскурсии по партизанским тропам Калан-Баира. Среди активных пропагандистов документальных свидетельств о героизме советского народа были и мои родители Алексей Филиппович

¹ Об этом см. в книге Ольги Ивановой «Салют в честь Учителя» (Симферополь: ЧП «Элиньо», 2013. С. 8–12).

² Об этом во втором издании книги Н. А. Матыщука «Не щадя собственной жизни. За краткой строкой дневника» (Симферополь: «СПД Барановский А. Э.», 2009. С. 226–234) — статья Ольги Ивановой «Нас в песнях воспели, нас в бронзе отлдили...».

и Валентина Григорьевна Юдины, педагоги, которые до последних дней жизни продолжали встречаться с молодежью, рассказывали правду, предупреждая от националистического зомбирования.

А национализм, не только украинский, но и крымско-татарский, уже поднял голову. И был обласкан официальной Украиной.

Так, с приходом В. Ющенко к власти ни одна речь Чубарова (даже в Новый год или 8 Марта) не произносилась без выпячивания или противопоставления крымско-татарского народа всем другим. Сколько раз, разговаривая с представителями крымско-татарской элиты, я пыталась доказать, что это неминуемо приведет поэтапно к национализму, а потом и к экстремизму, что мы и увидели в последние годы! К огромному сожалению, здесь я не была услышана.

Тем не менее все чаще я встречалась с ветеранами, поддерживая их, писала в газеты о мероприятиях из ветеранской жизни, о советских патриотах, но мои статьи публиковались все реже; кроме того, со значительными сокращениями и даже с грубыми искажениями. Во многие редакции прочно вошла система — «в переписку с авторами не вступаем, изменения не согласовываем». Бывало и такое, когда материал с видоизменениями просто присваивался кем-то из журналистов. Из многих публикаций (и не только моих) после вымарывания родных сердцу слов следовало, что статья о войне, но что это за война, кто с кем и за что воевал, кто победил в ней, непонятно.

Я продолжала писать. Каждый раз, когда выходил материал, в котором газета, сокращая и искажая текст, случайно или нет, все же пропускала в печать слова: «Великая Отечественная война», «Великая Победа», «красное знамя», «советский солдат», «советская Родина», мои домашние вместе со мной радовались как дети.

Каждое пробившееся на свет запретное слово воспринималось еще одним кирпичиком в фундамент, заложенный моими родителями.

Постепенно в крымской прессе тема Великой Отечественной войны стала открываться. Были опубликованы многие мои статьи («Лидер молодежного подполья», «Патриотизм не воспитать красивыми ландшафтами», «Когда-нибудь мы вспомним это, и не поверится самим...», «Не откажемся от своей истории», «Сюда людей приводит память обугленной тропой войны» и др.) и не только мои (не могу не вспомнить журналистку Ирину Леонидовну Герасименко, главного редактора «Литературной газеты + Курьер культуры: Крым — Севастополь» Татьяну Воронину).

Неоценимую роль в реанимации темы Великой Отечественной войны сыграла Компартия Крыма, которая проводила демонстрации 9 Мая. Нужно отметить одну особенность этих демонстраций. Их пытались запрещать, потом отеснять — устроителям пришлось назначать сбор не на центральной улице Симферополя — пр. Кирова, а на ул. Горького, потом у сквера Победы (о баталиях вокруг его реконструкции чуть ниже). Вначале запуганные люди на тротуарах боялись кричать «ура», потом это делали с радостью, воодушевлением и завидным единением, с каждым годом к Вечному Огню стекалось все больше людей. Когда стало понятно, что демонстрациям быть, представители партии регионов и сторонники блока Куницына с помощью милиции отесняли назад колонны с красными знаменами, колонны со своими знаменами выставляя вперед.

Сейчас колонны майской демонстрации, ее Бессмертный полк снова собираются и формируются на пр. Кирова.

2. Выполняя ветеранский завет

*Ничем невозможно восполнить утрату
И скорбь не оплакать плакучестью ив.
Война убивает навечно солдата,
Посмертно бессмертьем его наградив.*

Александр Байгушев

С семидесятых готов я приучила себя спать не более четырех часов в сутки. Занимая ответственные посты, по долгу службы задерживалась на работе, тем не менее, дома ежедневно продолжала самообразование, в том числе изучила украинский язык.

В начале двухтысячных годов мой муж, Афанасий Яковлевич Иванов, который был в то время депутатом Верховного Совета Крыма, членом парламентского Президиума, привлек меня к изданию на общественных началах воспоминаний ветеранов, ушедших из жизни. Он сам в свободное от работы время (ночами) редактировал эти уникальные записки, привлекал историков, филологов, общественников. Первой книгой был дневник военного времени советского писателя Николая Лугового «Страда партизанская: 900 дней в тылу врага» на семистах страницах, ранее не издававшийся. Тут мне пригодилось умение ограничивать себя во сне. И в 2004 году этот труд увидел свет.

С каждым годом я включалась в поисковую работу все активнее. Нужно было многие документы сверять, кое-что перепроверять. В 2005 году увидела свет книга подпольщицы-учительницы Ольги Щербины «Эстафета Великой Победы». Далее последовало издание и переиздание книги Н. А. Матыщука «Не щадя собственной жизни» (2007 и 2009 гг.). Огромную роль в том, чтобы профинансировать издание ветеранских воспоминаний, сыграли депутаты Верховного Совета Крыма тех лет. Благодаря настойчивости моего супруга, партизанские воспоминания не только были изданы, но и оформлены так, как хотели этого ветераны. С советской символикой, с портретами Сталина, Жукова.

В результате работы над рукописями, сочетавшейся с поисковой работой, нашей семьей возвращены из небытия около 30 имен партизан и подпольщиков Крыма, защищавших полуостров от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

Стоит ли повторяться: все это происходило на Украине, где маховик ненависти ко всему советскому и российскому уже был запущен?

3. Орден Александра Невского

Однажды я увидела по телевизору отрывок документального фильма, подготовленного американцами, о советском морском экипаже, сумевшем в годы Великой Отечественной войны (авторы фильма упорно называли ее Второй мировой) отбомбить немецкую подводную лодку с фашистским генералом на борту и пленить ее вместе с ним. Герои этой истории остались за кадром.

Увлечение поисковой работой вывело нас с мужем на следующие знания о крымчанине Семене (Соломоне) Яковлевиче Раскине.

Семен родился в г. Минске Белорусской ССР, в семье рабочего-железнодорожника. Отец до революции работал на Полесской железной дороге. Мать учительствовала.

На долю Семена выпала нелегкая судьба. В семье сохранились фотографии маленького Сенечки со скрипкой, с теннисной ракеткой. Снимки запечатлели мечту родителей мальчика увидеть сына известным спортсменом или виртуозным скрипачом. Но красивой мечте не суждено было сбыться. Когда Сенечке исполнилось восемь лет, умерла мама. С четырнадцати лет он начал свой трудовой путь. С 1930 по 1935 гг. Семен работал слесарем-инструментальщиком на машиностроительном заводе им. К. Ворошилова в г. Минске. С 1935 по 1937 гг. учился в Ленинградском институте путей сообщения. С 3-го курса института по спецнабору ЦК ВЛКСМ поступил в Высшее военно-морское ордена Ленина Краснознаменное училище им. М. В. Фрунзе, которое окончил в 1939 г., получив квалификацию — вахтенный командир. В этом же году Семен окончил Ленинградское мореходное училище, получив звание штурмана дальнего плавания.

С 1937 по 1956 гг. служил на боевых кораблях Северного, а затем Черноморского военно-морских флотов, участвовал в боевых действиях на море в Белофинской кампании. Он защищал советскую Родину на боевых кораблях с первого и до последнего дня Великой Отечественной войны, так расплачивался с фашистами за поруганную землю, расстрелянного нацистами в г. Минске отца Якова, изнасилованную и замученную до смерти родную сестренку Дину (фашисты привязывали девочку веревкой к мотоциклу и ездили по городу, подвешивали ее вниз головой).

Матросы, старшины и офицеры Северного и Черноморского военно-морских флотов гордились своим боевым командиром и любили его.

Об этом свидетельствует надпись следующего содержания, сделанная на фотографии 10 декабря 1947 г. боевому командиру Семену Раскину: «Капитану 3 ранга товарищу Раскину С. Я. от личного состава корабля БО-211¹, который бессменно носил Ваш брейд-вымпел в походах на Северном и Черноморском флотах в течение 45-ти месяцев. Наш экипаж всегда будет помнить о Вас и гордиться тем, что воспитан Вами. По поручению экипажа: командир БО-211 — капитан-лейтенант Родионов; сигнальщик 2-го класса — старшина 1-й статьи Иванов; главный акустик 2-го класса — старшина 2-й статьи Барабанов; комендор 3-го класса — старший матрос Егоров; моторист 3-го класса — матрос Павленко».

В годы войны г. Мурманск на Баренцевом море был военной базой кораблей Северного военно-морского флота. В этот город, игравший стратегически важную роль для Советской страны, из Англии и Соединенных Штатов Америки через три моря: Норвежское, Гренландское и Баренцево — участники антигитлеровской коалиции направляли морские транспорты с оружием, боеприпасами, самолетами, другой военной техникой, продовольствием, медикаментами. Все это предназначалось советским войскам, ведущим один на один на всей протяженности европейской части Советской страны (от Баренцева и Балтийского морей до Черного моря) тяжелейшие

¹ БО — береговой охраны.

кровавопролитные бои с хорошо укомплектованной и подготовленной к войне фашистской армией.

Морские транспорты союзников нередко находились в открытых морях без должной поддержки со стороны кораблей береговой охраны, чем пользовались немецкие подлодки. Они яростно охотились в Норвежском, Гренландском и Баренцевом морях, отправляя на дно корабли с героическими экипажами.

Семен Раскин неоднократно выходил в Баренцево море на поиск и уничтожение фашистских подводных лодок в зоне ответственности Северного военно-морского флота, в составе морского конвоя охранял морские транспорты союзников.

Будучи командиром бригады кораблей охраны водного района Северного военно-морского флота, капитан 3-го ранга С. Я. Раскин получил от командования секретное боевое задание — взять в плен немецкую подлодку, на борту которой находился немецкий генерал с особо важными секретными документами.

При умелом командовании Семена Раскина корабли его бригады в морской пучине нашли искомую вражескую подлодку, умело подбили ее, принудили к аварийному всплытию и, несмотря на ожесточенное вооруженное сопротивление фашистов, пленили субмарину с ее экипажем, генералом и документами. Под конвоем кораблей береговой охраны доставили подлодку в военный порт г. Мурманска. Благодаря этому, командование Северного военно-морского флота получило ценную секретную информацию противника, чем спасло жизни многих военных моряков и военно-морскую технику Северного флота и союзников.

За успешное проведение боевой операции, за проявленное мужество, личную отвагу и героизм командир бригады кораблей береговой охраны Северного ВМФ, капитан 3-го ранга Семен Яковлевич Раскин Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Александра Невского.

Продолжил войну Семен Яковлевич на Черном море в составе Черноморского флота в должности командира бригады кораблей береговой охраны, участвовал в кровавопролитных боях на море за военно-морскую базу и город Туапсе.

Орден был не единственной наградой Соломона (Семена) Яковлевича Раскина, который за мужество, храбрость и героизм, неоднократно проявленные в боях с противником, за умелое командование и руководство боевыми кораблями был награжден еще пятью боевыми орденами: двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красного Знамени и семью медалями.

После войны Семен Яковлевич продолжил службу на Черноморском флоте, проживал с семьей в городе-герое Керчи, в апреле 1956 г. ушел в запас в звании капитана 1-го ранга.

Семен Яковлевич, свободно владеющий десятком иностранных языков, блистательно пользующийся словом, прекрасно знающий мировую литературу и историю, был человеком чрезвычайно скромным, не любил рассказывать о своих ратных подвигах, не любил демонстрировать награды, его родственники до конца его дней не знали, что он представлялся к званию Героя Советского Союза.

4. Память жива

или

Защитим российскую землю и восстановим святыни

В Крыму, как, может быть, нигде больше, люди в прямом смысле боролись, чтобы не дать снести памятники, поругать святыни. Помню, как 18 мая 2000 г. депутаты Верховного Совета Крыма Афанасий Яковлевич Иванов и Вячеслав Романович Захаров, стирая бензином оскверняющую надпись с памятника Ленину, противостояли толпе агрессивно настроенных меджлисовцев. Уже тогда было ясно, что если бы этот акт вандализма прошел незамеченным, в дальнейшем последовало бы разрушение и свержение памятника.

Вспоминается, какие в 2001 г. развернулись в обществе дебаты, когда появилась уже начавшая реализовываться идея о сносе Танка-памятника Т-34 освободителям г. Симферополя. Яростные сторонники перемен требовали убрать танк, якобы во имя восстановления православного собора Святого Александра Невского.

Храм был заложен в 1823 г. (камень в его основание заложил крымский губернатор, дед Софьи Перовской), построен он губернским архитектором И. Колодиным по проекту петербургского архитектора И. Шарлемана, освящен в 1829 году. В соборе хранились предметы, подаренные Екатериной II, в нем бывали первые лица Российского государства. В 1922 г. храм закрыли, а в сентябре 1930 г. взорвали. Его необходимо было восстановить, и многие понимали: нельзя вершить одно благое дело, разрушая другое.

Тем не менее на июльском совещании в 2004 г. в Симферопольском горисполкоме А. Я. Иванов, на тот момент заместитель министра строительной политики и архитектуры АР Крым, при поддержке полковника Советской армии Андрея Константиновича Бойко — командира танкового взвода 19-го танкового корпуса 202-й танковой бригады, освобождавшей в 1944 г. Крым, и представителя Крымской епархии отца Александра, выдержал мощное давление чиновников. Один из них, надрываясь, кричал, требуя срочно перенести из сквера Победы на городское кладбище не только Танк-памятник Т-34, но и останки танкистов, захороненных здесь 15 апреля 1944 года. Представители местной власти аргументировали это требование тем, что уже принято соответствующее решение горисполкома, которое отменить никак нельзя. И все-таки городские чиновники, понимая, что вершат дело несправое, решили подкрепить свою бумагу «мнением общественности», в частности, ветеранов Великой Отечественной войны, представителя Совета министров Крыма и населения, для чего и собрали это совещание. Оказалось, что окриков бояться не все, и городские чиновники столкнулись с сопротивлением. На совещании «строптивых» в вопросе сохранения могилы советских танкистов на территории будущего храма поддержал митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь. Благодаря разумной воле крымских политиков, общественников и церковнослужителей удалось разрешить ситуацию, успокоив обе стороны: немного сдвинув памятник и тем самым расширив площадь для строительства храма.

Еще одна историческая деталь. Полковник в отставке Виктор Павлович Баженов поднял вопрос, что перед тем, как начать строить храм и копать

под него котлован, нужно найти на территории сквера Победы тела десяти подпольщиков героической группы «Сокол» — актеров и сотрудников Крымского русского драматического театра им. М. Горького, погибших в застенках гестапо в 1943–1944 годах.

В. П. Баженов помог епархии в 2001 г. найти останки патриотов-героев, которые торжественно перезахоронили на кладбище по ул. Старозенитной в г. Симферополе. Был предотвращен еще один акт вандализма, уже теперь непреднамеренного.

Сейчас, благодаря усердию неравнодушных симферопольцев, на одной площади с возводимым вновь собором Александра Невского остался и продолжает радовать крымчан Танк-победитель. Здесь же находится братская могила советских танкистов с поименным надгробием и христианским крестом из черного мрамора.

Однако и теперь не все обстоит безоблачно и благополучно.

Возле строящегося храма стоит памятник-стела. Рядом с ним нет экскурсоводов, а исторические надписи на его медальонах, свидетельствовавшие о глубоких корнях российской воинской славы, величии русского духа, мужества, героизма, подвига российских войск, без огласки и с попустительством (или с ведома?) прошлой власти безжалостно удалены с монумента.

Памятник этот — Долгоруковский обелиск (прежнее название — «Памятник Долгорукову») — установлен и торжественно освящен 29 сентября 1842 г. в честь генерал-аншефа князя Василия Михайловича Долгорукова-Крымского, командовавшего русскими войсками, одержавшими в 1771 г. победу над турецко-татарскими войсками. Под руководством Василия Долгорукова российские войска поставили последнюю точку в череде многочисленных грабительских набегов войск крымских ханов на территории, принадлежащие России, поэтому значение памятника выходит далеко за пределы города Симферополя и Крымского полуострова и приобретает особое значение в наши дни.

С точки зрения искусствоведческой, Долгоруковский обелиск также интересный объект. Красивы его точные пропорции, изящны линии граней, прекрасно его устремление вверх, подчеркнутое визуально расширяющими его книзу цепями и четырьмя пушками у основания, повернутыми к верхней точке стелы. Установленный в 1842 г. на личные средства внука князя Василия Михайловича Долгорукова — действительного тайного советника, обершталмейстера Императорского двора Василия Васильевича Долгорукова, монумент ценен и потому, что это первый гражданский памятник Симферополя.

Долгоруковский обелиск превратился в одну из главных достопримечательностей города и стал одним из неофициальных символов столицы Таврической губернии.

Итак, это был целый духовно-патриотический комплекс. Площадь, на которой стоял ныне возрождающийся Александро-Невский православный храм, называлась Соборной. Отсюда начиналась улица Долгоруковская. Параллельно ей шла улица Екатерининская (князь Василий Долгоруков был сподвижником Екатерины II). Здесь же возвышался Долгоруковский обелиск. Автор монумента — профессор Август Штрейхенберг, работы по камню выполнил мастер Федор Вахрушев. Построили памятник русские солдаты и жители города.

После реставрации монумента в 1952 г., в квадратной нише памятника, выходящей к храму Святого Александра Невского, располагался медальон с надписью на современном русском языке: «В память освобождения Крыма русскими войсками от турецких захватчиков в 1771 году».

С северо-западного фасада обелиска, выходящего на ул. К. Либкнехта, был также медальон с текстом: «На этом месте в 1771 году находился штаб командующего русскими войсками генерала В. М. Долгорукова».

В 2011 г. при очередной реставрации эти надписи были удалены в угоду определенным лицам и партиям.

Проходят крымчане и гости полуострова возле пьедестала и удивляются, что за грандиозный монумент, почему поставлен на этом месте, что символизирует?

Те же А. Иванов и В. Баженов, равнодушные к нашей истории, уже после возвращения Крыма в лоно России инициировали совместное совещание руководства Комитета по культуре и охране культурного наследия Государственного Совета Республики и Президиума Республиканского Совета ветеранов Великой Отечественной войны и военной службы, которое провели 29 октября 2015 года. Совещание было посвящено вопросу о размещении внутри собора Александра Невского мемориального беломраморного панно из шести плит под общим названием «Православная Церковь чтит героев — защитников и освободителей Крыма».

Виктор Павлович Баженов этот вопрос впервые озвучил и предварительно согласовал с руководством Православной Крымской епархии Московского Патриархата еще в 2001 году. В то время при Президиуме Верховного Совета автономии была создана группа ветеранов под его руководством для выработки предложений по реконструкции сквера Победы в Духовно-патриотический комплекс. Успокоить противоборствующие стороны удалось на следующих жестких условиях: Танк-памятник Т-34 станет главным элементом мемориала сквера Победы. В строящемся соборе будет предусмотрена комната-музей героям-освободителям Крыма — с шестью беломраморными плитами под общим названием «Православная Церковь чтит героев — защитников и освободителей Крыма».

На плитах золотыми буквами должны засверкать имена героев:

- 33-х Георгиевских кавалеров русско-турецких войн;
- 32-х Георгиевских кавалеров Крымской войны 1854–1856 гг.;
- 63-х крымчан — Героев Советского Союза;
- 22-х военачальников войск, оборонявших и освобождавших Крым;
- 10-ти крымчан кавалеров ордена «Славы» трех степеней;
- 204-х крымчан кавалеров ордена Александра Невского;
- 19-ти крымских партизан, награжденных орденом Ленина;
- 10-ти подпольщиков героической группы «Сокол».

На совещании 29 октября 2015 г. представители власти и общественности подтвердили необходимость увековечения на беломраморных плитах храма имен героев-крымчан — кавалеров ордена Александра Невского, а также единогласно проголосовали за предложение депутата Верховного Совета Крыма 3-го и 4-го созывов Афанасия Иванова о необходимости восстановления двух медальонов с соответствующими текстами на Долгоруковском обелиске.

С годами Духовно-патриотический комплекс стал симферопольцам еще дороже: здесь сконцентрировались российские святыни для многих поколе-

ний, начиная с 1771 года. Крымская земля обогрета кровью героев Великой Отечественной войны многих национальностей и овееяна их славной общей победой.

Мы, потомки героев, будем продолжать защищать нашу российскую землю вместе с ее святынями, которые восстановим полностью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ «УКРАИНСКИХ» АВТОРОВ

1. «Будем молиться за Украину, распятую и сожженную на майдане...»

*Кто Родину любит, готовый на смерть,
Тот просто не может врагов не иметь.*

Николай Бербер

Есть у меня цикл статей, посвященных крымским событиям 2014 года. Одна из них вышла в январе — «Любить Украину по-русски». В ней говорилось о том, что любить Украину — это не значит бояться и отвергать все русское. Статью «Будем молиться за Украину, распятую и сожженную на майдане...», написанную в день референдума (то есть когда я еще была гражданкой Украины), как и следующую «Объединит ли Украину национализм?», привожу полностью: они многое объясняют.

Обрадованная результатами крымского Референдума, я написала на одной из своих страничек в социальных сетях: «Здравствуй, праздник, здравствуй, Крымская весна! Здравствуй, Победа нашего духовного единства!».

Среди различных комментариев пришел ответ от Ольги Волковой, главного редактора газеты для школьников «Клякса» (г. Запорожье), с которой мы сотрудничали. Обращаясь ко мне, моя тезка написала: «Ольга! А у нас с Вами, оказывается, разные ценности. Я — за счастливую Украину и за МИР! А Вы — нет? Но я думаю, что время нас рассудит. Ведь известно, что за все в этом мире приходится платить. Давайте вернемся к этой теме хотя бы через год».

Я ответила, что не могу ждать год: не знаю, сколько в это тревожное время каждому из нас отведено, тем более, на электронную почту мне пришли письма от писателей и общественных деятелей из других регионов Украины. Друзья пишут о своем страхе жить в теперешней Украине, и, по понятным причинам, я не называю их имен.

Почему же я не за мир?

Мы, русские, живущие на Украине, любили ее, нашу страну. Посвящали ей свои стихи, песни, строили и создавали, развивали науку, жили для ее процветания, учили этой любви детей, наши дети знают русский и украинский языки — неоцененное страной богатство. Для сохранения целостности Украины мы, с горестными переживаниями в душе, согласились с трезубцем, с желто-голубым флагом, многие годы мы шли на определенные языковые уступки (в нашей официальной лексике появилось слово «рада» вместо «совет»; оборот «в Украине», вместо исконно русского «на Украине»). К сожалению, уступчивость нередко воспринимается как слабость.

Статьи 10, 11, 12 и 13 Закона Украины 1998 г. «Конституция Автономной Республики Крым» декларировали крымчанам право говорить и писать по-русски. Однако в школах, вузах, в государственных учреждениях, нотариате и в судах нас заставляли говорить и писать по-украински.

Нам запрещали вспоминать нашу совместную историю: почти во всех школах, техникумах, вузах были закрыты музеи Боевой Славы, во многих газетах вымарывались слова «Великая Победа», «советский народ», «красное знамя». Мы боролись, и реанимировали в Крыму эти понятия. Но во Львове на майской демонстрации были избиты ветераны, принесшие освобождение от фашизма.

В наших паспортах искажали наши имена и фамилии, нам говорили, что русские достойны только лозунга: «Чемодан, вокзал, Россия». Нам грозили: «Москаляку — на гиляку».

Беззастенчиво лгали молодежи, что в советское время запрещался украинский язык, украинская литература (на самом деле прилавки магазинов были забиты книгами на украинском языке, чтобы купить на русском, выстраивались огромные ночные очереди). Якобы запрещались украинские памятники (однако самый большой памятник украинскому писателю — Ивану Франко — был поставлен во Львове в советское время, во всех крупных городах Украины стоят памятники Тарасу Шевченко, кстати, в 2014 г. памятник великому украинскому поэту появился в России, в Москве).

В 1975 году в моей небольшой коллекции миниатюрных книг появился сборник Ивана Франко, в котором его гимн «Вечный революционер» напечатан на 32 языках мира. Здесь же фотография рукописи, ноты (с украинским языком оформления) музыки Мыколы Лысенко на слова классика, вступительное слово — по-украински, здесь же слова известной украинской писательницы Ольги Кобылянской на украинском языке: «Теперь произведения Франко читают на своем языке все народы социалистических государств, и это — лучший лавровый венец великому писателю».

В «нэзалежній» Украине закрывали русские школы и русские классы, не скрывая того, что развитие украинского может осуществляться только за счет русского языка. Русская литература вошла в курс иностранной литературы. Дошло до того, что дети из западных регионов шептались: «Вы только не говорите учительнице, что я летом в Крыму читал(а) по-русски, почтовый конверт в наш адрес подписывайте только по-украински, иначе нам дома не дадут жить».

Дети из русскоязычных семей были лишены возможности изучать русский язык и литературу в полном объеме. Из школьной программы постепенно исчезли авторы и произведения, формирующие русское мировоззрение: «Дубровский» Пушкина, «Ванька» Чехова, «Бежин луг» Тургенева; произведения Пришвина, Гончарова, Некрасова... Из образовательного стандарта удалены «Муму» Тургенева и «Бородино» Лермонтова. По словам лучшего детского поэта, крымчанина Юрия Полякова: «Это не только ущемление прав. Это — духовный геноцид русских, проживающих на территории Украины. А говорить о том, что наши права защищены только потому, что нам разрешают говорить по-русски — полное лицемерие».

На Украине были объявлены День родного языка и День государственного языка. Но в День родного языка по всем школам Украины лицемерно рассылались гласные и негласные распоряжения из министерств, что долж-

на прославляться только «мова». Тем самым полностью игнорировалось, что у детей может быть другой родной язык. Полистайте газеты последних лет, наберите в поисковике: «День рідної мови у школі», — сможете увидеть, как проводился этот так называемый «праздник».

4 июня 2010 г. я выступала в мэрии г. Львова на одном из форумов издателей, педагогов и литераторов, пишущих для детей (форум, по словам руководителя, финансировался из США). Ставился вопрос о том, что на территории Украины не может быть иного родного языка, нежели украинский, поэтому русский язык и русскую литературу нужно срочно вывести за рамки школьного изучения или сократить их преподавание до одного часа в неделю. Я поднялась на трибуну и аргументированно запротестовала. Пояснила, что в Крыму более 130 наций и народностей, у каждой — свой родной язык, а русский — язык межнационального и международного общения, и, не сговариваясь, на международных форумах, проходящих на полуострове, гости говорят на нем, что для большей половины украинских граждан — он родной. Меня пытались зашикать и освистать, однако я довела речь до конца. Сходила с трибуны в полнейшей тишине. В перерыве ко мне подошли учителя и благодарили за мою позицию со словами, что в их школах запрещено не только говорить, даже думать по-русски.

В 2003 г. на один из международных молодежных фестивалей приехали молодые львовянки, были от всего увиденного в Крыму в восторге. А уезжая, распространили плакаты, на которых матрешка с презервативом на голове и надпись: «Дружба дружбой, но предохраняйся». На возмущение других участников фестиваля и вопросы, кого и за что они хотели обидеть, ведь все приехавшие из разных стран говорили по-русски, девушки ответили: «Пусть лучше Крым отойдет Турции, чем России».

И вот зазвучали открыто лозунги: «Нет — полукровкам, бей жидов и москалей». Этого мы, дети и внуки тех, кто освободил Украину от коричневой чумы, не смогли пропустить мимо ушей, тем более что большинство крымских семей многонациональны. Дети наши — не полукровки. Они самые красивые дети, потому что почти в каждом из них текут несколько полноценных великих кровей.

При этом в годы «самостийности и незалежности» каждое новое украинское правительство присылало в Крым практически на все руководящие должности своих временщиков, нас беззастенчиво стали называть оккупантами, пришельцами. Могу сказать только о своей семье: могилы моих дедов и бабушек, родителей и родителей мужа — в Крыму, я, мой муж, наши братья и сестры, наши дети и внуки родились в Крыму.

И разве я не соглашусь с тем, что за все нужно платить?

Уже давно заплачено! Кровью наших отцов, дедов, их братьев и сестер! Потом и слезами наших бабушек и родителей! Наконец, нашим трудом. Мы сполна заплатили за единство, процветание и счастье искренне любимой нами Украины. Не мы пришли на ее улицы с огнем и мечом.

Не могли мы согласиться с кровавым захватом легитимной (плохой или хорошей, но избранной большинством украинцев) власти отпрысками тех, кто «героично ховався у лисах» и стрелял нашим отцам в спины во время Великой Отечественной.

Коктейлю Молотова, автоматам Калашникова, угрозам и призывам к насилию крымчане 16 марта 2014 г. противопоставили мирный Референ-

дум. Так почему же он так злит наших оппонентов? Не потому ли, что они не смогли столкнуть нас друг с другом лбами? Не потому ли, что не успели напиться нашей крови, не успели полностью разорить наш цветущий полуостров, обезобразить его, как столицу Украины?

Верховная Рада после победы майдана принимает одиозный закон о языке вместо процедуры импичмента. Не это ли показатель, что нелегитимное правительство намеренно противопоставило народы Украины, втягивая их в гражданскую войну?

Разогнан Конституционный Суд Украины, то есть поправа Конституция государства. Могут ли честные люди жить в стране без Конституции? Возможен ли гражданский мир в государстве, где поправлено право, где противопоставлены граждане по языковому принципу?

Именно потому, что мы за мир и против беззакония, экстремизма, терроризма, фашизма, мы единодушно (96,77 % избирателей-крымчан) проголосовали на Референдуме за вхождение Крыма в состав многонациональной России. Зафиксировано только 2,51 % избирателей, высказавшихся за статус Крыма в составе Украины.

Мы любим Украину. Мы не позволили втянуть себя в гражданскую войну и, снова цитируя поэта Юрия Полякова, «будем молиться за Украину, распятую и сожженную на майдане»...

2. Объединит ли Украину национализм?

На мою статью «Будем молиться за Украину, распятую и сожженную на майдане...» пришло много отзывов из России, Белоруссии, Болгарии, Сербии, Украины. Болгарский поэт Симеон Христов написал: «Всегда был убежден: Крым обязательно перейдет к России. Это самое нормальное, что могло случиться и произошло. Есть люди, говорящие только то, за что им платят. Я говорю, как велит моя совесть. Я знаю, что происходит на Украине. Бесконечная смена олигархов и беззаконие. Но люди там не понимают этого. Поймут непременно».

К сожалению, были и корреспонденты (их единицы), писавшие, что выход Крыма из Украины не расколол, а сплотил страну, и, якобы, весь народ, объединенный справедливым гневом, готов восстать против России. Именно об этих людях и пишет Симеон Христов.

Их сознание зомбировалось в течение двух десятков лет, в результате чего они считают себя истинными украинцами, а всех с другой культурой, с иным менталитетом, инакомыслящими и немедленно причисляют к разряду посягателей на украинское самосознание, «свободу». Не все украинцы такие.

Зомбирование проводилось и среди русского населения Украины: якобы они-то русские, но уже не такие, как в России. Во время правления президента Украины В. Ющенко, насаждавшего политику русофобии, критикуя его позицию отказа от «старых символов», я написала рассказ («Отцовский китель», 2008 г.), в котором девочка выбрасывает военный китель отца, служившего в Афганистане, с боевыми наградами в мусорный бак. Сюжет взят из реальной жизни.

На Украине постоянно вбрасывались идеи о переименовании улиц, сносе памятников, предлагались грязные анекдоты о героях Гражданской и Великой Отечественной войн.

К сожалению, многие слухи и псевдооткрытия в области истории подхватывались СМИ и тиражировались. Хитро выстроенные, замаскированные западно-американские технологии формирования сознания вкрадчиво объясняли молодым людям, что старое ошибочно, что вся история переписана «ненавистными коммуняками», идеалов нет. И вот уже забываются родные корни, попираются могилы предков, скомкано изучается родной русский язык (и что это за язык, если он даже не государственный?!), и вообще, якобы, Россия — агрессор и враг всему украинскому. И вот молодой человек уже начинает задавать вопросы: «Может, лучше было бы сдать Гитлеру? Может, тогда мы бы лучше жили? Может, попав в Европу, мы тут же станем богатыми, счастливыми, НЕЗАВИСИМЫМИ?!».

Когда в ноябре 2013 г. Киев (заметьте, тогда еще не Украину!) захлестнула очередная майдановская волна, я с ужасом увидела, что ее поддерживают люди, которых я считала умными, а ведь уже тогда летели камни и оскорбительные слова. И именно эти люди, бросающие камни и не стесняющиеся в выражениях, хотели в Европу.

Западным и американским идеологам и политехнологам не удалось подменить сознание русских только потому, что не хватило времени впихнуть вышеперечисленные «идеи» в «окно Овертона», не рассчитали «преобразователи мира», как сильна у русских любовь к предкам, тяга к своим корням, как независимо их мышление. Русский долго терпит, долго запрягает, но уж если расправит плечи!..

Напомню своим оппонентам, что Россия не отвоёвывала Крым у Украины, он сам на основании результатов общекрымского Референдума не просто добровольно, а активно, настоятельно и с огромной благодарностью присоединился к России. Как писатель я не могла не отметить, что вхождение автономии в Российскую Федерацию на правах субъекта Федерации практически в одночасье отразилось в поэтических произведениях моих коллег по писательскому труду: Константина Фролова, Владимира Грачева, Льва Болдова, Веры Трифионовой, Галины Яковлевой и многих других (не это ли доказательство всеобщего духовного подъема?!).

Не могу не вспомнить о многочисленных высказываниях в Интернете и СМИ, что Референдум, якобы, нелегитимен и обошелся Украине в 16 миллионов гривен, хотя он в действительности был профинансирован из крымского республиканского бюджета. Хорошо бы все-таки господам, пишущим такие вещи, определиться: «нелегитимен» или «обошелся»? Если его финансировала украинская власть, то: а) он законен; б) украинская власть финансировала незаконный Референдум (нужное подчеркнуть).

3. Этого дня ждали многие

Произведения крымских авторов предугадывали возвращение Крыма в Россию. Вот строки, пронизанные болью, о том, что Крым вернется в родную гавань, севастопольского поэта Александра Федосеева:

* * *

*Отделили нас и не спросили
(не было радателя щедрей).
Севастополь тянется к России,
Как ребенок к матери своей.*

Российский поэт, постоянно проживающий в Крыму, Константин Фролов отразил мысль возвращения Крыма в российское лоно в поэтических строчках:

* * *

*Мы однажды вернемся, Россия,
Под твои вековые крыла,
От свободы своей обессилев,
Что обчистила нас догола.
От бредовых своих вожделений,
Под кликушеский западный вой,
Мы придем и уткнемся в колени
Непокрытой своей головой.*

.....
*Быть бы нам бессловесной прислугой,
С очерствелою коркой в горсти,
Если б ты не надела кольчугу
И не встала у них на пути.*

.....
*Нас отрезали и не спросили,
Нужно ль нас от тебя защищать?
И когда мы вернемся, Россия,
Ты простишь. Ты умеешь прощать.*

(29.01.2011)

Для половины украинцев и преимущественного числа крымчан стихотворение этого автора «Наш язык» стало знаковым и вселяющим надежду, что рано или поздно настанет конец засилья украинского языка в русской среде на территории Украины:

*Наш Великий Язык драгоценнее прочих наследий:
Это парус на мачте и дующий в спину зюйд-вест.
Из томов словарей и бесчисленных энциклопедий
Можно запросто соорудить не один Эверест.*

*Но когда вместо шумных каскадов и брызг водопада
Остается в наследство гнилой, полувysохший ров —
Скудоумье народ превращает в послушное стадо,
А людей, не желающих мыслить, — в ничтожных рабов!*

*Так не дайте ж иссякнуть ключу в годы смут и брожений!
Не позволяйте ничтожествам храм Языка разорить!
А иначе, друзья, вы достойны любых унижений,
Если вам все равно, на каком языке говорить!*

Предвосхищают события Крымской весны строки Константина Фролова («Гимн Севастополя 1853–1855»):

*Покуда будет русским Севастополь,
Россия не изведает стыда!*

Симферопольский бард Владимир Грачев также предрекал единение Крыма с Россией («Россия начинается в Крыму», 2012; «Крымский марш», 2008; «Российский флот», 2009).

Эти же мысли и чаяния мы прочитываем у Галины Яковлевой из Феодосии (4 марта 2014):

*Когда б меня о том спросили,
Сказала б Богу самому:
«Моя мечта? — Уснуть в Крыму
И встретить новый день в России!»*

Авторы выступали истинными наследниками славы отцов и дедов.

4. Кому же придет в голову интересоваться мнением шахматной доски?

О происходящем в России, на Украине и в мире крымчане хорошо информированы, потому что могут беспрепятственно смотреть новости как российского, так и украинского телевидения. И все-таки большую часть информации мы получаем от своих друзей, приятелей, знакомых, оставшихся на территории, контролируемой теми, кто ненавидит «москалей». Это не только Юго-Восток Украины, но и центральная, и западная ее части. Мы продолжаем созваниваться, переписываться в социальных сетях. Вот какие письма пришли мне по электронной почте от писателей (не называю имен и убираю некоторые подробности, чтобы обезопасить корреспондентов, насколько это возможно). Первое письмо — из Ровно.

«Здравствуй, Ольга! Всегда завидовал крымчанам, а сейчас белая зависть просто зашкаливает. Смотрю только российские каналы — до кабельного пока не добрались. А когда доберутся — буду смотреть по сети. Тут они ПОКА бессильны. Очень одиноко, единомышленников все меньше (по крайней мере вслух <...>. То-то еще у НАС будет. Но хотя бы Крым — это уже согревает и вселяет хоть какую-то, пусть призрачную надежду на будущее. Я за четыре года сделал все, чтобы обо мне все забыли — было лишь выживание. <...>, лишился полноценной работы после поездки в Россию в <...> году по линии <...>. Восстановился на работе лишь <...> при смене <...> власти, но теперь <...> вполне вероятно, все повторится. За это время “получил” немалые проблемы со здоровьем. Конечно, о <...> уже почти не помышляю, весь распорядок жизни не располагает. Но желание общаться с единомышленниками стало непреодолимым. С. дал твой адрес. До этого порывлся в почте и нашел весточку от тебя на <...>, вообще-то избегаю социальных сетей.

Ребята, будьте осторожнее там — вы не знаете лютой ненависти, упорства и подлости бандеровцев. “Градами” могут управлять их подготовленные спецы или западные наемники. <...> Будут, я думаю, и в России провокации внутри и с юга (Кавказа), а может, и что-то похлеще. Уж очень они тут, переговариваясь по МТ, ждут каких-то “сюрпризов” для противоположной стороны. Ольга, пиши — любая весточка для меня будет в радость».

Второе письмо пришло из Киева.

«Олечка, ну что я могу сказать о нынешней жизни? Впереди — полное беспросветье... Я — русскоязычный писатель. <...> это почти что смертный

приговор. Мало того, что пишу не на “мове”, так еще и востребованный автор, в то время как украиноязычные писатели даже в Украине издаться не могут. И что, они будут ко мне хорошо относиться?

Два высших образования. Кому это нужно? <...> Когда начался первый Майдан (10 лет назад), я ушла с работы, не дожидаясь неприятностей. И правильно сделала, остальных, кто не ушел <...>, потом дико прессовали, выгоняли даже без пособия.

Сейчас уже несколько лет работаю <...>. Зарплата — на 10 долларов больше, чем у нашей уборщицы. И гораздо меньше, чем у дворника. Собственно, моя зарплата равна ежемесячной квартплате. Вот так у нас ценят квалифицированный труд. Если бы не сыновья — вообще не представляю, как бы выживала. У них сейчас с работой тоже туго. А дальше, кажется, работы ни у кого не будет вообще: экономика разрушена полностью, зато долгов набрали — даже правнукам нашим отдавать придется.

Живем буквально одним днем. В Киеве сейчас хоть стрельба прекратилась, и то — радость. На каком языке говорить — вообще непонятно. Литературный украинский (полтавский диалект) бандеровцы считают “москальской мовой”. В их понимании ХОРОШИЙ украинский язык — тот, что пересыпан польскими, венгерскими, румынскими словами. В крайнем случае — суржик. Но я ТАК говорить никогда не научусь. <...> Так что, рискуя здоровьем, продолжаю говорить по-русски, а это теперь чревато. А если учесть, что я родилась и выросла в “сепаратистском” <...> ...

Очень рада за крымчан, очень! Как вовремя и красиво вы отчалили ... Молодец ваш Аксенов! И Константинов, и Чалый — разумные, дальновидные. У нас таких нет, увы, вот и приходится нам быть “оловянными солдатами”, потому что Америке от скуки вздумалось поиграть “в войнушку”.

Шахматную партию разыгрывают два гроссмейстера планетарного масштаба: Америка и Россия. Европейские страны — фигуры, конечно, значимые, но голос у них всего лишь совещательный. Остальные страны — так, пешки. А нам даже пешками быть не довелось. Украина — просто шахматная доска, на которой, собственно, и разыгрывается партия. А кому же придет в голову интересоваться мнением шахматной доски? А уж тем более — ее благополучием?».

Эти смелые письма, кроме информационной, имеют документальную ценность очевидцев, и я решилась на их публикацию.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

*Проходят над землею годы.
А я по-прежнему солдат.
И за Отчизну, за свободу
Иду, сжимая автомат.*

Сейтумер Эмин

После возвращения Крыма в Россию многое встает на свои места. Человеческая психика старается максимально стирать из памяти многие переживания, поэтому тяжелые для русского человека времена, а вместе с ними и детали борьбы, начали забываться.

А ведь не случайно флаг крымской автономии имеет три цвета, как российский триколор. Не случайно на нашем гербе высечены слова: «Проществование в единстве».

Не с бухты-барахты появился памятник Большой Тройке в Ливадии.

И смогли бы мы провести Референдум 2014 г., если бы его законность не была закреплена в Конституции Автономной Республики Крым, над которой многие дни и ночи непосредственно трудился мой муж? Кстати, его имя, имена его подчиненных — не люблю этого слова — никогда нигде не упоминались в связи с созданием Конституции.

О многом еще предстоит написать, может быть, уже не мне, другим... но и у меня то и дело находится повод, чтобы взяться за перо и привести новые аргументы оппонентам Крымской весны.

Почему Крым вернулся в Россию?

Первое: у нас пытались отнять памятники, а вместе с ними и память. Приступив к зомбированию наших детей, отняли учебники истории. Мы, крымчане, не забыли своих глубоких исторических корней и не хотели, чтобы наша история была переписана с точностью до наоборот.

Второе: Крымская земля обильно полита кровью, здесь живут дети, внуки, правнуки Героев, в том числе Великой Отечественной войны. Могут ли они когда-нибудь признать героями фашистских приспешников? Никогда!

Третье: Украина объявила о существовании на ее территории «титульной нации», а в многонациональном Крыму — присутствие «коренного народа». Все 23 года своей независимости проводилась политика национализма, который не мог не перерасти в экстремизм, отторгаемый мирным обществом.

Четвертое: на Украине массированно закрывались и сокращались русские школы и классы в угоду украинским, урезались школьные программы по русскому языку и литературе. В конечном итоге русская литература вошла в раздел литературы зарубежной. Русский язык начал просто задыхаться, и это было еще одним шагом к разрушению самоидентификации, самоопределения, а, значит, и сигналом, что больше терпеть жизнь в этой стране нельзя. И мы ушли домой!

Геннадий ИВАНОВ

«ЕСТЬ БОЖИЙ КРЕСТ, А ЕСТЬ КРЕСТЫ ВРАГА...»

Геннадий Викторович Иванов — родился в 1950 г. в г. Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт. Работал в издательствах. Автор более десяти поэтических книг. О своей малой родине написал и издал трехтомник «Знаменитые и известные бежечане». Первый секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Есть у меня подружки
Ласточки-береговушки.
Спинки их вечно в глине,
Коротки их хвосты...
А на реке кувшинки —
Желтые, как веснушки,
А за рекой на поле
Разных цветов цветы!

Есть у меня тропинки —
Тонкие паутинки.
Есть у меня избенка,
Дали и небеса...
Есть у меня березки,
Есть у меня осинки...
Есть у меня Россия —
Все ее чудеса!

* * *

В день Павла и Петра
пойду бродить с утра
по милой стороне,
по травяной стерне.

По милым по холмам
да по тропе вдоль речки —
молиться буду там
смиранный, как овечки...

Душа моя, постись,
не требуй слишком много.
И буду я пастись
в полях весь день у Бога.

* * *

Кот Васька ест осоку,
а я пью чай.
Сидим.
Житейскую мороку
оставили мы с ним.

Над нами солнце ходит,
а вечером луна...
Ничем не занят вроде,
а жизнь полным полна.

МОЙ ТРИЛИСТНИК

1

Я люблю деревенские улицы —
Где гуляют заботливо курицы,
Где окошки глядят друг на друга
И все близко — до речки, до луга.

Как же мне не любить эти улицы,
Как же сердце не заволнуется,
Если знаю я бревнышки эти
С моего появления на свете.

2

Я люблю побережье поморское,
Хоть оно серовато, неброское,
Но водица по-дружески плещется,
И душа так спокойна, не мечется.

3

Я люблю твою силу победную,
Твой, столица, размах и полет...
Москвичи за Россию, за Родину,
Москвичи это тоже народ.

И когда супостаты надменные
Будут биты опять и опять —
Их знамена на площади Красной
Будут хламом под ноги кидать.

* * *

Рок событий несет нас к войне.
Словно льдину несет к порогу...
Победим ли, сгорим ли в огне —
Я не знаю, предателей много.

Не готова, я вижу, страна —
Расслоенье людей вопиюще.

Мстит жестоко за это война.
Отвернется Господь всемогущий.

Кто лукавил — служил сатане.
Помогла ли Руси заграница?
Рок событий несет нас к войне.
Жизнь в России должна измениться.

* * *

Для России открылся Господь в эти годы.
Может быть потому, что стучится война...
Перебрали, как водки, мы нашей свободы,
Вопиет наша совесть и наша вина.

Времена наступают трезветь и собраться.
Времена наступают молиться — и в бой.
Мы для Бога еще не потеряны, братцы.
Поднимайтесь, рязанский мужик и тверской...

Впереди будут битвы не олимпийские.
Не потешные будут бои и полки.
Поднимайтесь, уральские люди, сибирские...
И Поволжье, и казаки...

И Кавказ, и московские люди, и питерцы,
Поднимайтесь и Север, и Дальний Восток...
Мне суровым и грозным грядущее видится.
Наступает безжалостный срок.

* * *

Россия погибла, Россия в обвале...
Россия в дыму и огне...
Россия в безверье,
Россия в опале,
во мраке и бездны на дне...

тоски и печали
подняться России помог.

Но нет — не погибла.
Но нет — не в обвале.
В безверии? Было. Но Бог
путем испытаний,

Россия — мессия?
Не знаю.
Не знаю
и что впереди там грядет...
Я только молюсь
и в душе уповаю
на Бога и русский народ.

* * *

Кресты, кресты...
Их тысячи в музее.
Кресты врага поверженно лежат.
Христос кресты, как семена, посеял —
«Крестом спасемся!..»
Но вмешался ад.

Был вприснут яд
Во многие посевы...
Промчалась полем черная пурга.
Вот потому я говорю в музее:
Есть Божий крест, а есть кресты врага...

* * *

Я не могу без родины моей.
Опять приеду, и опять, и снова.
Есть что-то для меня среди полей —
Как бы весь мир вмещающее *слово*.

А так, посмотришь, ничего и нет —
Пейзаж неброский, бедность и разруха...
Но есть какой-то изначальный свет
И та земля, что многим стала пухом.

* * *

Где Черная речка впадает в Осинку...

Николай Старченко

Где Черная речка впадает в Осинку,
Мой друг уронил вспоминанья слезинку.
Он мальчишкой светлым тут плавал и рос...
Потом он уехал под стуки колес.

Сюда приезжал он опять и опять...
Стучали колеса — пора уезжать.
Шли годы и годы — с седой головой
Сегодня стоит над речною водой.

Он многое видел и много узнал,
И многое понял, но жить не устал.
Эх, Черная речка и речка Осинка!
Слеза на листке или это росинка?..

Наверное, тут, где начало начал,
Быть должен последний вокзал и причал...
Где Черная речка впадает в Осинку,
Так хочется снова поставить пластинку —

Все снова и снова прожить, пережить,
На воду глядеть... И — остаться решить.
Хотя невозможно уже никогда
Вернуться для жизни — для жизни — сюда.

* * *

Много, много бабочек летает!
Много, много и цветов, и трав!
В этой жизни кто не унывает,
тот и прав.

Тот, кто верит в неизбежность чуда,
даже если слезы и печаль...
В чудо не от мира,
а оттуда,
где нас ждет
без горизонтов даль.

* * *

Порой мне кажется — кругом идет творенье.
Земля творит, и небо, и река...
В любом кусте живет стихотворенье,
Еще для нас неясное пока.

И музыка творится, и движенье,
Поэма и картина — в каждый миг.
И райское объемлет землю пенье...
И вычитал я это не из книг.

Я это слышу в роще, вижу в поле,
В цветах и травах, в солнечном огне,
Во всей земной красе, в небесной воле...
Творится в мире, в слове и — во мне.

История и современность

**Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

«ГОРЬКАЯ ОШИБКА»

*«Церковная революция»
1917 года, ее последствия
и уроки для православного
священства и всего народа
России на примере истории
Карельского края*

2017 год — год столетия Февральской и Октябрьской революций — двух взаимосвязанных событий, повлиявших на историю не только России, но и всего мира. Их долговременные последствия проявляются поныне, продолжая быть предметом социально-исторических дискуссий и причиной открытого политического противостояния. Юбилей не должен стать поводом для углубления разногласий и сведения счетов, но должен показать исторические ошибки, выявить истинные причины русской трагедии, которую народ ценой жертв и лишений претворил в Победу, в величие Отечества.

Как сказал В. В. Путин в начале своего ежегодного Послания Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года, этот юбилей — «весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революции в России. Не только для историков, ученых — российское

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий.

Это наша общая история, и относиться к ней нужно с уважением. Об этом писал и выдающийся русский, советский философ Алексей Федорович Лосев. «Мы знаем весь тернистый путь нашей страны, — писал он, — мы знаем томительные годы борьбы, недостатка, страданий, но для сына своей Родины все это свое, неотъемлемое, родное».

Уверен, что у абсолютного большинства наших граждан именно такое ощущение Родины, и уроки истории нужны нам, прежде всего, для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь.

Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки. Давайте будем помнить: мы единый народ, мы один народ, и Россия у нас одна»¹.

Именно к единению всегда призывала и призывает Русская Православная Церковь, которая с первых дней Февраля оказалась ввергнутой в революционную пучину и приняла на себя главный удар богоборческих властей. Во избежание повторения ошибок следует подробно разобраться в причинах и последствиях церковной трагедии, начавшейся с «церковной революции».

Церковь Христова как Богочеловеческий организм и ее свойства

...написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих...
(Мф. 4:4)

...написано также: не искушай Господа Бога твоего...
(Мф. 4:7)

...отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи...
(Лк. 4:8)

Хлеб, чудо, власть — те, присущие человеческому бытию категории, посредством которых подвергался искушениям Христос в пустыне. Христос выдержал их, «слово уст Его осудило сатану» (Ефрем Сирин. Толкование на Четвероевангелие). Но по свидетельству Луки дьявол оставляет Иисуса Христа лишь «до времени» (Лк. 4:13) и продолжает свои искушения позже через народ иудейский и даже через учеников Спасителя, строя новые козни. Эти искушения проходят через всю христианскую историю и затрагивают уже укрепившуюся христианскую Церковь и христиан.

¹ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>.

«Церковная революция» 1917 года в России явилась звеном драматической цепи этих искушений и противоборства Бога и сатаны, когда на время темные силы беззакония поколебали христианские устои. Свт. Иоанн Златоуст говорит, что христианин сможет противостоять искушениям дьявола, если будет подражать Христу — Главе Церкви Христовой. Поэтому богоборческие силы, захлестнувшие Россию в начале XX века, обрушились в первую очередь на Русскую Православную Церковь. Но для того, чтобы понять все трагические события и последствия так называемой «церковной революции», надо уяснить, что же такое «Церковь».

Если коротко, то Церковь Христова есть от Бога установленное общество людей, соединенных Православною верою, законом Божиим (заповеди), священноначалием (каноническим, то есть законным духовенством), едиными Таинствами (в Православии их семь). Это общество возглавляется и управляется Самим Господом Иисусом Христом по воле Бога Отца и одушевляется, живится и освящается Духом Святым. Основатель христианской Церкви — Господь Иисус Христос, Богочеловек. Сам Господь во дни Своей земной жизни не называл общество Своих учеников Церковью, и само название Церкви относил к будущему времени: «...создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18). Общество учеников стало Церковью в день Пятидесятницы, когда на учеников Христовых сошел Святой Дух и навеки соединился с Церковью в лице апостольской общины.

К Церкви принадлежат, во-первых, все верующие во Христа, живущие на земле, во-вторых, души скончавшихся в вере и, в-третьих, космические ангельские миры. Поэтому Христову Церковь можно условно разделить на две части — земную и небесную. Земная — это все православные христиане, живущие сейчас на земле. Эту Церковь в богословии еще именуют «воинствующей», потому что христиане борются, в первую очередь, со своими грехами и пороками, с силами зла, а также иногда и с проявлениями бесовщины.

«Церковь небесная», или «торжествующая», — это ангелы и души всех усопших в вере и покаянии. Все члены как «воинствующей», так и «торжествующей» Церкви соединены с Господом, как со своим Главой, и в Нем друг с другом. В Послании к Ефесянам святого апостола Павла Иисус Христос прямо именуется: «...главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1:22, 23).

Таким образом, Церковь — это не просто человеческая организация, общество верующих, но живой Богочеловеческий организм, в основе которой лежит Личность Богочеловека Иисуса Христа. Будучи телом Христовым, Церковь также соединяет в себе два естества или две природы — божественную и человеческую — с присущими им действиями или энергиями. Мы составляем Церковь — мы, люди грешные и борющиеся с грехом, падающие, немощные и восстающие. Но главное то, что человечество в Церкви представлено также одним Человеком (с большой буквы), Единственным, Кто в полном смысле *человек* — это Господь наш Иисус Христос, Который во всем подобен нам, кроме греха.

Основные свойства Церкви как Богочеловеческого организма определяются словами Никео-Константинопольского Символа Веры: «Верую... во Едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь...». Церковь едина, ибо создана по образу Троицкого Бога — Святой Троицы и состоит из множества отдельных личностей, скрепленных единством веры и таинств.

Святость Церкви обусловлена не только святостью Христа как ее Главы, но и святостью, к которой призваны все ее члены (к святости призван каждый христианин). Церковь Соборна, или вселенская, то есть объединяющая христиан не только в пространстве, но и во временах. Апостольство Церкви заключается в том, что она основана апостолами — учениками Иисуса Христа, сохраняет верность их учению, имеет от них преемство (через епископат) и продолжает их служение на земле.

Таким образом, Церковь связана с миром по своей человеческой природе. Более того, земная Церковь состоит из простых людей. А людям, как известно, свойственны как добрые, так и злые деяния и поступки, которые определяют в том или ином русле ход человеческой, в том числе и земной церковной истории. Церковь, с одной стороны, для нас является предметом веры, но, с другой стороны, мы Церковь наблюдаем и в истории. Церковь веры нам представляется в каком-то изумительном сиянии святости, красоты, величия. Церковь на земле в ее истории порой представляется нам тусклой, а порой трагичной, а порой вызывает недоумение: какое соотношение есть между Церковью, которую мы исповедуем как *святую*, и той Церковью, которую *мы* собой представляем. Что же мы за общество? Мы — больное общество, мы больны смертностью, мы больны грехом, мы больны колебанием между добром и злом. Апостол Павел в свое время говорил: *из-за вас имя Божие хулится* (Рим. 2:24). Поэтому Церковь еще называют врачевницей или лечебницей, по слову Христа, что «не здоровые имеют нужду во врачах, но больные» (Мк. 2:17).

В статье речь пойдет о Церкви как организации со своей структурой (Церковь как институт), которая существует в конкретном государстве со своим законодательством, в определенном пространственно-временном историческом контексте. Однако эти взаимодействия, соприкосновения Церкви с миром и взаимоотношения людей в самой Церкви никоим образом не нарушают ее вышеприведенных существенных свойств: Единства, Святости, Соборности и Апостольства. Итак, когда речь идет о так называемой «церковной революции», то имеется в виду состояние Русской Православной Церкви как института в 1917 году.

В эпицентре революционных событий

Революционное возмущение или привычнее — «смутное время» — в России, кажется, является закономерным модусом исторического процесса. Не счесть, сколько раз ход истории насильно разрывался и социальный или религиозный уклад нашего Отечества подвергался революционным преобразованиям, в результате которых происходило изменение исторического качества, смена системы. Революцию называют «локомотивом истории» или «процессом социального творчества» — звучит красиво. Но что представляет собой этот, по выражению Маркса, «локомотив истории»? Что или кого кидают в его топку? Чем надо рассчитываться за возможность «социального творчества», за право небольшой группы людей изменить ход истории в нужном ей направлении? И такими ли уж массовыми и непреложными являются все революции, как нас заставляют думать?

Беспорядки, умышленно спровоцированные несвоевременными поставками **хлеба** в Петроград, начавшиеся 23 февраля (по ст. ст.) 1917 года, при-

вели к тому, что уже 27 февраля на сторону восставших стали переходить части Петроградского гарнизона. Кому-то нужно было, чтобы хлеб в точно определенный срок исчез и в точно определенный день «вдруг» нашелся. Это «вдруг» стало как будто **чудесным** следствием действия революционных сил: отстранили Царя от власти, и тут же булочные наполнились хлебом, а очереди с ликованием ушли на революционные митинги.

Как позже выяснилось, нарушил железнодорожное сообщение, вызвавшее хлебные очереди в Петрограде, скромный чиновник Министерства путей сообщения — Юрий Ломоносов, приятель депутата Думы Бубликова. Через несколько дней два этих друга с группой уголовников лично захватят министерство. Ломоносов, кстати, был приятелем еще и Ленина! Уже после Октябрьской революции его назначат уполномоченным Совнаркома по закупке паровозов за границей. Умрет в Лондоне! Напрасно нас убеждают, что Февраль обошелся без большевиков. Они тоже были в числе «расшатывателей устоев и подгрызателей опор»!

Те, кто организовывал Февральскую революцию, понимали, что надо торопиться, так как через несколько месяцев Россия одержит полную победу в войне, и самодержавие докажет свою силу. Идея голода была для заговорщиков наиболее подходящей, хотя в реальности все было иначе. «И союзники России, и ее враги в феврале 1917-го давно жили по карточкам. Все продукты там распределялись строго по нормам. Никакого свободного рынка в Европе на тот момент не было! Только тотальная мобилизация и учет всего — та экономическая политика, которую потом большевики, ничего не придумав — только слямзив, назовут «военным коммунизмом»!...

...А в России на момент Февральской революции по карточкам распределялся лишь сахар. Все остальные продукты, вплоть до красной и черной икры, находились в свободной продаже. И было их столько, что хватило бы даже не на две, а на три России. Есть красноречивый пример. Уже когда закончится не только Февральская, но и Октябрьская революция, и немцы после Брестского мира весной 1918-го войдут в Киев, их поразит, прежде всего, обилие еды. Кайзеровские солдаты будут пялиться на витрины киевских магазинов, переполненные колбасами и булками. И нажираться от пуза впервые за всю войну»¹.

Да, на начало Февраля голода в столице не было, и ничто не предвещало такого стремительного развития революционной ситуации и смены **власти**. Нет причин сомневаться в выводах и фактах, изложенных в воспоминаниях товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя И. Д. Жевахова о почти незаметном, не предвещающем трагического развития начале Февральской революции 1917 года. «Возвратясь в Петербург 24 февраля 1917 года, я застал в столице необычайное возбуждение, которому, однако, не придавал никакого значения. Русский человек, ведь, способен часто прозревать далекое будущее, но еще чаще не замечает настоящего. Менее всего я мог думать, что те ужасные перспективы, о которых я предостерегал своими речами и которые чуяло мое сердце, уже настали, и что Россия находится уже во власти революции... Я не хотел, я не мог в это верить. Проехав перед тем тысячи верст, я видел не только полнейшее спокойствие

¹ Бузина Олесь. Расстрелянная правда / сост. А. А. Бобров. М.: Алгоритм, 2015. С. 279.

и образцовый повсюду порядок, но и неподдельный патриотический подъем; я встречался с высшими должностными лицами, со стороны которых не замечал ни малейшей тревоги за будущее; все были уверены в скором и победном окончании войны и, в откровенных беседах со мной, жаловались только на то, что один Петербург, точно умышленно, создает панику, а Государственная Дума разлагает общественное мнение ложными сведениями о положении на фронте. Видел я и возвращавшихся с фронта солдат, и направляющихся на фронт новобранцев, и любовался их бодрым настроением и веселыми лицами, их уверенностью в несомненной победе, их молодежеским видом и выдержкою. Не испытывало никаких лишений и население. Всего было вдоволь...»¹. А в учебниках истории, прежних и настоящих, рассказывается о восставшей против Царя поголовно всей России. Так ведь без лжи революции не делаются, как говорит автор названных воспоминаний, «... всякая революция есть ложь: она начинается и проводится надувательством и обманом, ибо есть порождение дьявола — отца лжи»². Ложью запугивают население, ложью побеждают.

Всего за 4 дня до начала революции во всех кафедральных соборах России в Неделю торжества Православия (19 февраля по ст. ст.) все архиереи Русской Православной Церкви возглашали: «Помышляющим, яко православнии Государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению и при помазании на царство дарования Духа Святого к прохождению великого сего звания на них не изливаются: и тако держащим против их на бунт и измену: анафема». Почему же так скоро эти слова оказались забытыми? Почему оказалась забытой клятва на верность династии Романовых, данная в 1613 году, и присяга лично Государю Императору Николаю II? Почему находящиеся в Петрограде члены Святейшего Синода не потребовали очной ставки с «отрекшимся» Царем, ведь статус государственной Церкви позволял это? Почему избылось понимание того, что **любая революция есть сатанинское дело**, и иссякла память о том, что первым революционером был сам сатана? Куда делся страх того, что даже бездеятельная поддержка революции, даже простое непротивление ей может считаться грехом для православного христианина и тем более для пастыря.

Размышлять о самой кровопролитной, бесчеловечной революции 1917 года легче, опираясь не на современные либеральные умозаключения, а на свидетельства современников и участников событий вековой давности, на достоверные документы, открывающие не только фактическую сторону события, но проявляющие идеологическую подоплеку, раскрывающие истинный нравственный смысл происходящего. О том, в каких сферах вершилась русская революция, можно представить также по воспоминаниям очевидца князя И. Д. Жевахова, который в силу своего государственного положения оказался в эпицентре революционных событий. Будучи помощником Царя, одним из выдающихся деятелей Святейшего Синода, он, человек глубоко верующий, всей своей жизнью был предан Отечеству, пытался отстоять императорскую Россию, ее исконный уклад жизни, основанный на Господних истинах, показывал искусственность дурмана, проникшего во все слои рус-

¹ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя И. Д. Жевахова. М.: Родник, 1993. Т. 1. С. 284.

² Там же. С. 286.

ского общества и охватившего даже правительство и армию. К несчастью, в разрушении русской государственности принимали участие не только враги России, но и те, кому была вверена ее охрана, кто стоял на страже ее интересов.

Будучи арестованным и размещенным в Таврическом дворце, многое видел князь. «Нет слов, во что превратился Таврический дворец!.. Базарная площадь провинциального города в дни ярмарки, в праздничный день казалась чище, чем залы этого исторического дворца, заплеванные, покрытые шелухой подсолнухов, окурками папирос и утопающие в грязи...

Я встретился по пути с Милюковым и его быстро бегающими, хитрыми глазами крысы... Он был окружен ... солдатами и рабочими, у которых заискивал и перед которыми принимал умильные, предупредительные позы. “Преступник и предатель!”» — подумал я, глядя на него с презрением...

Видел я и пастырей Церкви, членов Думы, но ни один из них не сделал даже движения в мою сторону; а, между прочим, еще так недавно они приносили мне горячие благодарности за проведение пенсионного Устава духовенства; еще так недавно величались моим вниманием к их нуждам»¹.

«Преступником никто из нас не был; укрываться от преследований не учился: такие приемы претили нашему нравственному чувству, и вот почему Керенскому не стоило ни малейшего труда арестовать всех нас... Но величаться такой победой, конечно, мог только глупый человек.

С Керенским я не был знаком, но встречал его в Думе. Это был типичный еврей-неврастеник... Он был весь на пружинах, упивался славой и верой в себя и свое призвание. Безмерно честолюбивый, он не сознавал, что производил впечатление глупого, бездарного актера провинциального театра и что над ним смеялись даже те, кто создавал ему его славу. Это был совершенно неменяемый человек, производивший до крайности гадливое впечатление»².

И таким лидерам верили, за ними шли. Значит, была почва. Князь Жевахов свидетельствует и размышляет о революционных настроениях в других слоях населения. Вот диалог с молодым человеком 18—19 лет, выходящим из семьи священника:

«— Ваш Синод вдвойне виноват перед народом, так как умышленно тормозит его развитие.

Я посмотрел на болвана и спокойно спросил его:

— Почему вы пришли к такому несправедливому заключению?

— Как почему! — запальчиво спросил юноша, оказавшийся семинаристом. — А зачем вы насильно загоняете народ в церкви и школы?.. Ведь это насильственное обучение Закону Божию детей даже не христианских вероисповеданий, каких я слышал, много на Кавказе, где есть и евреи, и магометане, ведь это же возмутительное издевательство над свободой!

Я не мог не улыбнуться, глядя на этого болвана, и сказал ему:

— В первый раз слышу, чтобы народ насильно загоняли в церковь или евреи и магометане насильно обучались бы Закону Божию. Об этом вам нарочно наговорили, а вы и поверили.

¹ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя И. Д. Жевахова. М.: Родник, 1993. Т. 1. С. 295.

² Там же. С. 297.

— Как наговорили! — вспыхнул семинарист, — мой отец сельский священник, и я это лучше знаю, чем вы... Народу церковь не нужна; все это выдумки попов, чтобы обирать народ»¹.

Проясняет настроения народа и беседа князя Жевахова с солдатом, также убежденным в намерении священников грабить народ.

«Оно не то, примерно сказать, чтобы производилось ограбление, а, так сказать, вымогательство, потому, значит, как не заплатишь, так тебя и не повенчают, али чего и другого не совершат»².

Князю Жевахову, который знал эту проблему и много занимался облегчением материального положения священников, удалось если не переубедить поработанного пропагандой солдата, то заставить задуматься над причинами происходящего. «Значит, не по природе своей, не по убеждению этот православный человек ругался на Церковь, добавляя, “коли бы по деревням была настоящая власть, то ничего бы и не случилось и народ жил бы по-Божьему. Там, где власть, взять бы Земского, была смелою да строгою — там все шло по-иному”. Мужик ищет правды, а строгости не боится.

Что я мог возразить солдату, если он указал на первопричину всех причин, родивших зло, разложивших нравы, опустошивших народную душу, указал на либерализм, доведший Россию до гибели, на безверие, лежавшее в основе этого либерализма, искавшего дешевых эффектов... Несчастные, обманутые люди! Что я мог сказать им в ответ, когда знал, что их распропагандированные товарищи разорвали бы на куски каждого, кто решился бы пойти к ним спасать их, когда **психоз проник уже в самую толщу народа, и вся Россия превратилась в сумасшедший дом!**»³.

В дни Февраля стало очевидно, что у населения сильны представления о духовенстве как об «агентах старого режима». Священнослужители везде были на виду, и происходящее в храмах неизменно привлекало к себе всеобщее внимание. В отчете за три месяца со дня начала работ Отдела сношения с провинцией (учрежден ВКГД 10 марта 1917 года) сообщалось: «Наибольшие симпатии к старой власти и наименьшую активность в возвещении начал нового строя проявило, между прочим, духовенство. Нет почти ни одного делегатского отчета, в котором не было бы указания на это»⁴. Не вызывает сомнения, что и свержение самодержавия воспринималось некоторыми священно- и церковнослужителями как крах привычной картины мира и вызывало настоящий шок. «Православная Церковь встретила свержение самодержавия не как самостоятельная структура, а как государственное ведомство, в котором служители алтаря действовали в качестве чиновников, обязанных подчиняться начальству... Любое не негативное высказывание священников о павшей династии воспринималось как контрреволюционное выступление. Февральские события в Петрограде были отмечены разрушением храмов, а в Александро-Невской Лавре произошла реквизиция части помещений. Вместе с тем часть духовенства связывала со свержением само-

¹ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя И. Д. Жевахова. М.: Родник, 1993. Т. 1. С. 300–301.

² Там же. С. 307.

³ Там же. С. 327.

⁴ Соколов А. В. Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. С. 133–135.

державия надежды на возможность изменения существующего положения в церкви, ее всестороннего обновления»¹.

О подобной ситуации нашего времени, подготовившей Киевский майдан, ставший результатом западных манипуляций и технологий, мы можем судить как очевидцы такого же тщательно спланированного массового психоза. То, что все это майданное действо давно готовилось, стало понятно, когда киевские газеты начали писать о секретных тренировочных лагерях «свободовцев», куда журналисты не допускались. Бюджет на Евромайдан закладывали огромный. Любая революция — это деньги, деньги и еще раз деньги. Чем больше вложишь в темное буйство «масс», чем круче заведешь пропагандистскую пластинку в мозгах сочувствующих, тем большую прибыль в результате получишь.

Современный Евромайдан — хорошая иллюстрация для понимания переворота, удавшегося сто лет назад. Ведь после него, когда люди частично одумались, тоже встал вопрос — почему это случилось? Почему победило зло, неправда, неверие? Потому что, как говорит философ А. С. Панарин, «порок получает наибольшее вознаграждение — и это не по воле слепого случая, а согласно рецептам либерального технологизма»². Эти технологии, прежде всего, направлены на сокрушение народного духа, христианской веры. В основе любого революционного оболванивания лежат не социальные факты, которые есть просто декорация или предлог, а, главное, **религиозный элемент**.

С загадочными снайперами Киевского майдана перекликается даже дезинформация, что в феврале 1917 года царская власть установила на крышах пулеметы, из которых полиция вела огонь по восставшим. «Вопрос о том, кто в действительности стрелял с крыш по улицам Петрограда, остается открытым, однако историками признается, что выстрелы были единичными и пулеметы для рассеивания толп не применялись»³. «В февральские дни православные храмы не только не являлись огненными точками царской полиции, но сами стали жертвами обстрелов. Однако важен даже не этот вывод сам по себе, а то восприятие церкви народом, которое продемонстрировали случаи с “призраками” на колокольнях. Ведь кроме имевшей место **истерии**, связанной с поисками по чердакам и подвалам врагов народной свободы, необходимо признать наличие негативного отношения революционных солдат и рабочих к духовенству, в котором видели сторонников и защитников старого строя. Поэтому с такой легкостью принимались на веру и распространялись слухи об укрывающихся в храмах и на колокольнях полицейских. Неуважение к религиозным святыням проявилось с самых первых дней Февраля, и то, с каким остервенением вчерашние прихожане стали расстреливать храмы, свидетельствует о катастрофическом падении авторитета Церкви у населения накануне революции. Таким образом, мы видим, что вовсе не большевики первыми иници-

¹ Соколов А. В. Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. С. 146–147.

² Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 240.

³ Соколов А. В. Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. С. 108.

провали “гонение” на Православие: разрушение церквей началось задолго до Октябрьского переворота»¹.

В Православии Царь — «Удерживающий», Богом вменяется Царю охранение вверенного ему народа от крайних демонических проявлений. Значит, для успеха сил зла надо убрать Царя. Вот как говорит об этой взаимосвязи украинский писатель — историк Олесь Бузина, лично познавший мрак и беспощадность революции XXI века, ставший ее жертвой. «Царь не просто держит в руках скипетр и державу. Он — удерживает мир от прихода Антихриста. Не только нас, русских, избранных Богом сохранить светоч истинной веры, но и всю землю. Стоило пасть монархии в России, и через год рухнули короны в Германии и Австро-Венгрии. Ночь нацизма накрыла Европу. Зажглись топки концлагерей. Вот она — мистическая связь между евреем-террористом Мордехаем Богровым, стрелявшим в Столыпина — премьер-министра православного Царя, — и его безымянным соплеменником, сгоревшим в печи Дахау. Причина и следствие. Выстрел Богрова услужливо открывал ... дверь газовой камеры и дверцу крематория — расчищал путь Гитлеру. Пули Юровского и его подручных, прекративших в Екатеринбурге земную жизнь православного Императора и членов его Семьи, — это первый порыв ветра Провидения, который загонит топор в железную башку Троцкого. Масонская наглость начальника Генерального штаба Алексеева, потребовавшего у Государя отречься в дни Февраля, приведет его к позорной смерти беглеца в обозе Деникинской армии, а не к славе победителя во Второй Отечественной войне, как называли Первую мировую в тогдашней России. Душевная слабость Николая II, позволившего себе на мгновение забыть об обязанностях помазанника Божия и поддаться на уговоры Алексеева и ему подобных, вместо того, чтобы сказать: “Вы можете убить меня, господа, но я — ваш Император, и я не отрекусь, и пусть кровь моя будет на вас”, ввергнет Царя в тот самый подвал, где ждет пуля Юровского. Все замыкается. Спасения нет. Ибо Царь отрекся от своего народа. А народ отрекся от своего Царя. И горе всем тому поспособствовавшим. Всем»².

Да, можно удивляться недомыслию людей, которые за социальными лозунгами, за фальшивой пропагандой не увидели истинных причин — ненависти ко Христу и войны против Православия. И сегодня этот религиозный элемент является основополагающим всех противостояний и революций.

Предпосылки

Февральская революция 1917 года, ставшая детонатором «церковной революции», полностью изменила жизнь православных верующих по всей России. Как было замечено князем И. Д. Жеваховым, ни общероссийских массовых выступлений, ни явных причин к ней не было, но искренний, верующий, православный российский народ, подвергшийся тотальному либеральному обману, распропагандированный и сбитый с фундаментальных

¹ Соколов А. В. Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. С. 119–120.

² Бузина Олесь. Расстрелянная правда / сост. А. А. Бобров. М.: Алгоритм, 2015. С. 277–278.

религиозных смыслов, был насильно поставлен перед выбором. Первейшей и главной предпосылкой переворота следует считать чудовищную фальсификацию так называемого «отречения» Николая II. Ненавистникам России нужно было пленить «Удерживающего» от мирового зла и высвободить тьму беззакония. Нужно было разрушить государственную власть, которая является установлением божественным (Рим. 13:1). Она призвана препятствовать распространению зла и содействовать утверждению добра (Рим. 13:3, 4). Именно такой, богоугодной государственной власти учение Церкви призывает христиан быть законопослушными и исполнителями ее повелений. Противящийся власти противится Божью установлению. (Рим. 13:2). Посягательство на власть или бунт против нее признается Церковью грехом.

Постановочный Акт «отречения» или точнее «отрешения» от власти законного Главы государства Императора Николая II являлся необходимым, чтобы народ поверил в «предательство» своего Царя и людям не на что стало опереться в исканиях и колебаниях. Масоны прекрасно это понимали, поэтому так хорошо все срежиссировали на выбранной тупиковой станции с красноречивым названием «Дно». По сей день это кощунственное событие, замутненное множеством версий и легенд, остается темным пятном в российской истории. Хотя по закону обратной перспективы, чем дальше отстоит от нас трагическое время, тем полнее проявляются его истинные события, которые полностью скрыть невозможно.

И сегодня уже не остается сомнений в том, что Николай II не по доброй воле подписал Манифест отречения, если вообще подписал (?). Подлинного документа нет, а ведь в оригинальном документе в высшей степени были заинтересованы лица, фактически арестовавшие Царя. Если бы был оригинал Манифеста, то его бы сфотографировали (с фотографией тогда проблем не было) и фотографии Манифеста опубликовали бы во всех газетах и журналах. Это было бы для всех неопровержимым вещественным доказательством. А так — только афиши на заборах, тумбах и смутные оттиски в газетах... Царь был пленен «изменой, трусостью и обманом», высшими офицерами из своего доверенного окружения. Основные Законы Российской Империи никакого «отречения» Царствующего Императора от Престола не предусматривали (а стало быть, оно было полным беззаконием). Еще до «отречения» Временное правительство уже вывесило над Зимним дворцом красный флаг. Надо сказать, что в эти дни широко использовался красный революционный флаг, который по постановлению Юридического совещания от 25 апреля 1917 года был заменен на национальный бело-сине-красный.

Но если даже принять версию, что Николай II сам решил отречься от престола, вызывает недоумение процедура этого отречения. Все мы были свидетелями недавних громких отречений папы римского Бенедикта XVI и Президента России Бориса Ельцина. Папа римский решил отказаться от престола по возрасту и состоянию здоровья, он заранее уведомил о дне отречения итальянскую газету *Corriere della Sera*, символично выбрал время: соответствующее заявление сделал на латинском языке накануне Пепельной среды 13 февраля — это начало Великого поста у католиков. Борис Ельцин выбрал для своего досрочного ухода канун Нового года и Нового тысячелетия и обратился к россиянам по телевидению с объяснением своего решения. Почему же Николай II (если предположить, что это было добровольное решение) отрекся тайно, да еще и на станции с названием,

символизирующим провал его политики? Потому что тогда хоть телевидения и не было, но любопытных журналистов и газетчиков было не меньше. Почему Государь не мотивировал свое отречение благом Отечества, почему не обратился к Государственному Совету и Государственной Думе, лично к народу, ведь спрашивал же он у членов Святейшего Синода разрешение стать Патриархом Русской Православной Церкви и согласия не получил? Почему же все произошло так, как произошло?

Как бы ни было, 4 марта 1917 года был предъявлен Манифест об отречении Императора Николая II от Престола в пользу своего брата Великого князя Михаила Александровича. «Однако оригинала никто не видел вплоть... до 1928 года, когда он был обнаружен в архиве Академии наук в Ленинграде. Это был набранный на печатной машинке текст, где подпись Николая II сделана карандашом (!). Отсутствуют титул Императора и личная Императорская печать. Вот этот самый документ до сих пор считается оригиналом манифеста и хранится в Госархиве РФ! Понятно, что документы госважности никогда не подписывались Государем карандашом. В 2006 году исследователь Андрей Разумов фактически доказал, что “карандашная подпись” взята с Приказа Николая II по армии и флоту от 1915 года. “Переведена” по специальной технологии... Говорят, что Император сам составил манифест. На самом деле документ был написан генералом Рузским и Председателем Государственной Думы Родзянко за несколько дней до событий. Государь его даже не видел. Подпись Императора подделали. После “написания” манифеста об отречении 8 марта 1917 года, Императора арестовывают официально. Заговорщики испугались, что, если Государь выйдет из-под контроля, он сразу же заговорит и опровергнет свое отречение. Император, Императрица и дети до самой кончины были под жестким домашним арестом»¹.

Но этой подделки оказалось достаточно, чтобы 4 марта в своей проповеди архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов) заявил, что «Акт» об отречении — это якобы тот «документ, которым Царь Сам освобождает нас от присяги, данной на верное ему служение», а посему «освобожденные Самим Государем от присяги Ему, мы имеем в лице Временного Правительства, Государственной Думой учрежденного, вполне законную власть», которой «должны теперь повиноваться, как повиновались не за страх, а за совесть Государю своему»². Накануне отречения Святейший Синод в резкой форме отклонил предложение обер-прокурора Н. П. Раева выступить в защиту рушащейся монархии. Охваченные революционными настроениями прихожане начали пристально следить за речами священников, и даже простое упоминание в положительном ключе бывшей царствующей династии вызывало обвинение в «черносотенстве» и «контрреволюционности». Образующиеся по всей России на базе губернских масонских лож комитеты общественной безопасности и советы первым делом начали «изучать» действия местных епархиальных преосвященных в плане их лояльности новому строю.

¹ *Мультатули П.* Николай II не отрекался от престола. Знаменитый манифест — фальшивка века? <http://www.aif.ru/society/history/14475>. 24.02.16.23-35.

² *Троицкий П.* Русская Церковь в Февральской революции. http://www.zlev.ru/167/167_16.htm.

9 марта Святейший Синод выпустил обращение «К верным чадам Православной Церкви», опубликованное в «Вестнике Временного правительства». Февральский переворот характеризовался там словами «свершилась воля Божия», и далее шло: «Россия вступила на путь новой государственной жизни». 9 марта 1917 года Святейший Синод обратился к народу с призывом принять волю Николая II и Великого князя Михаила Александровича и признать власть Временного правительства. Так Церковь пыталась освободиться от государственной опеки и надеялась в дальнейшем руководствоваться собственными духовными принципами, отвергающими принцип Симфонии властей.

Очень удобный повод оправдания греха клятвопреступления. Выгодно было «добровольное» отречение Царя и для Временного правительства, претендующего на законность своих революционных полномочий. Акт «отречения» будто автоматически устранял действие верноподданнической присяге Царю. Так Государственная Дума и учрежденное ею же Временное правительство провозгласили акт самозванства, подтвердив, что революция — есть беззаконие, подготовка пришествия Беззаконника, «которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными» (2 Фес. 2:8).

Надо отметить, что Император Николай II более всех помазанников заботился о Церкви, стремился к идеалу православного монарха, был кротким и благочестивым. Против него-то и был направлен удар церковных реформаторов, позже оформившихся в так называемое обновленчество. Накануне Февральской революции в церковных кругах была широко распространена привнесенная масонами ложная теория, будто Симфония Церкви и Царства является не благом для Русской Православной Церкви, но помехой церковному развитию, будто поддержка Церкви Самодержавным Царем есть насилие над ее свободой, есть унижение Церкви и рабская зависимость от светской власти. Поэтому реорганизация церковной структуры, изменение порядка назначения епархиальных архиереев, отстранение епископов, негодных новому правительству, сходило с рук и не воспринималось как узурпация прав монарха.

В начале революции обер-прокурором Святейшего Синода или, как говорили, главой Ведомства православного исповедания, стал В. Н. Львов, ставленник Временного правительства. Здесь надо подчеркнуть, что это наименование условное, в перечне ведомств Российской Империи такого ведомства нет, нет устанавливающего юридического документа и юридического статуса, хотя это название было на слуху. А вот о том, как правильно называлась сама русская Церковь, знали, наверное, немногие: Греко-Российская Православная Церковь. И она никогда не была на положении ведомства. Эти нестыковки заставляют заглянуть в историю, обратиться к причинам их возникновения, коренящимся в реформах Петра I. Идеологом Царя Петра был архимандрит Феофан (Прокопович) — создатель сочинения «Правда воли монаршей». Составлено оно было по поручению Самодержца, намеревавшегося законным путем оградить от власти своего наследника Царевича Алексея. Положения этого сочинения по многим пунктам отличались от традиционного понимания взаимоотношения государства и Церкви.

Противоречие между традиционным Православием и новым рационалистическим «светским» миропониманием достаточно быстро переросло в ду-

ховное противостояние двух религиозных сознаний, наметился процесс десакрализации царской власти и как следствие — деперсонализация личности монарха. Как считает доктор исторических наук С. В. Перевезенцев: «Рационалистическое переосмысление прошлого и настоящего России имело вполне зримые и неоднозначные последствия, в том числе идейно-политические. К примеру, в ходе утверждения “рационализма” возникла одна серьезная проблема — десакрализация как идеи власти, так и самой государственной власти. С одной стороны, Петр I и его наследники разделяли убежденность своих предков в том, что власть русских монархов имеет своим истоком Божественное происхождение. Однако с другой стороны, признавая Божественное происхождение своей власти, российские государи впервые в русской истории отказались от достижения в своей деятельности каких-либо духовных целей. Следовательно, произошел разрыв с предшествующей духовной русской традицией, в соответствии с которой Российское государство есть, прежде всего, государство истинной Православной веры»¹.

Во многом это было следствием устранения Патриаршества. Вопрос о его ликвидации связан с негативным отношением Петра I к должности Патриарха, ведь глава Церкви именовался Великим государем, а в Вербное воскресенье Царь должен был вести за узду лошадь, на которой восседал Патриарх. Самолюбивому Петру I хотелось не только такого же почитания, но полной самостоятельности в делах и абсолютной духовной независимости. Взамен Патриаршества Петром I был восстановлен Монастырский приказ, в ведение которого передавалось управление церковными вотчинами, ему вменялось посредничество между Церковью и государством. Позже Петр I подписал Указ об учреждении Духовной Коллегии, которая постепенно была переименована во Святейший Синод. Титул «Святейший» по мнению Царя больше подходит собранию — синоду, чем отдельному человеку. Святейший Синод был поставлен под контроль государства, осуществлявшийся через обер-прокурора. Исполнять контрольные функции обязывали даже священников, им предписывалось раскрывать содержание исповеди преступников и неблагонадежных граждан. Постепенно единство пастырей и паствы разрушалось. В записке С. Ю. Витте «О современном положении в Православной Церкви» (1904) говорится: «Учрежденный Преобразователем России Синод носит только внешние, отнюдь не канонические черты соборности. В нем соборное начало подменено коллегиальностью. Сущность соборного начала не в том, что во главе правления стоит не одно, а несколько лиц, а в том, что каждое из этих лиц является представителем целой общины. Коллегиальность же есть система внутренней бюрократической организации»².

Но Церковь в своем сакральном бытии не может быть подвергнута никаким насильственным реформам или трансформациям по усмотрению кого бы то ни было. Она может существовать даже в отсутствие государства. Как говорил Христос, «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Матф. 18:20).

Много старался обер-прокурор В. Н. Львов, упиваясь своей мнимой властью, чтобы «освободить» Церковь от «реакционного», то есть верно-

¹ Перевезенцев С. В. В поисках нового консерватизма. // Родная Ладога. № 4 2016 г. СПб. Издательский дом «Родная Ладога». С. 47.

² Цит. по Экономцев Иоанн, игумен. Православие. Византия. Россия. М.: Христианская литература, 1992. С. 160.

го Помазаннику епископата, не соответствовавшего духу нового времени. Первым делом Львов потребовал устранения из Синода митрополитов двух столиц — Петрограда и Москвы. Сразу же были отстранены митрополиты Питирим и Макарий. В новый состав из прежнего Синода вошел только архиепископ Сергей (Страгородский), которому предстояло через десятилетия в сане Патриарха искупить ошибки иерархов и начать восстановление погубленной Русской Православной Церкви.

14 апреля 1917 года масон В. Н. Львов получил от Временного правительства указ о роспуске прежнего состава Синода и назначении нового. Свою хитрую синодальную ротацию он объяснял также стремлением к сплочению духовенства по признаку отношения к госперевороту, дабы не расшатывать духовную иерархию. Львов пытался на своей деликатной должности вести себя как «революционный диктатор». Его отличало вызывающее поведение по отношению к архиереям, он победил, добившись указа Временного правительства об отставке Синода. «Церковная революция апреля-августа 1917 года показала слабость центральной власти на местах, а выбираемые в епархиях архиереи получали гораздо больший авторитет и поддержку, чем назначенный сверху Синод. Можно даже сказать, что Львов 14 апреля использовал “последний патрон” в обойме: после этой даты Временное правительство больше не вмешивалось во внутренние вопросы церковного управления»¹, благодаря чему и появилась возможность проведения Поместного Собора и выборов Патриарха. Лишь 14 июля 1917 года Временное правительство утвердило «Закон о свободе совести».

Львов легко убедил духовенство признать Временное правительство. Синод, полностью потерявший понимание значимости Богоустановленной власти, не поднял голос в защиту Царя, настойчиво повторяя, что Царь сам отрекся. А кто из членов Святейшего Синода был свидетелем этого эпохального события?

«Синод не просто узаконил клятвopеcтyплeниe, не отменив предыдущую присягу и начав приводить к новой. С церковной точки зрения даже свергнутый с престола Государь оставался Помазанником Божиим. Члены Петроградского религиозно-философского общества, обсуждая на своих заседаниях 11–12 марта церковно-государственные отношения, оказались гораздо последовательнее Синода, когда постановили довести до сведения Временного правительства следующее: «Принятие Синодом акта отречения Царя от престола по обычной канцелярской форме “к сведению и исполнению” совершенно не соответствует тому огромной религиозной важности факту, которым Церковь признала Царя в священнодействии коронования Помазанником Божиим. Необходимо издать для раскрепощения народной совести и предотвращения возможности реставрации соответственный акт от лица церковной иерархии, упраздняющий силу таинства Царского миропомазания, по аналогии с церковными актами, упраздняющими силу таинств брака и священства»². Недавно канонизированный Русской Православной Церковью архиепископ Серафим (Соболев) делал вывод, что «царская са-

¹ Соколов А. В. Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. С. 236.

² Троицкий П. Русская Церковь в Февральской революции. http://www.zlev.ru/167/167_16.htm.

модержавная власть основана на Священном Писании», поэтому «основные истины о Царе и его власти можно назвать догматами царского и государственного права, как об этом свидетельствует митрополит Филарет (Дроздов)»¹. Так, отрекшись от монархии, представлявшей интересы Церкви, она подписала себе смертный приговор, который очень скоро был приведен в исполнение.

Следует признать охлаждение к вере народа и значительного числа священников, особенно выходцев из народной среды. К началу XX века, и особенно во время Первой мировой войны, религиозность русского народа в целом заметно пошатнулась. Не редкостью стали неверующие, не понимающие сакральных истин священники. И таковых было много, иначе не объяснить того, что в среде рядового духовенства, как белого, так и черного, и церковнослужителей, отношение к перевороту было восторженным. Февральская революция рассматривалась иерархией и клириками Русской Церкви не как общенациональная трагедия, а как простая смена одного государственного строя другим. Наше тогдашнее священноначалие обнаружило полное забвение учения Церкви о государственной власти, о Симфонии Церкви и Царства, грехе клятвопреступления.

Надо сказать, что к Февралю 1917 года все российское общество было психологически подготовлено к смене строя. Расшатывание самодержавных устоев началось с революции 1905 года, сигналом к которой стало «Кровавое воскресенье». Революционные силы «в темную» использовали харизматичного священника Георгия Гапона, имевшего огромный авторитет среди рабочих, тогда еще доверявших слову священника. Нелегалы на рабочие массы влияния не имели, но ловко сумели «подружить» Гапона с «комиссаром» Рутенбергом Пинхусом Моисеевичем. Этот «закадычный друг и соратник» Гапона не только разрабатывал и воплощал сценарий революционных выступлений в столице в январе 1905 года, но в 1906 году лично руководил убийством мятежного священника. Гапон к тому времени стал для заговорщиков ненужным, отработанным материалом, вдобавок он начал прозревать истинные цели своих друзей-комиссаров, заключавшиеся в уничтожении не только царской власти, но и самой России. Вдохновленные удачной мистификацией с Гапоном революционеры-эсеры во главе с Азефом Евно Фишелевичем пошли дальше, стали рассматривать варианты покушения на Венценосца. «Обсуждался проект, согласно которому удар Царю нанесет священник (был один готовый на дело юноша, который только что окончил семинарию и мог по протекции родных получить место близ Царского Села)»². Другим способом это намерение было успешно осуществлено в Февральскую революцию, достаточно легко вовлекшую в свои водовороты и Церковь.

Возможные результаты «церковной революции» вдохновленные «свободой» священнослужители начали коллегиальным образом обсуждать уже через несколько дней после насильственного отрешения от власти Помазанника Божия Царя Николая II. Приоритет в этом принадлежит собраниям духовенства столичных и губернских городов. Несколько позже, начиная

¹ *Соболев Серафим, архиепископ.* Об истинном монархическом мирозерцании. СПб., 1994. С. 40, 42.

² *Шубинский В. И.* Азеф. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 252–253.

со второй половины марта, по всей стране стали созываться многочисленные епархиальные, викарианские, городские и благочиннические собрания и съезды духовенства.

В марте и апреле эти съезды собирались по инициативе самих рядовых священнослужителей или местных архиереев. 5 мая 1917 года определением Святейшего Синода Русской Православной Церкви всему российскому духовенству было дано официальное разрешение на проведение на местах различных съездов с участием представителей духовно-учебных заведений и прихожан. На них обсуждению подлежали не только вопросы, касающиеся местных дел, но и проблемы, вызванные происшедшими переменами в политической жизни страны. Решения съездов по каждому вопросу принимались в виде отдельных резолюций.

На формирование мнения приходского духовенства о революционных событиях влияло несколько факторов. Первый из них — это позиция Синода, распоряжениям которого (например, об изменении богослужебных чинов и молитвословий) православные священнослужители подчинялись согласно внутрицерковной дисциплине. Так, например, 22 марта 1917 года Синод рекомендовал епархиальным архиереям изъять всю монархическую литературу из епархиальных храмов и монастырей.

Вторым фактором являлся **революционный настрой, доходивший до массового психоза**, охвативший с первых чисел марта 1917 года часть населения страны. В те дни монархические идеи были крайне непопулярны. В отчете обер-прокурора Святейшего Синода дана характеристика морального состояния православного населения, составленная (на материалах своей епархии) Екатеринославским епископом Агапитом (Вишневским), в которой преосвященный разделил прихожан епархии на три категории. Самой малочисленной он назвал людей русско-православного мировоззрения и старинного уклада. К наиболее многочисленной категории, по его мнению, принадлежали люди, чья вера была неясной и неглубоко проникала в их жизнь. Они, отдававшие все силы организации своей бытовой жизни, по мнению епископа, настоящими ревнителями веры не были. К третьей категории Владыка отнес представителей молодого поколения, которых коснулся «современный тлетворный дух отрицания и сомнения, дух гордыни и неповиновения»¹. Эти молодые люди, писал епископ Агапит, «мечтают о новой революции, от которой ждут для себя “земного рая”, то есть всеческих благ и удовольствий для тела, а главное — ничегонеделания»². В соответствии с такими отчетами **государственный переворот воспринимался как насущная необходимость для спасения России**.

Третьим фактором, определявшим позицию духовенства, являлось отношение к революционным событиям местных правящих архиереев. Февральский переворот нарушил ход церковной жизни, обернувшись для многих представителей духовенства настоящей трагедией. Местные епархиальные преосвященные, которые наряду с губернаторами являлись в глазах насе-

¹ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост., авт. предисл. и коммент. М. А. Бабкин. М.: Индрик, 2008.

² См. подробнее: Всеподданнейший доклад обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. СПб., 1913. С. 153–157.

ния представителями самодержавной власти, не имея достоверных сведений из столицы и не получая руководящих указаний от Синода, вынуждены были в первые революционные дни принимать самостоятельные решения, не всегда соответствовавшие происходящим событиям. Многие послания и обращения епископов конца февраля — начала марта 1917 года опубликовал М. А. Бабкин, блестящий анализ действий преосвященных провели П. Г. Рогозный и А. В. Соколов. Основываясь на этих исследованиях, можно составить реальную картину.

Епископы своими распоряжениями, проповедями, официальными посланиями и зачастую личным примером давали подчиненным определенную установку на оценку произошедшего переворота. Мнения архиереев, как правило, сильно влияли на позицию рядовых священнослужителей, если епископы пользовались авторитетом у своей паствы. В противном случае духовенством, зачастую при участии местных органов новой власти, предпринимались меры для увольнения своих архиереев с их кафедр. В некоторых епархиях съезды духовенства и новообразованные церковные советы открыто выступили против своих архиереев, ходатайствовали перед Синодом об удалении («чистке») неугодных иерархов под всевозможными предложениями: за излишнюю строгость и взыскательность, за деспотический нрав, за имевшуюся у них в прошлом репутацию черносотенцев, за связь с Г. Распутиным и т. п. Следует отметить, что большинство обвинений в адрес епископата базировалось на слухах и анонимных доносах, не подтвержденных никакими фактическими данными. В некоторых российских епархиях в 1917 году подобные методы «церковного большевизма» принимали скандальный характер, однако Святейший Синод, несмотря на общий паралич власти в России, пытался сохранять роль решающего арбитра.

За первые месяцы Февральской революции было уволено около полутора десятков правящих архиереев¹, причем большинство из них было отправлено Синодом в отставку по ходатайствам местных епархиальных съездов, часть из которых находилась под сильным влиянием комитетов общественной безопасности. Такие факты весной 1917 года были нередки и имели место вследствие проходившей в тот период «церковной революции», явления уникального для России. Она заключалась в том, что рядовое духовенство пыталось даже радикальными мерами, как правило, против воли своих архиереев, провести реформы во внутреннем строе Православной Церкви и добиться установления социальной справедливости в церковно-приходской жизни.

Почему же приходское священство так активно приняло революционные изменения? Для того чтобы это понять, следует обратиться к истории, к характеристике того, какое место священник занимал в государстве и в народной среде императорской России. Приходское духовенство ближе других сословий было к народу, к крестьянству, которое на протяжении веков оставалось глубоко верующим. Приходские священники кроме собственно религиозных функций исполняли и ряд чиновничьих обязанностей, вели метрические книги, лечили, учили, сообщали прихожанам государственные указы и распоряжения. То есть являлись тем звеном, через которое государ-

¹ Бабкин М. А. Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году. Ч 1. 23 июня 2012 г. <http://relig-articles.livejournal.com/52064.html>.

ственная власть общалась с народом. При всех этих обязанностях государственного обеспечения у приходских священников не было. Материальное положение России не позволяло перевести священников на государственное жалование, хотя этот вопрос прозвучал в начале 1860-х годов, когда появились первые публикации, посвященные данной проблеме. К началу XX века только небольшая часть священников получала казенное жалование. Но на протяжении всей своей истории духовенство было малообеспеченным социальным слоем, которому приходилось тяжело в первейших заботах о пропитании. Не было секретом, что священники, особенно сельские, голодали в прямом смысле этого слова.

Как писали «Московские церковные ведомости» в 1906 году, «Материальное положение нашего духовенства не из завидных. Небогато живут наши сельские священники; только при деревенской простоте жизни и можно сводить концы с концами. Притом и это скудное обеспечение дается со страшною тяготою и постоянными уколами совести: и у народа ничего нет, а священник все же должен с него брать»¹.

«Священники постоянно говорили и писали о своей бедности, а крестьяне (их прихожане), чьи жизненные потребности были иными, постоянно упрекали своих пастырей в жадности и скупости. Например, большую часть своего дохода клирикам приходилось тратить на образование детей, что для крестьянина не являлось насущной необходимостью»².

Изменение отношения паствы к своим священникам, которым подчас не хватало времени активно заниматься духовным просвещением и воспитанием своих прихожан, и священников к пастве зависело и от перемен, охвативших все государство в начале XX века, в частности, от индустриализации и становления рабочего класса, повлиявшего на смену идеологии. Очевидной становилась антирелигиозная и антицерковная пропаганда и политика культурных слоев общества и части светских властей под лозунгом: «Со Христом против Церкви». Особенно усердствовала в этом направлении интеллигенция. Так, на заседании религиозно-философского общества в Петрограде 8 ноября 1915 года было высказано Л. М. Добронравовым следующее мнение о Русской Православной Церкви: «Мне безразлична ее форма, протестантская она или католическая, имеет ли она иерархию или нет, и каноны безразличны... Что касается того, что Церковь сейчас находится в состоянии паралича, что слышен запах тления, то мне кажется, что Церковь издает его не с прошлого дня, не с прошлого года и не десятки лет, а с того времени, когда Церковь до такой степени вошла в связь с государством, что государственные акты совершаются Божией Милостию, ею освящены насилия и т. д. Может быть, с государственной точки зрения и нужно, чтобы духовник исповедовал осужденного на смертную казнь и провожал его на место казни, но для меня, как для христианина, это довод отвратительный. Может быть, для нашего национального сознания и гордости восхитительно и превосходно, что священник с крестом в руках ведет в атаку полки, но для меня, как для христианина, это образ тоже отвратительный. Церковь в теперешнем ее виде, как она существует, то есть в виде учреждения, кото-

¹ Необычные для нашего времени речи // Московские церковные ведомости. 1906. № 31. 6 августа. С. 313.

² Белоногова Ю. И. Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 151.

рое регламентируется всякими разъяснительными циркулярами, записками, распоряжениями епархиальной власти, обер-прокуроров и пресловутыми канонами, Церковь в том виде, как она есть, это Карфаген, который должен быть непременно разрушен, не во имя каких-нибудь случайных мирозерцаний, а Церковь теперешняя должна быть разрушена во имя Христова»¹. Так что блоковское «в белом венчике из роз — впереди Иисус Христос» возникло не на пустом месте.

Для противостояния всем новым опасностям и тенденциям Церкви требовались изменения, необходимо было обновить приходскую жизнь, усилить пастырскую работу. Во многом этому мешало отсутствие у прихода прав собственности и юридической самостоятельности, которая позволила бы на уровне прихода решать многие вопросы не только церковно-просветительские, но социальные. Церковь ожидала перемен, она их с наивным воодушевлением приняла в феврале 1917 года, не осознавая истинных подоплек революции и ее трагических последствий.

Со стороны рядовых клириков достаточно громко звучали голоса о желании повсеместного введения выборного начала, установления выборности епископата, о необходимости участия приходских священнослужителей в управлении епархиями, об уравнивании в правах белого, женатого, и черного, монашеского, духовенства, о передаче управления епархией белому духовенству, о справедливом распределении между членами причта церковных доходов².

Но жизнь Церкви никогда не исчерпывалась и не сводилась к деятельности только ее органов управления, и даже если бы эти органы были совсем уничтожены, то Церковь от этого не перестала бы существовать как Богочеловеческий организм. Важнейшие сферы церковной жизни — богослужение, богословие и благочестие синодальная система никак не затрагивала и не могла затронуть. Поэтому требовался не слом внешней ограды Церкви и не освобождение ее от обязанности государственного служения, а лишь починка этой ограды и более правильное распределение обязанностей.

Также на формирование политической позиции приходских священнослужителей сел и небольших уездных городов оказывал влияние еще один фактор: **мнение о революционных событиях духовенства крупных городов, в том числе и профессоров Духовных академий**. Зачастую в этих промышленных, транспортных и культурных центрах имела значительная концентрация антимонархически настроенного населения. Под влиянием общественной атмосферы оказывалось и многочисленное городское духовенство.

Аресты и высылка представителей духовенства начались сразу после Февральской революции. Чаще всего они происходили по инициативе но-

¹ Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге—Петрограде: История в материалах и документах: 1907—1917: в 3 т. / Московско-Петербургский Философский Клуб; Федеральное архивное агентство; Российский государственный архив литературы и искусства; Библиотека — фонд «Русское Зарубежье» / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатурян и др. Т. 3: 1914—1917. М.: Русский путь, 2009. С. 258—259.

² Комиссия по реформе прихода, работавшая накануне революции, вынуждена была констатировать катастрофическое положение рядового духовенства и низших церковнослужителей. В среде последних в годы войны были зафиксированы даже случаи голодной смерти. См. подробнее: Материалы заседаний комиссии по реформе прихода // РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 3.

вых местных властей, советов, комитетов и т. п., мотивирующих свои решения якобы реакционными действиями епископов и священников. Особенно преследовались православные архиереи. Исследуя феномен «церковной революции», П. Г. Рогозный отметил, что наиболее конфликтные ситуации у епархиальных архиереев возникали потому, что комитеты общественной безопасности и советы видели в них агентов «старого режима». Местные власти всеми способами старались избавиться от неугодных им владык.

Таким образом, вследствие различного влияния перечисленных факторов духовенство Русской Православной Церкви на местах занимало неоднородную позицию относительно революционных событий: от выражения откровенной радости по поводу свержения монархии до заявления об аполитичном отношении к государственному перевороту. Но мнимая февральская свобода скоро превратилась в кровавое порабощение Церкви.

Революционные иллюзии

В Карелии (тогда Олонецкая губерния) происходили те же процессы, что и по всей России, только более жестко, непримиримо, безжалостно. Из доклада наркома внутренних дел КАССР С. Т. Матузенко на XIV областной партконференции в 1938 году: «Сегодня на территории Карелии остался один поп, да и то только потому, что болен подагрой и не может ходить. Со всеми остальными попами дело покончено. (Смех в зале)»¹. Статистика объективна: перед войной в 1941 году — ни одного храма. А как романтично все начиналось в 1917 году под лозунгами свободы, равенства и братства!

Из постановлений Олонецкого епархиального съезда духовенства и мирян 18 июня 1917 г.²

1. Епархиальный съезд духовенства и мирян Олонецкой епархии приветствует совершившийся государственный переворот, укрепивший русский народ и давший Церкви свободу самоуправления, и вместе с тем благоговейно вспоминает и молитвенно чтит память борцов за свободу народа и независимости Церкви, а равно благословляет живых, которые стали во главе народного движения к свержению старого строя.

2. Хотя свободная Христова Церковь может существовать при всякой форме государственного устройства, но более благоприятные условия развития церковной жизни дает демократическая форма государственного управления.

3. Съезд признает, что с падением царского самодержавия вся полнота народной власти перешла к Временному правительству, которому выражает полное доверие, высказывает свою готовность содействовать водворению и укреплению на местах нового строя и призывает Божие

¹ Чухин И. Карелия-37: идеология и практика террора // Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 40.

² Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост., авт. предисл. и коммент. М. А. Бабкин. М.: Индрик, 2008. С. 188.

*благословение на исторические труды Временного правительства для блага Родины*¹.

В данном постановлении говорится о приветствии духовенством государственного переворота. Обновление страны ассоциировалось у церковных пастырей с наступлением коренных демократических изменений в государственной и общественной жизни. Духовенство публично и официально высказывало свое видение будущего страны, построенного на началах свободы, равенства, братства, правды, добра и справедливости.

Приходское духовенство в целом, рассматривая вопрос о причинах, вызвавших Февральскую революцию, не говорило об остром политическом и экономическом кризисе в стране. В резолюциях некоторых съездов указывалось, что события в России произошли «по воле Божией и народа». Тем самым фактически утверждался тезис о богоугодности революционных событий, которые воспринимались как «весна России», как «Пасха Красная»².

**Телеграмма министру-председателю
князю Г. Е. Львову Олонецкого епархиального
съезда духовенства и мирян 18 июня 1917 г.**³

*Одушевленный порывом созидательной работы на благо свободной церкви, Олонецкий епархиальный съезд духовенства и мирян приветствует народное Правительство в его стремлении укрепить в стране законность, порядок и свободу, довести войну до конца, достойного великой России, обеспечить братский международный мир и дать исстрадавшейся родине желанное успокоение. С нами Бог*⁴.

Известия о революционных событиях, происходивших в Петрограде в феврале 1917 года, пришли в тихий, провинциальный Петрозаводск с опозданием, и поначалу лишь в виде слухов, иногда противоречивших друг другу. Местная организация РСДРП, созданная политссыльными еще в период первой революции 1905–1907 годов, прекратила свое существование и была возрождена только к 1917 году⁵. Пролетариат был крайне немногочислен — его представляли лишь рабочие Александровского завода, лесопильных заводов Кеми, Сороки, к их же числу, правда, с большими оговорками, можно отнести рабочих Мурманской железной дороги (их русской

¹ Журналы Чрезвычайного съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии. 17–25 июня 1917 г. // Олонецкие епарх. ведомости. Петрозаводск, 1917. Приложение к № 16. Офиц. отдел. С. 23–24.

² *Рогозный П. Г.* «Церковная революция»: март-август 1917 года // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. С. 58.

³ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост., авт. предисл. и коммент. М. А. Бабкин. М.: Индрик, 2008. С. 284.

⁴ Журналы Чрезвычайного съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии. 17–25 июня 1917 г. // Олонецкие епарх. ведомости. Петрозаводск, 1917. Приложение к № 16. Офиц. отдел. С. 14.

⁵ Очерки истории Карельской партийной организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 35, 51.

части), основную массу которых составляли вчерашние крестьяне, ставшие чернорабочими. Главными вдохновителями революционных идей в немногочисленной рабочей среде были политические ссыльные — недоучившиеся студенты, рабочие, взявшие на себя после событий 1905 года организацию митингов. С 1916 года в Олонецкий край перестали ссылать членов разного рода запрещенных партий ввиду большого скопления рабочих на строительстве Мурманской железной дороги. К началу революционных потрясений 1917 года Петрозаводск жил обычной повседневной жизнью.

В конце февраля 1917 года в местной печати не публиковалось никаких сведений о том, что происходит в столице. Только после того, как среди горожан, разными путями узнававших о последних событиях, началось заметное для губернской власти волнение, 4 марта было опубликовано обращение Городской думы к населению с сообщением об избрании Временного правительства. Ночью с 3 на 4 марта на концерте в здании Общественного собрания (кинотеатр «Триумф») был прочитан Манифест об отречении от Престола Государя Императора Николая II. Несколько человек, приехавших вечером из Петрограда, руководили разоружением находившихся здесь представителей местной полиции. Сразу после концерта началось многолюдное собрание с участием интеллигенции, рабочих и офицеров 7-го железнодорожного батальона (строившего участок Мурманской железной дороги) под председательством полковника К. Д. Межинского. На нем было решено создать Комитет общественной безопасности (КОБ), которому должны были подчиниться все учреждения, с целью сохранения порядка в городе при отсутствии полиции. Состав Комитета на протяжении его существования менялся несколько раз. Первым председателем его стал адвокат И. И. Леви, о котором в городе говорили, что если он брался за какое-либо судебное дело, то заранее можно было быть уверенным, что дело выиграно¹.

Кроме него в комитет также вошли К. Д. Межинский, Р. Л. Прушевский, В. П. Лядинский, Лебедев, Бергер (впоследствии осужденный за мошенничество). Утром 4 марта из Петрограда в Петрозаводск прибыли еще несколько революционных матросов и солдат, которые обезоружили всю городскую полицию и жандармерию, отобрали у некоторых горожан хранившееся оружие, произвели обыски и арестовали жандармского подполковника. Это свидетельство полного паралича власти. На Александровском заводе был организован массовый митинг с выступлениями нескольких ораторов, а затем — многолюдная манифестация с участием оркестра 7-го железнодорожного батальона, которая прошла с пением песен и красными флагами по центральным улицам Петрозаводска до вокзала². Вечером того же дня на экстренном совещании Городской думы в присутствии многочисленной публики был избран новый состав Комитета общественной безопасности. Его главой стал известный в городе потомственный купец и благотворитель Г. Е. Пименов, членами — гласные Городской думы, представители земства, местной интеллигенции, рабочих, воинских частей, от духовенства — ректор Олонецкой Духовной семинарии протоиерей Николай Чуков (впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий). После низложения

¹ Митрофанов А. М. Записки старого петрозаводчанина. Петрозаводск, 1987. С. 74.

² Крылов В. Первые дни революции в Петрозаводске // Известия Общества Изучения Олонецкой губернии. 1917. Т. 9, № 1—3. С. 22—23.

губернской администрации Комитет стал единственным органом местной власти, не прекратив свое существование и после официального назначения комиссара Временного правительства инженера И. Ф. Кучевского. Еще один представитель петрозаводского духовенства, ключарь кафедрального Свято-духовского собора протоиерей П. Метелев был занят в работе Комитета — его избрали в продовольственную комиссию КОБ¹.

5 марта 1917 года после утреннего богослужения в Петрозаводском кафедральном соборе епископ Иоанникий (Дьячков) прочитал перед прихожанами манифесты Государя Императора об отречении и Великого князя Михаила о передаче власти Временному правительству. Затем был совершен благодарственный молебен Господу Богу, возглашение имен царской фамилии на богослужениях с этого дня было навсегда прекращено. Еще спустя несколько дней, 9 марта Петрозаводск отмечал «праздник Свободы», в котором наряду со всеми участвовало и духовенство. Перед Святодуховским собором собралась многочисленная толпа, прибыли войска железнодорожного батальона с оркестром с лозунгами «Свобода, равенство, братство!», «Да здравствует новое правительство!», «Да здравствует республика!». Затем на площади перед храмом появились командир бригады полковник Алексеев с офицерами, а из собора вышло духовенство в белых праздничных облачениях во главе с епископом Иоанникием. В данном случае в угоду политической конъюнктуры был нарушен церковный устав, предписывающий духовенству в дни Великого поста носить черное или темно-фиолетовое облачение (9 марта 1917 года пришлось на вторую неделю Великого поста). Прозвучал знаменитый гимн Д. Бортнянского «Коль славен наш Господь в Сионе»², затем под открытым небом началась панихида по «павшим за свободу России» в дни переворота. Впервые в истории города в панихиде участвовало несколько тысяч человек. После того как была пропета «вечная память», епископ Иоанникий пошел по рядам войск и народа, стоявшего на площади, благословляя крестом и окропляя святой водой стоявших. После этого в городе продолжился светский праздник с многотысячной манифестацией³.

Позже, в конце марта 1917 года в Петрозаводске с опозданием на неделю была устроена манифестация в память погибших в Петрограде «жертв революции», похороны которых состоялись там еще 23 марта 1917 года на Марсовом поле. Манифестанты с красными флагами прошли по центральным улицам города, и, задержавшись у кафедрального собора, пропели «вечную память» погибшим в Петрограде «борцам за свободу»⁴. В Петрозаводске было известно имя одного местного уроженца «революционера», 19-летнего А. Кузьмина, который, совершив покушение на председателя Петербургской судебной палаты, был казнен в 1908 году. Влияние большевиков в 1917 году в Петрозаводске было невелико, в местном Совете рабочих и солдатских депутатов до января 1918 года преобладали меньшевики и эсеры.

¹ Известия Комитета общественной безопасности. 1917 г., 17 марта, № 2.

² Гимн «Коль славен наш Господь в Сионе» часто исполнялся в общественных местах и на собраниях, как духовное песнопение: во время молитвы в войсках, на крестных ходах, в моменты военных церемоний, при погребении старших офицеров.

³ Крылов В. Первые дни революции в Петрозаводске // Известия Общества Изучения Олонецкой губернии. 1917 г. Т. 9. № 1–3. С. 33–34.

⁴ Манифестация // Известия Комитета общественной безопасности. 1917 г., 31 марта, № 13.

Революционные перемены затронули и приходскую жизнь в губернском центре. Впервые для того, чтобы прихожане в дни Светлой Седмицы могли принять у себя священника с крестом, им было необходимо заблаговременно предупредить об этом причт и выслать приглашения. Это было сделано для того, чтобы после объявленной правительством свободы вероисповедания не «оскорбить» чувства тех, кто не желал видеть священника в своем доме в праздничные Пасхальные дни¹.

В 1917 году «февральские» настроения распространялись на все большее число жителей Петрозаводска, в том числе и на духовенство. Священник П. Метелев публикует в местной печати следующее объявление: «Граждане! Нам не нужны бронзовые романовские медали и другие знаки — отдадим их на нужды обороны!...» Протоиерей Н. Суперанский, охваченный общим порывом, написал стихотворение «Гимн свободе», начинавшееся такими словами:

*«Отчизна ль Россия? — того мы не знали,
Жалкую участь влача здесь рабов.
Во имя царизма в нас мысль подавляли,
Боялись живых человеческих слов...»².*

Потом, на строительстве Беломорканала, или в пыточных камерах НКВД, или перед казнью в Сандормохе, где было расстреляно 11 111 человек, они услышат *такие* «живые человеческие слова», которых при Царе не слыхали.

Хотя в стране и раздавались отдельные голоса духовенства с призывами вернуться к старому порядку, но они заглушались всеобщей радостью по поводу свержения монархии. Если священник занимал контрреволюционную, «недопустимую для данного момента» позицию, то остальные зачастую публично осуждали его, заявляя об «отмежевании» от контрреволюционера, о своей «несолидарности» с ним.

Наиболее четко официальная позиция рядовых священнослужителей Русской Православной Церкви в отношении к политическому перевороту и к новому политическому строю страны была выражена на созванном по благословию Синода Всероссийском съезде православного духовенства и мирян, открывшемся в Москве 1 июня 1917 года. Среди более 1200 его делегатов фактически отсутствовали представители епископата. Причиной тому было стремление не допустить, чтобы этот съезд по своему статусу стал Поместным Собором. Декларация съезда, принятая на его заключительном заседании 12 июня практически единогласно, являлась обобщением резолюций епархиальных съездов. В ней падение монархии признавалось закономерным и «народоправие» объявлялось лучшей формой государственного устройства.

К официальному голосу клириков Русской Православной Церкви о Февральской революции можно также отнести и слова, обращенные к российскому духовенству, от священников — членов Государственной Думы,

¹ Известия Комитета общественной безопасности. 1917 г., 28 марта, № 10.

² Известия Комитета общественной безопасности. 1917 г., 19 марта, № 4; Гимн свободе // Известия Комитета общественной безопасности. 1917 г., 29 апреля, № 35.

которые 4 марта 1917 года характеризовали смену формы власти как происшедшую «для блага» народа.

Таким образом, Всероссийский съезд православного духовенства и мирян, Всероссийский съезд военного и морского духовенства, большинство епархиальных, широкий ряд городских и благочиннических съездов открыто и официально дали положительную оценку происшедшим в России революционным событиям. Анализ резолюций этих съездов позволяет сделать вывод, что в 1917 году российское духовенство в целом относилось к императорской власти не как к сакральной власти Помазанника Божьего, а как к переходной форме политической системы, соответствующей определенному историческому этапу развития России. Все высшее духовенство и подавляющее большинство рядового духовенства признали новую власть. Основная причина этого заключается не в сервиллизме иерархии и запуганности рядового духовенства, не в мнимом противостоянии «священства» и «царства», не в неких революционных наклонностях духовенства, а «в многолетнем разложении синодального строя»¹, как считает П. Г. Рогозный. «Крах всей синодальной системы, бунт низшего духовенства против иерархии, повсеместное введение выборного начала — таковы основные черты “церковной революции”»², спусковым крючком которой была ложь об отречении Царя Николая II. И все ожидания оказались ложными. Ложь порождает ложь.

Но как справедливо говорит священник Александр Шмеман, «и под этим, ставшим до конца чуждым, государственным прессом — жизнь Церкви не замирает, и “синодальный период”, вопреки очень распространенному убеждению, никак нельзя считать временем упадка, оскудением духовных сил, какого-то вырождения... За официальной, сложной, трагической историей Петербургской России мы видим снова и снова другую, никогда не прекращавшуюся: историю медленного собирания духа, “стяжания благодати”, просветления почерневшего человеческого образа — неизреченной славой Первообраза»³.

Несмотря на объявленную в 1905 году веротерпимость, именно «господствующую церковь» проправительственные и умеренно-оппозиционные силы склонны были считать главной виновницей духовного и отчасти политического кризиса. Широко было распространено представление о ее стагнации, вызванной всевластием так называемой «синодальной бюрократии»⁴. «Синодальная бюрократия» обвинялась в реакционных взглядах и в обслуживании интересов реакционного правительства.

Яркой иллюстрацией является ситуация думских выборов 1912 года. Министерство внутренних дел и ведомство обер-прокуратура попытались

¹ Рогозный П. Г. «Церковная революция»: март-август 1917 года // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. С. 56.

² Там же.

³ Шмеман Александр, протоиерей. Исторический путь Православия. М., 1993. С. 382.

⁴ Гайда Ф. А. Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. С. 18.

использовать духовенство для избрания послушных власти депутатов. Предполагалось заставить священников провести агитационную кампанию среди паствы, а также выдвинуть максимально возможное количество духовенства в выборщики и депутаты. Русский консервативный публицист, один из идеологов русского националистического движения Михаил Меньшиков выразил резкий протест против «адского плана» ввести в Думу 20 епископов и 200 священников. Он писал, что избиратель «должен послать в Государственную Думу не 200 жидов и не 200 попов, а 200 граждан — с одним заветом: спасти Россию на высоте культурного величия. Парламент наш должен быть не партийный и не сословный, а государственный, или одной **горькой ошибкой** в нашей стране и истории будет больше»¹. Кроме того, по мнению политиков, «синодальная бюрократия» оказалась погрязшей в безнравственности².

Скандалы, связанные с церковной тематикой, активно обсуждались в прессе. Наиболее распространенной была распутинская тема «о влиянии темных сил». Газеты писали, что Распутин руководит кружком, в котором практикуется «духовное и телесное сближение слушательниц с проповедником», и что он имеет «высоких покровительниц». Все это должно было внушить публике «полное отвращение, если не омерзение»³. На самом же деле личность Распутина не играла существенной роли, ибо важно было доказать не то, что Распутин падший человек, а то, что Царь окружает себя безнравственными людьми, позволяет им вмешиваться в дела империи. Личность сибирского старца Григория была использована противниками монархии как орудие против Императорской Семьи и Церкви. «Д. С. Мережковский говорит после этого, что спасение Церкви в том, чтобы она была гонима. Он желает этого гонения и думает, что иначе и быть не может, что только гонимой Церковью и может быть спасена. Дмитрий Сергеевич, по-видимому, не замечает, что Православная Церковь давно гонима. Сама гонительница, она в то же время и гонима, и последние десять лет она гонима, угнетаема и умерщвляется самым ужасным, самым постыдным образом, о чем знает весь свет, потому что весь свет теперь знает, что над русской Церковью православной стоит и попирает ее своей мерзкой ногой какой-то ужасный смердящий гад, вылезший из сибирских болот, которому поклоняются епископы»⁴. Убийство Распутина — всего лишь зримое действие незримого до поры заговора российской, французской и английской элиты⁵.

¹ Меньшиков М. О. Предвыборная тревога // Новое время. 1912. 13 сентября.

² Гайда Ф. А. Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. С. 19.

³ Непорочное сближение // Голос Москвы. 1910. 17 июня.

⁴ Соколов В. П. Природа в Церкви и ее судьба в истории // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге—Петрограде: История в материалах и документах: 1907—1917: в 3 т. / Московско-Петербургский Философский Клуб; Федеральное архивное агентство; Российский государственный архив литературы и искусства; Библиотека — фонд «Русское Зарубежье» / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатурян и др. Т. 3: 1914—1917. М.: Русский путь, 2009. С. 260.

⁵ См. подробнее: Стариков Н. В. Кто и зачем убил Распутина? // http://lit.md/files/nstarikov/1917_razgadka_russkoj_revolyucii.pdf.

А вот подтверждение существования заговора против России со слов Ленина: «Без революции 1905—1907 годов, без контрреволюции 1907—1914 годов невозможно было бы такое точное “самоопределение” всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, “разыграна” точно после десятка главных и второстепенных репетиций; “актеры” знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия. Но если первая, великая революция 1905 года... через 12 лет привела к “блестящей”, “славной” революции 1917 года, которую Гучковы и Милюковы объявляют “славной”, ибо она (пока) дала им власть, — то необходим был еще великий, могучий, всесильный “режиссер”... Этим всесильным “режиссером”, этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война... Империалистическая война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна была превратиться в гражданскую войну между враждебными классами. Это превращение начато февральско-мартовской революцией 1917 года, первый этап которой показал нам, во-первых, совместный удар царизму, нанесенный двумя силами: всей буржуазной и помещичьей Россией со всеми ее бессознательными прихвостнями и **со всеми ее сознательными руководителями в лице англо-французских послов и капиталистов**, с одной стороны, и Советом рабочих депутатов, начавшим привлекать к себе солдатских и крестьянских депутатов, с другой»¹.

Не скоро стали осознаваться истинные подоплеку произошедшего. Хотя в статье «Организация в приходах», опубликованной 15 октября 1917 года в «Олонецких епархиальных ведомостях», протоиерей Николай Чуков писал о том, что в большинстве приходов работа, начатая «революционной» весной, продвигается медленно. Отсутствие инициативы он объяснял многолетней привычкой духовенства, с одной стороны, беспрекословно подчиняться начальству и ждать его прямых указаний, а с другой, полной зависимостью от прихожан. Несколько позже, вспоминая этот момент, о. Н. Чуков писал: «...Мы большей частью пребывали в беззаботной уверенности, что революция добродушно пройдет мимо Церкви. От вопроса об отделении Церкви от государства мы думали отделаться как от назойливой мухи...»²

За десять дней до Октябрьского переворота автор названной статьи, уже не питавший никаких «февральских» иллюзий, предупреждал о том, что стало для него очевидно: «Момент серьезный и даже грозный. Нельзя спокойно ждать, что все само собою устроится... Тут опасность грозна не одним пастырям, но и всем верующим... Православная вера не будет никем защищаема..., храмы будут имуществом государства и могут быть обращены для государственных надобностей в лазареты, казармы, склады, а то и театры... Закон Божий будет изгнан из школы, ...браки могут быть без

¹ Ленин В. И. Письма из далека. 1917. ПСС. Т. 31. С. 12—14.

² Чуков Н. К., *прот.* Отделение Церкви от государства // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 3/4. 1—15 февраля. С. 19.

церковного венчания, дети без крещения, люди могут быть без всякой веры...»¹. Спустя несколько месяцев все его опасения полностью подтвердились, и это происходило на протяжении всего XX века.

Пасха Красная

Самым значительным церковным результатом 1917 года можно считать то, что на Поместном Соборе Русской Православной Церкви на Патриарший престол был избран святитель Тихон (Беллавин). Это событие, явившееся залогом спасения Церкви в дальнейшем, произошло 5/18 ноября 1917 года.

Революционные иллюзии духовенства стали рассеиваться очень скоро. «Если в марте подавляющее большинство населения испытывало эйфорию по поводу совершившегося переворота, то по мере “углубления” революции многие стали ее проклинать»².

В 1918–1930-х годах продолжалась национализация церковных земель и зданий, ликвидация монастырей, изъятие мощей, гонения на духовенство. В Олонецкой епархии ярким примером преследования за веру Христову стало разорение в 1918 году великой северной святыни Александро-Свирского монастыря и расстрел настоятеля архимандрита Евгения и двух человек, находящихся с ним. Они стали первыми мучениками на Карельской земле.

Осенью 1918 года духовенство было отстранено от совершения актов гражданского состояния. Тогда же за противодействие декрету СНК РСФСР о свободе совести, выразившееся в отказе передать государству Духовные учебные заведения, из Олонецкой епархии были высланы видные священнослужители Русской Православной Церкви: ректор, протоиерей Н. К. Чуков, председатель Совета Духовных училищ епархии священник П. В. Дмитриев, протоиереи Метелев, Дроздин, священники Звероловлев, Сперанцев и др. Северной Голгофой для русского духовенства стал Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), открытый в 1920-х годах на острове в Соловецком монастыре. Самым крупным в системе ГУЛАГа на территории Карелии был лагерь, сформировавшийся на базе строительства Беломоро-Балтийского канала в 1930–1933 годах³.

Советская власть пыталась использовать для дискредитации духовенства массовый голод 1921 года. В 1922 году, заявив о сопротивлении высших церковных иерархов изъятию церковных ценностей, власти начали судебные процессы против церковнослужителей. 4 августа 1922 года Карельская областная ЧК арестовала священников Александро-Невской церкви В. Т. Хазова, Г. И. Гумилева, а также членов приходского совета Святоду-

¹ Чуков Н., *прот.* Организация в приходах // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 22. 15 октября. С. 427–429.

² Рогозный П. Г. «Церковная революция»: март-август 1917 года // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. С. 61.

³ Сорокина Т. В. О деятельности комиссии по сбору материалов к прославлению подвижников Петрозаводской и Карельской епархии // Православие в Карелии: Материалы 2-й Международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. С. 422.

ховского собора. Они обвинялись в контрреволюционной агитации, нелояльности к советской власти.

После ареста Патриарха Тихона руководство церковной жизнью в России попытались взять в свои руки обновленцы, избравшие Высшее церковное управление. В Петрозаводске инициативная группа «Живой церкви» возникла в июне 1922 года. Ее возглавил настоятель Крестовоздвиженского собора протоиерей П. Дмитриев, он же стал уполномоченным ВЦУ. Канонический епископ Евфимий был отстранен от управления епархией, дважды подвергся аресту и был сослан в Надымский край. ВЦУ назначило новым «главой» епархии «архиепископа Вологодского» Александра (Надеждина), прибывшего в Петрозаводск весной 1923 года. Верующие разделились на два лагеря — тихоновцев и обновленцев. Горожане, поддерживающие Патриарха Тихона, сплотились вокруг Святодуховского кафедрального собора. В состав приходского совета собора входило более 40 мирян, 10 членов совета, по сведениям на конец 1924 года, были осуждены. В январе 1930 года постановление исполкома Петрозаводского совета назвало кафедральный собор «центром группировки враждебных трудящимся антисоветских элементов». 2 марта 1930 года в помещении закрытого кафедрального собора Святого Духа начала действовать общественная столовая на 5000 мест. В 1936 году здание собора было взорвано. 26 июля 1929 года была закрыта и передана под музей Александро-Невская церковь¹.

В этих условиях активизировалась антицерковная кампания. Первые ячейки Союза воинствующих безбожников в Карелии возникли в г. Петрозаводске весной 1926 года. К началу 1930 года в Карелии насчитывалось 5327 членов СВБ. 1 февраля 1930 года было принято правительственное решение прекратить колокольный звон во всех деревнях Карелии, а все колокола передать в фонд индустриализации. Храмы закрывались под разными предлогами и без предлогов, священников ссылали в концлагеря. Часто осужденные внесудебными органами, тройками ОГПУ, представители духовного сословия, священники и монашествующие приговаривались к ВМН (высшей мере наказания) — расстрелу. Все они пострадали за Христа, приняв мученическую кончину, и предостоят теперь пред Господом в сонме новомучеников и исповедников Российских.

К 1930 году из 594 храмов было закрыто 330, из 1724 часовен — 1708, из монастырей не осталось ни одного, из 1370 священников осталось только 200. К 1936 году по Карелии осталось только 100 церквей и 77 священнослужителей².

В 1937–1938 годах по стране прошла самая крутая волна массовых репрессий, в том числе против духовенства и верующих. В течение длительного времени история этой национальной трагедии была известна только в общих чертах и в намеренно искаженном виде. На словах провозгласив религию

¹ См.: *Филимончик С. Н.* Горожане и Церковь в Карелии в 1920-е гг. // Православие в Карелии: Материалы 2-й Международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. С. 440–442.

² Материалы об Олонецкой епархии в годы репрессий конец 1920-х — 1930-е годы подготовлены на основе данных из книг: *Детцнев Б. Ф., Макуров В. Г.* Государственно-церковные отношения Карелии 1917–1990 гг. Петрозаводск, 1999; Их называли КР: Репрессии в Карелии 20–30-х годов / сост. А. М. Цыганков. Петрозаводск, 1992; *Чухин И.* Карелия-37: Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.

частным делом граждан, государство с самого начала выступило сильным и коварным врагом не только религии, но и всех своих граждан — верующих, и прежде всего священнослужителей. Зачастую принадлежность человека к духовному сословию являлась причиной ареста. Жизнь в тот период контролировалась инспекторами по наблюдению и негласными осведомителями НКВД. По любому доносу священнослужители подвергались аресту. Обвинение, как правило, предъявлялось по «политической» 58-й статье — в антисоветской агитации, контрреволюционной деятельности и прочее.

«Репрессии в Карелии, — пишет известный исследователь этой темы И. Чухин, — проходили по общим планам Центра, на основе решений ЦК ВКП(б) и приказов НКВД СССР»¹. Как и всем республикам и областям СССР, республике сверху был отпущен свой специальный «лимит», который было необходимо выполнить. И. Чухин приводит следующие цифры: в 1937 г. «лимит» в общей сложности предполагал репрессировать 3700 человек (2800 — I категория, расстрел; 900 — II категория, лишение свободы).

Огромные масштабы репрессий в Карелии явились следствием, по данным И. Чухина, двух агентурных разработок, заведенных районными отделениями НКВД еще в 1936 году. Эти разработки получили названия «Повстанцы» и «Диверсанты». Реализация первой началась в июне 1937 года. Все районные отделения НКВД включились в соревнование по борьбе с «повстанцами». В ходе этой операции было арестовано: священников, диаконов, монахов — 63 человека, «церковников» — 124 человека².

Самым «передовым» в борьбе с «врагами народа» оказался Заонежский райотдел (РО) НКВД: на территории Заонежского района находилось максимальное, по сравнению с другими районами республики, количество духовенства и действующих храмов. Большинство священников, служивших в Заонежье, являлись выпускниками Олонецкой Духовной семинарии, в которой сохранялись лучшие традиции воспитания духовных пастырей, поэтому церковная община в этом районе была достаточно сильна. Это не могло остаться незамеченным местными органами НКВД.

Аресты производились сотрудниками Заонежского (РО) НКВД без предъявления обвинительных материалов, лишь на основании справок местных сельсоветов³. Справки-характеристики на тех, кого планировалось арестовать, председатели сельсоветов писали под диктовку начальника райотдела милиции в его кабинете. Согласно установившейся практике арестованным не давали читать протоколы допросов. В них оперативными работниками дополнительно вносились недостоверные показания, «изобличавшие» обвиняемых, с признаниями собственной вины и именами «сообщников». Генеральным прокурором СССР А. Вышинским был сформулирован тезис о том, что признание обвиняемым своей вины является главным доказательством. Именно на этом — на «выбивании» признаний — строилось все «следствие» 1937 года. В работе с арестованными применялись избиения, угрозы, издевательства, допрос «стойка», непрерывный допрос,

¹ Чухин И. Карелия-37: идеология и практика террора // Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 36.

² Там же. С. 40.

³ Чухин И. Указ. соч. С. 30, 57; Архив УФСБ по РК, фонд уголовных дел. Д. П-5455. Т. 1. Л. 204.

фальсификация материалов, «корректировки» протоколов и подлоги, широко использовались показания умственно отсталых людей¹.

Расстрелы начались в конце октября и продолжались до марта 1938 года, но большинство заонежских священнослужителей погибло в ноябре-декабре 1937 года. Всего за шесть месяцев 1937 года в районе не осталось не только духовенства, но и многих верующих, членов церковных советов. С этим связано и относительно большое число арестованных в районе женщин. К духовной оппозиции властям была отнесена и большая группа учителей². Одному Богу известно, через какие страдания им пришлось пройти, прежде чем завершился их земной путь.

Массовые аресты, проходившие по всей Карелии, не могли не затронуть и петрозаводское духовенство. В столице республики к концу 1930-х годов осталось всего две действующие кладбищенские церкви. В одной из них, во имя св. вмц. Екатерины, служили тихоновцы, в другой, Крестовоздвиженской — обновленцы. Репрессии коснулись и тех, и других. Дело, заведенное на священнослужителей Екатерининской церкви, содержащее в числе прочих материалы на протоиерея Николая Богословского, дало в наше время основание к канонизации этого пастыря в сонме новомучеников и исповедников Российских. Только одному Богу ведомо, что пришлось пережить в условиях неволи и мучений отцу Николаю, которому к тому времени было уже шестьдесят два года. Но он не подписал ни одного из тех протоколов, в которых от него требовалось признать выдвинутые против него обвинения в «контрреволюционной деятельности». 2 ноября 1937 года тройка НКВД Карельской АССР приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Богословский был расстрелян 4 ноября 1937 года, в день Казанской иконы Божией Матери³. 25 марта 2004 года на заседании Священного Синода под председательством Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от Петрозаводской и Карельской епархии в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века был включен священномученик Николай.

Невозможно было оценить последствия репрессий духовенства для епархии. Характеризуя ситуацию, И. Чухин приводит в своей книге выдержку из доклада наркома внутренних дел КАССР С. Т. Матузенко на XIV областной партконференции: «Сегодня на территории Карелии остался один поп, да и то только потому, что болен подагрой и не может ходить. Со всеми остальными попами дело покончено. (Смех в зале)»⁴. Такая политика государства привела к тому, что в 1940-х годах Олонецкая епархия перестала существовать как самоуправляющаяся: были разрушены или закрыты практически все храмы, уничтожено духовенство. С 1 сентября 1944 года Олонецкая епархия утратила свою самостоятельность и перешла в ведение Ленинградской и Новгородской митрополии, которая назначала благочинных для управления делами. Попытка церковного руководства (митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова)) восстановить в

¹ Чухин И. Указ. соч. С. 16, 48, 51; Архив УФСБ по РК, фонд уголовных дел. Д. П-5455. Т. 1. Л. 204.

² Чухин И. Указ. соч. С. 95.

³ Архив УФСБ по РК, фонд уголовных дел. Д. П-3708. Л. 60, 61.

⁴ Чухин И. Указ. соч. С. 40.

Карелии самостоятельную епархию была предпринята только в 1947 году, однако не увенчалась успехом. В течение двух лет, в 1947—1949 годах, на Олонецкую кафедру назначались архиереи, но власти не допустили возрождения самостоятельной Олонецкой епархии. В результате с 1949 года епархия управлялась митрополитами Ленинградскими и Ладожскими, а восстановление ее самостоятельного статуса произошло только в 1990 году.

«Последствия этих гонений, — по словам игумена Дамаскина (Орловского), — сказываются и по сию пору. Массовое уничтожение святителей, просвещенных и ревностных пастырей, подвижников благочестия понизило нравственный уровень общества, из народа была выбрана соль, что поставило его в угрожающее положение разложения...»¹.

Однако, несмотря на проведение антицерковной государственной политики, на протяжении 1930-х годов власти вынуждены были констатировать, что население Карелии оставалось религиозным. Несмотря на гонения, сохранялось массовое посещение церквей в дни религиозных праздников, подтверждением чему служило соблюдение церковной обрядности, массовые прогулы на предприятиях, лесозаготовках и в колхозах в дни церковных праздников. Достаточно высоким был авторитет духовенства среди населения. Репрессии против православных священников, монахов и верующих продолжались вплоть до Великой Отечественной войны.

Возрождение

Первые ростки нового отношения к Церкви связаны с подготовкой и празднованием 1000-летия Крещения Руси. Это событие отмечалось не только как религиозное, но и как знаменательная веха на многовековом пути развития отечественной истории, культуры и государственности. Оно способствовало принятию нового закона «О свободе вероисповеданий». Результатом принятия его стало рассмотрение заявления верующих и регистрации новых православных приходов в городах Костомукше, Кондопоге, Пудуже, Сегеже, Олонце, поселках Пряжа, Надвоицах и других.

20 июля 1990 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и Священный Синод Русской Православной Церкви приняли решение о создании самостоятельной Петрозаводской и Карельской епархии, которая с 1949 года находилась в подчинении Ленинградской митрополии. «Самостоятельность, — отметил Святейший, — будет способствовать духовно-нравственному воспитанию, укреплению семьи, честному отношению к труду, что всегда проповедовала и будет проповедовать Русская Православная Церковь»².

Так, почти на век растянулись последствия «церковной революции». Возрождение Русской Православной Церкви, начавшееся в конце 80-х — начале 90-х годов, тоже не было гладким. В системе кризисов и стереотипов, когда государство надеялось на церковное послушание и подчинение себе Церкви,

¹ Дамаскин Орловский, игумен. История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации // 2000-летию Рождества Христова посвящается: Специальный выпуск «Вестника архивиста». М., 2001. С. 97.

² Степанова Э. Д. Очерки Православия в Карелии / авт.-сост. Э. Д. Степанова; Федерал. Агентство по образованию, Мин-во культуры и по связям с обществ. РК, ГОУВПО «КГПУ». Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2008. С. 204.

а Церковь предполагала установление с государством отношений, способствующих общественному благу, эти отношения оставались противоречивыми. Но никакие светские установки не могут исказить Промысел Божий, отвернуть от Христовой Церкви народ, почти сто лет находившийся под испытанием своей веры и пострадавший за нее. Отступников от веры по сравнению с исповедниками и мучениками было много-много меньше. Иначе не восстали бы из руин церкви и монастыри, не был бы разгромлен фашизм, не прекратились бы разделения внутри самой Православной Церкви. За этот век много было явлено свидетельств о Воскресении Христа и Святой Его Церкви.

И это ли не доказательство Божиего промысла, Божией помощи и необходимости сбережения «христианского чувства истории». Как говорит А. С. Панарин, «Человеческие попытки заполучить запланированную историю, развивающуюся в заранее заданном направлении, тщетны в принципе, ибо человеческая история слишком серьезное дело, чтобы принадлежать человеку, — она принадлежит Богу. Если бы она безраздельно попала в руки человеческие, она давно бы уже закончилась»¹.

История России не закончилась тогда, когда, казалось, к тому сложились все поводы и причины, когда был пленен «Удерживающий» — законный правитель России — помазанник Божий Царь Николай II, и тьма беззакония объяла Православное Царство. Россию, которая во многом была виновата в том, что с ней случилось, милосердный Господь передал под Покров и попечительство извечной Заступницы — Богородицы, чудесно явившейся в день отрешения Императора от Престола в образе «Державной» иконы. Как сказал в день памяти явления иконы Божией Матери «Державная» Святейший Патриарх Кирилл: «Ушел Царь, но Сама Богородица возглавила страну, и Покров Божией Матери не снимается с нашего Отечества». Так что самым важным юбилеем 2017-го из всех следует считать 100-летие восшествия на русской Престол Богородицы Державной, которое чудесным образом состоялось в страшный и освященный Божией благодатью день 2 (15 по н. ст.) марта 1917 года.

Как сказал на Всемирном Русском Народном Соборе 2016 года выдающийся современный писатель Владимир Николаевич Крупин, «не будь этого явления, Россия бы тогда погибла: она не может существовать, если над ней нет спасающей защиты сил небесных. Те жертвы, та кровь, которые были вызваны вмешательством в русскую жизнь идей европейского безбожия, вызвали к жизни русское православное сопротивление. Такого поклона православных иконе Божией Матери не было от века. И не будет потом до похорон священномученика Патриарха Тихона. Было народное предчувствие близкой грядущей катастрофы».

Катастрофа произошла, но Русь-Россия не погибла. Сегодня Церковь возрождается, и истории не видно конца. Происходят не поддающиеся рациональному объяснению события, как, например, возрождение храма Христа Спасителя в Москве, восстановление древнего Владимирского собора в Херсонесе — первой русской купели. А возвращение Крыма! Велики заслуги в том наших властей и простых людей, но, очевидно, не без Божией помощи Крым, словно голубь небесный, плавно спускающийся с небес, приник к матушке России, не окропив ее неоправданной кровью.

¹ *Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 238.*

Наверное, потому Господь являет нам во укрепление эти чудеса и знамения именно сейчас, что встают перед современной Россией и ее Церковью новые, зловещие, неизвестные ранее вызовы. Например, — «соблазн интеграцией», втягивание России в систему «европейских ценностей» с требованием отказа от собственных традиционных устоев, от своей тысячелетней Церкви. «Требуют отказа от привычного статуса центра всего Православного мира — соседние автокефалии должны быть предоставлены самим себе, точнее, мощным иноземным и иноверческим влияниям. Требуют либеральной терпимости и диалогу с другими конфессиями — без предварительных условий, с “чистого листа”. Иными словами, требуют идейного разоружения, отказа от принципов в духе установок “открытого общества”», для которого понятие принципов, как и понятие границ, является чем-то предосудительным. Ну, а самое главное — требуют стереть все черты каткомбной церкви бедных и униженных с ее специфическим мироощущением и языком, обращенным к тем, кто не преуспел, кто по установившимся правилам игры в принципе не способен выиграть и потому чувствует и мыслит не прагматически, а в духе таинственного “другого измерения”»¹.

Но можно ли винить во всем только внешние силы? Не надо ли спросить себя, а сохранилось ли в нас это чувство «другого измерения», или, проще, дух Святая Русь, с ее истинной свободой — свободой во Христе, свободой от страстей и пристрастий, от ненависти и злобы, от безбожия и лени? Сохранилась ли в нас способность «различенья духов», вдохновение духовного творчества, милосердие и патриотизм? Без осознания этого мы не можем сказать, что «революция» побеждена окончательно.

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 169.

ВЫШЛА КНИГА

Потанин В. Ф.

Ангел мой. Повести, рассказы, дневники. / Куртамыш: ООО «Куртамышская типография», 2015. — 242 с.

Новая книга курганского писателя Виктора Потанина включает в себя произведения, опубликованные в последнее время в журнальной периодике и высоко оцененные читателем. Писателя, как и прежде, волнуют острые нравственные проблемы современной жизни, которые, по выражению известного критика Феликса Кузнецова, означают «углубленное внимание к тому, что в старину называлось миром народной жизни».

Остается добавить, что Виктор Потанин — лауреат многих литературных премий: имени И. Бунина, Д. Мамина-Сибиряка, В. Шукшина. Э. Володина, А. Грина и др. В этом году он стал лауреатом литературной премии Уральского Федерального округа.

В. Ф. Потанин награжден орденом «Знак Почета», орденом Почета, орденом Дружбы и многими медалями. Книга издана по заказу и на средства Правительства Курганской области.

История и современность

Анатолий СТЕПАНОВ

МОНАРХИЯ РУШИЛАСЬ, А ГДЕ ЖЕ БЫЛИ МОНАРХИСТЫ?

*К 100-летию
Февральской революции*

Анатолий Дмитриевич Степанов — родился в 1961 г. в с. Нижняя Кубань Комаричского р-на Брянской обл. Окончил исторический факультет Дальневосточного госуниверситета (ДВГУ), служил офицером в Вооруженных силах. Окончил аспирантуру СПбГУ, занимался исследованием идеологии русского консерватизма. В это же время состоял сотрудником пресс-службы митрополита Иоанна (Снычева). В 1994—1996 гг. преподаватель, зам. декана факультета политологии ДВГУ. С 2004 г. главный редактор РНЛ. Действительный член ПАНИ. Составитель (совместно с О. А. Платоновым) тома «Русский патриотизм» в «Большой энциклопедии Русского народа». Живет в Санкт-Петербурге.

Вопрос, вынесенный в заглавие, вполне закономерен. В самом деле, мы знаем о заговорщиках — финансовых и промышленных олигархах, представителях политической элиты и аристократии (среди них были даже члены Императорской фамилии) и высшего генералитета, заманивших Царя в псковскую западню, где угрозами и шантажом они вырвали у него отречение от Престола. Нам известны действия социалистического подполья, организовавшего масштабные забастовки и демонстрации в Петрограде. Нам известно и о роли западных диппредставительств и спецслужб в Февральском перевороте, прежде всего посла Великобритании в Российской империи сэра Джорджа Уильяма Бьюкенена. (Затем примеру английских спецслужб последуют германские, снабдившие Ленина и других пассажировпломбированного вагона деньгами и доставившие их на территорию нейтральной Швеции, а затем Финляндии, бывшей тогда частью Российской империи.) Из мемуаров участников Февральского переворота нам известно и о том, что многие активные участники заговора, в частности, большинство членов Временного правительства, состояли в тайных масонских и парамасонских обществах.

А где же были монархисты в монархической стране? Почему действия врагов Самодержавия не столкнулись с массовым движением сопротивления со стороны сторонников монархии, как это было в 1905—1906 годах? Вопросы непростые.

Конечно, прежде всего, надо иметь в виду, что само по себе отречение Императора от Престола и признание им легитимности Временного правительства (как было объявлено официально) многих монархистов сбило с толку, ведь все

это выглядело вполне законно. А гениальное изобретение заговорщиков с «полуотречением» брата Государя Великого князя Михаила Александровича, который не отрекся формально от Престола, но отказался принимать власть до решения Учредительного собрания, что не позволяло другим претендентам на Престол объединить сторонников монархии и превратить монархическое движение в реальную альтернативу как либеральному Февралю, так и социалистическому Октябрю. Кроме того, несмотря на распространенные пред-

Картина Ивана Алексеевича Владимирова (1860–1947) «Долой орла!» (1917–1918, Музей политической истории, Санкт-Петербург)

ставления о стихийном характере Февральского бунта, действовали заговорщики, надо заметить, очень грамотно. В первые дни революции были арестованы или вынуждены были скрываться практически все видные правые лидеры и вожди монархического движения, способные организовать хоть какое-то сопротивление.

Однако эти обстоятельства все-таки до конца не могут объяснить причины пассивности сторонников монархии в последние дни Февраля 1917 года. Для поиска этих причин стоит обратиться к предшествующим событиям.

Как известно, политические партии (в том числе правоконсервативные, монархические партии и организации) появились в России после Манифеста 17 октября 1905 года. До этого существовали только подпольные партии (социалисты-революционеры, социал-демократы). В 1905–1906 годах возникли Союз русского народа, Русская монархическая партия, Русское Собрание (как политическая организация), Союз русских людей и другие монархические организации.

Монархисты сыграли ключевую роль в подавлении революции 1905–1907 годов. Дело в том, что поначалу власть растерялась под натиском революции. Органы правопорядка к тому времени имели богатый опыт борьбы с революционным подпольем. Практически во все ключевые организации были внедрены агенты охраны, которые порой занимали серьезные позиции в подполье. Агентами охраны были руководитель боевой организации партии эсеров Евно Азеф, сын крупного киевского купца Мордка Богров, депутат IV Государственной думы, один из руководителей партии большевиков Роман Малиновский. Правда, при этом Азеф организовал целый ряд громких терактов, а Богров лично убил главу правительства П. А. Столыпина. Но некоторые теракты все-таки по их информации были сорваны, потенциальные революционные киллеры попали в руки полиции, а террористы были деморализованы провалами. Охранка внедряла своих агентов

даже в монархические организации. Так, именно агент охранного отделения Степан Яковлев, вступивший в Союз русского народа, являвшийся даже кандидатом в члены Главного совета, организовал убийство одного из видных кадетских деятелей Михаила Герценштейна, ставшее потом поводом к информационной кампании против правых.

Но полиция не имела опыта противодействия массовым уличным акциям, которые активно использовали революционеры с осени 1905 года. Манифестации с красными флагами практически парализовали жизнь многих городов, действуя угнетающе на обывателя. И тогда против них выступили такие же граждане, только правых, монархических взглядов. Массовые патриотические манифестации, организованные правыми партиями и союзами, очистили улицы городов от антиправительственных сил. Разумеется, не обходилось без стычек и насилия, а порой даже и убийств с обеих сторон. Это стоит отметить, чуть позже я к этому вернусь.

Однако тема правого террора в ходе революции, мягко говоря, преувеличена в целях информационной дискредитации правых, на самом деле имел место как раз открытый террор против правых. Монархистам, получившим прозвище «черносотенцы», либеральная и советская пропаганда ставила в вину убийство трех депутатов Государственной думы: кадетов М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса и трудовика А. Л. Караваева, а также попытку покушения на бывшего главу правительства С. Ю. Витте. На этом основании в общественном сознании прочно закрепился образ «правых террористов». Но если начать разбираться, сразу выясняется, что мы имеем дело со смесью полуправды и пристрастных интерпретаций. Ведь даже советский суд в 20-е годы установил, что убийство Караваева было совершено на бытовой почве. А об убийстве Герценштейна в 1906 году и Иоллоса в 1907 году, находясь на твердой почве фактов, можно сказать, что следствию удалось установить лишь причастность к этим убийствам некоторых лиц, имевших отношение к монархическим союзам, и не более того. Некоторые современные исследователи считают убийство Герценштейна и вовсе провокацией охранки.

Зато примеров террора против правых со стороны революционеров — великое множество. В 1906–1907 годах были совершены покушения на видных деятелей Союза русского народа: руководителя Одесского отдела графа Алексея Коновницина; председателя Почаевского отдела, настоятеля Почаевской Лавры архимандрита (впоследствии архиепископа) Виталия (Максименко); почетного председателя Тифлисского патриотического общества священника Сергия Городцева (будущий митрополит Варфоломей получил семь пуль от убийцы, чудом выжил, стал архиереем, прошел впоследствии советские лагеря и умер уже после Великой Отечественной войны) и др. Однако главным объектом революционного террора были не руководители, а простые рабочие и крестьяне, которые чаще всего становились жертвами убийц. На этот факт как-то не обращается должного внимания до сих пор. А между тем по данным, которые приводил в своей книге «Борьба за правду» присяжный поверенный П. Ф. Булацель (расстрелянный ЧК в 1919 году как заложник), только с февраля 1905 по ноябрь 1906 года, то есть менее чем за два года, были убиты и тяжело ранены 32 706 (!) человек. Можно представить размах революционного террора в то время.

Среди убитых было немало руководителей местных отделов и активистов Союза русского народа. Наемными революционными бандитами были

*Картина Ольги Федоровны Амосовой-Бунак (1888–1965)
«Революционные войска у Государственной думы» (1917)*

убиты: мастер железнодорожных мастерских Ростова-на-Дону Иван Иванович Башков, волостной старшина села Вержиево Нежинского уезда Черниговской губернии Петр Иванович Дудченко, главный мастер инструментального цеха мастерских Владикавказской железной дороги Иван Матвеевич Дорошенко, крестьянин села Шаповаловка Борзенского уезда Черниговской губернии Митрофан Павлович Гирченко, крестьянин села Верхне-Белозерское Таврической губернии Иван Андреевич Шилов, железнодорожный рабочий из Одессы Евдоким Андреевич Лопаткин, столяр железнодорожных мастерских Уфы Дмитрий Герасимович Попов, маляр из Красноуфимска Григорий Дмитриевич Данилов и многие другие. Этот скорбный синодик русских рабочих и крестьян, ставших первыми жертвами дореволюционного «красного террора», открывают петербургские рабочие Василий Никифорович Королев и Алексей Васильевич Барабанов, погибшие в результате теракта в харчевне «Тверь» за Невской заставой в Санкт-Петербурге, который произошел 27 января 1906 года. Этот теракт является знаковым событием для революции 1905–1907 годов, его жертвами стали простые рабочие (помимо двух убитых было еще одиннадцать рабочих, раненных от взрыва бомбы, брошенной террористами в окно трактира, где собирались рабочие-монархисты). Впервые революционеры подняли руку на представителей того класса, о благе которого они на словах пеклись. Но дело не только в этом. Фактически этот взрыв развязал массовый террор. И до того были громкие убийства (террористами были убиты московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович, министры внутренних дел Д. С. Сипягин и В. К. Плеве, генерал-адъютант В. В. Сахаров и др.).

*Картина Ивана Алексеевича Владиморова (1860–1947)
«Конвоирование заключенных» (1917)*

Однако эти преступления все-таки были редкостью. После 27 января 1906 года убийства стали делом обыденным и происходили чуть ли не ежедневно, был перейден какой-то незримый рубеж.

Еще одно тяжкое обвинение в адрес монархистов, которое до сих пор не критично воспроизводится в публикациях, — организация еврейских погромов. Однако еще в 1911 году эту клевету опроверг товарищ председателя Главного совета Союза русского народа В. П. Соколов. Он резонно заметил на собрании Союза в апреле, что «левая печать, обвиняя Союз в устройстве жидовских погромов, сознательно закрывает глаза на то обстоятельство, что главная полоса погромов относится к тому времени, когда Союз и не существовал. А последний белостокский погром имел место тогда, когда там не было отдела Союза»¹.

Уже в наше время известный литературовед и историк В. В. Кожин повторил этот аргумент, уточнив существенные детали (в 1906 году было три погрома, но все в Царстве Польском, где русские патриоты не имели серьезного влияния). Кожин подробно разобрал историографию вопроса о погромах².

Социалисты и либералы придумали монархистам кличку «черносотенцы», «черная сотня», стремясь внушить обществу, что их противниками

¹ Правые партии. 1905–1917. Сборник документов и материалов: в 2-х т. / сост., вст. ст., коммент. Ю. И. Кирьянова. Т. 2. М., 1998. С. 37.

² См.: Кожин В. В. Черносотенцы и Революция (загадочные страницы истории). 2-е изд., доп. М., 1998.

являются социальные маргиналы, городские низы. Кличку эту запустил первым, по моим сведениям, один из лидеров меньшевиков Ф. И. Гурвич (партийная кличка Дан), затем популяризировал социалистический тяжеловес, основоположник русского марксизма Г. В. Плеханов. Активно использовал кличку «черносотенцы» и лидер большевиков В. И. Ленин, который, впрочем, применял ее весьма произвольно для обозначения почти всех своих противников, иногда даже октябристов и кадетов, которые, конечно, враждебно относились к монархистам. Сами монархисты по-разному относились к кличке «черносотенцы»: некоторые с негодованием отвергали, обращая внимание на тот факт, что в монархических организациях были представители всех сословий русского общества, в том числе «сливки» русской интеллигенции. Другие соглашались называть себя черносотенцами, подчеркивая, что Черная сотня — это простой, «черный народ», на котором всегда держалась Россия, что именно черносотенцы Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского спасли страну в годы Смуты начала XVII века. Такую позицию, в частности, занимал заместитель председателя Союза русского народа, художник Аполлон Аполлонович Майков (сын великого русского поэта), написавший даже книгу «Черносотенцы и революция».

Так кто же был в рядах черносотенцев? Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Он много жертвовал на нужды монархического движения, участвовал в освящении знамени и хоругви Союза русского народа, а 15 октября 1907 года был избран пожизненным почетным членом организации. Во главе многих отделов Союза русского народа и других монархических организаций стояли прославленные Церковью в сонме новомучеников и исповедников российских — святейший Патриарх Тихон (Беллавин), митрополиты Серафим (Чичагов), Владимир (Богоявленский), Агафангел (Преображенский), архиепископ Андроник (Никольский), епископы Макарий (Гневушев), Гермоген (Долганов), Ефрем (Кузнецов), Иоасаф (Жевахов), протоиерей Иоанн Восторгов и др. Практически все выдающиеся русские архиереи начала XX века так или иначе были причастны к монархическому движению, не говоря уже о священниках.

Монархистам симпатизировал великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев, к ним был близок великий русский художник Виктор Михайлович Васнецов.

Руководящую роль в монархических организациях играли представители русской национальной интеллигенции. Основатель и председатель Союза русского народа Александр Иванович Дубровин был детским врачом. Сын мелкого полицейского чиновника из города Кунгур, рано ставший полным сиротой, окончил с отличием Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге (он был расстрелян ЧК в апреле 1921 года, когда большевики официально отменили смертную казнь по случаю окончания Гражданской войны). Выдающийся правый оратор депутат Государственной думы Николай Евгеньевич Марков, небогатый курский дворянин, был выпускником Института гражданских инженеров (бежал за границу, умер в Германии). Членами Главного Совета Союза русского народа и руководителями местных организаций были выдающиеся деятели отечественной науки и культуры: видный русский языковед, один из двух тогдашних академиков-филологов Алексей Иванович Соболевский (от расстрела в 1918 году его спасло ходатайство коллег-ученых), ректор Новороссийского университета, доктор

медицины, профессор Сергей Васильевич Левашев (убит в 1919 году), выдающийся историк европейского Средневековья, харьковский профессор Андрей Сергеевич Вязигин (взят в заложники при отступлении красных из Харькова и убит в Орле), профессор Борис Владимирович Никольский, юрист и литературовед, (поэт А. А. Блок начинал в его университетском кружке) (расстрелян в 1919 году), один из столпов отечественной дерматологии профессор Петр Васильевич Никольский (один из немногих правых, уцелевший в мясорубке Гражданской, умер на родине в 1940 году), популярный писатель, автор исторических романов князь Михаил Николаевич Волконский (умер вскоре после Февральской революции) и другие.

Тут уместно привести слова уже упоминавшегося историка и литературоведа Вадима Кожина: «Преобладающая часть наиболее глубоких и творческих по своему духу и... наиболее дальновидных в своем понимании хода истории деятелей начала XX века так или иначе оказывалась по сути дела в русле черносотенства»¹.

В 1906–1908 годах монархисты были самым массовым общественно-политическим движением России. По подсчетам Департамента полиции в это время в их рядах насчитывалось около 500 тысяч человек. Современный исследователь профессор Ю. И. Кирьянов, опираясь на эти данные и скрупулезно проверив их, называет для 1908 года близкую цифру — около 400 тысяч человек². Сами же черносотенцы числили в своих рядах значительно большее число единомышленников — до трех миллионов. Столь разительное расхождение в цифрах объясняется разной методологией подсчета. Полиция, несомненно, подсчитывала только более-менее активных участников движения. Но были еще и пассивные члены, и таких, естественно, было значительно больше. Это — те, кто разделял монархическую идеологию, кто заявлял о своем согласии с целями и практическими действиями монархистов. Например, руководитель Почаевского отдела Союза русского народа архимандрит (впоследствии зарубежный архиепископ) Виталий (Максименко) привез в 1911 году с Волыни в Петербург монархическую петицию, под которой стояли подписи 1 миллиона человек. Большинство из них, разумеется, формально не состояли в патриотических организациях.

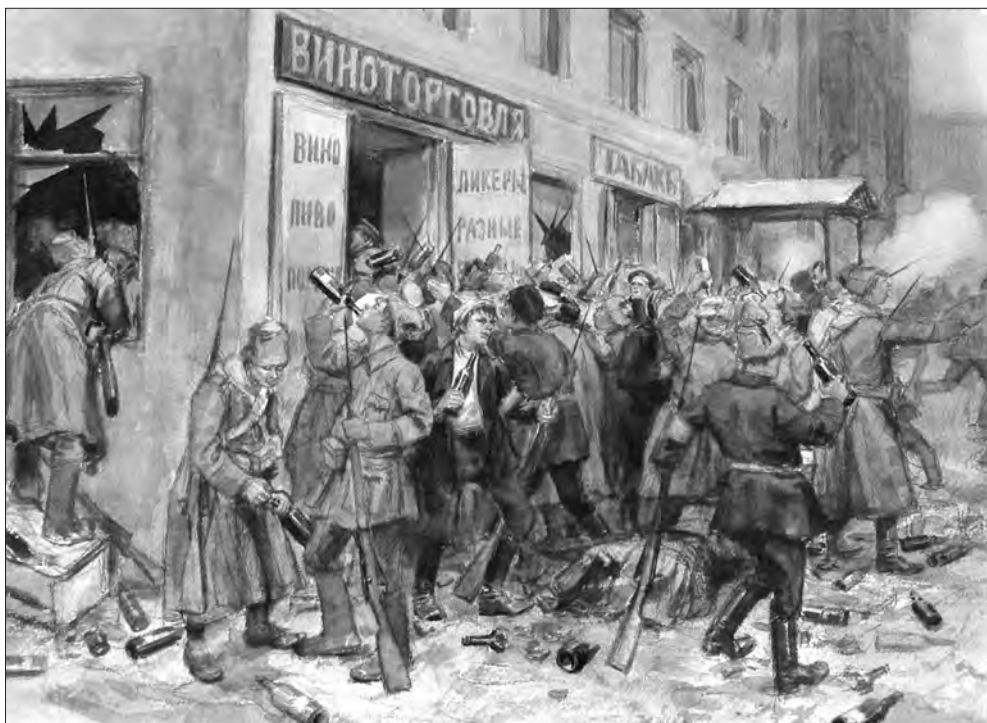
Стоит также заметить, что практически все тогдашние партии России имели расплывчатые критерии членства. Напомним, какие бурные дебаты разгорелись на II съезде РСДРП, когда Ленин предложил ввести в партии фиксированное членство. Этот спор стал даже одной из причин раскола социал-демократов на большевиков и меньшевиков.

Справедливости ради надо отметить, что это было характерно только для 1906–1908 годов. Во время Первой мировой войны численность патриотических организаций снизилась на порядок и составляла не более 50 тысяч человек³. Несомненно, на это повлияла война. Монархисты призывного возраста ушли на фронт, средства, необходимые для партийной и пропагандистской работы, направлялись на помощь воюющей армии, раненым и семьям погибших. Все это привело к замиранию партийной деятельности русских патриотов. Однако главной причиной упадка монархическо-

¹ Кожин В. В. Указ. соч. С. 25.

² Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 82.

³ Там же.

*Картина Ивана Алексеевича Владиморова (1860–1947)
«Погром винного магазина» (1917)*

го движения и радикального снижения численности членов монархических организаций стали расколы в монархическом движении 1908–1912 годов.

Дело в том, что после подавления революции 1905–1907 годов монархисты оказались заметной политической силой. С этим нужно было что-то делать. Сами монархисты считали, что революция не разгромлена, она просто ушла в подполье, поэтому нужно и дальше вести борьбу с врагами Самодержавия. Однако многие высшие сановники считали, что монархисты сделали свое дело и теперь они должны уйти с политической сцены, самораспуститься. Складывалась конфликтная ситуация, которую усугублял тот факт, что многие лидеры монархистов приняли в штыки основные положения реформы главы правительства П. А. Столыпина. Они были противниками разрушения крестьянской общины, которую считали социальной опорой страны. Не по нраву были монархистам и попытки премьера заключить союз с либералами, которым он предлагал войти в свое правительство. Монархисты, напротив, требовали роспуска Государственной думы и отмены Манифеста 17 октября, который считали силою и обманом вырванным у Царя. Либералы, в конце концов, отказались входить в правительство Столыпина, и глава правительства начал создавать собственную политическую силу, которая должна была стать опорой его курса, в лице партии националистов — Всероссийского национального союза. Но для этого надо было «зачистить» политическое поле от монархистов. И вот агенты правительства и лично Петра Аркадьевича начали провоцировать расколы в монархическом движении, создавали напряжение путем избирательной помощи лояльным правительству лидерам и

структурам. Активно использовались реальные вождистские амбиции правых деятелей. В итоге в 1908–1912 годах монархическое движение сотрясали расколы. Сначала амбициозный депутат Госдумы В. М. Пуришкевич создал альтернативный Русский народный союз им. Михаила Архангела, в который начал переманивать всех недовольных лидером Союза русского народа А. И. Дубровиным и его сторонниками на местах. А затем в 1909 году был совершен настоящий переворот в руководстве Союза, когда вместо Дубровина к власти пришли лояльные курсу правительства люди. Однако сторонники Дубровина сдаваться не захотели, в итоге возникло два Союза русского народа. Все это сопровождалось взаимными нападками, «поливанием помоями» друг друга. В результате — резкое снижение авторитета монархических организаций в обществе, отход от движения многих трезвомыслящих и авторитетных правых деятелей.

Стоит обратить внимание и на препятствование деятельности Союза русского народа со стороны помещиков и фабрикантов. С самого начала монархисты предпринимали попытки привлечь на свою сторону крестьян и, особенно, рабочих (социальную базу социал-демократов), и они достигли определенных успехов — рабочие монархические организации были созданы в Петербурге, Одессе, Иваново-Вознесенске, Екатеринославле, Ярославле, Москве, Киеве. На целом ряде фабрик и заводов столицы существовали довольно сильные отделы Союза русского народа, особенно на Путиловском и Невском судостроительном (Семянниковском) заводах. Рабочие Иваново-Вознесенска создали Самодержавно-монархическую партию, которая состояла в основном из представителей рабочего класса и депутацию от которой 16 февраля 1906 года принял Император. В Киеве был создан Союз Русских Рабочих под председательством рабочего Клеоника Цитовича (расстрелян в 1919 году), который объединял в своих рядах свыше 3000 человек. В Екатеринославле на заводе Брянского общества был создан отдел, в котором состояло свыше 4000 человек. После октябрьской (1905) забастовки монархисты обратили особое внимание на железнодорожников, в результате — железнодорожные отделы Союза русского народа стали практически повсеместным явлением. Широкую известность получили монархические рабочие артели в порту Одессы, где в 1907–1908 годах было создано шесть артелей грузчиков, насчитывавших 1350 человек. Однако Союзу русского народа трудно было найти общий язык с владельцами предприятий, которые повсеместно препятствовали деятельности Союза, не желая идти ни на какие уступки рабочим. В итоге рабочие отделы Союза на почве защиты интересов рабочих нередко вступали в конфликт с фабрикантами. Фабрикантов и помещиков активно поддерживала местная власть, которая создавала препятствия для работы монархистов с рабочими и крестьянами. Все это способствовало тому, что на роль защитников интересов рабочих и крестьян выдвигались радикальные партии, которые умело направляли недовольство низших слоев общества своим материальным положением в политическое русло.

Нужно учесть и еще один важный социально-психологический феномен. После подавления революции либералы организовали целый ряд судебных процессов по обвинению рядовых монархистов в насилии при разгоне антиправительственных манифестаций. В ходе стычек на улицах было, разумеется, много эксцессов. Антиправительственные демонстрации нередко охраняли вооруженные боевики, были убитые с обеих сторон.

*Манифестация делегатов IV Монархического съезда в Москве
на Красной площади у памятника Козьме Минину
и князю Дмитрию Пожарскому (апрель 1906 года)*

В результате судебных процессов многие рядовые монархисты были осуждены и отправлены на каторгу за применение насилия в защите власти. Некоторые были помилованы Императором Николаем, но всех Царь не мог помиловать. Так законы монархии были использованы против защитников монархии. Это напоминает нынешнюю ситуацию, когда, как заметил на последнем заседании Всемирного Русского Народного Собора председатель Конституционного суда В. Д. Зорькин, право используется для разрушения традиционной нравственности. Несомненно, судебные процессы против сторонников власти оказали тягостное влияние на психологическое состояние рядовых монархистов, у многих отбили охоту бороться за монархию.

Итогом всего этого и стало плачевное состояние монархического движения к 1917 году. В том числе и на порядок снизившаяся численность.

Тем не менее монархисты, видя рост революционных настроений и подготовку революции либеральными и социалистическими партиями, объединившимися в августе 1915 года в Прогрессивный блок, к которому примкнули также их бывшие союзники русские националисты (хотя и не все), попытались объединиться и реанимировать былую мощь. В 1915 году состоялись три монархических совещания, которые хотя и сблизили позиции, но к реальному единству не привели. Примечательно, что именно в феврале 1917 года монархисты хотели провести в Петрограде объединительный съезд правых. Но не получили на это разрешение власти. Проведению съезда воспротивились влиятельные сановники в правительстве, представители генералитета и даже некоторые представители правых, в частности, к тому времени перешедший уже на позиции противников власти В. М. Пуришкевич с его Союзом Михаила Архангела. В СМИ началась кампания по дискредитации идеи проведения съезда. Главный аргумент — во время войны всякие политические мероприятия вредны, ведут к разделению и т. п. Как знать, как пошли бы февральские события, если бы к началу беспорядков в

Петрограде оказалось несколько сотен активных монархистов, в том числе лидеров монархического движения.

Важнейшим направлением деятельности монархистов были попытки повлиять на Императора и представителей власти. В 1915–1916 годах в столице активно действовал кружок сенатора Александра Александровича Римского-Корсакова (бывший Ярославский губернатор, уволенный П. А. Столыпиным за правые взгляды), в состав которого в разное время входили влиятельные и, пожалуй, самые дееспособные правые деятели (бывший министр юстиции Иван Григорьевич Щегловитов, бывший обер-прокурор Святейшего Синода князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов, бывшие министры внутренних дел Николай Алексеевич Маклаков и Александр Александрович Макаров, члены Государственного Совета Михаил Яковлевич Говорухо-Отрок и князь Дмитрий Петрович Голицын-Муравлин, члены Государственной думы Николай Евгеньевич Марков и Георгий Георгиевич Замысловский, видные правые деятели Николай Алексеевич Павлов и Виктор Павлович Соколов и др.). Членами этого кружка был подготовлен целый ряд записок на имя Государя, председателя правительства и министра внутренних дел с конкретными предложениями по обузданию революции.

В ноябре 1916 года в Кружке была составлена поистине пророческая «Записка», которая через князя Николая Дмитриевича Голицына была передана Государю. Автором «Записки» был член Государственного совета М. Я. Говорухо-Отрок. В ней подчеркивалось, что «в настоящее время не представляется сомнений в том, что Государственная дума при поддержке так называемых общественных организаций вступает явно на революционный путь, ближайшим последствием чего, по возобновлении ее сессии, явится искание ею содействия мятежно настроенных масс, а затем ряд активных выступлений в сторону государственного, а весьма вероятно, и династического переворота». Правые предлагали Царю осуществить ряд решительных мер, «клонящихся к подавлению мятежа»: назначить на высшие посты только лиц, преданных Самодержавию; распустить Госдуму без указания срока ее созыва; ввести военное положение в столицах и больших городах; закрыть все органы левой и революционной печати; провести милитаризацию всех заводов, работающих на оборону; в земские комитеты назначить правительственных комиссаров¹. «Записка» пришлась Государю по душе, свидетельством чего явилось состоявшееся в конце декабря назначение подавшего «Записку» князя Н. Д. Голицына председателем правительства. К сожалению, Царь ошибся с выбором, князь Голицын только передал «Записку», но не был ее автором, а потому и не в состоянии оказался провести программу «Записки» в жизнь.

26 ноября с программной обличительной речью выступил в Государственном совете один из лидеров правых Николай Алексеевич Маклаков. На всю Россию громко прозвучал голос правых, объясняющий суть происходящих событий, разоблачающих догмы либеральной пропаганды. Поскольку и среди правых уже не было единства, Маклаков выступал от своего лица, а не от имени фракции. Прекрасно понимая двуличие «патриотического подъема» врагов Самодержавия, он утверждал: «С самого начала войны началась хорошо замаскированная святыми словами, тонкая, искусная работа <...>

¹ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. Т. 2. С. 586–587.

русскому народу стали прививать и внушать, что для войны и победы нужно то, что в действительности должно было вести нас к разложению и распаду. <...> Это была ложь, для большинства бессознательная, а для меньшинства, стремившегося захватить руководство политической жизнью страны, ложь сознательная и едва ли не преступная».

Излюбленной темой либеральной пропаганды был тезис о том, что так называемое общество не жалеет сил для победы в войне, и только неумелые действия власти мешают обществу делать это еще лучше. Маклаков проницательно на это заявил, что общество «делает все для войны, но для войны с порядком; оно делает все для победы, — но для победы над властью». «Неизменно то же происходит на всех съездах, заседаниях и собраниях. Все те же самые резолюции, требования, протесты. То же неудержимое погружение в область широкой политики, стремление заниматься не своим делом, и слова, слова, слова. Общественность принято славословить, и критика ее признается теперь ересью. Но я все же смею утверждать, что политика разложила значительную часть здоровой и полезной ее работы. Русская общественность во многом грешна в это трудное время перед своей родиной», — обличал вождей общественного мнения Маклаков.

С возмущением отвергал правый политик лживые слухи, что монархисты стремятся к сепаратному миру. Он утверждал: «Неустанно работала всяческая ложь и клевета для того, чтобы в этом смысле опорочить правые организации. В печати обвиняли нередко правых в том, что они жаждут сепаратного мира, что они германофильствуют. <...> Мы с прискорбием это читали и возмущались, что эти вздорные слухи перекочевывали за границу и там распространялись, как нечто достоверное и бесспорное. И это бесспорное было ложью. Русские люди не только так не думают, но более того, они с презрением отнеслись бы к правительству, которое дерзнуло бы заговорить о мире до окончательного разгрома наших врагов, до полного признания ими самими себя побежденными и разбитыми, и сделали бы это правые люди не в силу каких-либо посторонних влияний извне, откуда бы они шли и в какую бы форму не облекались, они сделали бы это потому, что

Фотография праведного Иоанна Кронштадтского с дарственной надписью «Благословенному Харьковскому Союзу Русского Народа благословение. Протоиерей Кронштадтского Собора Иоанн Сергиев. 28 янв. 1907»

международное и мировое положение нашей великой родины для них, для правых людей, превыше всего. Они поступили бы так потому, что державное достоинство России, дающее ей право на роскошь жить своею собственною самобытною русской жизнью, дающее ей право не нуждаться в ничьей опеке, для правых людей дороже самой жизни».

Маклаков подверг жесткой критике политику уступок либералам. Правительственная власть, по его мнению, «отодвинулась вместе со сдвигом наших политических центров, она потеряла веру в себя, потеряла вехи, запуталась и обессилела во взаимной борьбе. Изю дня в день она принижалась, поносилась, развенчивалась и срамилась, и она ушла... А в крышку гроба нашего порядка изю дня в день стали спешно вбивать все новые и новые гвозди. Мы погасили свет и жалуемся, что стало темно. <...> Мы дошли до того, что торжествующая гипертрофия общественности превращается в ее диктатуру, а атрофия власти переходит в ее агонию».

Маклаков призывал всех помнить о своем долге верноподданных: «Отечество в опасности. Это правда, но опасность испарится, как дым, исчезнет, как наваждение, если власть, законная власть, будет пользоваться своими правами убежденно и последовательно, и если мы все, каждый на своем месте, вспомним наш долг перед Царем и Родиной».

Заключительные слова этой исторической речи стали публичным исповеданием политического кредо русских патриотов-монархистов, не отступивших от своих идеалов, готовых на смерть ради Веры, Царя и Отечества: «...Вера наша простая и ясная, открытая и честная. Она сейчас, правда, поругана, осмеяна, обманута, она не в почете, заступиться за нее и исповедовать ее теперь непопулярно, но она для нас непреложна и дорога. С надеждою правые люди в эти дни скорби и тревоги обращают свои взоры на своего Государя и молятся за Него. <...> [Царской самодержавной России] мы не предадим: мы ей служили, мы ей верим, мы за нее будем с этой верой бороться и с этой верой мы и умрем...»¹.

В конце 1916 — начале 1917 года Император существенно поменял руководство Государственного совета и правительства. Была назначена целая группа новых министров, имевших правую политическую физиономию. Так, 20 декабря министром юстиции стал сенатор Николай Александрович Добровольский, 28 декабря министром народного образования стал доктор медицины, профессор Николай Константинович Кульчицкий, днем раньше князь Николай Дмитриевич Голицин возглавил правительство. Были также назначены новый министр путей сообщения (Эдуард Брониславович Кригер-Войновский, 28 декабря 1916), военный министр (генерал Михаил Алексеевич Беляев, 3 января 1917), а чуть раньше новый обер-прокурор Святейшего Синода (сын митрополита Санкт-Петербургского Палладия Николай Павлович Раев, 30 августа 1916).

Император попытался также превратить Госсовет в полностью лояльный Верховной власти орган. К сожалению, он не был таковым. Более того, не было никакой надежды, что под руководством престарелого и либерального А. Н. Куломзина можно добиться изменения ситуации в нужном

¹ Цит. по: Степанов А. Д. С этой верой мы будем бороться, и с этой верой мы умрем. Николай Алексеевич Маклаков (1871—1918) // Правая Россия. Жизнеописание русских монархистов начала XX века / сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб., 2016. С. 447—449.

направлении. Поэтому 1 января 1917 года председателем Государственного совета был назначен Иван Григорьевич Щегловитов, расстрелянный одним из первых в начале красного террора в первые дни сентября 1918 года. Щегловитову была поставлена задача добиться правого большинства в Государственном совете. Увы, и этого сделать не удалось, правящий слой был поражен бациллами либерализма.

В феврале 1917 года мы видим прямо-таки клубок роковых случайностей, повлиявших на ход событий.

Обильные снегопады на время прервали регулярную поставку хлеба в столицу, и кто-то мастерски распространил слухи по городу о перебоях с хлебом, после чего толпа начала хватать хлеб, в результате возник реальный дефицит. Одна роковая случайность.

Заболели корью царские дети, и Императрица Александра Федоровна (самый достоверный источник информации для Государя) отвлеклась от дел государственных на лечение, в итоге Император потерял важный источник информации и вынужден был смотреть на события в Петрограде глазами участников заговора или их неумных сообщников типа председателя Госдумы М. В. Родзянко. Другая роковая случайность.

Захватил невесть откуда взявшийся отряд революционеров станцию Любань, и царский поезд повернул в Псков, где Государь попал в западню к активному участнику заговора генерал-адъютанту Рузскому, обласканному ранее Царем и ответившему ему черной неблагодарностью. Окажись в те роковые дни Государь в Царском Селе, под Петроградом, когда вокруг него могли собраться верные части и монархисты, возможно, исход мог быть другим. Еще одна роковая случайность.

Не оказалось в Петрограде ни одного облеченного властью решительного генерала, и в итоге верные присяге и сомневавшиеся воинские части оказались деморализованы. Хотя таких генералов, верных присяге и долгу монархистов, в армии было совсем мало. Еще случайность.

У главы правительства князя Н. Д. Голицына лежал на столе подписанный Царем указ о роспуске Госдумы, на котором нужно было только поставить дату, и дать ему ход, Голицын все тянул и дотянул до того момента, когда к нему пришли представители Думы и сказали, что он больше не глава правительства. Еще одна случайность.

Послал генерал Ф. А. Келлер Царю верноподданническую телеграмму, что готов привести свой конный корпус (самую боеспособную воинскую единицу в армии) на выручку Государя, но корпус в Псков не повел, ждал команды, а Царю телеграмму даже и не показали. А потом к Келлеру прислали его однокашника генерала Маннергейма, который уговорил того уйти в отставку. Еще роковая случайность.

Не захотели представители истеблишмента и высшие церковные иерархи проверить, по своей ли воле отрекся Император от Престола или под давлением. Высшая церковная власть оповестила народ об отречении, тогда ведь не было телевидения и радио, народ узнавал такие важные новости от священника, — перестали поминать Царя за литургией, а стали молиться за «благочестивое Временное правительство», народ и понял, что это уже очень серьезно. Еще случайность, предопределившая судьбу России.

Слишком много случайностей, что позволяет говорить о промыслительности или закономерности происходившего в 1917 году в России. Для цер-

*Картина Ивана Алексеевича Владиморова (1860–1947)
«Взятие Зимнего» (1917)*

ковного сознания сама случайность является эвфемизмом действия Промысла Божия.

Ну разве могла Россия существовать далее в прежнем виде, когда из всех высших генералов и адмиралов, уже три года воевавших с внешним врагом, только два инородца и иноверца генерал граф Келлер и хан Гусейн Нахичеванский изъявили готовность умереть за Царя, сохранили верность верно-подданической присяге. А все русские православные генералы и адмиралы — и те, которые стали «белыми», как генерал Алексеев и адмирал Колчак, и те, которые стали «красными», как генерал Брусилов, — заявили, что Царь должен уйти. Они перестали повиноваться своему Государю, но почему-то думали, что солдаты и матросы после этого будут повиноваться им!

Что же касается монархистов, то они тоже были частью общества, стало быть, болели теми же недугами, что и остальной русский народ. Поэтому, когда рухнула монархия, ушли в политическое небытие и монархисты. Так по крайней мере казалось.

Однако монархия все-таки не ушла в небытие, а, как предложил кто-то прекрасный образ, подобно подводной лодке, залегла на дно. Она пытается всплыть, — И. В. Сталина называли «красным царем», а Л. И. Брежнева «добрым царем», говорят, что Б. Н. Ельцин любил, когда его величали «царем Борисом»... Пока не время. Подводная лодка помаячила перископом и снова залегла на дно.

Но она обязательно всплывет, когда понадобится вступить в бой за вековую форму русской государственности. Тогда и объявятся не карикатурные, а подлинные монархисты. Они тоже там — на борту этой подводной лодки — ждут своего часа.

История и современность

Николай КОНЯЕВ

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОРОЧЕСТВО РАСПУТИНА

*К 100-летию со дня
злодейского убийства
Григория Ефимовича
Распутина*

Николай Михайлович Коняев — родился в 1949 г. в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Я уверен, что рано или поздно, проанализировав прохождение государственных документов, удастся во всей полноте выявить подлинную роль Императора Николая II в принятии государственных решений, сыгравших благотворную роль для развития России...

Однако есть в его правлении немало сюжетов, где воля Божия присутствует настолько очевидно, что любые попытки подменить ее категорией «случайного» уже и сейчас выглядят нелепыми.

К таким сюжетам относится, например, принципиальный вопрос возможности продолжения династии...

Как известно, рождение долгожданного наследника престола Царевича Алексея последовало после прославления Серафима Саровского, и в сознании как Царской Семьи, так и всего народа воспринималось как непосредственное продолжение этого события, как чудо, совершенное преподобным.

Можно называть это только совпадением, но, действительно, царская династия обрела возможность своего продолжения именно после деяния, потребовавшего от Николая II выступить в чисто духовном вопросе против единодушного мнения членов Святейшего Синода и его всеильного обер-прокурора К. П. Победоносцева!

Можно не связывать уничтожение богоотступниками в Казани одной из главнейших святынь России — первообраза Казанской иконы Божией Матери и начала гемофилии, переданной Царевичу по наследству от матери, но эти события стоят так пугающе близко друг от друга, что кажется, страшная болезнь дьявольской злобой казанских злоумышленников и была вприсынута в тело Царского ребенка...

И снова оказалось поставленным под вопрос продолжение династии.

И, конечно же, появление в Царской Семье Григория Ефимовича Распутина, единственного человека, умеющего останавливать болезнь Царевича Алексия и возвращать его к нормальной жизни, воспринимается в ряду перечисленных нами чудесных событий, поскольку оно само таким чудесным событием и являлось...

1

Личное знакомство Николая II с Григорием Ефимовичем Распутиным произошло 1 ноября 1905 года.

«Вторник. Холодный ветреный день. От берега замерзло до конца нашего канала и ровной полосой в обе стороны. Был очень занят все утро... — записал в этот день в дневнике Николай II. — В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим — Григорием из Тобольской губ.».

Распутин явился как Божия помощь, ниспосланная Царской Семье по их молитвам. А если говорить более широко, то получается, что Распутин был послан как Божия помощь всей России. В его лице страна получала шанс, что продолжится прямое наследование престола и страна минует осложнения, связанные с борьбой внутри императорского дома.

«Ах, милости у Бога много — несть конца... — говорил сам Григорий Ефимович. — И все это мы переживаем на себе — чудеса — не даем отчета в них».

Царская Семья и сам святой Царь этот отчет себе давали...

Совсем иначе обстояло дело с высокопоставленными сановниками.

Возмущение, которое вызвало появление Распутина в Царском Селе, перехлестывало через край.

Подобно Владимиру Николаевичу Коковцову¹, большинство сановников было убеждено, что «Распутин — типичный сибирский варнак, бродяга, умный и выдрессировавший себя на известный лад под простака и юродивого и играющий свою роль по заученному рецепту; во внешности ему недоставало лишь арестантского армяка и бубнового туза на спине; по замашкам это человек, способный на все, в свое кривляние он, конечно, не верит, но выработал твердо заученные приемы, которыми обманывает как тех, кто искренне верит всем его чудачествам, так и тех, кто преклоняется перед ним ради достижения через него тех выгод, которые не даются иным путем»².

Это предубеждение, переходящее в открытое отвращение, трудно объяснить одним только возмущением аристократов, наблюдающих, как простой крестьянин из сибирской глуши запросто посещает царский дворец.

Вообще-то в нашей истории бывали взлеты и покруче.

Достаточно вспомнить ливонскую крестьянку Марту, сделавшуюся русской Императрицей Екатериной I, или, например, малороссийского певчего, превратившегося во всеильного графа Разумовского...

¹ Министр финансов, а в 1911—1914 годах еще и Председатель Совета министров.

² *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого (1903—1919): Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2004. С. 469.

Но с ними толпящиеся у трона сановники как-то сразу примирались, потому что эти простолюдины сразу стали такими же, как они. Облачаясь в такие же одежды, новоиспеченные императрицы и графы сразу начинали вести такую же, как в высшем свете жизнь, перенимая манеры, привычки и сам образ мыслей...

Распутин не собирался становиться ни графом, ни епископом, он оставался в своей косоворотке, шароварах и мужицких сапогах **посторонним** в великосветском кругу, и это раздражало еще сильнее, чем его необыкновенное возвышение.

Великосветское раздражение проникло в круги революционно-либеральной публики, и она — благо, и фамилия подходила! — сразу превратила Распутина в жупел разврата, в котором якобы погрязла Царская Семья.

Успеху раздуваемого газетами, депутатами и великосветскими кругами мифа о Распутине способствовало то, что главная причина появления Григория Ефимовича во дворце, как и сама болезнь Наследника, сохранялись в тайне, и в нее были посвящены только самые близкие Царской Семье люди. Не получавшая реального объяснения близость Распутина к Царской Семье обростала в результате самыми нелепыми и дурными слухами.

Григорий Ефимович оказался в весьма сложном положении. Не имея права раскрыть доверенную ему в Царской Семье тайну, он не мог дать объяснений, которых, безусловно, ждали от него, и которые сразу бы сняли очень много недоброжелательности, проявляемой по отношению к нему.

Положение усугублялось тем, что к Распутину, помимо искренних поклонников и поклонниц, сразу прихлынула достаточно большая масса лиц, ищущих протекций и знакомств с влиятельными лицами.

Умения мгновенно разобраться в сложной структуре чиновничьих интриг, дворцовой опытности, искусства лавирования между различными группировками у Распутина, конечно, не было, да он и не желал приобретать этого опыта. То и дело натываясь на открытую вражду и недоброжелательность, попадая в нелепые положения, Распутин усиливал свое юродство, язык которого был чужд аристократической и либерально-революционной публике и шокировал ее еще в большей степени, чем близость к Царской Семье.

Посмотреть, как это происходило, можно по воспоминаниям уже процитированного нами Владимира Николаевича Коковцова...

«Когда Распутин вошел в мой кабинет и сел в кресло, **меня поразило отвратительное выражение его глаз**. Глубоко сидящие в орбитах, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета, они пристально и долго смотрели на меня, словно Распутин пытался произвести на меня какое-то гипнотическое воздействие или же просто изучал меня, увидев впервые. Затем он резко закинул голову вверх и стал рассматривать потолок, обводя его по всему карнизу, потом потупил голову и стал упорно смотреть на пол, но все время молчал.

Мне показалось, что мы бесконечно долго сидим в таком бессмысленном положении, и я, наконец, обратился к нему, сказав: “Вот вы хотели меня видеть, что же именно хотели вы сказать мне? Ведь так можно просидеть и до утра”.

Мои слова, видимо, не произвели никакого впечатления. **Распутин как-то глупо, деланно, полудиотски осклабился**, пробормотал:

“Я так, я ничего, вот просто смотрю, какая высокая комната” и опять замолчал, закинув голову вверх, и все смотрел на потолок».

Сцена эта нуждается в небольших комментариях.

Осмотрительный Коковцов пригласил в качестве свидетеля на эту встречу с Распутиным своего зятя Валерия Николаевича Мамонтова, но тот задержался, и Владимир Николаевич нервничает.

Он не скрывает антипатии к гостю *с отвратительным выражением глаз*, который *глупо, деланно, полудиотски* улыбается, *показывая зубы...*

Однако свои ощущения и диалог автор мемуаров воспроизводит, по-видимому, достаточно точно, и в результате, против его воли, вместо отвратительного чудовища, которому не хватает «лишь арестантского армяка и бубнового туза на спине», перед читателем возникает Григорий Ефимович Распутин во всей полноте совершающегося юродства.

Увидев, что Коковцов беспокоится, как бы не оказаться загипнотизированным, пока не появился зять, Распутин демонстративно начинает разглядывать вначале потолок комнаты, а потом пол.

Поведение это беспокоит Владимира Николаевича.

— Вот вы хотели меня видеть, что же именно хотели вы сказать мне? — спрашивает он. — Ведь так можно просидеть и до утра.

На эту обращенную к мужику речь барина следует ответ, исполненный в заданной стилистике:

— Я так, я ничего, вот просто смотрю, какая высокая комната...

Ответ, казалось бы, невнятный, отчасти даже бессмысленный, но таким он только кажется хозяину, потому что смысл его Коковцов не понял, вернее не захотел понять. Получается, что Распутина сейчас гораздо интереснее министра комната, в которой они находятся.

Комната высокая...

Закинув голову вверх, Распутин снова начинает смотреть на потолок.

Из томительного состояния, в которое поверг его ответ Распутина, Коковцова выводит приход Мамонтова. Тот целуется с Распутиным и сразу берет быка за рога, поинтересовавшись, действительно ли Распутин собирается уехать домой?

«Вместо ответа Мамонтову Распутин снова уставился на меня в упор своими холодными, пронзительными глазами и проговорил скороговоркой:

“Что ж, уезжать мне, что ли? Житья мне больше нет, и чего плетут на меня...”

Я сказал ему: “Да, конечно, вы хорошо сделаете, если уедете. Плетут ли на вас или говорят одну правду, но вы должны понять, что не здесь ваше место, что *вы вредите Государю, появляясь во дворце* и в особенности рассказывая о вашей близости, давая кому угодно пищу для самых невероятных выдумок и заключений”».

Прервем еще раз цитату.

Владимир Николаевич Коковцов умело выдвигает против Распутина самое страшное в глазах самого Григория Ефимовича обвинение: «вы вре-

дите Государю, появляясь во дворце и в особенности рассказывая о вашей близости»...

— Кому я что рассказываю, — неловко начинает оправдываться он. — Все врут на меня, все выдумывают! Нешто я лезу во дворец? Меня туда зовут!

И вот тут-то и вступает в диалог Валерий Николаевич Мамонтов.

— Ну что греха таить, Григорий Ефимович, ты и сам рассказываешь лишнее, да и не в том дело, — вкрадчивым голосом говорит он. — А в том оно, что **не там твое место, не твоего ума дело ставить и смещать министров да принимать всех, кому не лень идти к тебе со всякими делами да просьбами**, и писать о них, кому угодно...

Очень важны здесь выделенные слова...

Не твоего ума дело...

Это ключ к разгадке причины травли Распутина.

2

К сожалению, даже и современные историки патриотического направления, пытаясь реабилитировать Распутина, стараются доказать, будто Григорий Ефимович никак не влиял на государственные назначения и на ход государственных дел...

Все-таки это не так.

Разумеется, нелепо представлять влияние Распутина в фельетонной стилистике памфлетов, но разве оно реализовалось только в виде указаний пьяного чудовища совершенно безвольному Государю?

Как пишет С. С. Ольденбург, Николай II интересовался, как Распутин отзывается на те или иные вопросы государственной жизни; в его ответах он чувствовал нередко подлинную «связь с землей». Правда, Ольденбург прибавляет тут же, что «особого значения его отдельным мнениям Государь, конечно, не придавал», но это уже реверанс в сторону либерально-демократической публики, никак не украшающий серьезного историка.

Что значит: не придавал особого значения? Как мы уже говорили, что Николай II вообще мало чьим отдельным мнениям — отсюда и бесчисленные сетования мемуаристов! — придавал особое значение.

Тем не менее все мнения были важны для выработки окончательного решения. И в этом смысле мнение Григория Ефимовича, в ответах которого чувствовалась подлинная «связь с землей», конечно же, тоже учитывалось им.

Уместно напомнить тут, что Григорий Ефимович Распутин, находясь рядом с Царской Семьей и оказывая ей (лечение Наследника), действительно, неоценимые услуги, сумел накопить денег только на деревянный дом в родном селе Покровское. Дом был хороший, крепкий, но таких домов и в Покровском у не выезжавших никуда за пределы села хозяев было порядочно... А еще? А больше ничего не осталось от легендарных богатств Распутина...

Распутин, располагая доверием Государя, не преследовал никаких личных интересов, не выпрашивал для себя должностей и званий, его задачей было разрушение того средостения, которое всегда существовало между

русскими императорами и русским народом и которое только в правление последнего Императора начало разрушаться. И в этом смысле Распутина можно считать частью плана устройства Святой Руси, который с Божией помощью осуществлялся Николаем II.

Поэтому-то преуменьшать влияние Распутина на Государя не следует. Многое для Государя без Распутина осталось бы скрытым, хотя по мнению Коковцова, Мамонтова и множества подобных им **не его ума было это дело.**

Вообще-то давать или не давать рекомендации — это личное дело каждого отдельного человека. Когда Великий князь Александр Михайлович возле еще не остывшего тела Императора Александра III рекомендует молодому Государю список лиц, на которых он может опереться, как верховный правитель России, это никого не возмущает, это нормально.

А вот протекция Распутина — это уже не его ума дело...

Да ведь и не государственные директивы писал Георгий Ефимович, к его рекомендациям, как это делал, например, Петр Аркадьевич Столыпин, можно было и не прислушиваться.

В чем же дело?

Да только в том, что в рекомендациях Распутина преобладала простонародная составляющая, и это и возмущало великосветскую публику.

И, наверное, именно поэтому и раздували либеральные журналисты и историки миф о распутинщине, пронизывающей русскую государственную жизнь, что в лице Распутина происходило оттеснение от власти лиц, которые, рассуждая о народном представительстве во власти, менее всего хотели, чтобы власть в России действительно становилась народной и русской.

«Распутин, пока говорил Мамонтов, сидел с закрытыми глазами, опустив голову, и упорно молчал. Подали чай. Распутин набрал пригоршню печенья, бросил его в стакан, уставился опять на меня своими рысьими глазами.

Мне надоела эта попытка гипнотизировать меня, и я сказал: “Напрасно вы так упорно глядите на меня, ваши глаза не производят на меня никакого действия. Давайте лучше поговорим. Ответьте мне: разве не прав Валерий Николаевич (Мамонтов), говоря вам то, что он сказал?”

Распутин глупо улыбнулся, заерзал на стуле, отвернулся от нас обоих и сказал: “Ладно, я уеду, только уж пушай меня не зовут обратно, если я такой худой, что Царю от меня худо”.

Я хотел перевести разговор на другую тему. Стал расспрашивать Распутина о состоянии продовольственного дела в Тобольской губернии — в тот год там был неурожай. Он оживился, отвечал очень здраво, толково и даже остроумно. Но стоило мне сказать ему: “Вот так-то лучше, можно и обо всем договориться”, как он опять съехался, стал закидывать голову или опускать ее, бормотал какие-то бессвязные слова:

“Ладно, я худой, уеду, пушай справляются без меня, зачем меня зовут сказать то да другое про того да про другого...”

Долго опять молчал, уставившись на меня, потом сорвался с места, сказал: “Ну вот и познакомились, прощайте” и ушел от меня»...

Казалось бы, сравнивать Петра Аркадьевича Столыпина с Григорием Ефимовичем Распутиным нелепо. Что общего можно обнаружить у представителя древнего дворянского рода и простого мужика, у высокообразованного государственного деятеля и человека, едва овладевшего грамотой, у смелого реформатора, возглавляющего правительство гигантской империи, и старца, молитвенника, человека, позиционирующего себя как духовного наставника...

Кажется, нет тут никаких точек соприкосновения, но тем не менее и Столыпин, и Распутин — оба близки Императору Николаю II, оба они, хотя и каждый по-своему, необходимы Государю для создания новой России, оба они будут убиты врагами этой новой России...

Удивительно, но Петр Аркадьевич Столыпин, хотя он, разумеется, имел отличный послужной — Ковенский уездный предводитель дворянства, губернский предводитель, Гродненский губернатор, Саратовский губернатор — список, совершает головокружительный скачок в карьере не столько из губернаторского кресла, сколько из той глубинки народной жизни, где чудом Божиим разрушалось средостение между Царем и Народом.

Момент этот сам Петр Аркадьевич описал в письме жене от 28 июня 1904 года:

«Только что проводил Государя и усталый пишу тебе. Все обошлось прекрасно... Говорили речи Мельников, А. Д. Юматов (от земства), городской голова, но лучше всех сказал волостной старшина, которому я велел самому придумать слово... Он сказал: “Прими, Ваше Величество, хлеб-соль от своих крестьян, не тужи, Царь-Батюшка, мы все за тебя”».

В этом же письме П. А. Столыпин описывает еще одну случайную встречу Государя, произошедшую в Кузнецке...

«Он среди крестьян узнал одного бывшего семеновца-конвойного, сказал, что помнит, что ходил с ним на съемку, но что тогда он был без бороды. Крестьяне в восторге.

Вообще кажется все хорошо. И Государь был видимо доволен...»

Меньше чем через год Петр Аркадьевич был вызван телеграммой в Царское Село. Сразу распространился слух, что Николай II прочит его в министры иностранных дел.

Прощаясь перед отъездом, Столыпин сказал:

— Интересно знать: откуда исходит это предложение? Если от Совета Министров, то я постараюсь немедленно вернуться обратно; если же из Царского Села, — я останусь там.

Оказалось, что предложение исходило действительно от Государя.

Вспоминая встречу в Кузнецке, он сам выбрал П. А. Столыпина, чтобы тот «по-провинциальному», «по-саратовскому» делал петербургскую работу.

И Николай II не ошибся и тут.

Именно с помощью П. А. Столыпина удалось Николаю II завершить крестьянскую реформу, начатую отменой крепостного права его дедом, Александром II.

Самому Петру Аркадьевичу это стоило собственной жизни...

«Россия пала и потому, что среди ее высшего класса, аристократии оказалось слишком мало людей, подобно ему (Столыпину. — *Н. К.*) сознательно готовых на жертву, — отмечает биограф Столыпина Г. П. Сидоровнин, — “белая кость” была тронута тлением распада. Может, Столыпина и принимали с трудом оттого, что его мужественный облик, его дела и поступки раздражали знатных особ, были укором для них»¹.

Это объяснение не исчерпывает всей проблемы, потому что часть ее заключалась в характере самого Столыпина.

Петр Аркадьевич, безусловно, являлся патриотом Великой России, и тем не менее и родством, и культурой, и воспитанием он столь прочно был связан с тронутой тлением распада «белой костью», что зачастую не узнавал, а порою и не хотел узнавать той Руси, которая устраивалась благодаря его трудам.

4

Хотя именно Николай II привлек Петра Аркадьевича Столыпина к руководству империей и сумел сохранить его на этом посту вопреки всем интригам своего окружения, сам Столыпин не слишком-то высоко оценивал роль Государя и склонен был приписывать той же Императрице-матери спасительные для него, как премьер-министра, решения.

Николай II видел это, но по свойственной ему деликатности ни разу не выказал своего недовольствия, хотя понятно, что такое отношение человека, проводившего его национальную политику, было ему неприятно.

Особенно ярко стремление Столыпина дистанцироваться от Государя, показать свою особую значимость и независимость проявилось, когда Николай II попытался сблизить его с Распутиным.

Первая попытка сделать это была предпринята после трагедии на Аптекарском острове, произошедшей 12 (25) августа 1906 года...

После взрыва бомбы четырнадцатилетняя Наташа Столыпина — она попала под копыта обезумевших от ранения лошадей, впряженных в ландо! — превратилась в калеку, а у трехлетнего Аркадия Столыпина оказалось переломано бедро.

Разорванными в клочья оказались и сами террористы, а также швейцар, охранник и генерал-майор Замятин.

Петр Аркадьевич Столыпин на этот раз осмелился остаться живым, чем возбудил очередную волну негодования у передовой интеллигенции. Более того, через неделю, 19 августа 1906 года, он провел свой «Закон о военно-полевых судах», сумевший если не остановить, то притушить террор.

Вот тогда-то, чтобы поддержать Петра Аркадьевича и помочь его дочери, и написал Николай II письмо своему премьер-министру...

«Петр Аркадьевич,

На днях я принял крестьянина Тобольской губернии Григория Распутина, который поднес мне икону.

Он произвел на Ее Величество и на меня замечательно сильное впечатление, так что вместо пяти минут разговор с ним длился более часа.

¹ Сидоровнин Г. П. Жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862–1911). Саратов: Сарат. культ. центр им. П. А. Столыпина, 2002. С. 7.

Он в скором времени уезжает на родину. У него сильное желание по-видать вас и благословить вашу больную дочь иконою. Очень надеюсь, что вы найдете минутку принять его на этой неделе...

Николай
Петергоф
16 окт. 1906».

П. А. Столыпин принял Г. Е. Распутина в Зимнем дворце, где теперь жил, но принял, только чтобы выполнить просьбу Императора. Аудиенция длилась несколько минут и никакого сближения двух, едва ли не самых важных для Николая II людей не произошло. Аристократическое воспитание помешало Петру Аркадьевичу разглядеть в крестьянине из Сибири то, что увидел в нем Государь Император.

Более того, через несколько лет Столыпин стал едва ли не главным гонителем Распутина. Убедив себя, что близость Распутина к семье Романовых возбуждает дурные толки и пересуды, Столыпин если и не организовал, то санкционировал полицейскую слежку за старцем, чтобы добыть компрометирующие материалы...

Существуют предположения, что П. А. Столыпин планировал, применив закон, позволяющий министру внутренних дел высылать мошенников, пьяниц, развратников, выслать Распутина из столицы в административном порядке. Но пока шли приготовления, Распутин, чтобы не ставить Государя в положение, когда ему придется выбирать между ним и Столыпиным, предпочел сам уехать в Покровское.

Надо сказать, что само это перемещение Распутина, сделавшегося вдруг невидимым для многочисленных филеров, прикрепленных к нему, является чудом...

Увы... Ничего не вышло из замысла Государя сблизить двух едва ли не самых важных для него людей.

И произошло это не по вине Распутина.

Есть свидетельства, что последний раз Григорий Ефимович видел Петра Аркадьевича в Киеве 1 сентября 1911 года, когда тот проехал мимо него в закрытом автомобиле в Киевский городской театр.

— Его преследует смерть! — крикнул тогда Распутин.

Предвидение не обмануло его. Через два часа в антракте спектакля «Сказка о царе Салтане» Мордко Гершович Богров в упор дважды выстрелил в Петра Аркадьевича Столыпина.

Так произошла непоправимая для Российской империи трагедия.

В полувековой юбилей отмены крепостного права убили человека, который пытался завершить начатую пятьдесят лет назад реформу.

5

То, что с трудом мы начинаем различать сейчас, прожив сто лет без Царя, ясно различали те темные силы, которые не могли допустить, чтобы произошло возрождение Святой Руси.

Хорошо сказал об этом Павел Николаевич Милюков, один из главных идеологов заговора, помешавшего России переступить через порог победы. Вспоминая мартовские события сразу после октябрьского переворота, он признался:

«Того, что случилось, мы не хотели. (Здесь и далее выделено нами. — Н. К.) Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или же монархии с императором, имеющим лишь номинальную власть; **преобладающего в стране влияния интеллигенции и равные права евреев.**

Полной разрухи мы не хотели, хотя и знали, что на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно. Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета министров, что временную разруху в армии и стране мы остановим быстро и если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, **заплатив за свержение царя некоторой отсрочкой этой победы.**

Надо признаться, что некоторые даже из нашей партии указывали нам на возможность того, что и произошло потом. Да мы и сами не без некоторой тревоги следили за ходом организации рабочих масс и пропаганды в армии.

Что же делать: ошиблись в 1905 году в одну сторону — теперь ошиблись опять, но в другую. Тогда недооценили сил крайне правых, теперь не предусмотрели ловкости и бессовестности социалистов.

Результаты Вы видите сами.

Само собою разумеется, что вожаки Совета рабочих депутатов ведут нас к поражению и финансовому экономическому краху вполне сознательно. Возмутительная постановка вопроса о мире без аннексий и контрибуций помимо полной своей бессмысленности уже теперь в корне испортила отношения наши с союзниками и подорвала наш кредит. Конечно, это не было сюрпризом для изобретателей.

Не буду излагать Вам, зачем все это было им нужно, кратко скажу, что здесь играла роль частью сознательная измена, частью желание половить рыбу в мутной воде, частью страсть к популярности. Но, конечно, мы должны признать, что нравственная ответственность за совершившееся лежит на нас, то есть на блоке партий Государственной Думы.

Вы знаете, что **твердое решение воспользоваться войною для производства переворота было принято нами вскоре после начала этой войны.** Заметьте также, что **ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая** (1917 года. — Н. К.) **наша армия должна была перейти в наступление, результаты которого сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования.**

Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть в настоящее время мое внутреннее состояние. История проклянет вождей наших, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю.

Что же делать теперь, спрашиваете Вы...

Не знаю. То есть внутри мы оба знаем, что спасение России в возвращении к монархии, знаем, что все события последних двух месяцев ясно доказали, что **народ не способен был воспринять свободу, что масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие агитирующие за республику делают это из страха.**

Все это ясно, но признать этого мы просто не можем.

Признание есть крах всего дела всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями. Признать не можем, противодействовать не можем, не можем и соединиться с теми правыми, подчиниться тем правым, с которыми так долго и с таким успехом боролись»¹.

Это поразительное признание.

Вспомним, что 1 ноября 1916 года на открытии зимней (последней) сессии Думы П. Н. Милюков произнес речь, послужившую, по его собственному признанию, «штурмовым сигналом к революции». Прогрессивный блок устами своего лидера обвинил Императрицу в измене: «Что это? Глупость или измена?».

И вот этот человек — что это? Глупость или предательство? — ради «преобладающего в стране влияния интеллигенции и равных прав евреев» — таких целей, кажется, не ставила больше ни одна революция в мире! — стремиться разрушить огромную страну вместе со всей ее интеллигенцией.

Конечно же, это помрачение П. Н. Милюкова было навеяно темными силами, стремящимися не допустить возрождения Святой Руси в ее Божией силе.

И первый удар эти темные силы нанесли по православному Государю в Петрограде, сто лет назад, 17 декабря 1916 года...

6

Страшно и сейчас, столетие спустя, вчитываться в подробности убийства, совершенного по наущению английской разведки мерзавцами из высших аристократических кругов.

17 декабря 1916 года князь Феликс Феликсович Юсупов, женатый на племяннице Николая II, заманил Григория Ефимовича Распутина в свой дворец на Мойке и там и убил его.

Присутствовали при этом Великий князь Дмитрий Павлович, а также знаменитый, сумевший расколоть «Союз Русского народа» помещик-черносотенец Владимир Митрофанович Пуришкевич и... школьный друг Юсупова, офицер британской разведки МИ-6 Освальд Рейнер².

Еще были в Юсуповском дворце поручик Сергей Михайлович Сухотин и врач Станислав Сергеевич Лазоверт, но, по-видимому, они являлись простыми подручными. Вольноопределяющийся Сергей Сухотин³ (мачехой

¹ Дело «Каморры народной расправы». Т. 3, конверт с изъятими у И. В. Ревенко письмами. Полностью письмо опубликовано в моей книге «Гибель красных Моисеев» (М.: Вече, 2004).

² В своих воспоминаниях Ф. Ф. Юсупов Освальда Рейнера не называет. Имя его, как участника и организатора убийства Г. Е. Распутина, обнародовано английской разведкой.

³ В 1932 году в парижском журнале «Иллюстрированная Россия» появилась статья, автор которой произвел С. М. Сухотина в поручики Лейб-гвардии Преображенского полка, но тут же журнал вынужден был напечатать опровержение: «Милостивый государь господин редактор, в № 19 журнала “Иллюстрированная Россия” от 27 февраля с. г., в статье “Дело об убийстве Распутина”, в числе участников убийства поименован поручик Преображенского полка Сухотин. В целях установления исторической точности имею честь уведомить Вас, что в Л.-Гв. Преображенском полку офицера Сухотина не состояло, о чем прошу Вас поставить в известность читателей редактируемого Вами журнала. Прошу принять уверения в совершенном уважении и таковой же преданности. А. Гулевич, председатель Союза Преображенцев».

его была Татьяна Львовна Толстая) находился в Петрограде по ранению и якобы лечился в англо-русском госпитале, находившемся во дворце Великого князя Дмитрия Павловича, управляли которым связанные с английской разведкой леди Сибил Грей и леди Мюриэл Пэджет. Ну, а врач Станислав Сергеевич Лазоверт работал заведующим медицинской частью санитарного поезда, организованного В. М. Пуришкевичем.

Подлое убийство Феликс Юсупов подробно описал в книге «Конец Распутина». Разумеется, сочинение это было написано, чтобы доказать, будто вместе с Великим князем, бывшим черносотенцем и офицером английской разведки он пытался тогда спасти Россию, но эта ложь не нуждается сейчас даже и в опровержении. А вот в непосредственном описании злодеяния содержатся подлинные детали, которые проливают свет как на нутро самого убийцы, так и на природу юродства Григория Ефимовича.

7

Юсупов, который планировал завершить обучение на офицерских курсах при Пажеском корпусе как раз к завершению войны, понимал, что убивать своего гостя даже и такому титулованному мерзавцу, как он, это, как бы сказать, не совсем порядочно, поэтому перед описанием убийства он начинает говорить о «чувстве безграничной жалости к этому человеку», которое вдруг охватило его.

«Мне сделалось стыдно и гадко при мысли о том, каким подлым способом, при помощи какого ужасного обмана я его завлекаю к себе. Он — моя жертва; он стоит передо мною, ничего не подозревая, он верит мне»...

Впрочем, тут же угрызения совести сменяются у великовозрастного курсанта любопытством.

«Но куда девалась его прозорливость? Куда исчезло его чутье? Как будто роковым образом затуманилось его сознание, и он не видит того, что против него замышляют»...

И хотя Распутин, пытаясь предотвратить преступление, говорит Юсупову:

— Да, милый, мешаю я больно многим, что всю правду-то говорю... Не нравится аристократам, что мужик простой по Царским хоромам шляется — все одна зависть, да злоба... Да что их мне бояться? Ничего со мной не сделают: заговорен я против злого умысла. Пробовали, не раз пробовали, да Господь все время просветлял. Вот и Хвостову не удалось — наказали и прогнали его. Да, ежели только тронут меня — плохо им всем придется.

Юсупов отмечает, как жутко звучали эти слова Распутина там, где ему готовилась гибель, но больше ничто не смущает его.

Отныне убийство превращается для него в забавную игру «угадайку».

«В течение всего нашего разговора одна только мысль была в моей голове: заставить его выпить вина из всех отравленных рюмок и съесть все пирожки с ядом.

Через некоторое время, наговорившись на свои обычные темы, Распутин захотел чаю. Я налил ему чашку и придвинул тарелку с бисквитами. Почему-то я дал ему бисквиты без яда.

Уже позднее я взял тарелку с отравленными пирожками и предложил ему.

В первый момент он от них отказался:

— Не хочу — сладкие больно, — сказал он.

Однако вскоре взял один, потом второй...

Я, не отрываясь, смотрел, как он брал эти пирожки и ел их один за другим».

Не так уж и много описано в мировой литературе типов убийц-отравителей столь же омерзительных, как князь Юсупов.

«Действие цианистого калия должно было начаться немедленно, но, к моему большому удивлению, Распутин продолжал со мной разговаривать, как ни в чем не бывало.

Тогда я решил предложить ему попробовать наши крымские вина. Он опять отказался».

8

Сам Юсупов не понимает, что происходит, то есть он не понимает не только того, отчего не умирает отравленный Распутин, а не понимает, что Распутин, отказываясь вначале от пирожков, а потом от вина, тоже производит над ним опыт. Он предоставляет Юсупову возможность отказаться от совершения преступления, а когда тот не желает воспользоваться спасительной возможностью и продолжает настаивать на своем, съедает все начиненные ядом пирожки сразу.

Как известно, яд в желудке Распутина при вскрытии не был обнаружен.

Выдвигаются различные объяснения. Одни говорят, что цианид был нейтрализован сахаром или высокой температурой при приготовлении в печи. Другие считают, что яда вообще не было, и он появился, чтобы запутать — это каким же таким образом? — следствие.

Нам представляется, что все было гораздо проще.

Иногда и яд на человека не действует, и в огне он не сгорает...

Известны по Житиям святых такие случаи...

«Время шло. Меня начинало охватывать нетерпение. Я налил две рюмки, одну ему, другую себе; его рюмку я поставил перед ним и начал пить из своей, думая, что он последует моему примеру.

— Ну, давай, попробую, — сказал Распутин и протянул руку к вину. Оно не было отравлено.

Почему и первую рюмку вина я дал ему без яда — тоже не знаю.

Он вышел с удовольствием, одобрил и спросил, много ли у нас вина в Крыму. Узнав, что целый погреб, он был очень этим удивлен. После пробы вина он разошелся:

— Давай-ка теперь мадеры, — попросил он.

Когда я встал, чтобы взять другую рюмку, он запротестовал:

— Наливай в эту.

— Ведь нельзя, Григорий Ефимович, не вкусно все вместе — и красное и мадера, — возразил я.

— Ничего, говорю, лей сюды...

Пришлось уступить и не настаивать больше.

Но вскоре мне удалось как будто случайным движением руки сбросить на пол рюмку, из которой пил Распутин; она разбилась.

Воспользовавшись этим, я налил мадеры в рюмку с цианистым калием. Вошедши во вкус питья, Распутин уже не протестовал».

Если бы Феликс Юсупов придумал этот диалог, его можно было бы причислить к выдающимся писателям — так тонко, так четко воссоздана здесь попытка юродивого? святого? спасти погибающего человека.

Когда, не зная почему, Юсупов протягивает ему рюмку с неотравленным вином, Григорий Ефимович сразу начинает хвалить его, и очень удивляется, что у хозяина-отравителя целый погреб неотравленного вина.

И тут убийце-отравителю уж никак нельзя дальше продолжать свое подлое дело, тут по всем канонам христианства нужно бы покаяться злодею, чтобы попытаться спасти свою душу.

Только как же спасать то, чего нет в человеке, что давно продано то ли англичанам, то ли самому дьяволу?

И когда решил проверить Распутин, совершилось ли раскаяние, и попросил налить мадеры, оказалось, что ничего не изменилось, по-прежнему полон Юсупов злобы и убийства...

Более того...

Уже и не остановить этого человека, то и дело вспоминающего дьявола и ни разу — Господа...

В бесовском остервенении Юсупов разбивает пустую рюмку, чтобы передать Григорию Ефимовичу еще одну рюмку, начиненную ядом...

«Я стоял перед ним и следил за каждым его движением, ожидая, что вот сейчас наступит конец.

Но он пил медленно, маленькими глотками, с особенным вкусом, прикусив знатокам вина.

Лицо его не менялось. Лишь от времени до времени он прикладывал руку к горлу, точно ему что-то мешало глотать, но держался бодро, вставал, ходил по комнате, и на мой вопрос, что с ним? — сказал, что — так, пустяки, просто першит в горле.

Прошло несколько томительных минут.

— Хорошая мадера. Налей-ка еще, — сказал мне Распутин, протягивая свою рюмку.

Яд продолжал не оказывать никакого действия: “старец” разгуливал по столовой.

Не обращая внимания на протянутую им мне рюмку, я схватил с подноса вторую с отравой, налил в нее вино и подал Распутину.

Он и ее выпил, а яд не проявлял своей силы...

Оставалась третья и последняя...

Тогда я с отчаяния начал пить сам, чтобы заставить Распутина пить еще и еще.

Мы сидели с ним друг перед другом и молча пили.

Он на меня смотрел, глаза его лукаво улыбались и, казалось, говорили мне:

— Вот видишь, как ты ни стараешься, а ничего со мною не можешь поделать.

Но вдруг выражение его лица резко изменилось: на смену хитрой слащавой улыбке явилось выражение ненависти и злобы.

Никогда еще не видал я его таким страшным.

Он смотрел на меня дьявольскими глазами.

В эту минуту я его особенно ненавидел и готов был наброситься на него и задушить».

9

Повторю, что придумать такое может только великий художник.

Злодей, отравитель, убийца различает ненависть и злобу в человеке, которого он пытается отравить.

Человеку, исполняющему волю дьявола, начинает казаться, что его невинная жертва смотрит на него дьявольскими глазами!

Это уже почти на уровне Ф. М. Достоевского...

Но Феликс Юсупов, разумеется, не принадлежал к числу великих писателей, этот великосветский мерзавец просто записал то, что видел, то, что врезалось ему в память навсегда...

В дьявольском исступлении он травил человека, который был послан Царской Семье и всей России, чтобы спасти царскую династию и Российскую империю, он всаживал пули в этого человека, он бил его гирей по голове, а Распутин не умирал, потому что знал, что ждет и Царскую Семью, и всю Россию.

Но муж племянницы Императора, Великий князь, бессарабский помещик-черносотенец и офицер британской разведки все-таки убили его.

Они планировали скрыть убийство, но каждое движение встающего после очередного убийства Григория Ефимовича Распутина оставалось запечатленным.

И как задрожали веки на его лице несколько минут спустя после выстрела Юсупова, и как, проваливаясь в снег, бежал он к воротам, а Пуришкевич, вспоминая уроки, взятые в тире, стрелял и стрелял в него из пистолета, и как пытался он развязать веревку, уже будучи сброшенным в Неву...

И не могло не сохраниться, потому что в своем последнем юродстве-предсказании показывал, как будет умирать преданная ее выродившейся элитой Российская империя.

До обрыва в пропасть оставалось чуть больше двух месяцев...

Анатолий АВРУТИН

«...Я СО СНЕГОМ ШЕПТАЛСЯ»

Анатолий Юрьевич Аврутин — родился в Минске, окончил БГУ. Автор многих поэтических книг, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника избранных произведений «Времена», книги избранного «Просветление». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Член-корреспондент нескольких академий, лауреат многих литературных премий, в том числе международных. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 г. присвоено звезде в созвездии Рака. Почетный член Союза писателей Беларуси и Союза русскоязычных писателей Болгарии. **Живет в Минске.**

* * *

Вьюги поздним набегом
Города замели...
Я шептался со снегом
Посредине земли.

В суете паровозной,
У хромого моста,
Стылой ночью беззвездной,
Что без звезд — неспроста...

Я со снегом шептался,
Мне казалось, что он
Только в мире остался —
Ни людей, ни времен.

Хлопья рот забивали
И горчили слегка.
Комья белой печали
Все сжимала рука.

Я шептался со снегом,
Я доверил ему,
Что спасаюсь побегом
В эту белую тьму.

Так мне видится зорче,
Если вьюга и мгла —
Обхожусь, будто зодчий,
Без прямого угла.

А потом — перебегом —
По дороге ночной...
Я шептался со снегом,
Он шептался со мной.

Снег пришел осторожно
И уйдет невзначай,
Как попутчик дорожный,
Что кивнул — и прощай...

* * *

Все кружит октябрьская медь...
Старый дом отправили на слом...
Можно к электричке не успеть,
Но успеть подумать о былом.

Это там, в серебряном дыму,
На ветру полощется белье.
Поднял тост, к несчастью своему,
Наш сосед во здравие свое.

Поднял тост... Культяпкой поскорей
Подхватил заляпанный стакан.
И вспорхнул за стаей голубей,
Тете Нюше крикнув, что не пьян...

Это во дворе визжит пила —
Ставят голубятни... Сразу две.
Это в небе птицам нет числа —
Турманы кружатся в синеве.

Это там трудяга-патефон
Шепелявит грустно: «Бэ-са-мээ...»
А я только счету обучен:
«Трижды шесть... И два еще в уме...»

Ну да ладно... Спилены стволы,
Огоньки над станцией дрожат...
Электричка выскочит из мглы
И умчит куда-то наугад.

* * *

Потемнели-мне ли-мне ли в небе тучи,
В омут канула последняя звезда,
Это мне ли пред судьбиной неминучей
Все считать-читать ущербные года?

Что-то грохнет-охнет-охнет в поднебесье,
За пригорком тропка в мокрое свернет,
И шальной седок умчится в редколесье,
Редко-редко, но улыбкою сверкнет.

В бурелом трава-травинушка не гнется,
Бурелом для трын-травинки — трын-трава.
Сизый селезень картаво захлебнется,
И от мрака просветлеет голова.

А потом, когда устало-тало-тало
Небосвод повеселеет ввечеру,
Осенит — таких мгновений очень мало,
Когда Русь не призывают к топору.

Просто дождичек прошел в Руси великой,
И не нужно никому на смертный бой.
И Отчизна Несмеяной светлоликой
Просияла в красном красною красой.

Просто огненно теперь на белом свете,
Вновь пичугами затенькали сады.
Лады-лады-лады-ладушкины дети
Голосят на все веселые лады.

* * *

Гудки паровозов... Проблем миллион...
Но я получал, хоть проказник,
Конфеты «Ромашка», конфеты «Цитрон»
И «Мишка полярный» — на праздник.

Пока из разрухи вставала страна,
Погибших запомнив едва ли,
Мой батя нарочно не ел допоздна,
Чтоб съели мы что-то вначале.

Все деньги у мамы... Но все-таки он
Твердил: «Без подарка негоже!..»
В кармане шинели — «Ромашка», «Цитрон»
И «Мишка...» — подавленный — тоже.

Все помнится: эта большая рука
И килька с картошкой на ужин...
Мы знали — родная страна широка,
Нам берег турецкий не нужен...

Давно мое детство — не явь и не сон,
Но в память вошли благодарно
Конфеты «Ромашка», конфеты «Цитрон»
И «Мишка...». И «Мишка полярный»...

* * *

Детство... Палочки, буквы, счеты,
Хитрый соседский кот.
Папа скоро придет с работы,
Мама блины печет.

С папой рядом — никто не страшен,
С мамой — светлее свет.
Есть морковка... И быт налажен.
Жалко, картошки нет.

«Сам читаешь? Заплакал? Что ты? —
Девушка оживет...»

Папа скоро придет с работы,
Мама блины печет.

Две липучки... А на карнизе
Ткет свою сеть паук.
«Вдруг к Октябрьским цены снизят,
“выбросят” масло вдруг?..»

Детство, где ты? В сто тысяч сотый
Раз про себя шепчу:
«Папа, папа, вернись с работы...
Мама, блинов хочу...»

* * *

Морозец серебрит твое дыханье,
Похожее на ветра колыханье,
Похожее на перышко лебедки,
Летающее в озерную лазурь...
И ничего не знаю я, о Боже,
Что было б так на истину похоже,
Как это серебристое дыханье,
Что защитит от мрака и от бурь.

Все размывает время-невидимка,
А ты все смотришь,
смотришь с фотоснимка,
И веет пятипалою сиренью
От старой фотографии резной,

Где ты одна — заря и непогода,
Где ты одна — и утро, и свобода,
Где жажда серебристого дыханья
Вовек не станет жаждою иной...

Есть острый взгляд...
Но есть еще прозренье,
Когда столетьем чудится мгновенье,
Когда поймешь в счастливую минуту,
Что до сих пор не понял ничего,
Что все ушло — обиды, люди, лица...
Пусть только этот выдох серебрится,
Пусть парит над узкою тропой,
Пока еще тропу не замело...

* * *

За околицей женщина плачет,
От рябины чуток отойдя.
И ладони озябшие прячет
Под взъерошенной свиткой дождя.

За пригорочком тени теснятся
Под охрипый вороний бедлам,
И горячие руки боятся
Прикоснуться к озябшим рукам.

Никого... Только влажные кроны
Наклоняются, боли вослед.
Да струится сквозь кроны зеленый,
Через мýки просеянный, свет.

И случайный прохожий едва ли
Отличит, поспешив под навес,
Эту музыку женской печали
От печальной музы́ки небес.

* * *

И осень — не осень... И птица — не птица...
И плесень с обоев сползла на диван.
И только за стенкой кричит роженица,
Да седенький фельдшер с заутрени пьян.

В небесном просторе, послушные гуду
Высоких машин и высоких столпов,
Ослушники тайно прощают Иуду,
Послушники внемлют, что скажет Иов...

На капли расплескана, тысячелица,
Усталая вечность мешает вздохнуть.
И только за стенкой кричит роженица...
И суть непонятна... И тягостна суть.

А души вспорхнувшие — не улетели,
Подстреленной птицей упав на жнивье.
Нет выси в высоком, телесности — в теле,
И боги устали стоять за свое.

И вечность не чудится золотицей,
И кровь вместо пота сочится из пор...
И только за стенкой кричит роженица —
Умолкнет она, и умолкнет простор...

Александр ПРОХАНОВ

РУССКОЕ ЧУДО

Александр Андреевич Проханов — родился в 1938 г. в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Главный редактор газеты «Завтра». Член секретариата Союза писателей России. Работал инженером, затем лесником в Карелии и Подмоскowie, сотрудником газет «Правда», «Литературная газета». Активно выступал с публицистическими очерками в патриотической печати. Лидер патриотической оппозиции, прозаик — десятилетия своей жизни посвятил описанию локальных войн, в том числе и тех, что велись и ведутся на руинах СССР. Кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и Красной Звезды. **Живет в Москве.**

Общаясь с крымчанами из ОНФ в Ялте, Путин определил киевскую власть, устроившую водную и энергетическую блокаду Крыма, так: «удивительные идиоты». Для Путина Крым является кафедрой. Для него Крым — это его судьба. Все заявления, которые он делает в Крыму, нужно расценивать как манифестальные, а не преходящие. Недаром в одной из своих речей он сказал, что с возвращением Крыма в Россию вернулся сакральный центр власти. Потому это, казалось бы, эмоциональное его заявление имеет под собой основанием глубинное огорчение, глубинную оскорбленность тем, что украинцы по существу хотят вернуть, отнять, отторгнуть от России этот священный центр. Впервые он резко высказался против нормандского формата и против Порошенко именно после того, как украинцы послали в Крым диверсантов, которые были обезврежены нашими спецструктурами. Конечно, назвать сопредельных политиков идиотами — это оскорбление, это брошенная перчатка, это переход дипломатических отношений государств на отношения отрицающих друг друга политических лидеров. Это серьезное заявление. За ним могут последовать и политические, и, может быть, даже и военные действия.

Важными были и высказывания Путина, связанные с историей Крыма. Говоря о боспорских скифах, мангупских готах, киммерийских алахах, Владимир Владимирович воскликнул: «Но это же мы!». Это восприятие Крыма как русской этнической прародины. Когда Президент сказал, что с присоединением Крыма в Россию вернулся сакральный центр власти, он имел в виду и

это. Конечно же, русское государство, русская империя — это гигантский конгломерат народов, пространств, идей, тенденций, потенциалов развития. Это несомненно. Но я бы сказал, что все-таки на территории России самым первым и самым последним государством было и будет Царствие Небесное. И Крым для России важен в первую очередь тем, что из Херсонеса понеслась в Россию весть о том, что Россия — это есть Земля обетованная, что Россия выбрана Небом для того, чтобы здесь проповедовать райские смыслы. Для меня крымская привязанность Президента связана именно с этим — с моим и, по-видимому, путинским ощущением того, что мистическое воссоединение Крыма и России соответствует мистическому предназначению России и русского народа в целом.

Путин глубоко и точно знает какие-то, казалось бы, частные проблемы крымской жизнедеятельности. Проблемы судостроителей Керчи и Феодосии, проблемы пахарей и виноградарей, проблемы курортного и лесного хозяйств. Он разбирается, как можно тралить рыбу, а как нельзя. Крым для Путина стал содержанием внутренней политики, потому что возвращение Крыма — это гигантский внутриполитический акт. Он изменил контуры России. И поскольку для Президента Крым является синонимом внутренней политики, он должен знать эту политику досконально. И он крымские дела, как мне кажется, хочет знать глубже, интенсивнее, чем проблемы других краев. Его глубокое проникновение в технологии и в социальную атмосферу Крыма связано именно с этим. Крым чрезвычайно важен Путину как регион, на котором он отработал концепцию русской Пятой империи, как я ее называю.

И снова возникает вопрос: один Путин открывает «Ельцин центр», произносятся дежурные, оскорбляющие народ слова. Другой Путин выступал вчера в Крыму и выглядел как часть народа. Какой же Путин настоящий?

А никакой не настоящий, потому что он не имеет застывших контуров. Моя точка зрения: Путин развивается по мере того, как развивается государство российское. Не он строит государство, а оно в своем развитии строит его, меняет его лексику, мирозерцание, его ощущение мира и наполняет его русскость соответствующим содержанием. В ту пору, когда он произносил речь на открытии «Ельцин центра», российское государство несло в себе элементы ельцинизма, и оно по-прежнему их несет. Эти элементы сегодня очень важны и влиятельны. Весь кудринский блок есть гайдаровско-ельцинское наследие. Путин, как президент нашей сложной страны, отдал должное той компоненте, которая все еще присутствует в нашем сознании. Но одновременно с этим присутствует Путин — русский мистик, Путин — русский державный правитель, и для нас именно это важнее.

Президент, в отличие от многих своих подчиненных, народен. Это следует из многих деталей ялтинского форума. Например, когда Говорухин говорил о том, что надо возрождать теплоходное движение в Крыму, Путин сказал: да, и я много ходил здесь на теплоходах. То есть Президент не отделял себя от простого курортного люда. Судя по общению с жителями Крыма, не отделяет и сейчас.

Эти крымские теплоходы были прекрасны. Я тоже на них плавал, и на верхней палубе танцевал с молодыми барышнями, и пил вкусное вино, и любовался далями. Но сегодня, видите ли, не только Черное море — все великие реки пусты. На них нет кораблей, и это драма нашего судостроения,

которое было разрушено после 1991 года. Было бы дико, если бы в Крыму появились теплоходы, а наши Кама, Волга и Енисей оставались бы пустынными. Надо по всей стране строить теплоходы для внутренних перевозок как грузовых, так и пассажирских.

Что касается народности Путина: а что здесь мудрить-то, если у него 85 % поддержки народа? Конечно, он народен. Человек таинственный. Я даже думаю, что, может быть, только отчасти человек. Может быть, другой своей частью Путин принадлежит какому-то другому виду одухотворенной материи, и он становится таким, каким о нем думает беседующий с ним человек. В этом смысле он похож на таинственное море планеты Солярис. Человек смотрит на это море, он наполнен своими ожиданиями и предощущениями, и море откликается на это. Так что, если угодно, Путин — это человек-Солярис.

Царские почести

В Орле установили памятник Ивану Грозному. Величавый царь на коне, воздевший к небу православный крест, сжимающий в руке обнаженный меч. На открытии — тысячи людей. Ликующие толпы, народные песни, казачьи строевые, цветы, золотые погоны. Выступления профессоров-историков, художников, манифестальная речь губернатора. Старец Илия, духовник Патриарха, освящает памятник, кропит его святой водой. Центральные телеканалы, газеты. Яростные споры, восторженные возгласы, проклятья.

Почему сейчас воздвигнут этот памятник, в чем его своевременность? Почему из далекой древности, из XVI века, прискакал на коне Грозный-царь?

Наша страна в последнее время пережила чудовищные потрясения. Пало государство, от страны ударами топора отсекали цветущие земли, от великой многонациональной империи отторгли народы. Тогда, в старину, царь Иван Грозный крепил великие пространства, соединил народы в державное царство, простер его на Восток вплоть до Тихого океана. Еще недавно Россия ломалась от трещин: своенравные президентики, кичливые губернаторы откалывали от России Кавказ, Татарстан, Башкирию, Якутию. Урал стал печатать собственные деньги. Заговорили о Сибирской, о Дальневосточной республиках. Царь Иван Васильевич Грозный своей жесткой беспощадной дланью искоренял смуту. Укрощал своевольных бояр. Вгонял топор в их хрустящие шеи. Не дал уйти в Ливонию вероломному Новгороду. Укротил своенравную Тверь. Сберег единство страны.

После краха красной империи у России больше не было государства, ее лишили независимости. Здесь правили бал чужеземцы. Из России вывозили богатства, военные секреты, ученых. Россия, как беспомощная невольница, была выставлена на мировые торги.

Царь Иван Грозный разгромил Казанское ханство, подавил воинственных астраханцев, шагнул в Сибирь и добился полной суверенности Родины, снял с нее бремя великих унижений.

Нынешняя Россия только-только остыла от смут. Общество с трудом собралось из осколков. Стремится нащупать объединяющий всех образ будущего. При царе Иване Васильевиче Россия обрела свою полноту и целостность, открыла русскому народу смысл его существования в истории.

Он воздвиг в центре Москвы дивный храм Василия Блаженного как образ русского рая, как каменную икону, которой мы молимся и по сей день.

Сегодня Россия нуждается в порыве, в творчестве, в научных открытиях и художественных дерзаниях, в великом обновлении. Царь Иван Васильевич открыл первую на Руси типографию и издал первую печатную книгу. Он положил начало земским соборам, которые по замыслу его должны были ограничить беспредельную самодержавную власть. Он создал новую элиту — сословие дворян, сменивших у престола инертных и самодовольных бояр, создал ту элиту, что давала выход накопившейся в народе энергии, обеспечивала России рывок в грядущее.

Открытие орловского памятника породило бурю идеологических схваток. Вокруг личности Грозного-царя возникли вихри идей и взглядов, противоборствующие концепты истории. Это значит, что мы — живое общество, растущее и дерзающее. В нашем обществе сошлись в бескровной борьбе патриоты-державники и либералы-западники. После краха советской эры либералы нераздельно господствовали во всех сферах российской жизни. Они господствовали в политике и экономике, культуре и исторической науке, создавали свой новый миф о России — стране без величия, без собственного неба и Бога, трактуя русскую историю как непрерывный тупик, а русских царей и вождей — как череду беспощадных палачей и безумцев.

Еще 10 лет назад установка такого памятника, какой сегодня воздвигнут в Орле, была невозможна. Имя Грозного, ненавидимого в либеральных кругах, было оклеветано, превращено иностранными историографами в исчадие ада. Сегодня либерализм отступает. Открывается все больше пространства для державных политиков, историков и философов. Державное строительство вновь воздвигает на пепелище великое государство российское. Сегодня оно, вернув себе историческую волю, воссоединилось с Крымом; восстановив оборонные заводы, сражаясь за свои интересы на далеком сирийском фронте, оно ищет свое предназначение в самой древней своей истории: у стен Херсонеса, где состоялось крещение Руси при князе Владимире; под сводами Кремля, где в Грановитой палате изображен Грозный-царь с золотым нимбом вокруг головы; у подножия Медного всадника и у Мамаева кургана в Сталинграде. Бог наградил нас великими пространствами. Объединил нас в стоязкое государство.

Даровал нам великую историю, рассказывающую, как наш народ через все пожары, все испытания и муки несет драгоценную лампаду божественной справедливости, не дает ей угаснуть, готов одарить этим благодатным огнем все человечество.

Русское чудо

У Кремля воздвигнут памятник князю Владимиру Святому. Он благословляет Кремль с дворцами и соборами, Москву в сверкающих огнях, всю огромную необъятную Россию в первых белых снегах, все мироздание. Это памятник могучему и бесподобному князю, который тысячу лет назад в Херсонесе поцеловал золотой крест Православия.

Принято думать, что мудрый и рассудительный князь избрал Православие из числа тех религий, которые ему предлагали на выбор: иудаизм, католичество, ислам. Больше всего ему понравилось Православие, и он остано-

вился на нем. Но ведь религии — это не брошки и не бусы, которые смышленные торговцы подносят явившемуся покупателю. Нет, не князь Владимир выбрал Православие, а Православие выбрало его. Князь Владимир прибыл в Херсонес на смотрины и полюбился Православию. И этот благодатный огонь бесшумно опалил Владимира в момент, когда его босые ноги стояли в водяной купели, а неизвестный пастырь лил ему на голову из серебряного ковши святую воду. С этого момента, когда еще плескалась вода в купели, свет Православия полыхнул по необъятным просторам русских земель. И с годами, столетиями летел все дальше и дальше и озарил собою побережья трех океанов. Тогда в Херсонесе в момент крещения возник русский мир — это таинственное явление, которое становится содержанием русской истории вот уже тысячу лет.

Русский мир как птица с двумя крылами. Одно крыло — это земные просторы, государственные границы, человеческие законы и деяния, монархии, полководцы, земский люд, и все они соединяются в великое земное царство, то расширяющее свои границы беспредельно, то теряющее пространства и иногда, кажется, пропадающее навсегда. И второе крыло — это Небесное Царство, где сияет негасимый фаворский свет, царство горнее, неподвластное тлению, озаренное лампадами райской жизни. И если земные царства исчезают, то Царствие Небесное витает над ними нетленно. И когда земной русский мир почти пропадает или вовсе тонет в черной дыре русской истории, из Царствия Небесного падают в эту темную ямину драгоценные капли русского бессмертия. И вновь начинают цвести города, строятся дивные храмы, возникают великие ревнители государства российского, пишется великая музыка, создаются прекрасные стихи и романы.

Русское государство движется в истории волнами, которые сменяют одна другую, возникая и исчезая. Русский мир в его земном воплощении пульсирует, как пульсирует само мироздание. Первое великое царство, Киевско-Новгородская Русь, что кажется грезой среди синих рек, белоснежных храмов, мимо которых плывут расписные челны от Новгорода до Киева, причаливая то к Софии Новгородской, то к Софии Киевской. Второе великое царство — Московское, с храмом Василия Блаженного в центре Москвы, который и был образом русского рая, как его мыслили наши предки, — храм, соединяющий царство земное и Царство Небесное. И царство романовское, грандиозная империя, распахнувшая свои границы от Германии до Японии, явившая из своих глубин великого Пушкина, псалмопевца русской культуры. И огненное, красное царство, рожденное из крови, слез и огня, в годы страшной войны отступившее до самой Волги, а потом хлынувшее на Запад к рейхстагу, окрасившее в свой алый цвет две трети земли, это четвертое царство красной победы, воплощение русского мира. Сегодняшняя, пятая по счету держава, которая нарождается из черной дыры безвременья. И это все — русский мир, симфония народов — православных, мусульман, нудеев, католиков, буддистов, язычников и неверующих, всех объят собой русский мир, рожденный тысячу лет назад в Херсонесе, когда случилось небывалое чудо, и по всему небу в одночасье вспыхнули божественные лампы. Те, о которых Гумилев писал:

*Это Млечный путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет...*

В одном из своих посланий Путин сказал, что с возвращением Крыма в Россию вернулся сакральный центр русской государственности. Херсонес вновь стал частью России, Херсонес, откуда повелась Святая Русь. И как бы грозно, а иногда и страшно ни складывалась русская судьба, Святая Русь присутствует в нашей истории во дни торжеств и во дни великих печалей, на тризнах и в победных парадах, во всей полноте и во всех проявлениях нашей русской жизни. Не потому ли Александр Суворов воскликнул: «Я русский. Какой восторг!».

Какое счастье вдыхать эту русскую святость, которая открывается нам во время церковных песнопений, среди снегов и багряных осенних лесов, среди дивной русской словесности, певучего русского языка, на котором, как утверждают монахи, на небесах разговаривают ангелы. И, конечно, среди государства российского, драгоценного и грозного достояния, которое делает нас могучим народом, необоримым среди бурь современного мира.

Так думал я, глядя на памятник Святому Владимиру, на плечи которого нежно и чисто падал первый русский снег.

К В Ш Л А К Н И Г А

Бурдина В. И.

Яблоки грома: сборник стихов. СПб.: Контраст, 2016. — 320 с., ил.

Вера Бурдина — член Союза писателей России, автор четырнадцати поэтических книг, лауреат международной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» за книгу «Волны и камни» (2010), лауреат Всероссийской Православной литературной премии им. Св. и Блг. влк. кн. Александра Невского за книгу «Горнее эхо» (2013), лауреат Всероссийской литературной премии «Ладога» им. А. Прокофьева за книгу «Петербургские сны» (2001), лауреат Всероссийского конкурса «Семья — основа государства» за книгу «Калиновая гроздь» (2013), лауреат VII Международного фестиваля военно-патриотической песни «Наши песни войны и Победы» им. народного артиста России Э. Хиля за текст песни «Георгиевская ленточка» (2015), автор слов гимна городу Ямбургу (Кингисеппу) (2014), а также гимнов МО «Академическое» и МО «Пискаревка» Калининского района Санкт-Петербурга. В двухтомной энциклопедии «Литературный Санкт-Петербург. XX век» (2011) творчеству Веры Бурдиной отведена целая страница, где отмечены присущие поэту качества: яркая образность, классическая строгость форм, лирико-философские аспекты поэтической речи, легко выделяющейся из общероссийского литературного хора. На обложке, цветных вклейках, шмуцтитутах репродукции картин члена Союза художников России, лауреата Всероссийского конкурса «Салют Победы» Валерия Ивановича Яроша. Книга издана при содействии советника главы МО «Кингисеппский муниципальный район» по экономике Бориса Владимировича Гольдемберга.

Русские СУДЬБЫ

Владимир МАЛЫШЕВ

ЖИЗНЬ ЗА РОССИЮ

Владимир Викторович Малышев — окончил итальянское отделение филологического факультета ЛГУ. Много лет работал корр. и зав. отделениями ТАСС и ИТАР-ТАСС в Италии и Греции, а также в центральном аппарате ТАСС в Москве. Публиковался и был иностранным корреспондентом «Литературной газеты», «Известий», «Московского комсомольца». Во время работы в Греции создал русскоязычные газеты. Автор многих книг, а также сценариев художественных фильмов. Был директором санкт-петербургского Дома писателя. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ПОДВИГ КАПИТАНА ЩАСТНОГО

Зимой 1918 года он спас Балтийский флот, вывел из портов Ревеля и Гельсингфорса 236 боевых кораблей, в том числе 6 линкоров, 5 крейсеров и 54 миноносца, из-под носа у стремительно наступавших немцев и через льды увел их в Петроград. «Награда» за подвиг оказалась неожиданной — по личному приказу Троцкого герой был арестован и поспешно расстрелян, якобы за «измену». Это был первый расстрел, официально совершенный большевиками.

Жизнь для флота

Речь идет об Алексее Щастном — офицере царского флота, имя которого в советские времена находилось под строгим запретом. Родился Алексей Михайлович в семье артиллерийского офицера, однако стал моряком — окончил в Петербурге Морской корпус и посвятил свою жизнь флоту. За отвагу в годы Русско-японской войны был награжден орденом Святой Анны. Во время Первой мировой дослужился до звания капитана первого ранга, командовал миноносцами и линейными кораблями. После захвата власти большевиками продолжал верно служить России, защищая ее от немцев. Был официально назначен наморси — начальником Морских сил Балтийского моря. Но все называли его просто «красным адмиралом».

Тайный приказ

После заключения «похабного» Брестского мира Щастный получил секретный приказ от Троцкого и Ленина подготовить суда Балтийского флота к взрыву. Троцкий даже

обещал выплатить «подрывникам» денежное вознаграждение, приказав депонировать для этого специальные суммы в банках, понимая, что иначе будет трудно заставить моряков уничтожать родные для них корабли. Эскадра Балтфлота базировалась тогда в портах на территории нынешней Финляндии, к которым уже подходили немцы. Однако Щастный не стал минировать боевые корабли, решив их спасти. Сделать это было невероятно трудно, среди «революционных» экипажей, разложенных пропагандой большевиков и анархистов, царил полный разброд. С огромным трудом, проявив огромную энергию, наморси сумел подобрать надежных матросов и офицеров. Путь кораблям через торосы прокладывали ледаколы. Вскоре все линкоры и крейсера, а также все другие корабли Балтфлота были уже в Кронштадте. Благодаря Щастному, только они и спаслись: Черноморский флот, как известно, был затоплен, все корабли Северного и Тихоокеанского флотов достались интервентам. А спасенная на Балтийском море эскадра потом верно служила России, защищая ее в годы Великой Отечественной войны. Линкор «Марат» (бывший «Петропавловск»), например, оборонял осажденный Ленинград, громя гитлеровцев своими мощными орудиями.

Немцы были взбешены

Когда немцы вошли в Ревель и не обнаружили там русских кораблей, они были взбешены. Германское командование тут же направило в Кремль секретную ноту протеста. Ведь согласно условиям Брестского мира Россия должна была уничтожить все виды вооружений. Кроме того, современные историки считают, что между большевиками и немцами были заключены еще некие секретные соглашения, предусматривавшие передачу им русских крейсеров и линкоров.

Официально Ленин и Троцкий всегда опровергали тайные связи с немецким генштабом. Но теперь уже ни для кого не секрет, что «пломбированный вагон», в котором Ленин с подельниками проехали через всю охваченную войной Европу в Петроград, на самом деле был оплачен немцами. На этот счет были обнаружены подлинные документы. Известно, что однажды и сам Гитлер сказал, что самая блестящая операция немецкого генштаба состояла в отправке в Россию Ленина. Есть серьезные основания полагать, что были такие тайные договоренности и насчет «нейтрализации» большевиками боевого флота России. Вероятно, что некоторые документы попали в распоряжение Щастного.

На заседании ревтрибунала, на котором судили спасителя Балтфлота, Лев Давыдович заявил: «Вы знаете, товарищи судьи, что Щастный, приехавший в Москву по нашему вызову, вышел из вагона не на пассажирском вокзале, а за его пределами, в глухом месте, как и полагается конспиратору. И ни одним словом не обмолвился о лежащих в его портфеле документах, которые должны были свидетельствовать о тайной связи советской власти с немецким штабом». Тут же поняв, что проговорился, Троцкий сказал, что речь идет о «грубой фальсификации». Однако вспомним, что точно также большевики постоянно твердили о «клевете», опровергая обвинения, связанные с «пломбированным вагоном», которые потом были неопровержимо подтверждены документально.

Смертный приговор

Официально Щастного обвинили в «контрреволюции», в том, что он не подготовил корабли к уничтожению. Защитить боевого моряка никто не мог. Троцкий был единственным свидетелем на процессе, других просто не пустили. И Щастного приговорили к смертной казни. Это был первый смертный приговор, официально вынесенный большевиками. Спасителя Балтийского флота тайно казнили во дворе Александровского военного училища. Причем расстрельная команда состояла из китайцев, которым было все равно, кого убивать. Но командовал наемниками русский по фамилии Андреевский. Впоследствии был опубликован его шокирующий рассказ о казни: «Я подошел к нему: “Адмирал, у меня маузер. Видите, инструмент надежный. Хотите, я застрелю вас сам?”. Он снял морскую белую фуражку, отер платком лоб. “Нет! Ваша рука может дрогнуть, и вы только раните меня. Лучше пусть расстреливают китайцы. Тут темно, я буду держать фуражку у сердца, чтобы целились в нее”. Китайцы зарядили ружья. Подошли поближе. Щастный прижал фуражку к сердцу. Была видна только тень, да белая фуражка... Грянул залп. Щастный, как птица, взмахнул руками, фуражка отлетела, и он тяжело рухнул на землю».

Дальше Андреевский приводит еще более трагические подробности. По его словам, после казни китайцы засунули тело убитого в мешок, а он сам отправил гонца в Кремль, чтобы получить команду, что же делать дальше. Пришел приказ от Троцкого: «Зарыть так, чтобы невозможно было найти». Недолго думая, палачи вскрыли пол в училище и зарыли его прямо в комнате... Однако тело героя не обнаружили до сих пор.

Чего же так опасался всемогущий тогда Троцкий? Почему спешил уничтожить первого «красного адмирала»? Да еще старался сделать так, чтобы его потом не нашли? В точности об этом мы уже никогда не узнаем. Можем только догадываться, что в портфеле, с которым Щастный приехал в Москву, были такие документы, обнародования которых смертельно боялись большевики.

ПИТЕРСКАЯ ЖАННА Д'АРК

Невероятной оказалась судьба Марии Бочкаревой, родившейся в простой крестьянской семье. Она героически воевала на фронтах Первой мировой войны, где получила два Георгиевских креста за храбрость, встречалась с президентом США и английским королем. Популярность ее в России была невероятной. Однако в историю она вошла как командир женского батальона, оборонявшего Зимний дворец, хотя на самом деле ее там в этот момент не было.

Солдатом на фронт

Родилась Мария в деревне Никольская Новгородской губернии. Семья была бедной и вскоре переселилась в Сибирь, где в те времена царское правительство давало переселенцам земельные наделы. Замуж ее выдали

рано — в 15 лет. Муж оказался горьким пьяницей, и скоро они расстались. И тут горячая нравом Мария встретила свою «роковую любовь». Ей оказался вор и налетчик Яшка Бук, который, однако, был красив и умел ухаживать. Мария была очарована. Причем познакомились они в публичном доме, где Мария работала уборщицей. Когда Якова арестовали и сослали в Сибирь, Мария отправилась вслед за избранником своего сердца. Но и там, в Томске, отчаянный Яшка продолжал заниматься прежними делами. Когда грянула Первая мировая война, Мария, оказавшаяся пылкой патриоткой, решила оставить прежнее и отправиться на фронт солдатом. В те времена женщин на войну не пускали, и, чтобы отделаться от назойливой просительницы, начальство посоветовало ей обратиться прямо к самому Императору. Бочкарева отправила Николаю II телеграмму и вскоре, неожиданно для всех, получила от него разрешение.

«Яшка» на фронте

Служить отважная женщина начала в 28-м пехотном Полоцком полку. В неуклюжей шинели и с винтовкой она мало была похожа на женщину. А потому, когда ее спрашивали, кто она такая, то, вспомнив своего возлюбленного, Бочкарева отвечала: «Яшка!». Так ее и стали называть. Воевала храбро, часто ходила в атаки, а когда был убит ротный командир, Мария смело повела солдат в атаку. За военные подвиги ее наградили двумя Георгиевскими крестами и тремя боевыми медалями, присвоили звание унтер-офицера. Три раза она была ранена.

Вскоре в России произошла Февральская революция, в частях начались митинги, солдат охватило революционное брожение. На одном из митингов яркую речь «Яшки» услышал председатель Думы Родзянко. Он забрал харизматического агитатора с собой в Петербург, где Бочкарева предложила создать «батальоны смерти» из женщин-добровольцев. Такого никогда не было не только в России, но и в других воевавших тогда странах.

Однако инициативу «из народа» поддержали военный министр Керенский и главнокомандующий Брусилов. На призыв русской Жанны Д'Арк, как вскоре стали называть в России Марию, откликнулось около 2 тысяч человек. Причем служить пришли девушки не только из семей интеллигенции и рабочих, но даже из высшего общества. Солдатскую форму надели, в частности, княжна Татеева, дочь генерала Добровольская, дочь адмирала Скрыдлова.

Энергичная Мария установила в своем отряде жесткую дисциплину, всем приказала коротко остричь волосы. Женщины-солдаты вставали в пять утра, а военные занятия шли до 10 вечера. Вскоре батальон Марии Бочкаревой был приведен к присяге, и ему вручили на Исаакиевской площади знамя с православным крестом и грозной надписью «Первая военная команда смерти Марии Бочкаревой». Провожать необычный отряд на фронт на улицы Петрограда вышли тысячи людей, которые бросали букеты цветов к ногам девушек-патриоток в военной форме. На фронте отряд Бочкаревой показал себя героически. В первом же ожесточенном бою под Сморгонью он «доблестно пошел в атаку». 9 июля Бочкарева была контужена и отправлена в петроградский госпиталь.

Приключения «ударниц»

В это время, уже без Бочкаревой, в Петрограде был сформирован 1-й Петроградский женский батальон, который был потом отправлен на защиту Зимнего дворца. Однако ни в какой «обороне Зимнего» ему участвовать не пришлось по той простой причине, что никакого «штурма дворца» на самом деле не было, хотя потом коммунистическими историками и был создан на этот счет широко известный миф. В подтверждение его часто показывают под видом «документальных» кадров отрывки из снятого Сергеем Эйзенштейном фильма «Октябрь» — фальшивой инсценировки «героического штурма».

На самом деле вечером 25 октября «добровольцы», как их называли, послали к большевикам парламентариев с просьбой выпустить их из дворца. Антонов-Овсеенко потребовал их разоружить, женщины вышли из Зимнего, после чего их разместили в казармах Павловского резервного полка. Однако уже на следующий день указом Военно-революционного комитета они были освобождены. Самой же Бочкаревой в Зимнем вообще не было, хотя молва приписывала именно ей его «оборону».

Пуля в подвале ЧК

После Октябрьского переворота по указанию большевиков Бочкарева распустила свой батальон. Большевики хотели воспользоваться ее популярностью и, как «представительницу трудового народа», привлечь на свою сторону. Но Бочкарева отказалась. Она заявила, что «устала». Отказалась она и от сотрудничества с белыми. Однако потом все-таки согласилась на предложение Корнилова совершить агитационную поездку в США и Англию для сбора средств.

За океаном популярную героиню войны принял в Белом доме сам президент Вильсон. А в Англии бывшая крестьянка получила аудиенцию у короля Георга V, который и назвал ее «второй Жанной Д'Арк». Но ее заграничная миссия особого успеха не имела.

Вернувшись в Россию, Мария оказалась не удел. Ее отказ бороться с большевиками оттолкнул от нее белых. Не зная, чем себя занять, Бочкарева стала выпивать. А потом пришла в Томске к Колчаку просить об отставке. Однако он уговорил ее продолжить службу. Бочкарева, в которой вдруг проснулась прежняя энергия, сформировала из добровольцев санитарный батальон. Но он, увы, уже оказался ненужным. Отряды большевиков захватили Томск, дни армии Колчака были сочтены.

Мария сама явилась к красному коменданту города и предложила новой власти сотрудничество. Но ее арестовали и отправили в Красноярск. Допросы показали, что Бочкарева не принимала участия в вооруженной борьбе против большевиков, и, не зная, что с ней делать, следователи решили отправить ее дело в Москву. В это время в Сибирь прибыл один из чекистских главарей, известный своей жестокостью, Павлуновский с особыми полномочиями от Дзержинского. Он разбираться не стал и тут же приказал Бочкареву расстрелять. 16 мая 1920 года русская Жанна Д'Арк, которой было еще только 30 лет, закончила свой жизненный путь в мрачном подвале ЧК...

«ВЕРЮ, РОССИЯ ПОБЕДИТ!»

Это заявила Елизавета Кузьмина-Караваева в оккупированном Париже в тот день, когда Гитлер напал на Россию. Выдающаяся русская поэтесса, философ и религиозно-общественный деятель жила там в эмиграции, приняв монашеский постриг под именем мать Мария. А когда ей было 15 лет, то очарованный ею Александр Блок писал: «Когда вы стоите на моем пути, такая живая, такая красивая...». Однако суждена была этой необыкновенной женщине страшная судьба: ее сожгли в печах нацистского концлагеря Равенсбрюк всего за несколько дней до прихода Красной армии.

Столичные соблазны

Родилась Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева 20 декабря 1891 года в Риге, но детство провела на юге России, в Ялте и Анапе. Ее дед Дмитрий Пиленко был из запорожских казаков, дослужился до генерал-майора, создал, уйдя в отставку, огромный сад и виноградники, сыграл важную роль в основании Анапы и Новороссийска. А его сын, отец будущей матери Марии, в 1905 году стал директором знаменитого Никитского ботанического сада. В 1906 году в жизни юной Лизы случилась трагедия — ее обожаемый отец неожиданно умер. Это так потрясло 15-летнюю девочку, что она на какое-то время разуверилась в Боге. Вместе с матерью, урожденной Софьей Делоне, происходящей из старинного рода Рюриковичей, они переехали в Петербург.

В столице юную провинциалку, которая поселилась у сестры матери, фрейлины Царского двора, ждала совершенно другая жизнь. Благодаря связям матери, она очутилась в самом изысканном обществе. Подружилась с Ахматовой и Городецким, посещала собрания поэтов в знаменитой «Башне» Вячеслава Иванова, наслаждалась стихами Гумилева, а потом попала под колдовское влияние поэзии Блока. Стала писать сама, и ее первая книга стихов была замечена критикой. Однако уже тогда юная Елизавета стремилась к подвигу и жертвенности. Она поступает на Бестужевские курсы и вскоре становится первой женщиной-студенткой Духовной академии, заочно изучающей богословие.

Вскоре чуткая девушка почувствовала трагический разрыв, который существовал тогда между верхушкой петербургской интеллигенции и народом. «Мы жили, — писала она потом в своих воспоминаниях, — среди огромной страны словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоту — в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура: цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую поэзию своею, знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле мы были гражданами Вселенной, хранителями великого культурного музея человечества. Это был Рим времен упадка... Мы были последним актом трагедии — разрыва народа и интеллигенции...».

Комиссар по культуре

Елизавета вступает в партию эсеров. Для нее революционер — бесстрашный борец со злом, готовый всем пожертвовать ради революции. Она

не видит таких людей среди посетителей «Башни» поэта Иванова и уезжает из разочаровавшего ее Петербурга в Анапу, в свое имение, «к земле». Там ее и застала революция. Как члена партии эсеров, ее избрали товарищем городского головы. Когда к власти пришли Советы, Кузьмина-Караваева стала комиссаром по культуре, за что потом ее едва не расстреляли вошедшие в город деникинцы. Спасло ее лишь заступничество Волошина и Алексея Толстого. В 1919 году будущая мать Мария покинула Россию вместе со вторым мужем, Скобцевым-Кондратьевым, казачьим деятелем, писателем. Через Константинополь они добрались до Белграда, а потом Кузьмина-Караваева оказалась в Париже.

Путь к Богу

Там началась скучная жизнь эмигрантов, полная лишений. Пришлось подрабатывать изготовлением кукол и шитьем (Елизавета Юрьевна прекрасно рисовала, владела всеми швами древнего шитья). Но она не унывала, активно продолжала творческую работу. Под псевдонимом Юрий Данилов она опубликовала автобиографический роман о годах революции и Гражданской войны «Равнина русская: хроника наших дней». А затем вышли два ее сборника жития святых «Жатва духа». Вскоре она стала секретарем Русского студенческого христианского движения и вела интенсивную просветительскую деятельность среди русских эмигрантов по всей Франции. Но тут ее постиг страшный удар — смерть любимой дочери Насти. Девочка угасла в Пастеровском институте на руках у матери. Кузьмина-Караваева осознала, что до сих пор, по ее собственному признанию, «душа по переулочкам бродила... И вот когда я шла за гробом по кладбищу, в эти минуты со мной это и произошло — мне открылось другое, какое-то особое, широкое-широкое всеобъемлющее материнство... Я вернулась с кладбища другим человеком. Я увидела перед собой другую дорогу и новый смысл жизни — быть матерью всех, всех, кто нуждается в материнской помощи, охране, защите. Остальное уже второстепенно: я говорила с моим духовником, с семьей, потом поехала к митрополиту...». Вскоре она стала монахиней под именем мать Мария.

«Отдам свою душу каждому»

Всю свою энергию после пострига мать Мария отдает общественной деятельности, заботам о бедствующих эмигрантах. Она организовала общежитие и санаторий для туберкулезных больных, создала братство «Православное дело», которое стало центром социальной и духовной помощи нуждающимся. Кроме того, она активно участвовала в работе Религиозно-философской академии, руководимой выдающимся русским философом Николаем Бердяевым, в деятельности православной общины на окраине Парижа.

В одном из стихотворений она так определила тогда свое жизненное кредо:

*Пусть отдам свою душу каждому,
Тот, кто голоден, пусть будет есть,*

*Наг — одет, и напьется пусть жаждущий,
Пусть услышит неслышащий весть.*

«Но какой океан крови!»

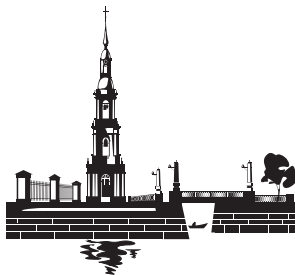
Когда уже в оккупированной Франции мать Мария узнала, что Гитлер напал на Россию, с нею произошло как бы второе преображение. Она стала жить только мыслями о своей Родине. «Я не боюсь за Россию, — уверенно произнесла мать Мария в те дни. — Я знаю, что она победит. Наступит день, когда мы узнаем по радио, что советская авиация уничтожила Берлин. Потом будет русский период истории... Все возможности открыты. России предстоит великое будущее, но какой океан крови!».

Русская монахиня налаживает тайную связь с французским Сопротивлением, укрывает советских военнопленных, спасает преследуемых гитлеровцами французских евреев, выдавая им ложные свидетельства о крещении, укрывая их и переправляя в провинцию. За время оккупации она спасла так от смерти сотни людей.

Однако вскоре на отважную монахиню донесли в гестапо, мать Марию арестовали и отправили в страшный концлагерь Равенсбрюк. Ее сына Юрия арестовали за день до ареста матери. Но сначала предложили службу в армии Власова, но он решительно отказался. Тогда его отвезли в Бухенвальд, а потом в страшный лагерь Дора, где под землей строили ракеты «ФАУ-2». Там погибали все...

Подвиг монахини

А мать Мария даже в лагере не сдалась. Помогала другим заключенным, чем могла, писала стихи и воспоминания, которые были опубликованы. Выжившие узницы вспоминали о ней потом, как о необыкновенно бесстрашной женщине. Историки считают, что есть две версии гибели матери Марии. По одной, ее в результате «селекции» отправили в газовую камеру и потом сожгли в печах. По другой, она сама вступила в группу заключенных, отобранных для уничтожения. Словно предвидя такой конец, мать Мария еще в 1934 году отметила в записной книжке: «Есть два способа жить. Совершенно законно и почтенно ходить по суше — мерить, взвешивать, предвидеть. Но можно ходить по водам. Тогда нельзя мерить и предвидеть, надо только все время верить...». Подвиг русской монахини и эмигрантки оценили даже в СССР. Мать Мария была награждена посмертно орденом Отечественной войны.

Дороги ВОЙНЫ

Борис ПОДОПРИГОРА* КАКОЙ НАМ ПОМНИТЬ ТУ ВОЙНУ?

*Заметки о генерале
Владимире Молтенском*

Борис Александрович Подопригора — социолог, литератор, журналист. Советник Главы Республики Карелия. Член Экспертно-аналитического совета при Комитете по делам СНГ, евразийской интеграции и соотечественников Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Окончил Военный институт иностранных языков и Петербургский госуниверситет. Полковник запаса. Заслуженный военный специалист России. Участник событий в семи кризисных зонах. Имеет государственные награды, научные и общественные отличия. Автор шести книг и киносценариев. Лауреат многих творческих премий, включая «ТЭФИ», «Золотой Орел», и др. Живет в Петрозаводске.

В конце первого десятилетия нового века мне в качестве переводчика довелось общаться с престарелым китайским военачальником. Рассказывая о своем руководстве недавними китайско-российскими учениями, гость достаточно уверенно назвал имя своего русского коллеги — Мао Цин Сы Кэ. И добавил, что считает «генерала Мао» главным боевым генералом (чжужао чжаньшицзян), причем не только российским, но и среди всех, кого китаец встречал. На мое непроизвольное «спасибо» он с вниманием, которого редко удостоивается переводчик, спросил:

— Вы его знаете?

Я ответил, что генерал Молтенской был моим непосредственным начальником. Причем в то время я выполнял далеко не переводческие обязанности. Не вполне понимая, какие еще могут быть обязанности у толмача, китайский генерал посмотрел на меня иначе, чем минуту назад. Ибо человек, находившийся рядом с «главным боевым генералом», достоин уважения уже поэтому...

И еще эпизод. Покидая прошлым летом Грозный — а он, безо всяких военно-исторических оговорок, превратился в Дубай, — я не мог не откликнуться на шумное изумление соседки-москвички, устраивавшейся в кресле рядом:

— А говорили — война, бомбежки, разруха... Да тут круче, чем в Эмиратах... И чего только генералы не придумают, чтобы деньги отмыть!

Такой оказалась сиюминутная причинно-следственная связь между «генералом Мао» и миром.

Вообще-то о начальниках, даже бывших, в армейской среде писать не принято. На то есть этическое

*Борис Подопригора — в 2002 году заместитель командующего Объединенной группировкой войск (сил) в Северокавказском регионе Российской Федерации.

правило: напишешь доброе — скажут, ищешь покровительства или сам на его фоне хочешь покрасоваться, помянешь плохое — скажут, сводишь сче-ты. А военачальники, равные по статусу, относятся друг к другу скорее с ревностью. Есть еще один нюанс — он связан с «аурой правды»: то, как там было на самом деле, доподлинно знает лишь один командующий. А то, что он знает, не всегда требует публичности. Поэтому умный да не спросит о подробностях, в кои не только вся соль, но порой таится и дьявол. Это особо относится к «внутренним войнам», в которых, как выразился Молтен-ской, «не побеждают без здорового элемента беспредела».

За жизнь мы говорили с Владимиром Ильичем Молтенским лишь од-нажды, после того как оба простились с военной службой. И разговор по-лучился сумбурным — обо всем сразу, но больше о времени, в котором зам-командующего группировкой на Северном Кавказе полковник Подопригора встретился в 2002 году с командующим генерал-лейтенантом Молтенским: «Такой-то прибыл». — «Работайте».

По опыту общения с большими начальниками — министрами, губер-наторами, командующими, к тому же не только российскими (начальное переводческое ремесло тому порукой), — у меня сложилось впечатление об их одиночестве. Особенно перед телекамерами. А на службе они предельно лаконичны. Так — черед хмурых реплик-распоряжений, готовых взор-ваться разносом: вне жанра, сюжета и порой даже формальной логики. Тем не менее тогда и там эти разносы казались понятными.

* * *

Мы встретились в скромной московской кафешке. Говорил в основном Владимир Ильич. Я слушал и вспоминал недавнюю экскурсию по русскому кладбищу в Сент-Женевьев де Буа, под Парижем. Ее вела дочь известно-го белогвардейского генерала. Слушая ее рассказ, я ловил себя на мысли, что усвоенное по нашу сторону той далекой войны не стыкуется с только что услышанным. А в столкновении двух правд побеждает скорее забве-ние. Если не взаимное ожесточение. Историки объясняют это тем, что обе стороны тогда были нашими, мемуары всегда субъективны («это даже не объяснительные, а оправдательные записки»), а непредвзято расспросить участников тех давних событий по разным причинам не получилось.

Теперь, рядом с Владимиром Ильичем, я старался понять, почему этот генерал, во многом предопределивший наступление мира в Чечне, по существу выпал из нашей недавней истории. Вот китайцы о нем помнят, а мы — по-стольку-поскольку. И хотя здравый смысл подсказывает ответ: чтобы лишний раз не вспоминать войну, — хотелось услышать его мысли. Тем более что обе чеченские кампании стремительно стираются с жесткого диска памяти. И мы, их участники, тоже не молодеем... А значит, и о чеченской войне когда-нибудь станут говорить в соответствии с сиюминутными идеологическими лекалами.

Впрочем, эти заметки не претендуют на большее, чем начало долгого и честного разговора от первого лица. Разговора о людях той, военной, Чечни. В сегодняшней же Чечне, как мы уже знаем, делается все, чтобы не было повода вспоминать конец девяностых и начало нулевых. Наверное, в этом есть свой резон. Но война — не только личные воспоминания, она к тому же исторический опыт страны. А он не бывает бесполезным...

Какие все же мысли приходили на память накануне беседы с генералом?

Первое: Владимир Ильич Молтенской проявил в Чечне, прежде всего, пронизательность. В том смысле, что сознавал не только личную ответственность перед Москвой и подчиненной ему воюющей группировкой, но и свое реальное место в сложной системе управления контртеррористической операцией. Операцией, кстати, оперативно-стратегического значения. Молтенской знал, *что* он должен сделать на этой должности, и *чего* ему не позволят ни ситуация, ни «сверху». Он, возможно, лучше других просчитал (спрогнозировал?) долгосрочные последствия ряда принципиальных решений по Чечне и всему Северокавказскому региону. Но не пытался играть в большого политика, хотя должность командующего в немалой степени это позволяла и даже требовала. Он понимал, что за ним приглядывают не только из Москвы, но и из близкого окружения. Может, поэтому поначалу настороженно относился ко всем, кого присылали на непривычную должность замкомандующего по информационной политике. Теперь мне понятно его стремление держать на расстоянии тех, кого он мало или совсем не знал.

Второе: командующему Молтенскому было чуждо позерство. Хотя любой военачальник его уровня пытается выглядеть как минимум соответственно своей должности. Он избегал самолюбования и наполеоновских замашек. Во всяком случае, не было стыдно ни за аргументированность принимаемых им решений, ни за его речь — грамотную, логичную, хотя и строгую. В отношении подчиненных он порой был грубоват, но никогда не был хамом. Еще такая частность: знаю, без «боевых ста грамм» в той обстановке мало кто обходился, и Владимир Ильич, наверное, не был воинствующим трезвенником, но ни разу не предстал перед офицерами подшофе, хотя никто бы его за это не осудил. Да, многим его подчиненным было с ним трудно. Но лучше иметь проблемы с умным начальником, чем пользоваться расположением недалекого, который не преподаст никакого урока.

И сугубо личное: однажды порученец командующего мне строго сказал: «Ты чего лезешь в вертолет, когда и без тебя можно обойтись?» Наверное, транслировал мысли командующего.

* * *

Тогда, в 2002-м, нас чуть сблизил эпизод, о котором рассказываю с разрешения Владимира Ильича.

После уничтожения Арби Бараева и Хаттаба, разгрома банды Гелаева Молтенскому должны были присвоить звание Героя России (представление правил автор этих строк). Именно тогда в медийное поле было вброшено якобы публично высказанное осуждение командующим затравленного полковника Буданова. По-видимому, чтобы из армейской среды прозвучало: «нечего играть в политику, получил генерал-полковника и хватит». Молтенской, единственный раз показавшийся мне растерянным, попросил опровергнуть навет. Увы, Героя Владимир Ильич тогда не получил... Может, еще не вечер?

Однако когда надо было выполнить свой личный нравственный долг, Молтенской не знал, что такое растерянность. Командующий, под началом которого, повторяюсь, находилась стотысячная воюющая группировка, почти все заседание военного совета посвятил поиску вертолета, чтобы эвакуи-

ировать в госпиталь раненого чеченского мальчишку. Доскажу правду: не просто мальчишку, а родственника важного для федералов чеченца...

Запомнилось: Молтенской принимал представителей Международного комитета по предотвращению пыток. Для командующего такая тема — марш без инженерной разведки по заминированной местности: что ни скажешь, обратят против тебя, точнее — против твоей страны. Ни наши, ни чужие правозащитники не верят, что мир — в смысле прекращение войны — завоевывают. Ибо победа примиряет, а поражение ведет к новой войне. И так до бесконечности. Поэтому, если не можешь врага убить — задуши. Это мысли генерала Молтенского.

Ничуть не оправдывая даже «здоровую долю беспредела», соглашусь: особо жестокие завоевания приходится на гражданскую войну — а чеченские войны, повторю, таковыми были по сути. Ко времени нашей первой с генералом встречи эти войны продолжались уже восемь лет.

В беседе с правозащитниками Молтенской прошелся по кромке, не задев ни одной растяжки. Вот почему китайский генерал предрекал Молтенскому иное будущее. Во всяком случае, его теперешняя должность — советник директора Федерального агентства по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения (ФАПРИД) — вряд ли соответствует опыту одного из ключевых организаторов чеченского перелома доктора военных наук генерал-полковника Молтенского.

* * *

Войну пропагандировали по тому месту, куда направлялись в командировку, в том числе посланцы главных телеканалов страны, ежедневно получавшие до 60 долларов. Пропагандировали неумышленно, но по ожидаемому от них выбору тем и сюжетов. Иначе как оправдать свои «кровные-боевые»? Но если эти 60 долларов не платить, речь в эфире пойдет уже не о войне... Меня тогда «назначили» главным врагом отечественных журналистов. Мне об этом не только говорили, но и мстили за это воистину жестоко...

Приезд в Ханкалу Михаила Леонтьева открыл еще один важный «анти-военный шлюз»... Страна получила мирное телелицо Чечни — Асет Вацуеву на НТВ. Значит, Чечня — уже *часть страны*, а не только место, где идет война. Я не участвовал в беседах Молтенского с Леонтьевым, но провозжал Михаила Владимировича в Махачкалу, откуда он спешно вылетел в Москву. Как там было дальше, теперь не столь важно. Но ради правды добавлю: командующий предложил наградить помощника президента по информационной политике Сергея Владимировича Ястржембского за понимание главной политической задачи дня.

Ключевое же, на мой взгляд, обстоятельство, характеризующее генерала, требует предисловия. Многочисленным иностранным гостям группировки весьма бесхитростно показывали различные стороны жизни войск и Чечни. В том числе кинологическую службу группировки внутренних войск — клетки с собаками, надо сказать, весьма мотивированными и небезголосыми. Тут-то все и началось. Журналисты нашли то, ради чего, по-видимому, и приехали: вот он, оскал власти, адекватно раскрывающий

ее отношение к населению. Интернет еще долго пестрел кадрами с упоминанием, в том числе и командующего.

Так вот, генерал Молтенской был тем самым командующим, который в марте 2002 года издал приказ по группировке № 80, в быту получивший название «приказа о зачистках». Этот приказ позволил существенно снизить число нарушений закона, то есть случаев произвола в отношении гражданского населения (нужно ли объяснять, почему и сколько раз такое случилось?). По прошествии лет стало ясно: далекие от взаимных симпатий, но уже законодательно «общеприязненные» отношения федералов и местных жителей начались с этого приказа. К его подготовке прямое отношение имел мой предшественник полковник Андрей Бородин. По его воспоминаниям, более чем самодостаточные и полномочные начальники жестко наседали на командующего, требовали исключить из проекта те положения, которые «связывают руки», иначе, убеждали они, войны не закончить. Но Владимир Ильич слабины не дал. Приказ вышел таким, каким впоследствии к нему не придирались даже на сессии ПАСЕ. Поэтому с нашего государства сняли некоторые обвинения, касающиеся проведения той самой контртеррористической операции. Понятно, что командующий действовал с одобрения Москвы, но переданный в Кремль для согласования текст приказа там не был исправлен. Это еще раз подтверждает государственное мышление генерала Молтенского.

* * *

Нашу встречу в московском кафе Владимир Ильич начал с воспоминаний о его преподавателях академии Генштаба — Марке Львовиче Альтговзене и Евгении Яковлевиче Джугашвили. То, что наш разговор начался с истории, скорее всего, неслучайно. Ибо откровения тех, кто не просто командовал, а хоронил солдат, чаще подтверждают их профессиональную кастовость, недоступную пониманию многих, кто к этому кругу не принадлежит. Но при этом остается главный вопрос: ради чего вы так дотошно постигали военную науку и в режиме круглосуточного стресса поверяли ее боевой практикой, и какая глубинная мотивация за этим стоит? Ведь не в амбициях же дело...

Не только привязка военного дела к истории, но и жесткий анализ Владимиром Ильичем сегодняшней политики представляются интересными даже в конспективном изложении. Оценки Молтенского касались не одного лишь Кавказа, а скорее программируемости исторических событий. Вот близкие к цитированию мысли генерала: с одной стороны, чем крепче государство, тем меньше соблазна покуситься на него, с другой — пресыщенность ведет к авантюризму, а соблазн — это главный мотив. С этой двойкой позиции, напомним, мы проигрывали начало многих войн. Да, Чечня не такая страна, которую мы хотели бы видеть, но... Если воспитать в Рамзане наследника «дикой дивизии», третьей чеченской войны не будет. Впрочем, в Сирии мы продемонстрировали не превосходство, а совершенство. О Китае? Бояться надо не силы Китая, а нашей слабости...

Слушая генерала, я задумывался: какое главное качество он проявил в разговоре? Лишь теперь, восстанавливая пометки из блокнота, понял: уверенность в собственной правоте. Я его не спросил об отношении к Ахмату-

хаджи Кадырову, пожалуй, самому известному чеченцу в новейшей истории. Вместо ответа Молтенского приведу еще один фрагмент. Мне несколько раз довелось переводить иностранным гостям тогдашнего главу Чечни:

- Война продолжается? — спрашивали его.
- Да, продолжается.
- Правда ли, что главная проблема — в нехватке денег?
- Правда.
- Вы довольны тем, как идет восстановление Грозного?
- Нет, не доволен.

И наконец:

- Какой вывод из этого следует?
- Идем правильным путем. Лет через десять Чечня забудет о войне...

А вот *какой* помнить ту войну, генерал Молтенской рассказать не успел...

ВЫШЛА КНИГА

Коняев Н. М.

Лихие и святые девяностые. СПб.: РУСЬ, 2016.

День за днем, год за годом, основываясь на своих дневниковых записях, прослеживает Николай Коняев в новой книге, как происходило изменение жизни и общественно-го сознания в девяностые годы.

Начинается эта книга сразу после августовского переворота и охватывает едва ли не самые сложные и переломные годы новейшей истории нашей страны.

Широким был круг общения писателя в девяностые годы.

В книге он рассказывает о своих многочисленных поездках по стране, и в том числе и в горячие точки, среди его собеседников возникают достаточно хорошо знакомые читателям общественные и политические деятели, внесшие определенный вклад в современную историю, но все же героями основного массива собранных в книге сюжетов являются простые люди, которые стали объектами, а зачастую и жертвами происходивших изменений.

Главных реформаторов нашей страны эти главные герои книги Николая Коняева встречают только на экране телевизора, и так странно, так нелепо и страшно телевизионные слова проникают в реальную жизнь, изменяя представления героев книги о нравственных ценностях, искажая сами человеческие чувства.

С необыкновенным мастерством писателю удалось воспроизвести в своей книге, как происходила манипуляция общественным сознанием в «лихие девяностые», но одновременно писатель показал, как рождается в народной глубине сопротивление этому манипулированию. И выражалось оно не только во внешних (митинги и выборы) формах, но и внутренне...

Татьяна СУРОВЦЕВА

«БЕДА И ПАМЯТЬ — ВСЕ МОЕ НАСЛЕДСТВО»

Татьяна Николаевна Суровцева — родилась в 1946 г. на руднике Хапчеранга Читинской области. Окончила библиотечное отделение Иркутского культпросветучилища, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Автор многих поэтических книг. За книгу стихов и переводов «Снежные птицы» в 2000 г. награждена Губернаторской премией. Член Союза писателей России. **Живет в Иркутске.**

РОЖДЕСТВО — РОЖДЕНИЕ

В эти ночи декабрьские
Городу
Берендеевы грезятся сны...
Едешь утром по синему холоду
В облаках снеговой белизны!
Свежей скатертью путь расстилается,
Воздух снегом пылит за окном.
Ели — словно на царство

венчаются —

В серебристом и голубом...
Над рекою текучее золото
Растворенных в тумане огней...
Так светло, необычно и молодо
Ожиданье серебряных дней
Рождества — вечной тайны
и таинства,
В правоте безупречной своей,
Человеческо-Божьего равенства —
То, что вечных страданий сильнее!

...И березы спеленуты инеем,
И заря на пречистом столе —
Вот и утро, морозное, синее —
Утро встречи с Тобой на земле,
Что же, дитяtko,
тайное, сладкое,
ты сквозь плач улыбаешься мне?
Вытру слезы блаженной заплаткою,
Помолюсь о Твоей белизне.

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

*Повернувшись на запад — спиной
к заходящему солнцу славянства...*

Юрий Кузнецов

Под шальной новогодней луною
Закусила зима удила.
Путь морозный лежит предо мною.
Неподвижна туманная мгла.

Путь предательский! Мертвое поле!
Тридцать первое — ночь сатаны.
Снег визжит о вселенском расколе:
Под ногой точно стоны слышны.

Сатанинская ночь ножевая —
Это окрик далекого дня.
Кровь смывая, с трудом выживая,
Стонет Русь, восходя из огня.

Вот она имена называет:
Все чужие гремят имена
Кандалами, затворами. Знаем
И в лицо тебя зрим, сатана.

Как ты тянешься к русскому горлу,
Как детей ты отравой поишь...
Погубил ты великих и гордых
И с ухмылкой над нами стоишь.

Но из темных глубин бессознания
Сквозь космический хохот и вой
К нам идет первородное Знание
Потайною, глагольной тропой.

Уж над вымерзшей, черной полынью
Не оратор — оратай встает.
На Восток рукавицу он кинет,
На лукавый ли Запад пойдет.

Встрепенутся на западе реки,
На востоке воспрянут леса,
И услышат опять человеки
Возрожденной земли голоса.

И откроются русские лица,
Как под солнечным лаком икон.
И славянского солнца жар-птица
На века озарит небосклон.

ЖУРАВЛИ

Над горькою окалиной земли
На Благовест летели журавли.
Над мокрыми развалинами снега,
Над кладбищем истерзанной тайги —
Им дал Господь шестое чувство неба
На долгий путь средь ночи и пурги.
Летели длиннокрылые, летели,
В фарфоровые дудочки дудели,
Прозрачно, переливчато звеня,
И на балкон вдруг вызвали меня!
Их вел вожак, родному небу рад,
Стремительно снижаясь на закат:
В Сибири нам не до весенних нег,
Но на болотах стаю ждал ночлег.

И рассиялось солнце на закате,
И на сугробах вербы расцвели —
Как будто мир преодолел заклатье,
Когда в Сибирь вернулись журавли.

Вам встретить грудью холода и вьюги,
Но вы забыли о беспечном юге,
Родные птицы —
вы примчались к нам,
К растерянным в ненастье городам.
И к деревням,
заброшенным и жалким —
Обители калек и стариков,
Вернувшихся опять к сохе и прялке...
Не греет нищих обветшалый кров.

Но слышались вдали колокола,
Пока шумели сильные крыла!
Я нежной песни слушала мотив —
Как все, как все, кто в этом мире жив.
Кто молится на ясный образ неба,
Взгляд отрывая от земли и хлеба...
Мне слышался России чудный зов
Под благовест живых колоколов.

* * *

Не успел Новый год оглянуться назад —
На заснеженный город,
А уже — весь в листве и в черемухе — сад
Ветер треплет за ворот,
И летит над землей лепестковая соль —
Ароматное диво,
И опять нам милее земная юдоль:
Так тепло и красиво.
Заблудился трамвай и кружит, как судьба,
Над цветочной порошею...

Отогрелась душой, не спешит голытьба,
Уезжая из прошлого.
Нет работы, нет денег, и некуда нам
В этот час торопиться,
Но зато мы сегодня пойдем по цветам,
Станут добрыми лица.
Будет патиной памяти прожитый век
Покрываться, светлея,
И уйдет навсегда, как родной человек
По цветущей аллее...

* * *

Не возвращаюсь... Мимо проезжаю.
Здесь дом, который мог мне быть родным.
Здесь мой отец и женщина чужая
давно живут. Я непонятна им.
Мне в доме места нет. Но возле дома
стоит моя заветная сосна,
и та беседка мне давно знакома,
где я, судьбу предчувствуя, одна,
любила видеть небо грозовое
в раскатах туч, извилинах огня...
На старых соснах молодела хвоя,
и ливень шел широкою волною,
водой и градом окружал меня!

...Мои цветы сорвали горожане.
Впитал следы забывчивый песок.
Леса да сопки молча окружают,
и бьет по нервам птичий голосок.
Мне с каждым разом встречи все больнее.
Как эта рана старая горит!
Отец, отец! Ты был ли счастлив с нею?
Седой, в пижаме, сухонький — темнеет
и вовсе не о том мне говорит.

Беда и память — все мое наследство,
Все, что навеки с родиной роднит.
И я глотаю горький ветер детства —
что б ни было, а он меня хранит.

* * *

Вдруг сердце обнажить...
А сердце словно лист
осенний, золотой,
беспомощный, бесценный.
Все холодней над ним лазоревая высь...
Какой простор кругом! Какие перемены!

Ты взял листок в ладонь
и хочешь отогреть.
Ты хрупкости лесной касаешься губами,
забыв, что в сентябре ему не зеленеть, —
стать пылью, пеплом стать
иль сгнуться под снегами.

Но все равно, мой свет, тебя благодарю
за позднюю любовь — несбыточное счастье.
За тихие шаги навстречу сентябрю,
за тихий этот смех,
как музыка звучащий.

Так открываешь вдруг,
что жизнь не изжита
и что самих себя мы до конца не знали...
Открой, осенний день, летящий по спирали,
мне сокровенный смысл
багряного листа!

* * *

Мне сад жасминовый приснился,
Сияющий из тьмы времен...
Он ароматами пролился
В неповторимый этот сон.

А здесь — ни сумерек, ни солнца,
В себе себя таящий свет,
Как музыка, звучит и льется,
Не зная дней, не помня лет...

Вокруг невидимой ограды
Туманы звездные текли,
И звуки суетного ада
Не долетали к нам с земли.

Мы, заблудившиеся дети,
Вечноцветущим садом шли,
И наши души, словно ветви,
Цветами белыми цвели.

В иной реальности остались
И стали давним сном во сне
Крикливых птиц густые стаи,
В земном кружащие огне.

Истлела нить воспоминаний...
Легки для нас тропинки сна.
Жасмина душное дыхание —
Любви немая глубина.

ОСТАВЬТЕ МНЕ В МИРЕ БЕЗУМНОМ...

Оставьте мне в мире безумном
Поляны лесной завиток,
Где бабочка в танце бесшумном
Легонько склоняет цветок.
А время, как мед из кувшина,
Тягучей волною течет,
И слышно, как ходит в вершинах
Задумчивый ветер высот.

Там за полдень сухо и знойно,
Июль в золотом забытии.

Там люд муравьиный достойно
Живет среди палой хвои.

Оставьте мне полную чашу
Небес во глубокой воде
И елей высокую стражу,
Подъявшую пики к звезде...
Оставьте душе невеликой,
Чтоб не задохнулась в пыли,
Природы закатные блики,
Заветы зеленой земли.

ВСЕ ЖЕ МИР — ВДОХНОВЕНИЕ И ТАЙНА

Ничего,
никого,
никогда
не забуду из лет облетевших.
Все со мной: молодая вода
горной речки — дикарки безгрешной,
и рудничная грубая быть,
и за нежность жестокая плата...
Все, в чем я без вины виновата,
все, что случай когда-то убил.
Тем, быть может, и жизнь хороша,
что не вычеркнуть дела и слова:
все к тебе возвратится, и снова
улыбнется и вздрогнет душа.

Не отречься от прожитых лет!
не догнать убежавшую воду,
но не гаснет особенный свет
над особенным временем года:
школьный сад сентябрем занесен,
репетиция, музыка,

поздно...

Мы читаем по листьям и звездам:
будет счастье — для всех и во всем!

...Тех забот золотая руда
стала пылью. Но разве напрасно
так же нежно, тревожно и страстно
те же звезды глядят сквозь года?!

ЧУВСТВО ЗЕМЛИ

Что-то будет еще в этой жизни со мной,
 что-то будет?...
 Зов родных расстояний меня
 на рассвете разбудит.
 Хоть один родничок
 под пятой января — да не стignet!
 Хлопотунья-судьба
 предо мной свою карту раскинет.
 Покачнутся леса под крылом,
 индевеющим тонко,
 и начнут небеса мою душу качать,
 как ребенка.
 Или узкоколейка помножит на песню улыбки,
 А в тайге замелькают
 дожда непряденные нитки.
 Будет праздник в деревне,
 сверкнут самородками лица!
 Словно в жизни страны
 я открою живую страницу...
 Я люблю это чувство земли —
 крутизны и простора!
 Обрывается сердце,
 как глянешь на мир с высоты.
 Объявляют полет...
 Обрывается нить разговора,
 Резкий вихрь от винта
 до земли пригибает цветы.
 Что-то будет со мной в этой жизни —
 еще
 что-то будет!
 Благодарствую, жизнь,
 за колеса твои и крыла!

Что не праздников праздность —
родную грамматику буден
От щедрот своих мне
ты, великая, преподала!

НА СЕВЕРЕ БАЙКАЛА

Здесь склоны повиты сырыми ветрами
и травы колючи.
Здесь вечно пасутся, цепляясь за травы,
голодные тучи.
Здесь выбили волны в скалистом подворье
пещеры-загоны.
Здесь — кладбище нерп, оголенные корни,
продрогшие кроны.

Здесь райская птица гнезда не свивала,
восторгов не пела,
лишь гордые чайки хлопочут на скалах,
над пеною белой.
Лишь белые чайки ночуют на скалах,
под осыпью звездной,
да зимы вмерзают прозрачным кристаллом
меж бездной и бездной.

Но если земная вдруг ось покачнется,
взорвется мгновенье,
я знаю: отсюда иное начнется
времен исчисленье.

* * *

Валентину Распутину

Ветер пел, и звучал над Байкалом
Шумный голос, ласкающий слух.
Солнце нежную власть излучало,
Протекая сквозь облачный пух.

Разгулялась в предчувствии шторма,
Серебром наливаясь, волна.
И береза на выступе горном
Вся на милость ветрам отдана.

Белой чайкой над зыбью Байкала,
Накренившись, летит катерок.
Всколыхнулась вода у причала,
Чуть померк серебристый Восток...

Все — предзимье и все — предсказанье,
Но настолько светла глубина,
Что душа, как при первом свиданье,
На краю непробудного сна

Бредит юностью, тайной, надеждой
Невозможной, но яркой мечтой...
Ветер с моря — палач побережья —
Жестко треплет венец золотой.

Все осыплется, выгорит вскоре.
Выйдет в море рыбачка-луна.
Будет холодно в диком просторе,
Будет звездами вечность полна.

Скоро ночь и мороз переспорят
Гладь небесную, мир полоня...

*Но останутся в счастье и в горе,
Чтобы вечно тревожить меня —
Берег жизни, глубокое море.
Ясный свет Валентинова дня.*

МАМА

Вот покурить я вышел в сенцы
От гомона и суеты...
И вдруг тоска мне сжала сердце:
Я вспомнил — есть на свете ты!

Ты никуда не уходила!
Но позабыл об этом я...
Там, на холме — твоя могила,
А здесь, в избе — душа твоя!

ГОРНИЦА

Эта тихая чистая горница
Вся пронизана
 солнцем насквозь!
И вспорхнула сестра,
 словно горлица:
«Наконец-то,
 пожаловал гость!»
Как я бредил когда-то
 столицею!
Мать шептала вослед: «Воротись...»
Вот вернулся — затем
 чтоб светлицею
По сухим половицам пройтись!
Ах года, вы не все
 еще прожиты!
Стол накрыт,
 чтобы брат не зачах!

Что же смотришь, сестра, —
 хоть моложе ты, —
С непонятной печалью в очах?
Вечер. Солнце
 за речкою скроется.
Тусклой лампочки
 блеск неживой...
А пускай-ка затеплится
 горница,
Словно в детстве,
 свечой восковой!
Глянем молча
 во тьму заоконную
И присядем —
 плечо у плеча,
Чтоб всю ночь
 под святою иконою
Согревала
 нам душу
 свеча...

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Сначала вижу дом,
Потом увижу дым,
И верится с трудом,
Что был я молодым.

Я расцветаю тут,
Но слезы не сдержать.

Ведь быстро дни пройдут,
И время — уезжать!

И в сумраке седом,
Под небом голубым,
Почти не вижу дом,
Но долго виден дым...

* * *

Неужто песня умерла?
Хиты остались хамоватые.
Хрипят, как будто с похмела,
Попсы глашатаи лохматые.

Слух режет электропилой
Сопровождение фанерное!

Под этот скрежет, визг и вой
Любой сойдет с ума, наверное.

Но рано песню хоронить,
Коль есть края, не столь далекие:
Там голоса сплетают в нить
С утра девчонки ясноокие...

Там мужиков уставших рать,
Под вечер выпив ради праздника,
Затянет вновь про Стеньку Разина —
На «муси-пуси» им... начхать!

И «ящик», в этот миг забыт,
Уймет мычанье тошнотворное.

Там хитрая придумка — хит —
Звучит как слово подзаборное!

...Глумясь, проводит телесброд
Душ молодых приватизацию...
Но песня русская живет,
Не загнанная в резервацию!

* * *

Что происходит,
 родная сторонushка?
Сердце свивается в жгут:
Черные вороны —
Красное солнышко
За горизонтом клюют!

Пашни заброшены,
 травы не кошены,
Кто этот грех нам простит...

И запустение
Гостем непрошенным
Нагло в деревне гостит!

Так неужели
 в стенаньях и лепете
Жить, позабыв Божий суд?
...Утром взгляните,
Как белые лебеди
Солнце на крыльях несут!

* * *

Жизнь прошла совсем не зря!
Оглянусь на путь-дорогу:
Слава Богу, есть друзья —
И враги есть, слава Богу.
Не ронял ни разу честь,
Пусть крутило и ломало!
Слава Богу, книги есть
И читателей — немало...
Подымаясь на Парнас,
Я кнутом не бил Пегаса.

Спотыкался — и не раз,
Но от паники не трясся.
И теперь, на склоне дней,
Вновь судьбу перелистаю:
Жил как все — среди людей,
Но не лез по-волчьи в стаю.
В общем, не на что пенять,
Продолжается дорога.
И на небе буду знать,
Что не лишний я у Бога!

* * *

Тихий свет над водою струится,
Словно дети, кувшинки глядят.
И деревья,
 зеленые птицы,
Перед взлетом
 чуть слышно галдят.
Принимаю покорно и кротко
Этот дар,
Предназначенный мне.
И моя заплутавшая лодка
Неподвижна в густой тишине.
А заря затуманенно рдеет

И касается весел и рук...
И так странно лицо холодеет
От любви ко всему,
 что вокруг!
Свет струится —
Таинственный, дальний,
То ли ангел,
А то ли звезда...
И не хочется плыть
 никуда мне,
Ну, а если и плыть —
В никуда...

ПАМЯТОСЛОВ

Николай БУРЛЯЕВ

«БЫТЬ ПЕРВЫМ НА РУСИ — ТЯЖЕЛЫЙ КРЕСТ»

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Окончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Щукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине и др. Создатель и президент Международного кинофорума «Золотой Витязь». Председатель международного Объединения кинематографистов Славянских и Православных народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 г. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Бондарчук...

Произнесешь эту фамилию — и сознание мгновенно рисует образ кинематографического исполина: всегда красивого и элегантного, увенчанного недостижимым ореолом избранника, баловня судьбы, казалось, рожденного для жизни на творческом и общественном Олимпе. Безусловный вожак, лидер, авторитет кинематографической стаи. Открывающий любые двери, народный, лауреат, депутат Верховного Совета, Герой Соцтруда, профессор, оscarоносец, свободно колесящий по миру, снимающий все, что пожелает, и даже за границей...

Разве «стая» могла ему это простить?..

Впрочем, все по порядку.

1961 год. Первый взгляд на «живого Сергея Бондарчука». Параллельно со съемками «Иванова детства» снимаюсь у Г. Л. Рошаля в «Суде сумасшедших». Летаю из приднепровских болот в роскошную Ригу, меняю рваные одежды разведчика Ивана на богатые наряды сына красавицы Ирины Скобцевой, играющей жену американского миллионера. Снимаемся на большом пароходе.

В один прекрасный день на нашем корабле все непривычно засуетились: драят палубы, начищают до блеска все, что способно заблестеть. Почему-то шепотом произносят: «к Скобцевой должен прилететь Бондарчук».

И — вот он, прилетел!

Съемки фильма прекращаются на все время присутствия на корабле этого красивого «посланца небес». Счастливая молодая пара.

Все и вся вертится вокруг планеты под названием Бондарчук.

Уж не помню, представили ли меня ему. Да если и представили,

заметил ли он меня?... Что я для него: четырнадцатилетний, никому неизвестный мальчик?

А я влюбился в него с первого взгляда и на всю жизнь. Как несколько месяцев до того, придя на пробы к Андрею Тарковскому, я влюбился в Андрея, и тоже с первого взгляда, и так же на всю жизнь. В них невозможно было не влюбиться: два гения, две вершины русского кинематографа, две столь разные и столь великие души.

Ныне, когда их обоих призвал Господь, подавая в храме поминальные записки, я пишу рядом имена «Сергия» и «Андрея» и твердо знаю, что *там*, где нет скорби, вздыханий и сплетен, они вместе взирают на нас грешных с надеждой и любовью; они вместе укрепляют наши души.

Здесь, на земле, им не позволили быть вместе...

Сергей Федорович Бондарчук

Вскоре Бондарчук начал снимать «Войну и мир», и завистливая кинематографическая и «околокиношная» клоака закопошилась, зашипела, начала оттачивать жало и накапливать яд, чтобы вскоре укусить побольнее... «Бондарчук-то на Толстого замахнулся!.. Куда ему!.. Это будет провал!.. Какой он Пьер Безухов?.. Какой Тихонов — князь Болконский?..»

1963 год. Увидел Бондарчука во второй раз.

«Мосфильм», длинный коридор старой тон-студии. Иду из правого крыла и вижу, как из противоположного левого крыла на меня надвигается большая кавалькада. Неумолимо, как на дуэли, сближаемся и сходимся в холле. Вижу в центре кавалька-

ды две фигуры: Бондарчук и министр культуры СССР Фурцева.

Вот они в двух метрах от меня... хочу обойти их, скрыться, провалиться сквозь землю... Бондарчук смотрит на меня, улыбается, манит рукой, просит подойти. Раз просят, не убежать же — подхожу... пожимаю протянутую Бондарчуком руку.

— Вот, — сказал он Фурцевой, показывая на меня, — это тот самый Коля Бурляев, герой «Иванова детства». — Улыбнулся и достаточно смело, будто рядом стояла не политическая небожительница Фурцева, пошутил: — Все проблемы с нашей творческой интеллигенцией из-за тебя...

Фурцева протягивает мне руку, пожимаю, не слышу, что она говорит мне. Процессия проходит мимо. Кто-то из моих коллег по съемочной группе, наблюдавший эту сцену, уважительно иронизирует:

— Я бы после таких рукопожатий месяц руку не мыл.

А я — счастливый, ошеломленный случившимся — бреду дальше по коридору: «Надо же, я известен самому Бондарчуку?!.»

Закулисные кривотолки сопровождали весь период подготовки, создания и проката «Войны и мира». Уши людей открыты сплетням и слухам. К моменту выхода этого фильма мои друзья, старшие коллеги, слову которых я абсолютно доверял, столько наговорили мне отрицательного о картине Бондарчука, что я поверил в то, что фильм плохой, и не стремился увидеть его. Лишь спустя много лет, когда «Войну и мир» показали по телевидению, я был потрясен величиим кинематографического подвига Сергея Федоровича Бондарчука. Конгениальная, классическая киноверсия толстовского романа! Великая режиссура мастера, которому подвластны не только эпический, надмирный охват глобальной массовости и баталистики (который, я уверен, никогда не превзойдет ни один режиссер в мире), но и филигранное, тончайшее по психологизму, глубинное крупноплановое творчество. Феноменальное соединение макро и микро: космический полет духа и погружение в глубины мельчайших движений души; слияние и гармоничное взаимодействие светлого разума и доброго сердца художника, исполненного любви к человеку и всему сущему на земле, жадное впитывание и переосмысление в себе сокровищ русской и мировой культуры и созидательное творчество во славу Господа и человека; любовь и служение своему Отечеству — вот слагаемые гения Бондарчука.

Едва дождавшись окончания фильма, я позвонил Сергею Федоровичу и высказал то, чем было переполнено мое сердце, признавшись, что увидел «Войну и мир» впервые лишь сегодня, невольно поверив в шестидесятых годах слухам, распространяемым «друзьями».

1972 год. Судьбе было угодно, чтобы я породнился с Сергеем Федоровичем, соединив свою жизнь с его старшей дочерью Натальей. Наши отношения приобрели «родственный» оттенок.

Встречаться мы стали немного чаще, но все равно гораздо реже, чем хотелось и мне, и его дочери, любящей отца всем своим сердцем.

Мы виделись на «Мосфильме», во ВГИКе, иногда приезжали домой или на дачу к Сергею Федоровичу в Барвиху. И каждая встреча была для нас счастливым событием, к которому мы долго готовились. Он называл меня по-украински «Микола», часто шутил, рассказывал анекдоты, но иногда делился своими сокровенными мыслями о творчестве, о людях, о политике.

Кроме любви к этому красивому человеку, я испытывал какое-то генетическое ощущение родства наших душ и осознавал, что и он относится ко мне подобным образом. Наши отношения можно было назвать отношениями единомышленников. Разгадка, осознание истоков этого влечения наших душ друг к другу открылись значительно позже, когда не стало Сергея Федоровича.

В 1998 году, проплывая на теплоходе кинофорума «Золотой Витязь» по Днепру и пройдя Запорожье, родину моих предков, запорожских казаков, мы через несколько часов подошли к Херсону и посетили родину С. Ф. Бондарчука, Белозерку. И только здесь меня осенило: Боже! Да ведь

мы же — земляки! Всего-то несколько десятков километров друг от друга жили наши вольные прадеды. Мы из одной земли, из одних корней. Мы — братья по крови и духу.

Только один раз удалось пригласить Сергея Федоровича к нам в гости. Я заехал за ним на машине и привез домой, где с трепетом и поджаренной курицей ожидала его дочь. Спиртного было немного, и оно мгновенно иссякло. Время ночное, нигде ничего не достанешь. На полке — штук 20 маленьких, пятидесятиграммовых фигурных «мерзавчиков» с разнообразным заморским пойлом, привезенных из разных стран. И пока последнему «мерзавчику» не наступил конец, «казаки» не смогли расстаться.

1975 год. Выпускники ВГИКа — Наталья Бондарчук, Игорь Хуциев и я завершили на «Мосфильме» постановку дипломных новелл по роману Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина».

Соединив новеллы в один фильм, мы предложили Сергею Федоровичу прочитать текст от автора. Он, хоть и занятый постановкой своего нового фильма, сразу же согласился и назначил день и час, когда придет к нам на озвучание. Попросил не откладывая принести ему тексты, которые он должен будет произнести. В назначенное время мы через весь «Мосфильм» сопроводили его в тон-студию. Сергей Федорович разложил на пюпитре перед микрофоном тексты, в которые почти и не заглядывал. Великий профессионал, актер Бондарчук, был абсолютно готов к работе — тексты выучил наизусть. Мы, начинающие режиссеры, замерли у окна в соседней микшерской комнате, не смея давать указаний мастеру. Так, в полной тишине, где звучал лишь гипнотический голос великого артиста, прошло несколько минут. Сергей Федорович вживался в образ Салтыкова-Щедрина, искал верную интонацию, тембр, не удовлетворенный достигнутым, командовал: «Еще раз!»... «Еще дубль!» Наконец обратился к нам:

— Режиссеры! Чего молчите? Какие будут замечания?

А режиссерам все нравилось... какие там замечания! И все-таки кто-то из нас, «для приличия», отважился внести легкую коррекцию. Сергей Федорович с готовностью исполнил просьбу. Особенно мне запомнилось, с какой изнурительной самоотдачей он озвучивал последние слова автора «Пошехонской старины», произносимые в финале на изображении предсмертного портрета Салтыкова-Щедрина: «Я люблю Россию до боли сердечной... и желал видеть Отечество мое — счастливым». Наверное, около двух десятков раз Сергей Федорович просил еще и еще дубль, пока, наконец, не вздохнул облегченно:

— Стоп! Ну, кажется, попал!..

Завершив «Пошехонскую старину», мы пригласили Сергея Федоровича на просмотр. Как дорого было для меня, родившего первую режиссерскую работу, услышать от Бондарчука короткую похвалу: «Молодец!.. А ведь ты — режиссер».

Следующее наше партнерство с Сергеем Федоровичем состоялось через несколько лет в фильме «Выбор цели», где он играл главную роль — ака-

демика Курчатова, а меня пригласили на небольшую роль ученого-атомщика Феди, предупредив, что прообраз моего героя — отец атомной бомбы академик Сахаров. И хотя ролька была микроскопической в масштабах всей киноэпопеи (всего-то три эпизода, и актерской славы она мне явно не прибавляла), я, не раздумывая, согласился только потому, что мне представлялась возможность побыть еще немного подле моего любимого Бондарчука. Работали в павильоне «Мосфильма» и в подлинном интерьере курчатовской квартиры. Профессионально изящные, светлые, теплые, сердечные мгновения нашего совместного бытия. Возможность перемолвиться в паузах на темы, волнующие нас обоих.

Бондарчук и Тарковский. Два равно любимых и дорогих для меня человека. Отношения этих двух гениев еще требуют своего изучения и расчистки от наслоений, сплетен и домыслов. Как я радовался, когда С. Ф. Бондарчук предложил вечно опальному Андрею работать в его Объединении и под его защитой на «Мосфильме». Он всем сердцем принял фильм Андрея «Солярис», после просмотра картины с грустью сказал своей дочери Наталье, исполнившей в этой картине роль Харри:

— Господи! Что же ты после этого будешь играть?..

Это был период, когда два гения сердечно потянулись друг к другу и даже строили планы совместной работы над фильмом о Достоевском. Да не тут-то было... Их развели... Нашептали доверчивому Андрею о «коварстве Бондарчука», который-де непременно воспользуется доверчивостью Тарковского...

И заключительный аккорд в истории несостоявшейся дружбы двух гениев русского кинематографа — инцидент в Каннах.

Бондарчук был приглашен в Канн членом жюри, а Тарковский участвовал в конкурсе с фильмом «Зеркало». Жюри не присудило «Зеркалу» главную премию, и пресса повесила провал фильма на совесть Бондарчука.

А что же было на самом деле?

Когда Сергей Федорович вернулся из Канн, при первом же нашем общении я задал ему вопрос: «Ну, как новый фильм Андрея?» Его отзыв о картине был достаточно спокойным. Фильм ему не понравился, и он чисто профессионально объяснял, почему его этот фильм не захватил. Естественно, я задал вопрос: «Вы голосовали против?»

— Да нет, — ответил Сергей Федорович, — я воздержался.

Спустя несколько лет, когда не стало Андрея Тарковского, я посетил его могилу во Франции, на кладбище Сен-Женевьев де Буа. Встретившись в Париже с Отаром Иоселиани, я выслушал его рассказ о «каннском инциденте», очевидцем которого был и он, находясь в те дни в Каннах. Он задал вопрос одному из членов жюри (назвал мне имя этой женщины, которое я не могу сейчас вспомнить):

— Правда ли, что Бондарчук голосовал против «Зеркала»?

— Нет, — ответила она, — Бондарчук вообще ничего о фильме не говорил. И если бы он что-то сказал против фильма, это лило бы воду на мельницу Тарковского.

— Я пересказал Андрею свой разговор с членом жюри, — продолжал Отар. — Андрей обернулся к своей жене: «Вот видите, Лариса Пална, у Отара совершенно другая информация...»

— Нет! — Вскричала жена. — Я знаю! Бондарчук послан КГБ, чтобы не дать вам премию!..

Да простит Господь прегрешения вольные и невольные рабы Божией Ларисы пред всеми, кто любил Тарковского и с кем она его разлучила.

1984 год. Начало нового этапа наших отношений с Сергеем Федоровичем. Как-то приехав к нему на дачу, я рассказал о четырехлетних хождениях по мукам со своим сценарием «Лермонтов». О том, что писал сценарий для киностудии «Грузия-фильм», но там его отвергли по причине утверждения мною в сценарии добрых отношений между Россией и Грузией. Потом два года мой «Лермонтов» стоял в плане Гостелерадио, а меня все не запускали. Хотела запустить меня в работу Одесская киностудия, не позволил Лапин: «С какой стати Лермонтов в Одессе?..»

— Годы идут, еще немного, и я не смогу играть Лермонтова чисто физически... Я просто не знаю, что мне делать...

— А ты сними «Лермонтова» у меня в Объединении, — предложил Сергей Федорович то, о чем я и мечтать не смел.

Так он решил судьбу моего «Лермонтова», облегчив мои авторские страдания и увеличив страдания свои. Мог ли он предвидеть, что через два года, когда я завершу свой фильм, это послужит дополнительным поводом для травли, ляжет строкою в приговор, который вынесут Бондарчуку ново-явленные «перестройщики»!..

Пригласив меня в свое Объединение, Сергей Федорович никак практически в дальнейшем не участвовал в создании моего фильма: не приходил на худсоветы, не смотрел отснятый материал, ни во что не вмешивался, предоставив мне полную свободу, что меня вполне устраивало... Он был сам поглощен созданием «Бориса Годунова». Но тот факт, что мой «проект поддержан Бондарчуком», и его фигура, его крыло незримо было распростерто надо мною, помогло мне пройти все рифы и завершить картину. Правда, мосфильмовские острословы мгновенно окрестили фильм «Лермонтов» «зятем Годунова».

Бондарчук пришел уже на просмотр готового фильма, дал несколько профессиональных советов и поздравил с завершением труда.

Лишь однажды, чувствуя, что худсовет «Мосфильма» без его поддержки может зарезать мне несколько сцен, я попросил Сергея Федоровича прийти на помощь. И он пришел. И когда кто-то из советчиков предложил вырезать из фильма сцену с гадалкой Кирхгоф (мол, негоже в советском кино о гадалках...), он спокойно сказал, что на его взгляд это — одна из лучших сцен в фильме. Полушутя обронил фразу о том, что может рассказать, кто из членов Политбюро ездит к Джуне, а кто к Ванге... И проблема отпала.

Как-то я сказал Сергею Федоровичу о той невероятной, бескорыстной поддержке фильма «Лермонтов» окружающими людьми, предоставляющими все услуги бесплатно, по зову своего русского сердца: распахнутые двери дворцов и музеев, и даже самого Кремлевского дворца, бесплатные войска Северо-Кавказского округа, вертолеты, конница...

— А как, думаешь, я снимал «Войну и мир»? Точно так же. Без поддержки народа фильм не мог бы состояться...

Когда Сергей Федорович снимал в Ленинграде «Красные колокола», мы снимали там же телефильм «Медный всадник».

Однажды, подъехав на Дворцовую площадь, мы прошли сквозь оцепление туда, где подле Александрийского столпа бродила потерянная фигура режиссера. Кругом все клокочет, десятитысячная массовка бежит по прилегающим к площади улицам к Зимнему дворцу, снимают параллельно семь камер. Одна из них закреплена на вертолете, с ревом кружащемся над площадью. Ветродуи гонят по площади пиротехнические дымы. Невообразимый хаос, шум, стрельба, взрывы...

— И как ты всем этим управляешь? — спросила Сергея Федоровича его дочь.

— Не знаю, — повел он плечами. — Да оно как-то само...

Здесь же я получил от Сергея Федоровича предложение:

— Меня актер подвел... Ты не снимешься в роли Антонова-Овсенко?..

— А когда нужно?

— Завтра. А чего?.. Давай, Микола, выручай...

На следующий день я в гриме, с пистолетом в руке лез на баррикады, «брал Зимний дворец». Отснялся в двух кадрах, но продолжения моего участия в «Красных колоколах» не последовало. Сергей Федорович пригласил на эту роль другого актера.

Я не обиделся и даже не стал выяснять причины замены — был вполне удовлетворен тем, что хоть еще денек поработал с Бондарчуком.

Кое-кто из обиженных близких говорил мне об эгоистичности Бондарчука, о том, что он занят лишь собой, о равнодушии к своим детям. Со временем мне пришлось убедиться в совершенно противоположном.

Однажды я пришел в дом Сергея Федоровича на улице Горького. Мы сели друг против друга в его кабинете, и я объявил, что расстаюсь с его дочерью. Несколько секунд он молча смотрел на меня, глаза его наполнились слезами, он выдохнул: О, Боже!..

И сколько было в этом стоне любви и страдания за своих детей, тех потаенных чувств, которые он никогда не показывал окружающим!

Наши отношения после этого ничуть не изменились.

1992 год. Прошел первый международный кинофестиваль «Золотой Витязь» в Москве. И первую премию «За выдающийся вклад в кинематограф» получил Сергей Федорович Бондарчук.

Пройдет еще три года, и не станет великого Бондарчука, и награда Всеславянского кинофорума «Золотой Витязь» «За выдающийся вклад в кинематограф» будет навечно носить имя Сергея Бондарчука, и его гордый профиль будет отчеканен на золотой медали.

Пройдет еще немного времени, и будет открыта Киноакадемия имени С. Ф. Бондарчука, в которой будут воспитываться кадры для русского национального кинематографа.

Лето 1994 года. Пришел домой к Сергею Федоровичу, не ведая, что это наша последняя в жизни встреча, не мог допустить мысли, что и Бондарчук не вечен.

Он только что возвратился с курортного кинофестиваля, выглядел больным, заметно похудел. Я пригласил его приехать на «Золотой Витязь»

в Тирасполь в начале сентября. Он согласился, но добавил: «Еще надо дожить...» Я показал ему видеофильм о прошедшем в прошлом году в югославском городе Нови Саде втором «Золотом Витязе». Он одобрительно заметил:

— Да... это — другой кинофестиваль...

Попили чаю, поговорили о разном и простились — как оказалось, навсегда.

Через три месяца Сергея Федоровича Бондарчука не стало.

«Что ж, веселитесь! Он мучений последних вынести не смог...»

Радуйтесь, «собачки», до крови терзающие душу изнемогающего льва. Укоротили жизнь гиганта коллеги-кинематографисты и обслуживающие их ничтожества из критической стаи. Да и итальянцы помогли со своими интригами вокруг «Тихого Дона».

Гроб с телом Сергея Федоровича мы несли плечо к плечу с человеком, с которым нас связывает сорокалетняя дружба и любовь, с Никитой Михалковым. Я смотрел на него и думал (не помню, сказал ли ему об этом на поминках): «Теперь только держись. Ты принимаешь эстафету. Быть первым на Руси — тяжелый крест».

ВЫШЛА КНИГА

Зиновьев Н. А.

Стена: Стихи. Ростов: Ирбис, 2016. — 112 с.

Лирический герой стихотворений Зиновьева принимает в себя нашу боль — всю разом, страдая не только от подлых ударов врага, но от исконной мягкотелости, от доверчивости бескрайней и обычной людской глупости. Его жизнь — это жизнь России, все остальное не суть важно.

В стихах Николая Зиновьева мысль обнажена до предела, она глубоко публицистична, при этом не становится банальностью или общим местом, она всегда неожиданно свежа. И даже банальности и общеизвестные факты под пером поэта обретают поэтическую первозданность.

Книга будет интересна всем любителям поэзии. В ней представлены стихи, в основном написанные в последние годы.

Сергей БАГРОВ

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

*Новые рассказы
о Николае Рубцове**

Сергей Петрович Багров — писатель, прозаик, лауреат премии Николая Рубцова «Звезда полей», а также первый обладатель медали «Н. Рубцов 1936—1971». **Живет в Вологде.**

*Печатается в сокращении.

Воспоминания о поэте написаны на основе многочисленных встреч с Николаем Рубцовым. А также бесед с его сверстниками и воспитателями детдома № 6. Написаны воспоминания спустя десять лет после выхода книги «Россия. Родина. Рубцов».

БЕРЕЗОВЫЙ ЛИСТ

Младший брат Боря был копией Коли Рубцова. Разница в возрасте — один год. Оба родились в Емецке. Но уже в 1937-м, когда Боре было несколько месяцев, а Коле полтора года, семья переехала в Няндому. Переезд был связан с переводом Михаила Андреяновича на работу в Няндомский леспромхоз. Сначала Рубцовы жили в благоустроенной квартире. Но после того как Михаила Андреяновича арестовали, обвинив его в антисоветских высказываниях, жизнь семьи оказалась на самом краю. Велено немедленно убираться с квартиры. Новое местожительство квартирой не назовешь. Лачуга, где было четыре подслеповатых оконца, глядевшие в сторону железной дороги. Грохот составов доносился сюда днем и ночью. И маленький Боря часто соскакивал с деревянного лежака, дрожа от испуга всем своим худеньким тельцем. Не стало кормильца. И члены семьи, в которой кроме Коли и Бори были их старшие сестры Надя и Галя, брат Алик, сама Александра Михайловна и бабушка Рая, испытывали постоянный голод. Пришлось молоденькой Наде, забросив учебу, устроиться на работу. Она и выручила семью. Но выручила ценой своей жизни. Умерла, когда ей шел 18-й год. К счастью, Михаила Андреяновича, просидевшего в предварительной камере в ожидании суда, которого он так, кстати, и не дождался, оправдали.

Боре было четыре года, когда Рубцовы покинули Няндому. Поселились за Вологдой по соседству с Прилуцким монастырем. Дом им сдала в аренду зажиточная хозяйка, уезжавшая на все лето к Черному морю.

Это было счастливое время детства. Вечерами, приезжая с работы домой, Михаил Андреянович брал в руки гармошку. Играл на ней. Александра Михайловна, обладая красивым голосом, подпевала. Рядом были сынки: Алик, Коля и Боря. Отец не учил их игре на гармонике. Не до этого было. Весь в делах. Так ребята и сами днем, когда дома была только мать, снимали с горки гармонь и начинали водить пальчиками по кнопкам. Александра Михайловна не умела строжить. Однако предупреждала:

— Не дай Бог, если папка увидит вас при гармонии...

— Не увидит, — заверял ее Коля.

— Я буду глядеть из окна, — заверял и Боря. — Как папку увижу, так Колюхе и крикну: — Идет!

Целое лето пиликали мальчики на гармошке. Даже больше того, услышав по репродуктору музыку, пытались ее тотчас же скопировать нота к ноте. При этом все время спорили, убеждая друг друга на том, какие звуки у них фальшивят, а какие идут, как по радио, в лад.

Иногда к их игре пристраивалась Галинка, напевая под музыку братьев новую песню, слова которой, пока репродуктор вещал, с ходу запоминала.

Привлекала братьев в Прилуках и сонная, вся в зеркалах, тихходная Вологда. Особенно в воскресенье, когда вся семья выходила к зеленому берегу. Александра Михайловна с дочкой собирали цветы. Михаил Андреянович, радуясь воле, едва раздевшись, бросался в реку. Чтобы тут же ее переплыть. Глядя на папку, кидались в реку и его сыновья. Голые, как индейцы. С индейским гоготом и ныряли. Впереди — старший Алик. Вслед за ним — забиячливый Коля. А по-за Колей — и Боря.

Славное было время. Однако вернулась с юга хозяйка. И дом в Прилуках пришлось оставить. В новой квартире, уже в самой Вологде, в деревянном, с двумя этажами доме, на улице Ворошилова, 10, семья распалась. Александра Михайловна родила здесь дочку. Но та заболела и умерла. Александра Михайловна тоже занемогла и вскоре сошла вслед за дочкой в могилу.

Стояло лето 1942 года. Михаил Андреянович по дороге на фронт был ранен. Попал в госпиталь, где предстояло долго лечиться. Дети одни. Именно в эти дни у всех четверых началось преждевременное взросление. Галю взяла к себе жившая в Вологде сестра Михаила Андреяновича тетя Соня. Алика приютили в ближайший детдом. Коля и Боря на несколько дней предоставлены были самим себе. Наконец, вспомнили и о них. Обоих определили за 18 километров в село Красково, где был дошкольный детдом. В книге учета воспитанников детдома против фамилии Рубцов стояли две записи: «Мать умерла. Отец в Красной армии».

Музыка! Вот что сильнее всего волновало братьев. Репродуктор вливал в спальню мальчиков то стихию бравого марша, то песенку о Катюше. Слушали братья и то, и другое. И наполнялись одновременно любовью к простору и воле, шепоту ив над рекой, гудку парохода и дорогим, неизвестно откуда явившимся голосам мамы и папы.

14 октября 1943 года стал днем разлуки. Колю переводили в один из детдомов Тотемского района. Предстояла дорога на пароход. Хотел бы с ним в эту дорогу и Боря. Но вместе нельзя. Из-за возраста. В детдом, куда ехал

Коля, брали лишь тех, кто пойдет в первый класс. Шестилетний брат обнимал семилетнего.

— Всяко увидимся? — спрашивал Боря.

— Обязательно! — отвечал ему Коля.

Однако увидеться не пришлось. В память о младшем брате осталась у Николая его фотография. Боря сидит на одной из скамеек села Приютина, около летнего огорода. В руках — баян. Не собственный — брата Алика. Нажимает на пуговики инструмента и сквозь мелодию звуков слушает голоса, пробившиеся из детства, где он оставил свою родню.

Повзрослев, братья искали друг друга. Боря нашел лишь Алика. Николай найти не мог: тот служил в это время в морфлоте.

И Николай искал своих братьев. Нашел только Алика. И Борю вот-вот был должен найти. В записной его книжке записан адрес:

«Краснодарский край, Успенский район, хутор Соседелийский. Рубцову Борису».

Адрес прочел я в посмертном блокноте Рубцова. Запись адреса была последней. Всего скорей Николай собирался поехать в Соседелийский. Собирался, да не успел. 19 января 1971 года не стало поэта.

А где же Борис? Если бы знать... Пропал тихо и незаметно, как лист с березы, улетев в самый близкий, однако невидимый край.

В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Детдом уже спит. Окна темные. Лишь в одном из них огонек. Сквозь шум дождя слышны многочисленные шаги, скрип крыльца и повелительный голос:

— Э-э, баба Сима! Встречай гостей! Да лампу зажги! Ничего не видать...

Ночная дежурная, торопясь, добывает огонь. Выходит с лампой в сумерки коридора.

— Тихо, — предупреждает, — все уже спят. — И тут же видит артельку промокнувших, с уставлыми личиками малышей и такую же мокрую воспитательницу детдома.

— Ой, сколь народу-то, — чуть ли не крестится баба Сима. — А у нас и кроватей свободных нету.

Антонина Михайловна успокаивает ее:

— Придумаем что-нибудь, — и, оставив девочек в нижней спальне, поднимается с мальчиками наверх, на второй этаж, где еще одна спальня, в которой спят обжившиеся ребята.

*Село Емецк Архангельской обл.,
ул. Горончаровского, 57. Двухэтажный,
с двойным мезонином многоквартирный
орсовский дом. 3 января 1936 г.
здесь родился Коля Рубцов*

Из-под байковых одеялец приподнялось несколько сонных голов. Антонина Михайловна объявляет:

— Э-э, хозяева! Сегодня вы будете спать с гостями. Вот они, ваши гости. Все уставшие. Прошагали 25 километров. Спать будете по двоечке. Валетом. И чтобы не было возражений!

Антонина Михайловна достает из сумки тоненькую тетрадь. Читает фамилии вновь прибывших.

— Виль Северный...

— Гога Кукушкин...

— Коля Лебедев...

Дети один за другим подходят к кроватям.

— Э-э, Мартюков! Ишь, разлегся как широко! А ну-ко, подвинься! Рубцов! — воспитательница подталкивает и Колю к кровати. — Давай к Мартюкову! Смелей!

На спинке кровати Рубцов увидел фанерку с фамилией мальчика, с кем предстояло ему ночевать.

— Тебя зовут Толя?

— Да, а тебя?

— Коля.

— Лягаться ночью не будешь?

— Не буду.

— И я не буду. Давай раздевайся. — Толя вдруг встрепенулся. — Чего это, эй? Вон, вон! Выползло из кармана? Сейчас упадет!

— Это рогатка, — Коля поймал ее на лету.

Толя рассматривает рогатку.

— Сам ее делал?

— Конечно! Если хочешь, то я и тебя научу. Будем стрелять по воровкам.

— Воровкам? — не понял Толя.

Рубцов объяснил:

— То есть по галкам, чтоб они ягоды не клевали. И не только. С рогаткой-то можно и в лес. У вас тут леса вон какие большие! Видел, пока сюда шел. И звери, поди-ко, в них есть?

Мартюков улыбнулся:

— Зайчики!

Но Коле что зайчики? Нужен зверь ему настоящий. Поэтому спрашивает сурово:

— А волки?

— Волки — не знаю. Ни разу их не видал.

— Увидим! — заверил Рубцов.

— Но это опасно.

— А это на что? — Коля вытащил из кармана спичечный коробок. — Костер разожжем. Волки сразу, как зайчики, разбегутся.

Мартюков ему, кажется, возразил, но Коля его не услышал. Едва привалился к постели, так сразу же и заснул, как ушел в забытое государство.

На следующий день дожидалась ребятки школа. Первый раз в первый класс. 20 маленьких человечков.

Стоявшая на пологом холме деревянная, в два этажа семилетняя школа выглядела солидно. Учились в ней как детдомовцы, так и дети колхозников из Николы и ближайших к селу деревень. Ребята даже остановились, чтоб

посчитать на здании окна. 23 — с одной стороны. Столько же и с другой. На фронтоне — огромные серп и молот.

Погода была отменной. Даже не верилось, что вчера хлестал ветер, шумели деревья, и вместе с роем снежинок спешила на землю преждевременная зима. Сегодня все по-другому. Солнце сияло, сияли и перья травы, а окна, глядевшие в сторону юга, играли, что тебе резвые белки, выскакивая из рам.

Лидия Михайловна Шишкина встречала ребят как родных.

— Учиться начнем, — сказала она, улыбаясь, — после того, как чуть-чуть поработаем. Нет у нас с вами тетрадок, чтоб было на чем нам писать. Нет и ручек, чтоб было чем выводить нам слова... Зато есть старенькие газеты. Есть и похожие на лягушки железные перья. Есть и гладкая палочка, но одна, а надо их 20, ровно столько, сколько в классе учеников...

Тем и запомнился первый день в первом классе, что ребята все, как один, окунулись в работу. Кто-то стриг ножницами газету. Кто-то вдевал в иголку послушную нитку. Кто-то сшивал из газет тетради. Самые шустрые уносились бегом в кустарник. Возвращались оттуда с охапкой наломанных веток, превращая их в гладкие стерженьки. К стерженькам примеряли железные перья, привязывая их ниткой.

Лидия Михайловна, пока ребята стригли, строгали и пришивали, дабы время не пропадало, говорила о русской литературе. О том, что и в ней в свое время были герои.

— Кто они? Может, кто-то из вас и знает?

Вопрос риторический. Обычно никто на него ей ни разу не отвечал. Тем не менее Шишкиной нравилось видеть на лицах детей борьбу, привычного с непривычным, как признание в том, что они до таких ответов пока еще не дозрели. И пусть их спросят об этом когда-нибудь после. А сейчас вместо них пусть ответит учительница сама. Но на этот раз ответить Лидии Михайловне не пришлось. Кто-то из кучки мальчиков, возившихся с ветками около печки, опередив ее, громко сказал:

— Дубровский!

Удивилась Лидия Михайловна. Спросила ученика:

— И ты читал о нем?

— Нет! Я еще плохо читаю. По радио слышал.

— Ну и как он тебе?

— Настоящий смельчак! Никого не боялся. Во бы встретиться с ним!

Улыбнулась Лидия Михайловна:

— Ставлю «отл». Фамилия?

— Колька Рубцов! — закричали ребята с такой радостью на лице, словно не он, а они получали его отметку.

ОГОНЕК

Нина Ильинична Клыкова — молодая, красивая, с лучащимися глазами. Была она воспитательницей в детдоме. Ребята ее обожали.

Позднее, когда Рубцов, будучи студентом Литинститута, оказался проездом в Тотме, редактор местной газеты его попросил написать заметку о сельском интеллигенте. Выбор Рубцова сразу же пал на Нину Ильиничну. Вот он, отрывок из этой заметки:

«Встают картины иного времени, когда Нина Ильинична была еще молодой учительницей, а мы, можно сказать, малышами. Это было тревожное время.

По вечерам деревенские парни распевали под гармошку прощальные частушки:

*Скоро, скоро мы уедем,
И уедем далеко,
Где советские снаряды
Землю роют глубоко.*

А мы по утрам, замерзая в своих плохоньких одеждах, пробирались сквозь мороз и сугробы к родной школе. Там встречала нас Нина Ильинична и заботилась о нас, как могла. Кому ноги укутает потеплее, кому пуговицу пришьет к пальтишку. Всяких забот хватало у нее: и больших, и малых.

Все мы тогда испытывали острый недостаток школьных принадлежностей. Даже чернил не было. Бумаги не было тоже. Нина Ильинична учила нас изготовлять чернила из сажи. А тетради делала из своих книг. И мы с великим прилежанием выводили буквы по этим пожелтевшим страницам на уроках чистописания.

По вечерам зимой рано темнело, завывали в темноте сильные ветры. Долго по вечерам горел в ее окне свет, горел озабоченно и трепетно, как сама ее гордая душа. И никто из нас знать не знал, что в жизни у нее случилось большое горе — погиб на фронте муж...»

Путь к взрослению связан был с самой жизнью, какой жило в военные годы село. К детдомовской общине привыкал Коля трудно. Память его сердечка сохранила родительскую заботу, участие старших и всю домашнюю обстановку, которая окружала его. Оттого и любил Рубцов посещать дома своих воспитательниц, что все в них напоминало ему родительское гнездо.

Дом Нины Ильиничны Клыковой приманивал Колю еще и тем, что была там гармонь. Нина Ильинична обычно занималась с детьми после за-

нятий в школе. Читала им сказки, рассказы, отвечала на их вопросы. Рубцов с преогромнейшим удовольствием заходил в ее дом. «Обут в ботиночки, — вспоминает Клыкова, — а на улице-то мороз. Спрашиваю его: “Ножки-то не замерзли?” Коля застенчиво: “Не замерзли. Разве только чуть-чуть”. “Марш — на печь!” — посылаю его. И вот, отогреется на печи. Слезет оттуда. Обует ботиночки. И спрашивает меня: “Можно мне к вашей бабушке?” Ну, разве я могла ему отказать. Уходит Коля в горенку, где лежит на кровати моя старенькая свекровь. А там на комо-

Семиклассники. Коля Рубцов в нижнем ряду справа. В том же ряду, слева — пионервожатая Евдокия Дмитриевна Перекрест. Во втором ряду крайняя слева — Женя Романова

де — гармонь. И опять Коля спрашивает, теперь уже у свекрови: “Можно я подержу ее на коленях?” Вот так и гостил у нас маленький Коля. Уходил всегда предовольный. Как же? Играл на гармошке. И даже какую-то песенку напевал. Мальчик дивный. Полюбился не только мне, но и свекрови моей...»

Гармоника на комод. Сколько их красовалось в просторных николевских домах! Почти все они были как память о не пришедших с войны хозяевах изб.

Года, поди, не прошло, а Коля знал уже все дома, где красуются эти гармони. Ибо окна были без занавесок, и их можно было увидеть с воли.

Где гармонь, там и Коля, как гость. Там и всплеск уже забываемых звуков. И задумчивый взгляд вдовы на широкую лавку, где когда-то сидел с гармоникой муж. А теперь сидит мальчик. Играет нечто знакомое, нечто такое, отчего щемит вдовью грудь.

ОБЪЕДИНЕНИЕ

Любовь к песне, музыке, к задушевному русскому слову. Откуда она? Безусловно, передалась она маленькому Рубцову от матери и отца.

Михаил Андреянович был отчаянным гармонистом. На всех праздниках, посиделках и вечерах, куда его приглашали, будь это в городе или селе — нигде с гармонью не расставался. Благо, был он из тех игроков, кто умел извлекать из гармоник радость, передавая ее застолью, дабы все, кто с ним рядом, испытывали приятность.

Мама будущего поэта Александра Михайловна с малых лет как купалась в народных песнях. И в своей родовой деревне Загускино, и в Самылкове, где продолжила жизнь свою после свадьбы, была счастлива тем, что жила вместе с песней... Пела она и на клиросе в храме Спасо-Преображенском, и на свадьбах во всех весях Стрелицкого прихода. Так что было кого малолетнему отроку повторить. Повторить, а потом, при взрослении, и возвыситься, как поэту, чьи стихи желанно не только читать, но и петь.

Учительница николевской школы Надежда Феодосьевна Лапина рассказывала, как после уроков в зимнюю пору Коля вместе с ребятами забегал в ее дом: «Я любила детей и принимала их с превеликой охотой. Коля любил греться на русской печке и всегда туда забирался первым. А за ним — все остальные. Отогревшись, Коля запевал шутивную песенку:

*Петушок, погромче пой,
Разбуди меня с зарей...»*

Любил Коля бывать и на квартире у воспитательницы Александры Ивановны Корюкиной. «В детском доме, — вспоминает она, — Колю все любили, и взрослые, и дети. Он был ласков, легко раним и при малейшей обиде плакал. Учился он хорошо. Любил читать и слушать, когда читают. Мы с пионервожатой Перекрест Евдокией Дмитриевной жили на квартире в деревне Пузовка. Часто, уходя после работы, брали к себе домой Колю. Единственно, что он у нас просил — это почитать ему книжку. Особенно любил Пушкина. А от песен, когда по просьбе его мы их ему напевали, всегда волновался и был задумчив. Наверное, вспоминал в эту минуту живую маму...»

При виде гармошки Коля всегда испытывал тихую радость.

Гармоники были разные. Тальянки, хромки, кирилловки, бологовки. Пальчики сами искали звуки, за две-три игры постигая характер любой гармошки. Легче всего давалась игра под простенькие частушки. Под них годился любой инструмент. Однако хотелось чего-нибудь посложнее. Чтоб звуки летели от самого сердца и выражали глубокие чувства, от которых бы шло возвышение, какое сравнимо разве лишь с солнцем, когда оно поднимается над землей и будит вокруг все живое и неживое.

Постоянным подсказчиком в постижении музыки был дерматиновый репродуктор, откуда лились каждый день молодые советские песни. Иногда и классика шла. Сам Рахманинов, Мусоргский, Бах, Чайковский.

Через год Коля как гармонист стал известен не только детдому, но и всему кусту деревень, соседствовавших с Николой. Стала как бы сама по себе складываться артель самодеятельных артистов, умевших под наигрыш Коли петь частушки и песни, читать стихи, танцевать и плясать.

Валечка Межакова, Женя Романова, Толечка Мартюков, Ванюша Серков. (Называю так, как чаще всего называли ребят в детдоме. — С. Б.) Впятером, вшестером заваливались на сани и под бодрое ржанье гнедка мчались по зимней дороге от одной деревеньки к другой. От клуба к клубу. И так в каждый праздник. А то и в простой выходной.

Народ в деревнях на такие концерты не шел, а бежал. Всем хотелось услышать, увидеть, почувствовать то, что сюда привезли детдомовские ребята, чьи голоса так чисты, а гармоника так душевна, что не хотелось их отпускать от себя.

Однако детдом — это община. И прикоснуться к эстрадной сцене желали не только энтузиасты, а, пожалуй, что все. Под обаятельным руководством Евдокии Дмитриевны Перекрест родилась незабываемая капелла. 20 девочек. Столько же мальчиков. Среди них — плясуны, шутники, декламаторы и солисты. Гармонист же один. Рубцов, которого звали кто Колька, кто Коленька, кто Колюха.

Тишина в переполненном зале. И вдруг резкий, как молния, вызвон гармошки, рассекающий воздух перед собой. Тут и голос кого-то из мальчиков — тонкий, чистый, наполненный отрешением.

*Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе, орел молодой...
...Зовет меня взглядом и криком своим,
И вымолвить хочет: «Давай улетим! —*

Голос смолк. И опять тишина. Продолжалась она две, три секунды. И следом за ней, как великое обрушение, упали в зал 40 взволнованных голосов. Казалось, поют не молоденькие артисты. А те, кто всегда в вышине, кто тревожнее всех и умеет летать:

*Мы вольные птицы — пора, брат, пора,
Туда, где за морем синеет гора...»*

Было кому сострадать, обмакивать кончиками платочков слезящиеся глаза. Пробирало всех. Песня искала отклик в сердцах. И находила его,

вызывая смятение и восторг, и еще желание петь не одним самостоятельным артистам, а всем. И называлось это желание — сближением душ, или объединением.

ЖАРА НА МОРОЗ

Зима. Все провода, все окна, все ворота с калитками в белой, с кудрями оболочке. Над рекой стылый пар. И солнце похоже на девушку, спрятанную в тулупчик, откуда горит румянцем смеющееся лицо.

Над рекой слышен свист разбежавшихся саночек. Чей-то крик и детские голоса. С берега на реку уходит покрытая льдом укатанная дорожка. Ребята сами ее заливали, и вот катаются, пролетая гурьбой в самый дальний ее конец, где впадают саночками в сугроб. Как бубенчики, раздается залиvistый смех.

Поломались саночки. Что ж. Беда невеликая. Можно и так покататься. Что и делает Коля Рубцов. Пролететь сверху вниз на спине. Однако лучше — на животе. А то и на двух коленках. Но веселее всего на ботиночках, стоя. И непременно в компании смельчаков, кто, как и он, не боится падать и ушибаться.

Однако долго резвиться Коля не может. Зябнут в ботиночках ноги, того и гляди отморозит пальцы. И он убегает в детдом. Там, среди малышей, что устроились возле затопленной печки, ему уступают самое теплое место. Ждут, когда он снимет свои ботинки и сунет ноги в печное нутро, где потрескивают поленья. После чего уговаривают его:

— Коля! Расскажи нам чего-нибудь. Как вчера!

Коля не возражает. Память отличная у него. Вчера он вместе со всеми слушал Лидию Михайловну на уроке, как читала она сказку Пушкина, и он запомнил.

*У Лукоморья дуб зеленый.
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...*

Глаза у Рубцова от удовольствия млеют. Млеют и лица ребят. Они бы всю ночь просидели около печки. Однако заходит ночная няня.

— А ну, по кроватям! Спать! Спать!

В спальне, куда Рубцов прибежал, — настоящая холодрыга. Плюс пять или шесть. Утром будет, наверное, ноль. Хорошо бы заснуть. Но как? Сдвигают ребята кровати. Ложатся на них поперек. Втроем, а порой — вчетвером. Поверх одеялец сверху — освободившиеся матрасы.

Мартюков подталкивает Рубцова:

— Как, Колюха, тебе?

Колюха подрагивает всем телом.

— В Африке лучше! Но можно жить и у нас. Хочешь согреться — дыши под себя.

— Кто тебе это сказал?

— Боец в окопе. Я его видел во сне. Они там спят на мерзлой земле. И то ничего. Потому что думают: сейчас они не в окопе, а в бане. Фу, как жарко!

— Нам бы эта жара тоже не помешала.

— Будем думать тогда и мы.

— О чем?

— О том, что лежим сейчас на горячем песке. На берегу реки Нил. Рядом ползают черепахи. И крокодил вон таращит глазищами из воды...

Так с шутками ребята и засыпают. И кому-то из них снятся пальмы, песчаные дюны и плывущий по Нилу перегревшийся крокодил, на спине которого отдыхает горячая черепаха.

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

Коля Рубцов. Коля Брызгин. Третий я. Все мы учились когда-то в Лесном. Были друзьями. К тому же жил Рубцов с Брызгиным в одной монашеской келье, то есть комнате общежития, где когда-то будничали монахи. Так что было нам что и вспомнить.

Задержались на берегу. Около средней школы. Отметим встречу под тополями.

Ночь. Где-то рядом река. По фарватеру, как цветы, зажженные баке-ны. Огонек и вверху, над берегом, где возвышается колокольня. Дремлет уставшая от дневной суеты, вся покрытая снами старинная Тотьма. Черный купол небес. Сквозь него пробиваются белые звезды. Красота. Оставаться бы здесь до утра.

Брызгин показывает на небо:

— А ведь нас рассматривают оттуда.

Оживился Рубцов.словно этих нескольких слов ему в эту минуту и не хватало. Улыбнулся и говорит:

— Звезды порою мне кажутся чьими-то опытными глазами, которые видят, наверное, все. Может им, как волхвам, известно не только былое, но и будущее земли. Может, видят они все то, что когда-то происходило, и все то, что когда-то произойдет. Вероятно, для них мы подобны большому парому, который с опаской переплывает неведомую реку. Интересно, что там, за этой рекой? На другом берегу?

Мы расходимся, расставаясь. Брызгин спускается вниз, где его катерок. Ему плыть на нем вниз по Сухоне. В сторону Коченьги. Там его дом, до которого 50 километров.

Мы с Рубцовым — на Красную, 2. Здесь живут мои мама и бабушка. И, конечно, не спят. Ждут. Ждет вместе с ними и старенький самовар, чтобы нас напоить чаем с крыжовниковым вареньем.

ПРИВЕЗУ ГОВОРЯЩУЮ КУКЛУ

Воспетая Николаем Рубцовым деревня Никола. Воспетая еще не изданными стихами. Стихи и слава будут потом. А пока он как гость. Живет с Генриеттой, подарившей ему красавицу дочь.

Пологие тени. Шелесты и сиянья. Они заманительны и спокойны. Они где-то рядом и где-то вдали. Они в медлительно тающих тучках. Они в траве, зажигающейся цветами. Они в шлемовидных стогах вдоль по берегу сонной Толшмы. Они в черемухе под окном, где порхают с утра до вечера юркие птахи. И еще они в окнах уютного дома. Окна грустно глядят на

проселок, что уходит ползком к темнохвойному лесу, среди елок которого бродит с набѣрухой кто-то в цветастой рубахе.

Да это же Коля Рубцов! Собирает грибы. Собирает и строчки еще не созревших стихотворений. Для грибов у него корзина. Для стихов — голова.

Вечером Коля сидит за столом. Рядом с ним Гета и теща Шура. Кушают жаренные грибы. Одна Лена не кушает. Ей хочется порезвиться. Забирается на широкую лавку. Бросается сзади попеременно то на бабушку, то на маму. И к папе бросается, но уже на его колени. И, радуясь, разливается чистым смехом, как колокольчиком под дугой.

Папа спрашивает дочурку:

— Завтра поеду в Москву. Чего тебе привезти?

Дочка взглянула папе в глаза, чтоб понять: шутит он или не шутит? Убедилась — не шутит. И затаенным от радости голосочком не говорит, а, право, гладит папу по голове:

— Говорящую куклу!

ДЕНЬГИ, ДЕНЬГИ...

Приехал Рубцов из Вологды. Мрачный. С парохода прямо на Красную, 2. Здесь, в доме моих родителей, чуть успокоился и признался: «Приходится делать крюк. Не прямо к себе в Николу, а через Тотьму. И все из-за денег. Не могу же приехать туда совсем-то пустым. Посоветуй, что лучше сделать?»

Наутро мы у редактора районной газеты Леонида Александровича Каленистова. Тот нас понял. И дал Рубцову командировку, но при условии, если он напишет к двум праздничным датам — к Октябрьским и Новому году — созвучные этим датам стихотворения.

Деньги. Деньги. Как часто они ставили Николая в неловкое положение. Потому и бывал Николай в лесных и болотных урочищах чаще, чем бы хотелось ему, что можно было там ягод насобирать, что брусники, что клюквы и, продав эти сладости, быть, хотя и при малых, но все же деньгах.

Конечно, хотелось бы зарабатывать на стихах. Однако печатали Николай редко и неохотно. О, как ему надоели унижительные глаголы в письмах к высоким шишкам, от кого зависел ход его публикаций. В письме-обращении к ответственному секретарю Вологодской писательской братии Сергею Васильевичу Викулову Коля писал:

«Сергей Васильевич!

Когда Вы предложили мне дать стихи для “Красного Севера”, тогда я еще не подумал, что сделаю это, т. к. был доволен уже тем, что получу командировку, и чувство успокоенности (и благодарности, но об этом я уже говорил Вам) было достаточно полным, чтобы не пополнять его. А сейчас, когда подошло время, я подумал о том, что жизнь не стоит на месте. И почему бы мне, если Вы тогда не пошутили, не послать Вам стихи? Я посылаю Вам кое-какие стихи, но, конечно, не прошу напечатать их, т. к. это зависит от Вашего о них мнения, и буду вполне готов к тому, если они не будут напечатаны.

Среди этих стихов есть одно чисто философское — “Душа”. Говорю о нем отдельно потому, что оно смущает меня своей холодноватостью, но и все же я не прочь напечатать его...»

Выручил ли Сергей Васильевич талантливого поэта в тяжелые дни его жизни? Выручил. Но с большим запозданием, к тому же, из десяти стихотворений он предложил «Красному Северу» лишь одно, хотя мог бы отдать туда и все десять.

Не только сейчас, но и тогда, в полувековой давности творческие люди делились на пробивных и не пробивных, то есть на приспособившихся к режиму и тех, кто приспособливаться к нему не только не умел, однако, и не хотел. Рубцов и Викулов были в двух разных станах. И если Сергей Васильевич был образцовым певцом советской деревни, то Николай Михайлович — выразителем чувств обычных советских людей. Уже тогда, в конце 1964 года, когда были написаны такие шедевры, как «Родная деревня», «Хозяйка», «Таковы на Руси леса», «Букет», «Звезда полей», «Тихая моя родина!», «Фальшивая колода», «Старый конь», «Видения на холме», «Левитану», «О Пушкине», «Дуэль», «Приезд Тютчева», «Осенняя песня» и ряд других высочайшей пробы стихотворений, он стал творцом не только отечественного, но и мирового масштаба.

Примерно в это же самое время Рубцов написал письмо и мне:
«Добрый день, Сережа!»

Вчера, сразу же после нашего разговора по телефону, взялся за новое стихотворение и написал его. По-моему, получилось неплохо, потому посылаю его тебе.

ЯНВАРСКОЕ

*Мороз под звездочками светлыми
По лугу белому, по лесу ли
Идет, поигрывая ветками,
Снежком поскрипывая весело.
И все под елками похаживает,
И все за елками ухаживает. —
Снежком атласным принаряживает!
И в новогодний путь — проваживает!
А после сам принаряжается,
В мальчишку вдруг преображается
И сам на праздник отправляется:
— Кому невесело гуляется? —
Лесами темными и грозными
Бежит вперед с дарами редкими.
И все подмигивает звездами,
И все поигрывает ветками,
И льдинки отвечают звонами,
И он спешит, спешит к народу
С шампанским, с музыкой, с поклонами
Спокойно прожитому году;
Со всеми дружит он и знает,
И жизнь в короткой этой праздности
Как будто снова начинается —
С морозной свежести и ясности!*

Вместе с этим стихом посылаю еще несколько с другими темами. Одно из них философское — “Душа”. Может быть, и эти стихи когда-нибудь после праздника Вы сможете напечатать. Они по своему настроению и мыслям тоже печатные.

Жизнь моя идет без всяких изменений и, кажется, остановилась даже, а не идет никуда. Получил письмо от брата из Ленинграда. Он зовет меня в гости, но я все никак не могу сдвинуться с места ни в какую сторону. Выйду иногда на улицу — увижу снег, безлюдье, мороз и ко всему опять становлюсь безразличным и не знаю, что мне делать, да и не задумываюсь над этим, хотя надо бы задумываться, т. к. совсем разонравилось мне в старой этой избе, да и время от времени рассчитывать ведь надо за эту скучную жизнь в ней. Было бы куда легче, если б нашлись здесь близкие мне люди. Но их нет, хотя ко всем я отношусь хорошо. Впрочем, хорошее отношение здесь тоже понимает каждый по-своему и все отлично от меня.

Хорошо то, что пишется. Но ужасно то, что так тяжело печатать стихи: слишком много тратится на это времени.

У меня пока все. Может быть, ты посоветуешь мне сделать что-нибудь интересное в жизни? Поздравляю с чудесным праздником — елкой, желаю тебе весело встретить и проводить ее.

С приветом Н. Рубцов».

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Где-то в конце 1969 года в двух вологодских районных газетах «Призыв» и «Маяк» появилось стихотворение Николая Рубцова «По мокрым скверам проходит осень...», которое по интонации, внутреннему настрою и использованию мрачноватых тонов пейзажа было схоже с «Осенней песней» французского поэта Поля Верлена. Кто-то из вездельных стихотворцев заподозрил Рубцова чуть ли не в плагиате. Не знал того стихотворец, что сходству двух мощных творений невольно способствовала преподавательница французского языка Литературного института. Сообщил об этом учившийся вместе с Рубцовым студент-однокурсник Николай Попов.

— Любовь Васильевна, — вспоминал Попов, — на своих занятиях сначала прочитала на французском языке «Осеннюю песню» Верлена. Потом дополнила ее переводом Валерия Брюсова.

Николай Рубцов, выслушав то и другое, пожалел, что не было рядом Верлена и Брюсова. И встретиться с ними не суждено. Он даже сказал грустно вслух:

— Как это все далеко!

На что Любовь Васильевна тут же посоветовала Рубцову:

— Вот и приблизьте! Вы же поэт!

Рубцова, мало того, что задело это смелое предложение, но он вдобавок еще захотел ощутить и саму атмосферу, в какой пребывал знаменитый Верлен, когда сочинял «Осеннюю песню». Да и присутствие Брюсова тоже устраивало его.

Рубцов увлекся французским стихотворением. Перевел, внеся в него то, что французским духом не пахло. Одним из первых его читателей был поэт-переводчик Борис Чулков. Прочитав рубцовское сочинение, Борис заверил поэта:

— В стихотворении сохранился только мотив Верлена. Все остальное в нем — чистый Рубцов.

Сам же Рубцов на одном из застолий среди закадычных друзей признался:

— Верлен мне помог написать мою «Осеннюю песню». Я очень ему благодарен. Кстати, его «Осенняя песня» слабее моей...

Сидевший среди застолья экономист, он же певец, композитор и весельчак Алексей Сергеевич Шилов был взбудоражен:

— Коля! Твоя «Осенняя песня» обязана жить не только здесь, среди нас! Но и там, где хмурь, а над хмурью — гуляет буря!..

Шилов на ветер слов не бросал. Буквально через неделю он опять повстречался с Рубцовым. На новом застолье. Был он с гитарой. И пел он в тот вечер одну за другой две «Осенние песни». Первую из них «Потонула во тьме отдаленная пристань» Рубцов посвятил Сухоне, Тотье и пароходу. Вторую — Полю Верлену.

*По мокрым скверам проходит осень,
Лицо нахмуря!
На громких скрипках дремучих сосен
Играет буря!
В обнимку с ветром иду по скверу
В потемках ночи.
Ищу под крышей свою пещеру —
В ней тихо очень.
Горит пустынный электропламень
На прежнем месте.
Как драгоценный какой-то камень,
Сверкает перстень, —
И мысль, летая, кого-то ищет
По белу свету...
Кто там стучится в мое жилище?
Покоя нету!
Ах, это злая старуха-осень,
Лицо нахмуря,
Ко мне стучится, и в хвое сосен
Не молкнет буря!
Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы.
И я плачу...*

СТИХОТВОРЕНИЕ НА ЛАДОНИ

От скуки, царившей на многих занятиях в Тотемском лесном техникуме, Рубцов уходил, углубляясь в процесс сочинительства стихотворений. Поэту было занято. Зачем ему эта вывозка древесины? Строительство нижних складов? Ремонты дорог? Когда можно было умом и сердцем пробраться в лирическую стихию и ощутить себя в ней плодотворным творцом!

Тетрадка, которую он обычно прятал за голенище валенка или под узкий ремень на брюках, была у него постоянно в ходу. Действовал Николай

как подпольщик, конспиративно, тайно и осторожно. Преподаватели ничего не знали об этой тетрадке. Считали его образцовым студентом, кто никому не мешал, сидел тихо и был внимателен и улыбочив. И на любой их вопрос мог ответить толково и четко. Иногда даже лучше, чем объясняли они. Из-за чего его старались не беспокоить.

Какие стихи попадали в тетрадку? Знал об этом лишь он. Да тот, кто однажды взял и выкрал ее. Потеря тетрадки Колю не омрачила. Обойдется и без нее. Вместо тетрадки стал он записывать строфы свои на левой ладони. Запишет, запомнит и уничтожит, стерев строфу рукавом пиджака, а то и сырым языком. Само же стихотворение так и так оставалось в его голове. Какое оно? Любовное, хулиганское, злое или смешное? Никто не узнает. Сам же он возвратиться к нему мог всегда.

Позднее таким же способом писал он стихи на флотских политзанятиях — продолжительных, очень нудных, с которых всегда хотелось сбежать. Но никто не сбегал, все терпели. Один лишь Рубцов был задорен и свеж, и лицо его выражало главным образом то, что скрывалось от всех в потаенных стихах.

Рязанский литератор Валентин Сафонов, служивший вместе с Рубцовым на Северном флоте, утверждал, что «Видения на холме» Рубцов написал во время политзанятий.

Стоял 1958 год. Эпоха Хрущева. Матросы слушали, одолевая тоску, то, как надо выращивать кукурузу, то, как по морю плыть, то взлетать в небеса, одним словом, иметь успехи в небе, море и на земле. Рубцов же, как и в Тотемском техникуме, был задумчив и бодр. Благо, он в это время творил.

*...Россия, Русь, куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Твои иконы, бунты бедноты
И твой степной бунтарский свист разбоя!
Люблю твои священные цветы,
Люблю навек, до вечного покоя...*

Лирика и политика. Казалось бы, им противопоказано друг с другом дружить. Однако Рубцов доказал иное.

ГЛАВНОЕ БОЖЕСТВО

Человек должен быть счастлив! Всегда! Николай Рубцов, при всей его внешне сумбурной жизни, понимал это как никто. И стремился к тем вечным красотам, какие им были воспеты в его стихах, благо, тогда он только полно и жил, когда находился в горении слова. Жизнь повседневная и жизнь, рождающая шедевр. Эти две жизни стояли друг против друга, как два враждующих стана, вызывая в душе поэта предощущение катастрофы, которую он, иронически улыбаясь, решительно отвергал, хотя, как игрок, не бежал от нее. Спасало поэта от катастрофы главное его божество — родная природа и то, что он мог нести ее в сердце и радоваться, когда удавалось сказать о «грозном и прекрасном» мире все, что требовала душа.

Успокоение. Слово это слишком большое, вмещает в себя не только вселенский покой, но и земные счастье с любовью. Обо всем об этом поэт многократно высказывался в стихах. А однажды летом (не помню какого года), когда мы, несколько человек — Рубцов, Коротаев, Романов, Белов, Сушинов и я, собрались у кого-то из нас на квартире и читали по очереди книгу «Ходю», Белов сказал:

— Отличная проза! Написано про китайца, а читаешь как про себя.

— Именно так! — засветился Романов. — Беда за бедой колошматят этого пилигрима! А он, вопреки этим бедам, спокоен и даже весел!

— Неунывающая душа! — улыбнулся Сушинов.

— И у нас, — подхватил Коротаев, — сколько таких неунывающих Ходей разбросано по Руси. Живучие, как муравьи. Никакая их сила не уничтожит! И вот спрашиваю у вас: чем живут эти Ходи?

— Силой своей души, — ответил Рубцов, — спокойствием духа. И еще: неумением обижаться и обижать... — Сделав паузу, Николай чуть прищурил глаза. — Хорошо бы об этом сказать стихами.

— В чем же дело! — не выдержал Коротаев. — Скажи!

— Непременно скажу! — согласился Рубцов. — Через книгу. Я и название ей придумал: «Успокоение». Собственно, книга почти готова. И лежит в моей голове. Остается ее записать и издать...

Приблизительно так говорил Рубцов за этим застольем. И надо думать, свой замысел смело осуществлял. Мне и позднее не раз приходилось слышать от Николая:

— Надо такую книгу, где бы редактор был со мной заодно и нигде бы меня не правил.

Но Рубцов не успел. Книга, в которой бы все было так, как хотелось поэту, так и не вышла. И слова поэта, что он назовет ее «Успокоением», так и остались словами.

Ан, нет! В моих руках книга «Николай Рубцов». Автор ее — Тамара Данилова. Вот что она сообщает:

«В Вологодском архиве в рубцовском фонде среди других материалов и документов хранится листок, на котором рукой самого Рубцова (и пронумерованы) названия тридцати девяти стихотворений с общим заголовком «Успокоение». По-видимому, это проект несостоявшегося сборника стихов».

Великому Поэту России книгу «Успокоение» в задуманном поэтом виде издали как в Петербурге, так и Вологде. Воистину, Рубцов и после жизни остается для нас действующим поэтом. Вот как объясняет Тамара Валентиновна это емкое слово:

«Успокоение — это достижение единства и гармонии с Природой, с мирозданием, это счастливые моменты, когда человеком овладевает ощущение цельности и полноты жизни! При этом отступает и боль душевная, и тревоги сиюминутные пропадают, наполняется душа человека силой и красотой, взлетает дух человеческий вольным соколом». И еще:

«Единство с Божественной Природой — основа поэзии Николая Рубцова, основа жизни поэта. Он жил в Природе, она — в нем. Все во всем. Вот Божественная суть жизни наших предков. Единство с Природой — это не только проживание на природе, скажем, в сельской местности, это и следование ее Законам, что предполагает их Знание (то ли утраченное в связи с принятием христианства на Руси, то ли так и не успевшее стать законом жизни

наших предков?). Гениальному Рубцову было дано понимание души и языка Природы, души мироздания. Если и бывал он в повседневной жизни, которая ставила перед ним сложнейшие и неразрешимые силами отдельно взятого человека проблемы, раздражительным или колючим, то на природе совершенно преображался, не просто отдыхал, весь высветлялся, сливался с окружающим миром, душе его “сходило УСПОКОЕНИЕ”».

*Василий Белов, Николай Рубцов,
Виктор Коротаев, писатель и два
поэта. Друзья — не разлей вода*

РЯДОМ С РОДИНОЙ

Сегодняшний день и Рубцов? Иногда я вижу его, вступающего в зал, где все места заняты. Вступающего не через дверь. А прямо через каменную стену, которая при этом остается целой. Словно пришел сюда решительный Гость. И улыбается во все свое нестареющее лицо:

— Я пришел для того, чтоб сказать всем неверующим: без поэзии, так же как без любви и милости, нет России!

Любимец Рубцова, он же его учитель и вдохновитель, Александр Сергеевич Пушкин сказал:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный.
К нему не зарастет народная тропа.
Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа...*

Не знал Александр Сергеевич Пушкин, что, говоря о себе, он говорил и о Рубцове, певце, который спустился на нашу землю без малого через сто лет после него. Так же как не знал Николай Рубцов того, что, говоря о Пушкине, он одновременно скажет и о себе:

*Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначение свое,
Отразил он всю душу России
И погиб, отражая ее.*

Что тут можно еще сказать? Одно: Рубцов и Россия неотделимы!

Не по собственной воле оказался Рубцов в Никольском, где родным его домом стал детдом № 6. Здесь, еще в школьном возрасте, писал он стихи. Стихи эти не сохранились. Были они сожжены в детдомовской печке вместе со стенгазетами, куда они время от времени помещались. Да и не жаль их, потому как они никакой поэтической ценности не представляли. Лишь отмечали опыт, с каким подрастающий мальчик год за годом приближался к духовным высотам, на которые в нужный час и взойдет как великий певец.

Восхождение же свое начал Рубцов именно здесь, в Никольском, или в деревне Никола, как он любил называть эту весь. Только за летне-осенний сезон 1964 года он написал 39 стихотворений. И почти все — шедевры. Стихи эти стали классикой русской литературы. Почему легли они на душу нам, как выражение высочайших человеческих чувств? Да потому, что писал их поэт с любимой земли.

Но что Емецк с Никольским объединяло? Ведь между ними пятьсот, не менее, километров. Емецк — место, где появился крохотный Коля Рубцов. Никольское — географическое пространство, где он ощутил себя на родительской почве. В этом ключ, открывающий дверь в хранилище, где ответ: почему Рубцова всегда тянуло в Николу? Именно потому, что интуитивно с помощью собственных чувств и предчувствий он ощущал здесь свою настоящую родину, ту самую, где были когда-то все родственники его.

А она, сокровенная родина, в каких-нибудь 40 километрах от полюбившейся поэту деревни Николы. На берегу речки Стрелица. Здесь у родителей будущего поэта Михаила Андрияновича и Александры Михайловны Рубцовых родились первые дети: Надежда, Таисья, Галина. В этом краю, переполненном сенокосными глadyми, ягодными лесами, веселыми ливнями, пляшущими в водах реки золотящимися лучами, должен бы был родиться и Коля Рубцов. Однако зигзаги судьбы увели отсюда Рубцовых. Увели в иные края, включая Вологду, Емецк, Няндому, снова Вологду, а потом — в никуда. Произошла катастрофа, сравнимая разве с крушением поезда, мчащегося по рельсам. Крушение двух миров. И если один из них из последних сил цеплялся за почву, которая кормит, то второй — строил на этой почве социализм, ставший предтечей трагедии, которая выморила деревню.

Лесная опушка, кузнечики на лугу, речка с плывущей по ней утиной семейкой. Все это было и есть как на Стрелице, так и на Толшме. И тут, и там красота, с какой сравнимы разве уголья роскошного рая. Вот почему маленький Коля Рубцов в окрестностях тихой Николы ощущал себя сыном здешних полей, деревень, косогоров, лесов, ручейков и речек. Здесь было ему свободно и смело, как если бы он резвился на берегах бойкой Стрелицы, где прошло обитание нескольких поколений его православной родни.

Речка Толшма. Так много о ней уже сказано. Речка Стрелица. Считай, не сказано ничего. Но это пока. Хотя и сегодня мы знаем, что на ее берегах жили истинные мужи. Сильные духом и благородным влиянием на людей. Один из них — приходский священник Феодосий Евгеньевич Малевинский. Как продолжатель дела своего отца, он закончил Вологодскую духовную семинарию и в 1895 году был рукоположен в сан священника. Всю свою жизнь вплоть до 1918 года Малевинский истово служил прихожанам Спасо-Преображенского храма. С первых дней Советской власти он выступал за сохранение церковного монолита. Красотой и величием заволаживали возвышавшиеся над селом Спасским два храма во имя Преображения Господня и во имя Рождества Богородицы. И вот не стало их, несмотря на то, что Малевинский положил все свои силы, всю свою душу, чтоб уберечь их от разрушения. Для прихожан своих был Малевинский ярким примером служения Отечеству, Богу, Царю и Русской земле. Как заступника собственного народа, его ввели в разряд ярых противников Советского государства. Трижды он испытал на себе казуистику большевист-

ского правосудия, приговорившего его в 1937 году к расстрелу. 19 января следующего года приговор был приведен в исполнение.

19 января, но уже 1971 года, был убит и Николай Рубцов. Невероятное совпадение. Как если бы назначением дня смерти обоим героям занимался кто-то из высших судей, служивших, однако, дьяволу, но не Богу.

НЕНУЖНАЯ ДОРОГА

Лежит Николай Михайлович, бездыханный. В Доме художников. В дорогом красивом гробу. Лицо спокойное, как и при жизни, когда удавалось стихотворение и он был готов его прочитать.

Я почему-то вспомнил одну из его незатейливых игр. В ожидании кого-то или чего-то, когда было много лишнего времени, чтобы скрасить его, Николай предлагал написать в уме содержательную строку, неважно чего, — стиха, эссе или рассказа. Главное, чтоб была она привлекательной и несла в себе мысль. В последний раз играл он со мной на пристани в Тотъме. Ждали из Вологды парохода. Николай начал первым:

— Звезды выбирают самую высокую дорогу.

Я вслед за ним:

— Птицы выбирают самую короткую дорогу.

Снова Рубцов:

— Звери выбирают самую невидную дорогу.

Опять моя очередь.

— Люди выбирают... — сказал и запнулся, не найдя нужных слов.

Рубцов, однако, нашел их, причем мгновенно:

— Люди выбирают самую ненужную дорогу, которая, пройдя сквозь будни, праздники, заботы и пиры, выводит на большой всечеловеческий погост...

И вот он здесь. На угрюмом столе. По другую сторону света. Руки крестом. Весь приготовленный к дальней дороге, самой печальной и самой ненужной.

ВЫСОКАЯ НЕВИДИМКА

Протоиерей Малевинский и лирик Рубцов. Оба родились в разные годы. Однако же, как похожи они друг на друга в стоическом шествии по земле. Как если бы это был один человек.

Нас постоянно волнует Рубцов. Откуда он взялся? И почему лишь такой, какой он и был? Другой Рубцов нам совершенно не интересен.

Родители кто у него? Обычные люди. А прародители? Познания нашей родной истории слишком малы, чтоб, заглянув в них, найти того, от кого мы пошли.

Чье богатство былой натуры Рубцов повторил и явился в наш день, как учитель, оставив после себя уроки, которые мы сейчас познаем, воспринимая их, как дар чрезвычайно щедрого человека?

Рубцов, Рубцов. От фамилии так и веет далекой сечей, в какой побывал русский вой, обороняя тех, кто не мог себя защитить.

Кто не помнит безвременье на Руси, которое приходилось на первую четверть XVII столетия? Грабили нас поляки с литовцами. Шайка за шай-

кой. Мрак на родину наступал. А во мраке, как тени, — посягнувшие на страну завоеватели русских земель, те, кому нужны наши села и города, наши женщины, наши души.

1539 год. Город Тотьма. Орда казанских татар спалила город дотла, увела в свое рабство самолучших девушек и молодок. Забрала с собой и детей, запаковав с головой в берестяные корзины, приторочив их к трясущемуся седлу. Остальных тотмичей — под секиру или в огонь.

Спаслись лишь везучие, кто успел схорониться в колодцах и ямах.

Несчастные погорельцы. Куда им теперь? Остаться в выжженном городе — на такое решились лишь единицы. Большинство пошло Сухоней. Кто-то вверх, кто-то — вниз. Останавливались, кто где. Кто — на Песьей Деньге, кто — на Печеньге, кто — на Толшме. Находились и те, кто приткнулся к далекой Стрелице. Выбирали места, где бы были болота, и они не пустили бы конницу врага к новостройкам.

Тотьмичи и теперь верят в то, что деревни по склонам Сухоны образовались от рук плотников-погорельцев. Кто из них остался в памяти у людей? Разумеется, тот, кто сумел отличиться в схватке с непрошенными гостями.

Русское Средневековье тем и было обезображено, что отовсюду на Русь шли враги. Вслед за казанцами — крымчаки, турки, поляки, литовцы, немцы.

Память давнего летописца сохранила нам отголосок Руси времен Василия Шуйского, когда по Сухоне вверх и вниз сплавлялись на лодьях вооруженные ляхи, дабы поживиться бесплатным добром. Повсеместно против головорезов выступали местные мужики. Бывало, что и успешно. Но побед, как правило, добывались они ценой своей жизни или увечья, которое оставлял на теле русича иноземный булат.

Таким глубоким рубцом на лице был в ту пору отмечен один из самылковских доброхотов. Деревня как стояла, так и стоит на берегу речки Стрелица. Только раньше в ней жили люди, а теперь — никого. Может, и в самом деле отсюда в будущее пошла не фамилия храброго человека, а кличка его. Кличка Рубец повела за собой и фамилию, родившуюся в бою. От Рубца — Рубцов. От Рубцова же — все другие беспрозвищные Рубцовы. Так и пошло ветвление рода с выходом новых его ветвей к берегам соседнего обитания. Больше всего сохранилось Рубцовых вдоль по Стрелице. Кто-то из стрелицких старожилов обрисовал сегодняшних Рубцовых несколькими словами: «Кареглазые, высокого роста, готовые постоять за товарища, вспыльчивые, редкостного таланта, любят гармошку и русские песни, в работе истовы и серьезные...»

Примечательно также и то, что почти все нынешние Рубцовы пошли от родителей-землепашцев. Всех их вырастила стрелицкая деревня, научившая работать и жить от земли.

Бывал ли поэт Николай Рубцов на родине предков, то есть на речке Стрелице, что впадает в Сухону на левом ее берегу, пробираясь сквозь заросли тальника и луга к вольным водам большой судоходной реки? Пожалуй, что не бывал. Иначе бы каждое лето стремился сюда к этим сказочным пажитям, на которых жили все его предшественники по роду. Зато не однажды бывал в доме своих родителей в бывшем районном центре селе Бирякове, когда ехал откуда-нибудь в Николу, или куда-нибудь — из Николы. В Бирякове была у автобуса остановка, и все, кто в нем ехал, заходи-

ли на автостанцию, где иногда продавали к чаю дешевые бутерброды. Так что родительский дом, переехавший из Самылково в Биряково, был поэту знаком. Но знаком как нечто случайное, что встречаешь и забываешь, не зная того, что здесь, в этом доме жили твои мать и отец. Только никто об этом поэту и не говорил.

Напротив Самылкова, на другом берегу — село Спасское. Здесь когда-то стояли две церкви: Стрелицкая Спасо-Преображенская и Рождества Пресвятой Богородицы. Протоиереем здесь был Феодосий Евгеньевич Малевинский. Авторитетнейший человек, кто себя проявил как талантливый пастырь и педагог, как историк и археолог, как этнограф и автор трудов о жизни северного крестьянства. Мало того, Малевинский нес большую общественную работу по насаждению в приходе духовной культуры. Благодаря ему открылась в Спасском церковно-приходская школа. При ней — библиотека-читальня. Из обучавшихся в школе были отобраны талантливые исполнительницы церковно-славянских и русских народных песен. Одним словом, сложился хор певчих. По воскресеньям и праздникам певуны потчевали прихожан красивым многоголосьем. Кстати, одной из участниц хора была Александра Рычкова, будущая мать поэта Рубцова.

Надо было не только слушать, но и смотреть, какое удовольствие, какое счастье играло на лицах стрелицких прихожан, когда они посещали церковную службу. Сам вид священника, крест в его богатырской руке, высокие, словно с облака полетевшие голоса нежных певчих, зажженные свечи, лики иконостаса — все это охватывало порывом светлейшего совершенства. Словно сказке радовалась душа, получив энергию созидания. Люди, право, теряли свой возраст, молодость шла навстречу, и где-то там наверху улыбался сам Бог.

Малевинский знал всех Рубцовых — и малых, и старых. Михаила и Александру, отца и мать Николая Рубцова, венчал самолично, благословляя их в путь, который им принесет многочисленные удачи.

Удач хотелось и самому. Однако в последние годы Феодосий Евгеньевич их не видел. Вместо удач — сплошные потери. Особенно тяжело Малевинский переживал крушение храмов. Сколько было хождений по кабинетам, уговоров и споров, требований к хозяевам новой власти. И все напрасно. Стоявшие рядом, как сестры-близняшки, церковь Спасо-Преображенская, как и Рождества Святой Богородицы, были приговорены к убиению. Они, как сказали священнику в райисполкоме, мешают строить новую жизнь. Снесли и ту, и другую.

— Как быть-то теперь? — спрашивали сердобольные прихожане. — Как жить-то нам всем без наших любимых?

Феодосий Евгеньевич чуть ли не с бранью поносил большевистскую власть. Потому в беседах и проповедях с людьми все тверже провозглашал то чудесное время, когда на земле почиталась вера в Бога, Царя и Великую Русь.

Кто-то из очень советских решил, что священник — не наш человек. Написал куда полагается.

Малевинского взяли. Взяли не в первый раз. Даже не во второй. В третий...

Каждый трудящийся в этом мире, кроме всего обретенного, владеет еще и собственной жизнью. Кто ею может распорядиться? У Малевинского —

тройка из главных советских контор, исполнителем у которых — красноармеец с наганом.

У Рубцова — женщина, посланная антихристом из потемок. Ссора Рубцова и Дербиной. Тяжелая ссора, когда каждый считает себя только правым, и на этом стоит, как столб.

Есть, однако, предел, за который не заступают. Ибо там, за запретной чертой, и скрывается твой казнитель, который не ведает, что творит.

Рубцов почувствовал пальцы, которые взяли его за горло. Физически был он сильнее, чем Дербина. Для того, чтобы от пальцев освободиться, он должен был сам сдавить горло у Дербиной. Но сделать такое ему помешал благородный запрет. Запрет, который он унаследовал от матери и отца, от бабушки с дедушкой, от всей своей православной родни, чья кровь, будучи вспыльчивой, но разумной, передала ему христианское: «Не убий!» И он сдержал свой порыв. Дербина же не смела остановиться. Боялась, что верх возьмет не она, а тот, кто спасает ее от себя, от своих жестких рук, которые отказались стать орудием смерти.

Произошло очень, очень ужасное. Душа Рубцова, оторвавшись от тела, улетела в небытие. Она и теперь где-то там, как и душа Малевичского, странствует над лугами, как высокая невидимка, заряжая нас верой в то, чего нет, но должно же когда-то и быть. Сердце наше волнуется. Словно мы оказались в березовой роще над чистой Стрелицей, где вот-вот запоет соловей, приглашая туда, где всю жизнь служил Господу Малевичский и куда, сам не зная того, торопился Рубцов. Торопился как состоявшийся обладатель неслыханного богатства, которое он сейчас раздает бесплатно неумирающими стихами для того, чтобы всем нам теперь жить, жить и жить.

И еще. О последней мечте. Родись бы Рубцов лет на двадцать раньше, то встретился бы с Малевичским не как младенец со стариком, а как мужчина с мужчиной, и мог бы, пожалуй, спросить у него о том, что носил в последнее время в глубинах сердца:

— Хотел бы я написать поэму об Иисусе Христе?

Что бы на это ответил ему Малевичский?

Так спросить торопило его предчувствие неземной тишины. И надо было не опоздать. Ибо день смерти как священнику, так и поэту был заведомо обозначен.

19 января 1938 г. — Малевичскому.

19 января 1971 г. — Рубцову.

Дату эту определил секретарь неведомой канцелярии, служивший, однако, дьяволу во плоти, кто не мог допустить, чтобы голос Поэта услышало Время.

Русские СУДЬБЫ

Галина КУЧИНА

ДВЕ АКТРИСЫ

Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова — родилась в 1929 г. в Маньчжурии, Китай. Отец — Игнатий Волегов — офицер Белой армии, пройдя всю Сибирь, включая Ледяной поход, оказался в Китае, где женился на дочери купца Антонова. Гимназию закончила в Хайларе, продолжала образование в Харбине. Активно занимается общественной деятельностью, возглавляет литературно-театральное общество им. В. Солоухина, многие годы проводит Дни Русской Культуры, организует камерные концерты. Автор книги «Минувшее разворачивает свиток» (СПб., 2007). В 1957 г. вместе с семьей мужа и своими родителями переехала в Австралию в Мельбурн, где и проживает до настоящего времени.

Судьба в очередной раз улыбнулась мне, дав возможность встретиться и познакомиться с двумя легендарными женщинами — Зоей Валуевой (Сасон) и Верой Кальман.

В декабре 1991 года ушла из жизни моя милая мама. Я очень тяжело перенесла потерю, и мои дети, то есть дочь и зять, решили, что мне нужно куда-нибудь съездить, сменить обстановку, развеяться. Предлагали поехать к друзьям в Канаду или на север Австралии, и потом у них вдруг появилась идея отправить меня к их очень дальней родственнице Зое Сасон в Париж. Идея была подхвачена всеми присутствовавшими на семейном обеде, зять моментально позвонил Зое в Париж, и моя судьба была решена.

Я не возражала, но решила на это не сразу, как бывало раньше. Подумав, я сообразила, что от Парижа до Москвы всего четыре часа полета, да еще мои знакомые, имевшие нуждавшихся родственников в России, попросили меня отвезти им деньги, я поняла, что мне необходимо ехать. На меня возложена серьезная миссия.

Надо напомнить читателю, что 1992 год в России был очень трудным. Для многих он был голодным, поэтому помощь из-за границы была нужна всем. Короче говоря, я решила ехать. Позвонили Зое, назначили день полета — и я в Париже.

Прилетаю на аэродром Шарля де Голля. Беру такси и приезжаю на улицу Христофора Колумба. Зоя встречает меня в своей крошечной квартире. Высокая, статная, видно, что в молодости была красива. Манеры безукоризненные, приятная в обращении. Квартира на первом этаже, и после наших австралийских просторов кажется странным, что люди, проходящие мимо по тротуару, мелькают прямо перед глазами.

Окна квартиры напротив открыты, и не следует открывать свое окно, если вы не одеты или в неглиже. Мне все видно, что происходит в их квартире, а им, естественно, видно, что происходит у нас. Квартира в своем роде очень интересная. Мебель — отдельные стулья и кресла стиля Людовика XIV — очень старая и очень неудобная.

Париж и Зоя — это не Россия и не наши русские друзья. Никто тебя не встречает, ты предоставлен сам себе. Но ожидать от Зои, чтобы она встречала, было бы несправедливо, потому что она очень и очень преклонного возраста. Ее возраст — загадка. По книге «Кто есть кто» ей должно было быть около ста лет. По ее рассказам, она женщина без возраста. Когда я взглянула в книгу «Очерки истории кино СССР» Н. А. Лебедева, заметила, что легендарный артист советского кино Н. Черкасов был только начинающим, в то время Зоя была уже на главных ролях.

Бесспорно, самое интересное — это сама Зоя, ее альбомы и портреты, развешанные по стенам. Она на них в ролях всегда ведущей актрисы из разных фильмов, снятых уже в Европе. Мне особенно понравился один из ее портретов, написанный маслом (не знаю имени художника). Она в зеленом платье, и украшает ее красивую шею и грудь изумительное кольцо с огромным изумрудом, окруженным крупными бриллиантами. Заметив, что я люблюсь этим портретом, она принесла мне толстую книгу аукционов Кристи, где это кольцо сфотографировано в натуральную величину и под фотографией приведено имя его владельца, описание кольца и цена, за которую оно продано.

Будучи красивой и талантливой женщиной, она имела много поклонников и обожателей.

Первым ее мужем был банкир. Зоя, в присущей ей манере, рассказывала мне о знакомстве с ним. Она со своей мамой отдыхала в Одессе, и на пляж совершенно неожиданно подкатил длинный лимузин, из которого вышел интересный мужчина. Они познакомились, и очень быстро между ними вспыхнул бурный роман. Вернувшись в Москву, они поженились, помню, что мне Зоя рассказывала, что они жили в гостинице «Метрополь», он задаривал ее драгоценностями, шубами, на шкурках меха стояли печати с ее именем. Но, по не зависящим от них обстоятельствам, им пришлось срочно уехать, оставив все драгоценности в сейфе и не имея возможности попрощаться с мамой. Этого мать ей не могла простить всю жизнь.

Жизнь Зоя прожила яркую, насыщенную впечатлениями, но и переживаний было тоже немало. Этот муж через два года трагически умер при непонятных обстоятельствах.

Мне кажется, главным ее переживанием было то, что мать не простила ей измены и обмана, и ей никогда не пришлось с ней встретиться, хотя она стремилась ее выписать в Париж, купила большую квартиру, но мать отказалась приехать. После ее смерти Зоя продала половину этой квартиры и осталась в меньшей ее части. Она часто мне говорила, что не могла найти в жизни покоя из-за того, что не произошло примирения с мамой. Но она постоянно была в контакте с оставшимися родственниками, с дочерью племянницы, с которой я тоже познакомилась, будучи в Петербурге в 2003 году. Родственники в Советском Союзе всегда нуждались, и Зоя очень щедро им помогала. Ее даже называли доброй феей.

У Зои была потрясающая карьера. Вначале в Петербурге она была балериной. После серьезного заражения ноги из-за педикюра она должна

была оставить балет и нашла себя в кино. Уже оказавшись в Европе, она снималась в немецком кино, во время войны, в Англии, она в чине офицера армии пела и ездила с труппой развлекать солдат, была знакома и дружна с Имре и Верой Кальман, пела в оперетте «Наталка Полтавка». Готовилась еще к какой-то оперетте Кальмана, я не помню какой, но помешала война.

С Кальманом и его женой она была связана крепкой дружбой, которая продолжалась и после смерти Имре. Я лично была свидетельницей этой дружбы, потому что была гостьей у легендарной Веры Кальман.

Познакомившись с Зоей, при первой возможности я поехала в музей импрессионистов Орсе (d'Orsay). Там, насладившись вдоволь, не торопясь осмотрев все картины, я не заметила, как подошло время закрытия музея. Выходя, я услышала русскую речь, — это оказались работники кино из Москвы. Мы, конечно, моментально познакомились и, разговорившись, незаметно дошли до Елисейских полей, и я оказалась уже почти дома. Один из моих новых знакомых — Миша Мошкин — предложил мне поехать на следующий день на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Я с радостью согласилась. Сама я туда бы не попала, так как нужно было ехать разными видами транспорта, поэтому я была благодарна Мише за его приглашение.

Зашли в церковь, нас встретил старенький священник с доброй улыбкой и указал путь в контору, где мы взяли план кладбища, но живой контакт со зрителем оказался много приятнее. Узнав, что мы русские, он направлял нас по всем могилам, которые, как ему казалось, были интересны. Он как бы указывал адрес, где покоится: Бунин и Лифарь, Твардовский и Новиков, академик живописи Коровин, киноартист Мозжухин. Многие из них умерли в богадельне и забвении. Печально было осознание того, что великие люди русской культуры нашли место упокоения на чужой земле. Невольно вспомнила слова поэта Алексея Ачаира: «А за то, что нас Родина выгнала, мы по свету ее разнесли...»

Осмотрев кладбище, поклонившись могилам известных нам людей, приехали домой, и я познакомилась Мишу с Зоей. Для него это была ценнейшая встреча. Зоя представляла для него большой интерес, потому что он работает в архивах кино, и по приезду в Москву он отыскал те фильмы, в которых она снималась, но, к сожалению, имени ее не было, фотографии тоже были, но информации о ее биографии не было, как изменницы родины. Тем не менее, фильмы представляли для него большой интерес. Она рассказала ему историю своей творческой жизни, подкрепляя все рассказанное фотографиями. После этой встречи Мише удалось сделать телевизионную программу в России о ней и ее жизни в кино (на Ленинградской кинофабрике, как она называлась).

Прожив несколько дней в Париже, осмотрев все, что можно, в отведенное судьбой время, мы с Зоей по приглашению Веры Кальман поехали в Монте-Карло. Там сняли квартиру и отдыхали две недели.

Жила мадам Кальман на самой верхней точке Монте-Карло. Там улицы идут террасами. Ее дом знаменит (его называют романовским), в стиле растреллиевских построек. Квартир там много, и одну из них занимает она.

Встретила нас мадам Кальман. Небольшого роста, изящная, элегантная. Одета безупречно. На ней был черный шерстяной костюм, на шее красовалось роскошное кольцо из трех ниток дорогого жемчуга, а на пальце кольцо с большим изумрудом, окруженным крупными бриллиантами.

Легко уловимы черты прежней красоты. Парик, искусственные ресницы, макияж, но все сделано безукоризненно, в меру — ни размазанной губной помады, ни сдвинутого парика — все идеально.

С ней живет компаньонка, а возит ее женщина-шофер. Сама она уже не управляет машиной, как раньше. В квартире у нее полный порядок, и видно, что за всем следит она сама. Увидев ниточку на ковре, она медленно наклоняется, чтобы ее поднять. Говорила мне, что перед своей очередной поездкой в Швейцарию она распорядилась вычистить медные украшения на камине и сетку перед камином. Мне кажется, что это отношение к порядку и чистоте неподвластно возрасту. Не все в такой глубокой старости следят за ниточкой на ковре.

На камине стоит какая-то часть сервиза из белого фарфора с широкой золотой каймой, на которой выпуклым золотом отпечатаны ноты из оперетты Кальмана «Принцесса цирка».

Мне было потешно наблюдать за этими двумя дамами-подругами. Мы все трое сидим в белых креслах в гостиной Веры. Она говорит Зое, указывая пальцем на ее живот: «Зюечка, тебе нужно похудеть». Зоя, закинув одну ногу на другую, в туфлях на каблучках, и шаловливо болтая ногой, говорит: «Зато посмотри, Верунчик, какие у меня ножки!»

Мне мадам Кальман тоже дала пару советов. В то время я была в форме. Не страдала от излишнего веса, была вдовой, и мне Вера говорит: «Галочка, вам нужно похудеть на полстоны¹, и не вздумайте выходить замуж. Заведите любовника». Я посмеялась, поблагодарила за совет и сделала все наоборот. Вышла замуж и прибавила в весе больше, чем полстоны.

В одной из комнат на трех стенах висели тесно развешенные портреты ее покойного мужа, детей и друзей, в числе которых Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Тайрон Пауер, Анна Стэн (русская эмигрантка, подруга Зои и Веры) и многие, многие другие, а из молодых — Элизабет Тэйлор и Пласидо Доминго, с которым, по ее рассказам, она ездила в Россию. Замечательные портреты членов ее семьи — мужа и троих детей. Сын жил в Нью-Йорке, и при мне, когда он позвонил, она долго с ним разговаривала.

После нашего первого знакомства Вера пригласила нас на ужин. Зоя сказала мне, что ей не хочется идти. Скажи, что у меня болит голова. Я, взяв такси, поехала одна. Встречает меня Вера словами: «А где Зоичка?». Я сказала, что Зоя извиняется, приехать не может из-за головной боли. «Ну, так и лучше», — последовал ответ. По-видимому, они не особенно скучают друг без друга.

Стол был накрыт. Закуска, белое вино искрилось в бокалах, компаньонка Веры, исполнив свою несложную миссию, скрылась в кухню или в свою комнату, а мы приступили к ужину, и полилась беседа. В этот вечер Вера была одета в свободное платье с большим шарфом на плечах и без парика, а голова была туго повязана малиновым платком. Я взглянула в окно на ночной Монте-Карло и была восхищена его видом.

За ужином Вера рассказала мне всю историю своей жизни — от страшной бедности до сегодняшних дней. Рассказала, как бедные эмигрантские девочки в кафе заказывали одну чашку кофе на двоих и сидели, выжидая

¹ Стон — (англ. stone) единица массы в английской системе мер, содержит 14 фунтов, равна 6,35 кг.

окончания спектакля, чтобы попасться на глаза великим мира сего — богеме. Так она и познакомилась с Кальманом. Сейчас я привожу разговор с самой героиней. Она рассказывает мне, как в очередной раз они с подружкой делили одну чашку кофе на двоих, хозяин кафе стал требовать деньги, которых у них не было, произошел скандал. В это время зашел в кафе Кальман. Спросил, что происходит, заплатил и спросил Веру, может ли он чем-то помочь? Вера сказала: «Да, можете. Дайте мне работу в Вашем театре. Сегодня я потеряла работу, и мы с мамой бедствуем. Нам не на что жить». Кальман спрашивает: «Вы танцуете?» «Нет». «Вы поете?» «Нет». Он был озадачен, говорит Вера, но тем не менее попросил ее завтра прийти в театр. Вера продолжает: «Вы знаете, Галя, у меня были очень красивые ножки, да и сама я была хороша. Нашли для меня работу. Сделали большой круг, с которым я, проходя по сцене, показывала, какой номер программы публика увидит. Черные чулки, высокие каблочки и красота девушки покорили Кальмана, и, как Вера рассказывает: занавес закрылся, и мы стали мужем и женой». С женитьбой он не торопился, но когда узнал, что Вера носит под сердцем ребенка, они поженились, родился сын, а затем дочь и вторая дочь. Кальман был счастлив. Первый раз он не был одинок. Красавица жена, трое детей, большой круг знакомств. Судя по фотографиям в Зоиных альбомах, я вижу Веру на всяких вечерах, приемах, венгерские партии Вера устраивала у себя в национальных костюмах, в общем, жизнь кипела, и случилось то, что Кальман не ожидал. Вера влюбилась во французского дипломата и сказала мужу, что она его бросает и оставляет детей с ним.

Вот тут история имеет три версии. Я расскажу о версии, которую мне поведала сама Вера. «Я с близким другом приехала в аэропорт встречать своего любовника. Этот друг принес большой бокал коньяка и попросил меня выпить. Я очень удивилась, выпила, он настоял, чтобы я выпила второй бокал, и я слышу по громкоговорителю сообщение о крушении самолета, в котором летел он». Едва оправившись от шока, я увидела семью, детей, мужа, которые окружили меня заботой и просили вернуться в семью, что я и сделала».

Версия ее подруги — он не ожидал, что флирт может вылиться в страшную драму. Разбить семью, лишит детей отца... он не смог взять на себя такую ответственность и решил исчезнуть.

Википедия не вдается в детали, просто говорит, что она вернулась к мужу после того, как он перенес инсульт, и осталась с ним до последних дней его жизни. Мне хочется верить той версии, которую поведала мне сама Вера. Она была на тридцать лет моложе своего мужа.

Я спросила ее о фильме «Верушка». Он был поставлен с ее одобрения, и она была консультантом. По ее словам, ей предложили самой играть роль, но она отказалась, потому что не считает себя хорошей актрисой.

Когда я вернулась домой после ужина, Зоя меня спросила: «Ну, что она тебе рассказала?» Я с энтузиазмом все повторила, но Зоя сказала: «До такого-то момента все правильно, но потом было все иначе». Версия Зои описана выше.

Много они мне обе рассказывали о своих подругах, которым досталась судьба эмигранток. Выбившись из страшной бедности, многие из них сделали блистательную карьеру. Русские женщины пользовались успехом, о каждой из тех, о которых я слышала от Зои или Веры, можно было бы писать книгу.

В один прекрасный день Вера повезла нас в Ментону и дальше в Сан-Ремо. Так мы пересекли границу с Италией. Была католическая Страстная пятница. Приехали в старый-старый городок. Мальчишки на улице играли в мяч, итальянки сидели около своих домов на скамейках, никакого приготовления к Пасхе не чувствовалось. Зашли в храм, поставили свечи, помолвились и поехали обратно. Верина шофер жила в окрестностях Ментоны, ближе к Монте-Карло. У нее семья — муж и дочь. Дочь делала успехи в живописи, и Вера спонсировала ее, веря в талант девушки. Вера привезла всем членам семьи пасхальные подарки и приложила к ним деньги. Вообще, меня удивила ее организованность в таком возрасте. Каждую поездку, в которую она брала нас, она делала свои дела по пути, кому-то что-то привозила, с кем-то встречалась. Когда мы остановились выпить кофе, я заметила, как искусно она кокетничает с официантом. Русскую бабулю в таком возрасте трудно представить кокетничающей с мужчиной.

На ужине у Веры я была в Великую субботу по католическому календарю. Монако, Монте-Карло — католическое государство. Не дождавшись такси, я решила идти пешком. Это очень легко, потому что со всех террасулиц спускаются эскалаторы или лифты, либо устроены лестницы. Я быстро вышла на главную улицу, которая ведет к казино, к отелю и на главную площадь. Меня поразило бурное оживление, движение, музыка, развивающиеся шарфы, шампанское (только пробки летели!).

Я все это фотографировала, а потом спросила прохожего, что происходит. Оказалось, что были футбольные соревнования, и команда выиграла. Я не могла представить себе, чтобы мы, русские, в Страстную субботу праздновали победу в матче, который состоялся именно в субботу в полночь, когда у нас идет Заутреня и Пасхальная литургия. Это меня поразило. На следующий день, в воскресенье, я пошла в церковь на литургию. Я каждый день проходила мимо этого собора и в этот раз зашла. Народу было много, но храм не был переполнен. А ведь это был первый день Пасхи. Невольно сравнила с нашими храмами и тем патриархальным духом, присущим русским, и подумала: «Через две недели будет наша православная Пасха, и я буду проводить ее с Алевтиной Николаевной в монастыре в Коломне. Это не поддается никакому сравнению».

В Монте-Карло я уже все посмотрела, была на премьере балета... Все магазины мод я обошла днем с большим удовольствием. Пригляделась к одной накидке, отделанной крашеной лисицей. Очень она мне понравилась, и цена была доступной, к моему удивлению, несмотря на то, что это Кристиан Диор. Продавщицы очень вежливые, надевали на меня то одну, то другую, а я в это время соображала, что за покрой у этой накидки и как она отделана. Вежливо попрощалась и сказала, что подумаю, и подумала... Решила, что мне еще нужно ехать в Москву, хватит ли денег? Хорошо, что подумала, потому что потом в Москве я истратила все мои деньги с гораздо большей пользой — для помощи людям. Это лучше, чем если бы потратила на себя.

Съездила в Монако, посетила государственный музей Гримальди, зашла в собор, видела надгробие принцессы Грейс. Около дворца есть интересный музей, посвященный Наполеону. Все, что связано с ним, начиная от распахнутого и детских заштопанных носочков, которые носил Наполеон, — все было там. Походила по лоткам, магазинчикам, но в музей рыб почему-то не пошла. Не прельщают меня рыбы.

Мадам Кальман доставила мне большое удовольствие, прокатив по Лазурному побережью по дороге в Ниццу. Вид моря и побережья был потрясающим, акварельным. Удовольствие я получила огромное, и завершилось оно бульваром Царевича, который ведет в Св. Николаевский храм в Ницце. Это изумительный храм в русско-ярославском стиле XVI–XVII веков. Еще вдова Императора Николая I приезжала в Ниццу для поправления здоровья со своей свитой. Великий князь Николай Александрович, который тоже находился в Ницце на излечении, умер здесь на руках у своего отца, Императора Александра II в присутствии матери и невесты — молодой датской принцессы Дагмары. Тело покойного было перевезено в Санкт-Петербург, а на месте смерти Великого князя была построена часовня в византийском стиле, которую расписал известный русский художник К. Нефф.

Как известно, принцесса вышла потом замуж за брата своего покойного жениха, Великого князя Александра, будущего Императора Александра III. При крещении принцесса получила имя Марии Федоровны.

Русская знать приезжала в Ниццу, и появилась необходимость построить большой храм, потому что старый, основанный Императрицей Александрой Федоровной, перестал отвечать требованиям русских, приезжавших для лечения в Ниццу. После того как Император Николай II остановился на одном из нескольких вариантов новой постройки, он подарил для его возведения землю, принадлежавшую лично ему. Профессор архитектуры Императорской академии художеств М. Преображенский руководил постройкой, тонко учитывая материалы и краски, климатические условия и особенности природы Ниццы. Внутреннее оформление храма восхищает своими иконами и фресками. Он получил статус собора, что необычно для церквей, находящихся не на русской земле. Я осталась очень благодарна Вере за то, что она дала мне возможность увидеть этот замечательный храм.

В общем, две недели, отпущенные на Монте-Карло, показались мне длинными. Все, что было в моих финансовых возможностях, я увидела, а остальное время мы с Зоей отдыхали, она научила меня играть в карты, и игра называлась «крокодил». Это единственная игра, которую я запомнила и даже научила играть в нее своих друзей в Мельбурне, только им не понравилось название, и я переименовала ее в «Монте-Карло».

Помимо игры в карты, я слушала бесконечные Зоины рассказы. Вот один из них. Однажды Зоя во время войны пошла в ресторан в Лондоне с одним из своих мужей (за свою длинную жизнь она похоронила их несколько). Как полагается светской даме, она была одета в вечернее платье, меховое манто и пр. Поужинав, послушав музыку, они пили кофе. Зоя всегда пьет только одну чашечку кофе. Они выпили кофе, официант предложил ей вторую, и ей самой было непонятно, почему она согласилась. Пока она пила эту вторую чашку, в дом, где они жили, попала авиабомба, и он был полностью разрушен. Если бы не эта чашка кофе, они бы погибли.

Свои рассказы Зоя обычно сопровождала выразительными жестами. Вот что еще она мне рассказала: «Иду я однажды по улице Парижа, вдруг останавливается длинный лимузин, — и она показывает, какой он длинный. — Выходит мужчина и говорит: “Мадам, король Фарук, который сидит в лимузине, приглашает Вас с ним поужинать в ресторане «Максим»”. Я отвечаю этому мужчине: “Скажите Вашему королю Фаруку, что я его приглашения не принимаю”». Я спросила, почему она не приняла

приглашение. — «Потому что я не хочу быть в списке его многочисленных любовниц», — был ответ, но я не унималась: «Да, но почему он остановил машину на улице и, не зная тебя, пригласил на ужин?» — «Деточка, — она меня так называла, — ножки! Он увидел мои ножки!» И много, много историй она мне рассказывала, и я с удовольствием слушала ее.

Для семьи, оставшейся в Советском Союзе, она была доброй феей. Ее поклонники не отказывали ей в просьбах, и много раз она выручала родственников из бедственного положения.

При жизни она устроила себе место упокоения на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Ее могила оказалась около могилы Р. Нуриева.

Как я уже писала, московский работник кино старался с какой-нибудь оказией посылать к ней своих знакомых, когда они ехали в Париж. Одной из них оказалась Марина, которая из своих деловых поездок привозила письма от Миши Мошкина и мне. Так, однажды эта Марина, как всякая русская душа, пришла на кладбище и видит на памятнике надпись: «Зоя Валевская». Она расстроилась, но, вернувшись в гостиницу, решила позвонить Зое и, с облегчением услышав ее крепкий голос, поняла, что памятник заказан заранее. Однажды Зоя сама приехала на кладбище и увидела на своей могиле шелковые цветы. Она с ними в руках сфотографировалась (у меня есть эта фотография), потом взяла букет домой, разделила его и расставила у себя в квартире по разным вазам.

Вернувшись из Монте-Карло, Зоя заболела. Я заволновалась и настояла на том, чтобы она вызвала доктора. Зоя лежит в постели и говорит мне: «Деточка, зажги настольную лампу на этой тумбочке, под портретом лампу потуши, нет, под портретом зажги, и на тумбочке оставь зажженную тоже». Когда я все сделала по ее просьбе, я увидела эффект. Пыли, которая лежала толстым слоем, не стало видно, освещение создало полную картину уюта, и вся старинная, скрипящая мебель Людовика XIV выглядела просто великолепно.

Зоя не могла признаться в своей немощи. Гуляя по улицам Монте-Карло, она останавливалась, принимала позу и восхищалась видом, на самом же деле она давала себе возможность отдохнуть и снова набраться сил. Если ей трудно было встать со скамьи в парке, а рядом с нами был мужчина, она кокетливо поднимала ручку, как бы давая ему возможность прикоснуться к ней, на самом же деле — помочь подняться со скамьи. Это я заметила в Булонском лесу, куда нас возили на прогулку ее друзья.

Зоя скучала, когда я уходила из дома. Она не могла понять, почему я бегаю по музеям и галереям. Она все уже видела сто раз и не хотела понять, зачем я еду в Лувр или к Инвалидам, или в музей импрессионистов, или в музей Родена. Мне повезло, потому что я увидела выставку Тулуз-Лотрека. Она была совсем недалеко, я быстро нашла ее и получила огромное удовольствие.

Читатель моих скромных трудов может удивиться, что я называю Зою на «ты» и без отчества. Ведь возраст ее подходил к ста годам, но ей хотелось оставаться навеки молодой. Это было ее желанием, и я не хотела ее огорчать. Она сразу попросила меня звать ее на «ты» и объявила своим друзьям и знакомым, что я ее племянница.

Скончалась Зоя Валевская 28 января 2005 года. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

СЛАВНЫЙ СЫН КАРАМЗИНА

Елена НАУМОВА

Старый, давно остановленный Нижнетагильский металлургический завод расположен совсем рядом с бывшей горнозаводской конторой. Сегодня завод превращен в музей под открытым небом. Можно вплотную подойти к уже потухшим доменным печам, прикоснуться к вагонеткам, в которых когда-то возили шихту. Перестала существовать и контора. Теперь в ее здании разместился Нижнетагильский краеведческий музей. Мы побывали там для того, чтобы как можно больше узнать об Андрее Карамзине — старшем сыне знаменитого писателя, историка и издателя, 250-летие которого отмечается в нынешнем году.

Но если Карамзин-отец — личность знаменитая, то о его сыне известно гораздо меньше. А между тем в 1855 году Андрею Карамзину в Нижнем Тагиле установили памятник, а имя его в городе до сих

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Нижнетагильский завод

Бывшее здание заводоуправления

пор произносят с особым почтением, ведь он многое сделал для развития производства на заводах, для улучшения условий труда и жизни рабочих. Словом, Андрей Николаевич Карамзин оставил в Нижнем Тагиле добрую память о себе, и жители города решили отблагодарить его.

На собранные средства установили на Салдинской улице памятник, который спроектировал скульптор А. Белов. Монумент отлили на местном металлургическом заводе. Он производил впечатление. Возвышавшееся на белокаменном основании четырехгранное сооружение, напоминавшее часовню, украшали кованые грифоны с полураскрытыми крыльями. На одной стороне монумента можно было прочесть: «Андрею Николаевичу Карамзину — признательные тагильцы», а на другой: «Убит 31 мая 1854 года в сражении с турками при Слатине».

Памятник Андрею Карамзину

В знак благодарности за памятник Демидовы подарили городу икону святого Андрея Критского в драгоценном окладе. Она стоила столько же, сколько сам памятник, который, увы, до нашего времени не сохранился. Его снесли уже в советское время. Существуют разные версии гибели памятника. По одной, в него во время Гражданской войны попал снаряд. По другой, что более правдоподобно, его снесли, потому что он стоял там, где прокладывали трамвайные пути.

В свое время ниже-тагильский музей посетил

Фрагмент памятника

известный литератор, прекрасный знаток творчества Пушкина и Лермонтова, всей великой русской литературы XIX столетия Ираклий Андроников. В своей работе «Тагильская находка» он писал: «Если вам придется побывать в Нижнем Тагиле, загляните в музей краеведения». Андроников в своем описании экспозиции упомянул о многих экспонатах, в том числе и о портретах владельцев заводов Демидовых. Но об изображении Андрея Карамзина — ни слова. Этот портрет не был выставлен. Только сравнительно недавно его отреставрировали, и он пополнил собрание портретов, висящих в музейных залах. Андроников не мог видеть картину. Писатель уделил особое внимание письмам, хранившимся в красном сафьяновом альбоме. Все они принадлежали Андрею Карамзину. Письма уникальные. В них, наряду с описанием светской петербургской жизни, рассказывается о событиях, приведших к дуэли и гибели А. С. Пушкина, находившегося в дружественных отношениях с семьей Карамзиных.

Но кто писал письма и как они оказались в Нижнем Тагиле? Об этом в свое время подробно писал И. Андроников. Поэтому мы ограничимся кратким изложением его рассказа.

В 1836 году гвардейский офицер Андрей Карамзин по совету врачей совершает после болезни путешествие по ряду европейских стран. Посещая Германию, Италию, Францию, он получал письма из России от своих родных. Письма датированы 1836 и 1837 годами. Андрею Николаевичу писали мать Екатерина Андреевна, старшая сестра Софья Николаевна, младший брат Александр, реже сестры Екатерина, Софья и брат Владимир. Большая часть писем написана по-французски, меньшая — по-русски. В письмах чувствуется забота всех членов семьи о брате. Их авторы волнуются о здоровье А. Карамзина. В письмах даются самые разные советы, касающиеся пребывания сына и брата за границей. Ему рекомендуют посетить салон знаменитой мадам де Рекамье. Карамзину сообщают о премьере оперы М. Глинки «Жизнь за царя», о первом чтении Гоголем комедии «Женитьба», о появлении скандального «Философского письма» П. Чаадаева, что привело к закрытию журнала «Телескоп». И, наконец, адресат получает письмо Екатерины Андреевны от 30 января 1837 года. Оно начинается с таких строк: «Милый Андрюша, пишу к тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа тоскою и горестию; закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина!». От сестры Софьи Николаевны брат узнает светскую новость: «Сообщаю тебе о золотой свадьбе — м-ль Аврора Ширнвальд¹ выходит замуж за богача Поля Демидова...» Слова «золотая свадьба» здесь вовсе не обозначение долгой совместной семейной жизни. Просто Аврора, выйдя замуж, приобрела к несметным богатствам рода Демидовых.

Но самое удивительное заключается в том, что, получив письмо с известием о браке Авроры, А. Карамзин даже представить себе не мог, что через десять лет станет ее вторым мужем.

Мы входим в один из залов нижнетагильского музея. Подходим к женскому портрету. На нас смотрит красавица в роскошном платье, обнажающем плечи, и в головном уборе, напоминающем чалму-тюбан. Это 28-летняя Аврора Карловна Демидова-Карамзина, урожденная баронесса

¹ Шернваль (см. Ираклий Андроников. Избранные произведения. Т. 2, записки литературоведа).

Шернваль. Созданный великим Карлом Брюлловым портрет великолепен. Красный фон, который часто присутствует на картинах художника, еще более подчеркивает красоту Авроры. Своим взглядом она пленяет зрителя. Портрет заказал муж красавицы Павел Демидов, считавшийся покровителем Брюллова. Именно Демидов многое сделал для знакомства итальянской публики с картиной «Последний день Помпеи», которая демонстрировалась в Риме и в Милане.

Портрет Павла Демидова висит рядом с изображением Авроры. Кажется, что на нас смотрит не владелец уральских заводов, а Пьер Безухов. Павел Демидов очень похож на одного из главных героев романа «Война и мир», каким описал его великий Л. Н. Толстой. Писатель, действительно, был знаком с Павлом Демидовым, находился с ним в дружеских отношениях. Смотришь на портрет и видишь не античного героя, а человека, с виду простодушного, очень напоминающего неуклюжего и отнюдь не красавца Пьера Безухова.

Прожил Павел Демидов недолго. Через четыре года после свадьбы, в возрасте 42 лет он скончался, оставив вдову с маленьким сыном на руках — тоже Павлом.

Женитьба на блистательной баронессе не была чем-то исключительным для Демидовых. Родной брат Павла Николаевича Анатолий, чей мраморный бюст также находится в нижнетагильском музее, избрал в спутницы жизни еще более знатную особу. Он женился ни много ни мало на графине де Монфор, приходившейся родной племянницей самому Наполеону. Она была дочерью Жерома Бонапарта — младшего брата французского императора. Русский супруг не мог не проникнуться симпатией к великому дяде. Благодаря А. Демидову на острове Эльба, где Наполеон находился в первой ссылке, в его бывшей резиденции возник музей императорских реликвий. А. Демидов, впрочем, тоже мог похвастаться своей знатностью. Его ведь называли князем Сан-Донато. Дело в том, что в Италии он купил княжество Сан-Донато, расположенное неподалеку от Флоренции.

И в Павле, и в Анатолии текла кровь не только Демидовых, но и представителей другой знаменитой династии российских промышленников. Их отец Николай Демидов состоял в браке с Елизаветой Александровной, урожденной баронессой Строгановой. Портреты супругов также украшают экспозицию нижнетагильского музея.

Вот с такой, можно сказать, легендарной российской знатью породнился в 1846 году Андрей Карамзин. Аврора была старше, а главное, богаче и знатнее своего второго супруга. Но любовь оказалась сильнее сословных различий.

Андрей — старший сын Н. И. Карамзина и его второй жены Екатерины Андреевны. В детские годы вместе с родителями он не раз посещал подмосковную усадьбу Остафьево, ведь его мать приходилась сводной сестрой известному поэту князю П. А. Вяземскому.

Андрей Николаевич учился в Дерптском университете. После его окончания служил офицером, воевал на Кавказе. Находился в дружеских отношениях со многими литературными знаменитостями. Благодаря в том числе и его посредничеству не состоялась дуэль между Пушкиным и Владимиром Соллогубом, с которым Карамзин учился в университете. Дружил он и с Михаилом Лермонтовым.

В 30 лет блестящий офицер, уверенно поднимавшийся по карьерной лестнице, становится адъютантом шефа жандармов графа А. Ф. Орлова. К тому же он хорош собой, и женщины в восторге от него. Немудрено, что в него влюбляется такая светская львица как Аврора Демидова. На сей раз, в отличие от предыдущего брака, она выходит замуж по любви, а не из-за денег.

Муж совладелицы уральских заводов и опекун ее малолетнего сына, А. Карамзин становится одним из управляющих всего металлургического производства в Нижнем Тагиле. Летом 1849 года супруги впервые посещают нижнетагильские заводы. Андрей Николаевич занялся изучением и техническим перевооружением производства, проверкой счетов. Он многое сделал для усовершенствования управления заводами, разработав так называемые «Особые положения». Ему удалось ввести изменения в кадровую политику и тем самым добиться сокращения не в меру раздутых штатов.

Карамзин создал единую химическую лабораторию, располагавшуюся в стенах нынешнего краеведческого музея. Так что, осматривая его экспонаты, мы и не догадывались, что когда-то в старинных залах проводились опыты, создавались новые рецепты изготовления продукции металлургических заводов. Уютные залы музея ныне мало напоминают помещения, где творили чудеса химии минувших эпох. Карамзин усердно вникал во все, что было связано как с производством, так и с бытом рабочих, их семей. Трудно сказать, сумел ли он облегчить жизнь простых людей. Но он стремился к этому, о чем свидетельствует, например, факт организации бесплатных обедов для рабочих на приисках и рудниках. Не отставала от супруга и Аврора Карловна, активно занимавшаяся благотворительной деятельностью. Она обходила избы рабочих, интересовалась проблемами их семей, оказывала материальную помощь. В конце июля 1846 года присутствовала на открытии приюта на Выйском заводе, названном Авроринским.

Портрет Андрея Карамзина

Хозяева пробыли на заводе до осени 1846 года. Через семь лет Карамзин во второй, и в последний, раз приезжает на Нижнетагильские заводы. Возможно, что тогда он и привез письма, которые когда-то писали ему родные в Европу и которые он хранил как семейные реликвии.

После поездки на Урал он вступает добровольцем в армию. Началась русско-турецкая война. В музее в Нижнем Тагиле хранится созданный неизвестным художником, вероятно в 1854 году, портрет Андрея Карамзина. После долгой реставрации

в 90-е годы прошлого столетия картина пополнила коллекцию портретов владельцев и управляющих демидовскими заводами. На Карамзине зимний походный мундир. Офицер, о чем можно догадаться по кокарде на фуражке и погонам, внимательно смотрит на нас. Взгляд его печален. Уж не чувствует ли изображенный на портрете приближающуюся гибель?

Прекрасный хозяйственник, организатор производства, А. Карамзин, увы, оказался не очень удачливым командиром. Он просто не имел боевого опыта, хотя и отличался отвагой и храбростью. Отправившись на разведку во главе отряда гусар, он, позабыв об осторожности, оказался в окружении и погиб вместе с остальными участниками рейда. Командир отряда отбился до последнего вздоха, получив восемнадцать колотых и резаных ран.

Гибель Карамзина взволновала весь Петербург. Ходили слухи о том, что Николай I осудил неосторожные действия Карамзина и сожалел о том, что поторопился произвести его в полковники.

Первоначально А. Н. Карамзина похоронили на Кавказе, но вдова добилась, чтобы тело перевезли в Санкт-Петербург. Аврора Карловна присутствовала на открытии уже упоминавшегося памятника. И, наверное, тогда же вспоминала, как в августе 1845 года вместе с мужем открывала в Симбирске монумент великому Н. М. Карамзину, к счастью, сохранившийся до наших дней. Что же касается нижнетагильского памятника, то его фрагменты мы увидели все в том же нижнетагильском музее: грифоны с полураскрытыми крыльями, казалось, весьма благосклонно посматривали на посетителей.

Фрагмент памятника

Аврора Карловна Демидова-Карамзина немало пережила своего второго супруга. Она умерла в 1902 году в 94-летнем возрасте. Современники считали ее роковой женщиной. Ведь оба ее супруга умерли молодыми. Пережила она и своего сына.

Связь ВРЕМЕНИ

Владимир ОРЛОВ

ПРЕДДУЭЛЬНЫЕ ПИСЬМА ПУШКИНА. РЕКОНСТРУКЦИЯ

Владимир Евгеньевич Орлов — родился в 1941 г. в Смоленске, окончил МВТУ им. Баумана и Военный институт иностранных языков, служил военным инженером и переводчиком, работал журналистом, кандидат филологических наук. Автор нескольких работ по пушкиноведению, сценарист (телефильм «Имею честь... Пушкин» и, совместно с Николаем Бурляевым, — художественный фильм «Пушкин»). Член Пушкинской комиссии Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Награжден медалью равноапостольных Кирилла и Мефодия. **Живет в Москве.**

Шестого февраля 1837 года, отвечая на вопросы комиссии военного суда, Жорж Дантес показал:

Генваря 26-го Нидерландский посланник Барон Геккерн получил от Камергера Пушкина оскорбительное письмо, касающееся до моей чести, которое якобы он не адресовал на мое имя единственно потому, что считает меня подлецом и слишком низким. Все сие может подтвердиться письмами находящимися у ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА¹.

Девятого февраля комиссия констатировала, что «письма, на кои ссылается д'Антес, получены от графа Нисельрода» (министра иностранных дел Российской империи). С писем были сняты копии, сделан их перевод с французского языка, а сами они возвращены графу К. В. Нессельроде. Был ли в их числе подлинник январского письма Пушкина и где он находится в настоящее время — неизвестно. Все исследования январского письма проводились по хранящимся в настоящее время в ИРЛИ копии из военно-судного дела и так называемой «автокопии», которая, как считается, сделана самим поэтом и которая была приобретена в 1918 году у племянницы секунданта Пушкина К. К. Данзаса.

Впервые «автокопия» январского письма была воспроизведена на факсимиле в книге А. Аммосова «Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина», изданной в 1863 году. К книге приложены копии и других документов о дуэли, причем специально указано, что эти копии сняты с соответствующих подлинников, которые «все доставлены К. К. Данзасом».

¹ Орфография и пунктуация подлинника сохранены.

Книга Аммосова вызывает ряд вопросов. Неясно, во-первых, как могли попасть к Данзасу подлинники документов, и сейчас хранящиеся в военно-судном деле, доступ к которому был, конечно же, ограничен, поскольку в нем оказались затронутыми иностранные дипломаты, Император Николай I и высшие сановники империи. Во-вторых, как мог оказаться у Данзаса подлинник приложенного к книге письма Пушкина главе III отделения графу Бенкендорфу? Наконец, когда и при каких обстоятельствах вновь попала к Данзасу «своеручная копия» пушкинского письма, которую он направил 4 февраля 1837 года шефу жандармов с «покорнейшею просьбою» показать ее «Его Императорскому Величеству как покровителю и благодетелю несчастного семейства Пушкиных»?

В тексте «автокопии» содержатся многочисленные сокращения, описки и даже ошибки, хотя она написана четким и неторопливым почерком. Сам почерк отличается от почерка «французских» беловых писем поэта. «Автокопия» не подписана и не датирована Пушкиным.

Проведенный в 1936 году известным пушкинистом Н. В. Измайловым сравнительный анализ текстов «автокопии» и копии из военно-судного дела выявил значительные расхождения между ними.

Часть вопросов снимается допущением, что приложение к аммосовской книге комплектовалось автором из документов военно-судного дела с привлечением других источников. Такое допущение необходимо еще и потому, что к книге Аммосова оказался приложенным «подлинник» письма Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 21 ноября 1836 года.

Ни в копии из военно-судного дела, ни в «автокопии» нет ни слова обвинения барону в авторстве порочивших имя поэта «пасквильных дипломов». В ноябрьском же письме к Бенкендорфу говорится:

Утром 4 ноября я получил три экземпляра безыменного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено, я сразу же догадался, что оно от иностранца, человека высшего общества, дипломата. Я занялся розыском. Я убедился, что безыменное письмо — от г-на Геккерн, о чем считаю своим долгом известить правительство и общество. Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и вследствие этого, не требуя ни правосудия, ни мщения, я не могу, да и не хочу представлять кому бы то ни было доказательство того, что я утверждаю.

Два месяца спустя Пушкин не стал настаивать на том, что автором «безыменного» письма был Геккерн. Почему?

Аммосов приводит в своей книге слова Данзаса о том, что «автором анонимных записок, по сходству почерка, Пушкин подозревал барона Геккерн-отца, и даже писал об этом графу Б. (Бенкендорфу)». Из этого можно заключить, что сам Данзас не видел «дипломов на звание рогоносца», написанных, как известно, «печатными» буквами, то есть почерком, не имеющим ничего общего с почерком Геккерна, и просто дословно воспроизвел аргументацию Пушкина.

Очевидно, в январской дуэльной истории Пушкин не хотел говорить о «пасквильных дипломах». Смещение акцентов в установлении истинных причин событий в сторону этих дипломов произошло в результате целенаправленных действий более осведомленных, чем Данзас, друзей поэта, что, впрочем, устраивало и его врагов.

Отвечая на высказываемое пушкинистами мнение, что К. К. Данзас не допустил бы публикации под своим именем фальшивки (во время выхода книги он был жив), можно рассматривать книгу Аммосова как результат предпринятого автором намеренного смешения действительных воспоминаний лицейского товарища Пушкина и собственных «трудов».

Вернемся к «пасквильным дипломам». Если в январе 1837 года Пушкин не намеревался обвинять Геккерн в их написании, то следует, казалось бы, сказать прямо противоположное о ноябрьской ситуации, судя по написанному 21 ноября письму Пушкина к Бенкендорфу. Однако этому противоречит воспоминание В. А. Соллогуба о прочитанном ему в тот день письме, адресованном барону Геккерну. «Он (Пушкин) запер дверь и сказал: “Я прочитаю вам мое письмо к старику Геккерну. С сыном уже покончено. Вы мне теперь старичка подавайте”. Тут он прочитал мне всем известное письмо к голландскому посланнику».

Вспоминая затем январские события и прочитанную им копию письма Пушкина к Геккерну от 25 января 1837 года, Соллогуб замечает: «Письмо, впрочем, было то же самое, которое он мне читал за два месяца, — многие места я узнал».

Из сообщения Соллогуба, единственного человека, которому Пушкин читал ноябрьское письмо к Геккерну, видно, что молодой друг поэта не нашел между ноябрьским и январским письмами существенной разницы. Значит, и в ноябрьском письме не было утверждения, что автором дипломов на звание рогоносца был Геккерн. Иначе Соллогуб не написал бы в своих воспоминаниях и такой фразы: «Кто был виновным в сочинении “ругательных дипломов” осталось тогда еще тайной непроницаемой».

Ноябрьское письмо А. С. Пушкина к Л. Геккерну дошло до нас в виде фрагментов. Пушкин разорвал его и выбросил в корзину для бумаг.

Клочки, на которых были написаны эти фрагменты, составили, как считалось вначале, две черновые редакции январского письма. Пушкинисты Б. В. Казанский и Н. В. Измайлов в 1936 году провели анализ двух писем и осуществили их реконструкцию, доказав, что эти письма являются не черновыми редакциями январского письма Пушкина к Геккерну, а беловыми — ноябрьского. Отдавая должное огромной работе, ими проделанной, нельзя все же согласиться с принятой ими концепцией — возможностью реконструировать тексты писем посредством обоюдных заимствований. Полученные таким способом «текст А» у Измайлова и «сводный текст» у Казанского не отражают динамики событий с начала ноября 1836 года по 26 января 1837 года и изменения позиции поэта.

Приведем текст сохранившихся фрагментов первого пушкинского письма без позднейшей авторской правки, в переводе с французского языка.

Текст на первом листе письма:

Господин барон,

Прежде всего, позвольте сделать краткий обзор того, что только что произошло. — Поведение вашего сына было мне вполне известно и не могло быть мне безразлично, но так как оно не выходило из границ благопристойности и, кроме того, я знал, сколько моя жена заслуживает моей доверенности и моего <...> с тем, чтобы <...> на сердце молодой женщины <...> муж, по крайней мере, если он не поглупел, вполне естественно становится поверенным своей жены и ее твердым наставником.

Признаться, я был не без тревоги. Случай, который в любое другое время был бы мне крайне неприятен, позволил весьма удачно выйти из положения: я получил безыменные письма. Я увидел, что время настало, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь забавную и столь жалкую, что моя жена, в удивлении от такой плоскости, не смогла удержаться от смеха и волнение, которое, быть может, некогда почувствовала она при виде этой великой и возвышенной страсти, угасло в отвращении самом покойном и как нельзя более заслуженном. Но вы, господин барон, какова была ваша собственная роль во всем этом деле?

Вы, представитель коронованной главы, вы были <...> старухе, вы разве только не подстерегали <...> углах, чтобы говорить ей о вашем сыне, и когда, больной венерической болезнью, он был изнурен лекарствами, вы говорили, подлец, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: возвратите мне сына —

Текст на втором листе письма:

Вы видите, что я не стесняю себя: но погодите, это еще не все: я же говорил вам, что дело запутывается. Возвратимся к безыменным письмам. Вы же догадываетесь, что они для вас интересны.

Следует еще раз подчеркнуть, что письмо написано Пушкиным первоначально как беловое. Об этом свидетельствуют четкий, разборчивый почерк и полная подпись. Все правки внесены «для себя». Некоторые новые слова не вполне разборчивы. Это сделало черновым бывшее беловое письмо.

Освободив первоначально написанный Пушкиным текст от последующих наслоений, получим следующее продолжение первой редакции:

2 ноября вы узнали от вашего сына новость, которая доставила вам большое удовольствие. Он сказал вам, что я в замешательстве, что моя жена боится одного из этих писем и что она от всего этого теряет рассудок. Вы решили нанести окончательный удар. Я получил <...> экземпляров безыменного письма (из тех, которые были распространены), но так как это письмо было изготовлено с <...> был уверен, что найду моего сочинителя, и не беспокоился больше. Действительно, после менее чем трехдневного розыска, я...

... — Если дипломатия лишь искусство узнать, что делается у других, и посмеяться над их планами, вы отдадите мне справедливость, признав, что были побеждены по всем пунктам.

Две вымаранные поэтом полустроки чрезвычайно трудно поддаются расшифровке. Ясно, что в них Пушкин подводил итог предпринятых им розысков «сочинителя» и они не могли содержать слов общего характера, вроде «нашел, что искал», «открыл истину» и т. п., иначе поэт не стал бы так тщательно вымарывать их.

Мне удалось расшифровать текст этих двух полустрок: Пушкин тщательно вымарал, а затем дополнительно еще и замаскировал следующие слова: «*découvris le tentateur embar(r)as-sé irrévérencieusement*».

И тогда все предложение переводится так: «Действительно, после менее чем трехдневного розыска я обнаружил искusstителя, непочтительно поставленного в затруднительное положение».

Пушкин далее пишет:

Теперь я подхожу к цели моего письма. Быть может, вы желаете знать, что помешало мне до настоящего времени опозорить вас в глазах

дворов вашего и нашего. Извольте, я вам сейчас это скажу. Я добр, простодушен <...> но у меня чувствительное сердце <...> Дуэли мне уже недостаточно <...> и чем бы она ни кончилась <...> достаточно отомщен ни <...> вашего сына, ни письмом <...> до малейшего следа этого подлого дела, из которого мне будет легко составить превосходную главу в истории рогоносцев. Честь имею быть, господин барон, вашим покорнейшим слугою А. Пушкин.

Пушкин начал править свое письмо с того, что вымарал и замаскировал (очевидно, желая сохранить оригинал письма) две полустроки на лицевой стороне 2-го листа письма, написав над ними «savais a quoi m'en tenir» («знал, как мне поступить»), а затем стал редактировать текст, сокращая и вписывая в него новые слова и целые предложения. Так образовалась первая черновая редакция «второй белой редакции» письма, которое, как известно, тоже было найдено разорванным в кабинете Пушкина и дошло до нас в виде 16 (из 32) обрывков.

Вслед за Н. В. Измайловым и Б. В. Казанским я провел реконструкцию этой черновой и второй белой редакции пушкинского письма. Но получил результаты, отличные от предложенных ими.

Текст первых двух страниц первой белой редакции письма Пушкин оставил практически без изменений.

Текст третьей страницы подвергся наибольшим изменениям. Во-первых, Пушкин вычеркнул первый абзац (от слов «Вы видите, что я не стесняю себя» до слов «Вы же догадываетесь, что они для вас интересны»), сразу перейдя к событиям, произошедшим 2 ноября 1836 года. Во-вторых, он произвел значительную правку продолжающего письмо фрагмента:

Вы решили нанести окончательный удар. <...> составлен (составлено, -лена — в зависимости от рода имени существительного, написанного перед глаголом. — В. О.) вами и <...> я получил несколько экземпляров (из тех, которые были распространены), но так как это письмо было изготовлено с <...> был уверен, что найду моего сочинителя, и не беспокоился больше. Действительно, после менее чем трехдневного розыска я знал, как мне поступить.

Если дипломатия лишь искусство узнать, что делается у других, и посмеяться над их планами, вы отдадите мне справедливость, признав, что были побеждены на всех пунктах.

Теперь я подхожу к цели моего письма. Вы ее знаете. Я добр, простодушен <...> но у меня чувствительное сердце <...> Дуэли мне уже недостаточно <...> и чем бы она ни кончилась <...> достаточно отомщен ни <...> вашего сына, ни письмом <... ..> до малейшего следа этого подлого дела, из которого мне будет легко составить превосходную главу в моей истории рогоносцев. Честь имею быть, господин барон, вашим покорнейшим слугою А. Пушкин.

Что касается реконструкции второй белой редакции письма Пушкина к Геккерну, то именно из нее делают вывод о «двухлетнем постоянстве» д'Антеса в его «великой и возвышенной страсти» к Наталье Николаевне, и именно она якобы подтверждает авторство Геккерна «дипломов на звание рогоносца».

Сначала — о «двухлетнем постоянстве». В промежутки из 22-х пробелов соответствующих строк с необъяснимо большим превышением

укладывается 17-знаковый вариант Б. В. Казанского «*années finissent*», а Н. В. Измайлов так и не смог предложить какое-либо слово вместо много-точия в своем варианте «*deux ans ... finiroint*», который, впрочем, неверен и грамматически. Что касается «некоторого» или «известного» «впечатления на сердце молодой особы», то предложенное Измайловым слово «*impression*» не может поместиться в пропуск соответствующей строки. Казанский же переводит удачно найденное им «*quelque effet*» тоже как «впечатление».

Главное, пожалуй, вот в чем. Начатая Пушкиным фраза «Я хорошо знал...» должна иметь характер какой-то общей сентенции, а «двухлетнее постоянство» не обязательно для произведения впечатления для любого молодого человека на любую «молодую особу» (словосочетание, никогда, кстати, не использовавшееся Пушкиным, если ему надо было что-то сказать о женщине или девушке): одному для этого надо больше времени, другому — меньше.

Я предложил выверенную по месту и по контексту реконструкцию текста фрагмента письма, или в переводе, с примыкающим к фрагменту последующим текстом:

...вмешаться, когда я сочту это кстати. Я хорошо знал, что красивая наружность, несчастная физиономия, настойчивость двух гонимых всегда производят, в конце концов, некоторое действие на сердце молодой женщины и что тогда муж, по крайней мере, если он не поглупел, вполне естественно становится поверенным своей жены и ее твердым наставником.

От второго листа письма сохранилось только пять обрывков. Их перевод: «... <с вашим> сыном сличение, в намерении нанести задуманный удар. Список безыменного письма был составлен вами (перевод дословный; следовало бы перевести более точно стилистически: «С безыменного письма вами была снята копия», но тогда **так** не говорили. — В. О.) и <...> я получил три экземпляра <...> которые <были распространены>».

Итак, в тексте второй белой редакции ноябрьского письма мы находим подтверждение того, что Пушкин обвинил Геккернов не в авторстве «дипломов», а в снятии и распространении копий «безыменного» письма. Было ли это письмо от «искусителя» Натальи Николаевны или от «доброжелателя», оповещавшего Пушкина о мнимой измене его жены с Дантесом с целью столкнуть его с кавалергардом? Возможны оба варианта.

Теперь о письме А. С. Пушкина к начальнику III отделения Его Императорского Величества канцелярии графу А. Х. Бенкендорфу. Письму написано 21 ноября 1836 года и, как считается, не отослано адресату.

Подлинник пушкинского письма был обнаружен сравнительно недавно в архиве П. И. Миллера, секретаря шефа жандармов. Черновик же пушкинского письма к Бенкендорфу (четыре клочка плотной голубоватой бумаги, исписанные с обеих сторон) поступил в ИРЛИ в 1929 году в составе так называемого майковского собрания.

Пушкин взял для черновика сложенный пополам лист бумаги с неоконченным письмом к неизвестному лицу, перевернул его на 90° чистой стороной вверх и начал писать быстрым и все более небрежным, по мере работы над письмом, почерком. Заключительная часть написана поперек строк начальной его части. В результате воспроизведение и анализ пушкинского текста представляют определенные трудности.

Черновое письмо Пушкина к Бенкендорфу было издано В. И. Саитовым и им прочитано, хотя, по замечанию Б. В. Казанского, и «не вполне».

Черновик несет на себе следы правки, сделанной рукой Пушкина (кроме одного исключения — о нем см. ниже), и образует, в свою очередь, как бы две черновые редакции. Текст первой черновой редакции легко соотносится с текстом сохранившегося белого оригинала, в чем можно убедиться, сравнив их.

Нашего внимания заслуживает анализ подчеркнутой строки на оборотной стороне первого листа черновика.

Остается только догадываться, почему исследователи не заметили следов чьего-то чужого (не пушкинского!) вмешательства в текст строки и не увидели, что достоверной можно считать только первую букву «М» из прочитанной ими как «ММН» аббревиатуры: вторая буква переделана в «М» из другой буквы (предположительно из «j»), третья — вообще не «Н», а сочетание косой черты («/») со значком, напоминающим нижнюю часть строчной буквы «l»; поперечина же пресловутого «Н» — не что иное как часть второй буквы «t» слова «tout» из написанной позже поперек страницы строки. Кроме того, в следе строки вытерты буквы, эту строку продолжающие (части этих букв, не принадлежащие каким-либо написанным словам черновика, остались в следе слова, начинающегося с буквы «М»), и тщательно, «не по-пушкински», подправлен остальной текст в местах пересечения слов. Чья фамилия стояла за пушкинской «М» или начиналась с нее? Или чей титул?

Современная криминалистическая экспертиза вполне в состоянии ответить на этот вопрос. Тогда бы мы точно узнали, кого подозревал Пушкин (по крайней мере, до аудиенции у Царя 23 ноября 1836 года) в авторстве письма, положившего начало трагедии. В этой связи заслуживают внимания свидетельство В. Соллогуба о том, что Пушкин назвал ему «одну даму», и утверждение Александра II: «Я знаю, кто был автором анонимного письма. Это — Нессельроде», положенные в основу гипотезы В. Ходасевича о том, что автором анонимного письма (но не пасквильного «диплома», как предположил Ходасевич) была М. В. Нессельроде — жена министра иностранных дел Российской империи, злейший враг Пушкина.

Далее. Б. В. Казанский, по отдельным верхушкам слов и акцентам, оставшимся от нижней строки написанного поперек начального текста, восстановил ее так: «*employés du corps diplomatique*» — и дал такой перевод всей строки: «Я счел моим долгом предупредить правительство и общество, что один из чиновников дипломатического корпуса...». С реконструкцией Казанского нельзя согласиться по нескольким важным причинам. Хотя слово «*employé*» переводилось и переводится в настоящее время как «чиновник», но и в XIX веке, и сейчас под ним подразумевается обыкновенный «служащий» типа канцеляриста, письмоводителя. Пушкин не мог оставить этих слов после дальнейшей правки черновика, когда он напишет об авторе анонимного письма как о «важной особе», а над этой строкой даст к существительному, начинающемуся с «em», определение «*étrangers*» (возможное чтение: «один из иностранных чиновников дипломатического корпуса»). Словари дают много слов, начинающихся с «em». Но контексту письма с учетом правила переноса соответствует только одно из них — существительное «*empirique*» («шарлатан»).

Окончательная черновая редакция письма, если судить по ее сохранившимся частям, почти идентична оригиналу, кроме нескольких исключений. Так, например, Пушкин вновь возвращается в ней к варианту, где говорит об авторе полученного им анонимного письма как о «человеке <высшего общества>», а не о «важной особе». Становится очевидным, что Пушкин хотя и разгадал, кто был автором «безыменного» письма, но не пожелал представить решающих доказательств в официальном письме, чтобы не компрометировать свою жену.

Письмо Пушкина к Бенкендорфу было предостережением в адрес двух загонщиков жертвы, посягавших на честь Пушкина и его жены. Можно предположить, что на данной Пушкину аудиенции Николай I пообещал найти автора анонимного письма, полученного поэтом.

Барон и его «приемный сын» не могли допустить крушения своих честолюбивых планов и возобновили преследование Натальи Николаевны в надежде спровоцировать дуэль.

Пушкин посылает 25 января 1837 года Л. Геккерну письмо, которое барон выставит потом как формальную причину вызова Пушкина на поединок с Дантесом.

Считается, что Пушкин, работая над январским письмом к Геккерну, взял за основу свое ноябрьское, 1836 года, письмо, слегка подправил его и 25 (ранее считалось — 26) января 1837 года отправил барону. В качестве доказательств обычно приводят: упомянутые «копию» январского письма из военно-судного дела и «автокопию» того же письма; письмо П. А. Вяземского Великому князю Михаилу Павловичу; воспоминания К. К. Данзаса и В. А. Соллогуба.

Письмо Вяземского и позднейшие воспоминания Данзаса и Соллогуба вполне укладываются в русло той интерпретации преддуэльных событий, которая была принята по приказу Царя и устраивала как врагов Пушкина, так и его друзей — позволяя последним, как они думали, соблюсти интересы жены и детей Пушкина. «Надо признать, — отмечал П. Е. Щеголев, — что победу и в памяти современников, и в памяти потомства одержали они, друзья Пушкина. Своим пониманием Пушкина, которое было манифестировано ими сейчас же после смерти и по поводу ее, они заразили всех исследователей и биографов Пушкина».

Обратимся ко второй белой редакции ноябрьского, 1836 года, письма Пушкина к Геккерну. Пушкин отредактировал на 2-й странице фразы о роли Геккерна:

Вы, господин барон, позвольте мне заметить, что роль, которая <...> во всем этом деле, не есть <...>. Вы, представитель коронованной главы, вы были сводником <...> вашему выблядку, или так называемому побочному сыну, вы управляли всем поведением этого молодого человека. Именно вы внушали ему низости <...> выдавать, и глупости, которые он <...> Подобный похабной старухе, вы <...> мою жену по всем углам, чтобы ей <...> сына, и когда, больной венерической болезнью, он был <...>.

Затем Пушкин карандашом написал над «сводником» слово, которое Б. В. Казанский и Н. В. Измайлов прочитали как «paternellement» и перевели его как «отечески». Но в оригинале нет второго «l»: Пушкин написал наречие «paternelement» («притворно отечески»), образовав его от прилагательного «paterne», а не от «paternel», и отсутствие в нем второго «l» в таком случае абсолютно верно.

Ошибку пушкинистов можно объяснить только «заимствованием» этого слова из «автокопии», которая в результате оказывается лишь списком с отредактированной Пушкиным второй редакции ноябрьского письма. И еще: ни стилистически, ни, в первую очередь, фактологически Пушкин не мог вставить в копию, если бы она была написана им самим, два слова «probablement» («вероятно») в одно, следующее за фразой о сводничестве Геккерна, предложение: «Все его (Дантеса) поведение было, вероятно, управляемо вами; именно вы, вероятно, внушали ему низости, которые он осмеливался выдавать, и глупости, которые он осмеливался писать».

Что касается «копии» из военно-судного дела, то и она оказывается дискредитированной упомянутыми «probablement» и «paternellement».

Итак, обе так называемые копии январского письма восходят к одному источнику — исправленной Пушкиным второй белой редакции ноябрьского письма.

Что же было в январском письме Пушкина?

Сохранилось пять клочков с текстом, написанным Пушкиным карандашом с чернильными поправками¹. Клочки складываются в неполный — три клочка средней части утеряны — лист.

Я не беспокоюсь, что моя жена еще слушает ваши притворно отеческие увещания, я не желаю, чтобы моя жена <...> некий наглый родственник г-н... после... и представлять ей гнусное поведение как жертвоприношение... одному монарху... в сплетнях... примешивать и я... предостеречь от этого... я имею вашу мерку, вас обоих, вы моей еще не имеете. —

Вы спросите, что помешало мне опозорить вас перед нашим двором и вашим, и обесславить вас в..., которая мстит за меня... это не воображаете... оставить еще... подлое дело, которого я... и пр. — но, я это повторяю, необходимо, чтобы все отношения между вашей семьей и моей отныне были прерваны. —

К этому черновику можно добавить еще пять клочков из так называемого «майковского собрания» автографов Пушкина. Тексты на клочках не повторяются, что дает возможность рассматривать их в некоторой, хотя, разумеется, и условной, совокупности:

«...Я не... вы сыграли втроем одну роль... озабочен ни... наконец, мадам Эжерн. Однако, ваш сын, недовольный... могу позволить, чтобы...»

«конечно, я не... еще менее... отпустить ей... волочить и...»

«...хорошо, г-н барон, ...все это я не... позволить, чтобы...»

«Вот... Я желаю... было больше... которое недавно...»

«...пишет, что... Петербург (?). В феврале... родственниками... должность... император... правительство... говорил о вас... твердите...»

Можно найти некоторые соответствия отдельных частей этих черновых текстов текстам «копий». Более продуктивно рассматривать их как самостоятельный эпистолярный материал, так как в них нашли отражение моменты, отсутствующие в обеих редакциях ноябрьского письма и в пресловутых «ко-

¹ Подробно об этом см. «Пушкинский сайт Владимира Орлова и Заряны Луговой» (<http://pouchkin.com>), раздел «Письма», статья «Январское, 1837 г., письмо А. С. Пушкина к Л. Геккерну (попытка реконструкции подлинного текста)».

пиях» январского письма. Во всяком случае, этот, несомненно пушкинский, эпистолярный материал, с большим основанием следует относить к январскому, 1837 года, письму Пушкина к Геккерну, чем сомнительные «копии».

То, что Царь и его ближайшее окружение узнали о существовании, по меньшей мере двух, писем Пушкина к Геккерну, косвенно подтверждено в конфиденциальном письме Императрицы Александры Федоровны к графине С. А. Бобринской: «Пушкин вел себя непростительно, он написал наглые письма (а не одно письмо. — В. О.) Геккерну, не оставив ему возможности избежать дуэли». Вспомним и о том, что в комиссию военного суда «письмо Пушкина» было передано через Нессельроде, которому Геккерн послал его в числе пяти документов. Но через некоторое время Геккерн направил Нессельроде еще один «документ, которого не хватало» в числе тех, что барон вручил ему ранее. Российский министр иностранных дел, который находился с послом Нидерландов в отношениях, выходивших за рамки официального протокола, не мог не выполнить требования официальной комиссии — предъявить ей важный документ. Можно уверенно предположить, что этим документом было настоящее январское письмо Пушкина, утаить которое барон теперь не мог, так как уже 4 февраля Данзас послал Бенкендорфу для Императора «своеручную» копию этого письма, узнав, что его содержание «перетолковывается в городе весьма в невыгодную сторону для Пушкина».

Из приведенных выше отрывков черновика письма Пушкина видно, что оно не имело оскорбительного характера.

Поэтому его нельзя было выставить причиной вызова на дуэль, и Геккернам пришлось выдать за полученное ими в январе письмо список с неотсланного ноябрьского письма, которое могло попасть в руки интриганов, например, от Екатерины Гончаровой, ставшей женой Дантеса. За «своеручную» копию январского письма, которую получил от Пушкина Данзас и которая была в руках Бенкендорфа, выдали, в свою очередь, упомянутую «автокопию».

Это полностью реабилитирует Пушкина и многократно усиливает вину двух интриганов, не желавших выполнить его справедливые требования.

...Вернемся на три года назад, в 1833 год. Как известно, Дантес явился в Россию «на ловлю счастья и чинов» из Франции через Германию, заручившись там рекомендательным письмом наследного принца Вильгельма Прусского к одному из влиятельных царедворцев — генерал-майору Адлербергу. Этого письма было вполне достаточно для наилучшего устройства Дантеса в России: Николай I был связан тесными узами с прусским королевским домом, его жена была дочерью прусского короля. Это объясняет интерес, проявленный к Дантесу нидерландским посланником в России бароном Геккерном, оказавшимся проездом в одном из европейских городов, в гостинице которого лежал больной француз. Барон взял молодого человека под свое покровительство.

Дантес был зачислен в кавалергардский полк, находившийся под патронажем Царицы и поставлявший высокородным девицам и дамам двора кавалеров для придворных балов. Служа в этом полку, Дантес подружился со многими отпрысками виднейших фамилий. Его приятелями были сын министра иностранных дел Д. Нессельроде и фаворит Императрицы А. Трубецкой.

Ни сам Дантес, ни усыновивший его Геккерн не могли, конечно, не обратить внимания на успех, которым пользовалась красавица Наталья Николаевна, окруженная толпой восторженных обожателей, среди которых

были и приближенные Царя, и представители иностранной аристократии. Два интригана повели планомерную атаку на жену Пушкина, стремясь со-
вратить ее и сделать игрушкой в своих руках.

Дантес, демонстрируя, по ироническому замечанию поэта, «великую и
возвышенную страсть» к Наталье Николаевне, втерся в пушкинскую семью,
где оказывал знаки внимания не только жене главы дома, но и ее сестре
Екатерине, втягивая и ее в постыдную игру. Геккерн подкарауливал Пуш-
кину по всем углам, где шептал ей о «любви» своего «сына», умолял «спасти»
его. Позднее сын Вяземского писал, что объяснение «раздражения» поэта
«следует видеть не в волокитстве молодого Геккерна, а в уговаривании ста-
риком бросить мужа». Молодой женщине предлагались даже планы бегства
за границу под дипломатической эгидой нидерландского посланника.

Мы, как и Пушкин, верим в совершенную невинность Натальи Ни-
колаевны. Она сама оказалась, по выражению П. А. Вяземского, жертвой
«адских козней», которые были устроены против Пушкина и его жены.

Царедворец М. А. Корф спустя годы вспоминал рассказ Царя о встре-
че с Пушкиным (не была ли эта встреча ноябрьской аудиенцией в Зимнем
дворце?):

*Под конец жизни Пушкина, встречаясь часто с его женою, которую
я искренно любил и теперь люблю как очень добрую женщину, я раз как-
то разговорился с нею о коммеражах, которым ее красота подвергает ее
в обществе; я советовал ей быть как можно осторожнее и беречь свою
репутацию, сколько для нее самой, столько и для счастья ее мужа при
известной его ревности. Она, видно, рассказала это мужу, потому что,
увидясь где-то со мной, он стал меня благодарить за добрые советы его
жене. — Разве ты мог ожидать от меня иного? — спросил я его. — Не
только мог, государь, но, признаюсь откровенно, я и Вас самих подозре-
вал в ухаживании за моею женой.*

Хорошо осведомленный Вяземский в своей записной книжке написал,
что в деле было замешано «дипломатическое лицо».

Понимая, какие последствия могло иметь разоблачение интриги, в ко-
торой участвовали иностранцы и которая закончилась гибелью великого
русского поэта, Царь приказал «предать всю историю (дуэльную. — В. О.)
забвению». Было приказано опечатать бумаги поэта и сжечь те из них,
которые могли скомпрометировать кого-либо из высокопоставленных лиц.
Были приняты меры для предотвращения народного возмущения, которое
могло бы обратиться против «иностраннных шарлатанов» вокруг престола и
поколебать сам престол.

В записке, показанной умирающему поэту придворным лейб-медиком
Н. Ф. Арендтом, Царь взял на себя заботы о семье Пушкина, посоветовав
ему «умереть по-христиански».

Два непосредственных виновника и исполнителя кровавой драмы были
удалены из России.

Кто руководил ими и в чьих интересах они действовали? Выявление
и конкретная вина всех возможных участников травли и гибели поэта еще
требуют прояснения. По сию пору скрываются от общественности два важ-
нейших документа — подлинник письма Пушкина к Геккерну от 25 января
1837 года и письмо Николая I к принцу Оранскому, в котором русский
Царь описал своему родственнику, будущему голландскому королю, собы-
тия, связанные с роковой дуэлью.

Михаил ЗАРУБИН

СМЕРТЬ СТАЛИНА

Рассказы

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Таежные жители знают, что медведи предпочитают жить в лесу и людям на глаза не попадаться. Поэтому во времена моего деревенского детства встреча с медведем — если это не подготовленная охота — была большой редкостью. Волки — другое дело. Они к нам частенько наведывались зимой в хлевы, даже коров задирали. Голод вынуждал. Прямо за околицей тайга начиналась. Бывало и так: идешь по деревне, слышишь, собаки истошно лают. И холодеешь от догадки: это ж волки рядом! Но никуда уже не деться: волки, лес и деревня — все рядом. Все едино — и они, и мы, и каждому в этом мире свой уголок отведен, свое жизненное пространство. И кто кого больше боится — неизвестно. И можно всем научиться жить бок о бок, если не нарушать древних связей и установленного природой поведения.

Наша деревня зимой — это продолжение тайги. Те же сугробы, темень непроглядная, электричества нет. В некоторых домах закопченные окна тускло светятся — там керосинками освещают помещения. А в большинстве изб проще решали эту проблему — едва стемнеет, ложились спать. Линию электропередачи подтянули к нам, когда я уезжал из деревни, в шестидесятом году. До того электричество имелось только в Нижне-Илимске, где мы в школе учились.

Волки, помню, были, но, чтобы встречаться с ними, как с собаками, мне не приходилось. Убитых видел, разглядывал. Мне казалось, что внешне ничем волк от собаки не отличается. Однако увидеть рядом живого волка, глаза в глаза — не приходилось. Волчий вой не в счет, его слышно издалека. Но по-настоя-

щему я узнал нрав волков, когда чуть не стал неожиданной добычей этих умных, целеустремленных хищников.

Заготовкой дров в деревне обычно занимались весной. После майских праздников деревня пустела: не заготовишь дровишек, зимой замерзнешь. На выделенных делянках валили сосны, пилили их на чурки, кололи пополам, потом складывали в поленницу. За лето все это добро высыхало, и, как только выпадал снег, дрова вывозили на санях. Это была обязанность мужчин. Но у нас в доме их не было, поэтому маме самой приходилось заниматься тяжелым мужским трудом. Конечно, в помощниках были все: и мои сестры, и я. Но валить деревья мне не доверяли — это делали мама с Капой — старшей сестрой. А вот рубить сучья, собирать и сжигать их — исключительно моя работа. К вечеру в глазах темно от усталости. Хотя мама внимательно следила за мной, чтоб не надорвался: когда положено, заставляла отдохнуть, гладила по голове и приговаривала, какой я у нее молодец. Она поддерживала мой трудовой энтузиазм, вливая в меня силы ласковым словом.

За дровами мы ездили вместе: запрячь лошадь да по мягкому снежку проехать — одно удовольствие. Но мне очень хотелось съездить одному. В десять лет я почувствовал себя совсем взрослым и очень сильным. И однажды мне удалось уговорить мать.

Раннее утро. Солнце только проснулось и лениво, по пологой дуге покатило к Красному Яру, словно хотело за него спрятаться и доспать чуток. Мы с мамой на конном дворе запрягли в большие сани молодую сильную кобылицу и, не заезжая домой, отправились в лес. С мамой все было легко и ладно. Кобыла послушно шла по густому лесу, пробивая сильными своими ногами дорогу к делянке, где мы заготовили дрова. Быстро покидали в сани высохшие плашины (половина чурки), и к обеду мы уже дома. Выпросил я у мамы сделать второй рейс самостоятельно.

Она проводила меня до околицы. Хоть и побаивалась за меня, но отпустила. Понимала, что надо мне набираться жизненного опыта. Счастье для меня выпало великое. Еду, песни распеваю, лесные звуки имитирую, скрипучие деревья передразниваю, ветром завываю-посвистываю. Подъехал к делянке. Быстро сложил в сани дрова, обвязал веревкой, морским узлом закрепил для надежности. Вязать узлы меня Володька Седан научил. Все по-взрослому, все по правилам. Отправился в обратный путь с таким радостным настроением, что словами не передать.

Хоть и быстро работал, однако времени много потратил, один же все делал. Засветло не уложился, зимний день короткий. Быстро темнеть стало. И вдруг, уже на подъезде к деревне, недалеко от кладбища, оно у нас Черепановкой зовется, лошадь забеспокоилась, перешла на рысь. Сама, без команды. Попытался ее притормозить — ни в какую. Бежит все скорей. Оглянувшись, вижу, к нам какие-то собаки пристроились. Колея на дороге узкая, чуть больше ширины саней. Им в ряд не встать, так они позади бегут, пытаюсь обойти нас с боков. Но снег рыхлый, звери проваливаются. Догадка меня ошеломила, я понял, что это не собаки, а волки.

Бегут упорно, сосредоточенно, не иначе, лошадь мою себе на пропитание присмотрели. Да и мной не побрезгуют. Схватился я за облучок крепко, лошадка несется изо всех сил, благо что молодая. Я держусь, чтобы не вылететь. Сани могут в любой момент перевернуться. К счастью, участок

дороги был прямой, без поворотов, подъемов и спусков. И вот врываемся на поляну. Деревня совсем близко, собаки зверя почуяли, лаем изошлись. В каждом дворе заливаются, даже дворняги твякают, а лайки с цепей рвутся. Волки отстали, поняли, что добычу им здесь не взять. А лошадь до самой околицы долетела и встала обессиленная, поняла, бедная, что опасность миновала. На нее смотреть было страшно: бока ходуном ходят, пар от спины валит, морда в пене. Мама уже встречала нас у околицы. Гладит мои руки, замерзшие пальцы оттирает, а я их от упряжи отцепить не могу: не разгибаются. Дыхание перехватило, только мычу и головой назад показываю. Отдышались вместе с лошастью, мать взяла ее под узду и молча, покачивая головой, повела домой. И вся моя прежняя радость и гордость за себя улетучились. Томило чувство непонятной вины. Наверное, потому, что огорчил маму, заставил так переживать. Мою дорогую, любимую, ненаглядную маму...

СМЕРТЬ СТАЛИНА

Начало марта 1953 года я запомнил в мельчайших подробностях. И не потому, что это было время извечной битвы зимы с весной, когда зима обреченно пыталась помешать идущему весеннему теплу, прибегая к коварным ночным заморозкам, а потому, что это был месяц самых сильных переживаний тогдашней моей маленькой жизни. Через несколько недель мне исполнится семь лет. Я еще не школьник. Сделаю свои дела по хозяйству, которые поручила мама: покормлю собаку, поросенка, корову, принесу воду с реки — и быстро забираюсь на свою любимую печку, где, свернувшись калачиком, блаженно отогреваюсь и жду, что скажут сегодня сестренки, Мила и Капа.

Они приходили из школы и читали мне и маме записанные на уроках сводки Совинформбюро о состоянии здоровья нашего вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. Сводки не радовали. Мама, выслушав, тяжело вздыхала и, крестясь, тихо говорила:

— Господи, как жить-то будем?

Мы тоже молчали, никто из нас ничего не понимал, тем более мы вообще не знали, что такое: «Как жить?» Жить, как все живут, — все очень просто. Но мамина тревога передавалась и нам, и нас охватывал страх от следующего вопроса: «Неужели умрет?»

Это было, действительно, всенародное горе. Люди верили Сталину как родному отцу. Верили искренне. Никто никогда ни в чем Сталина не винил, мы жили с ним одной судьбой. Смерть его была ударом для всех. В деревне я не слышал ни от кого плохих слов о Сталине. Молились — только бы выжил. День ото дня сестры приносили новости о состоянии любимого вождя, одна другой хуже. А 5 марта вернулись из школы заплаканные — умер.

Ужас охватил нашу семью.

И мы с мамой плакали. Потом оделись и отправились через реку в Нижне-Илимск. Среди людей горе пережить легче. У райкома партии народу видимо-невидимо. И первый секретарь, и еще кто-то из начальства, не скрываясь, плачут навзрыд. Кто-то сказал: «Хуже войны». Мне запомнилось, что вдруг наступила тишина. И люди вдруг перестали плакать. Почему? Или уже все слезы выплакали? Только слышно было, как гудят

провода да постукивают на пронизывающем ветру распахнутые форточки. Это была минута молчания.

Больше никогда в жизни я не видел, чтобы люди так горевали о руководителе своей страны. Это сейчас нас научили относиться к власти равнодушно. Что, мол, она такое? Организация по решению проблем нашего жизнеустройства, временно возглавляемая выбранным человеком. А тогда еще было присуще людям отношение к власти как к дару Божьему. За руководителем страны люди видели Божье помышление, поэтому и все дела его принимали как должное. Да и как иначе, если Сталин был победителем фашизма, спасителем государства и всех нас, так горестно сейчас его оплакивающих. Значение его подвига трудно переоценить даже сегодня. Не сплошным концлагерем, как мечтали фашистские бонзы, стала моя Родина, а хоть и не богатой, но независимой страной. Без Божьей помощи такие дела не вершатся. И люди абсолютно доверяли своему вождю. И были уверены, что он один такой. Лучше него не будет.

Для всей нашей семьи и, наверное, для большинства моих земляков кончина Сталина была концом света, крушением всех надежд. Я это видел и даже тогда понимал, что горе было искренним. Здесь не было фальши, детей не обманешь. Мне было семь лет, и я, может, единственный раз в жизни увидел, как по-настоящему горюют о безвозвратной потере любящие люди.

ВЫШЛА КНИГА

Иванов Г. В.

«Ликуй, душа!..» М.: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2015. — 96 с.

Геннадий Иванов — поэт, безусловно, христианский, поэт православный, глядящий на мир и на человека в мире «духовными очами веры», впитавший в свое творчество также и на подсознательном, интуитивном уровне весь духовный и исторический опыт своего народа, отличавшегося в своем бытии — когда надо было — непреклонной стойкостью, когда надо — кротостью и смирением.

Борис КРАСНОВ

«Я СЛЫШУ, КАК ЗЕМЛЯ ВРАЩАЕТСЯ...»

Борис Николаевич Краснов — родился в 1953 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский электротехнический институт связи им. М. А. Бонч-Бруевича. Более тридцати лет проработал инженером-разработчиком в системе ВПК. Сейчас работает в ОАО «РИМР». Автор пяти поэтических книг. Стихи и прозу публиковал в журналах «Нева», «Костер», «Северная Аврора» и других периодических изданиях. Член Союза писателей России. С 2011 по 2014 гг. — руководил «Литературной мастерской» при Санкт-Петербургском отделении СП. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ЗИМА

Дожить бы этот год скорей,
домять, домучить.
На улице — диктат дверей
и холод жгучий.

Под фонарем блестит слюда —
былая лужа.
И время движется туда,
куда не нужно.

И в оголенных деревьях
тоска такая,
что невозможно жить, слова
перебирая.

Пока терпение во мне
желанья студит,
жизнь завершается вчерне —
другой не будет!

Так что же Ты молчишь? Ответь
рабу живому,
как долго мне еще скрипеть,
бродить по дому?

Как долго разорять себя
бесплодной мерой,
слепые строчки торопя
к обрывам веры,

Скажи, доколе сердце рвать
в ночи бетонной?
И об Отчизне горевать
краснознаменной?

* * *

Ну, что ж — пора сливать чернила,
в ломбард сдавать карандаши.
Зима побелку учинила,
на горизонте — ни души.

Уснешь юнцом, проснешься старцем.
А снег летит из-под полы.
Перроны всех ближайших станций
лежат нетронуту белы.

Нет никого, никто не нужен,
дрожат от холода кусты.

За фонарями мрак и стужа,
кварталы мертвенно пусты.

Куда? Зачем? Снежок сквозь сито
летит из мутной высоты.
И ты бредешь по белам плитам
и тянешь черные следы.

* * *

В мире материи — духов летают тела...
Можешь не верить, можешь качать головою.
Но вспоминаю же, как жизнь разночинно текла,
ветки взрывая неумолимой листвою.

Если б не взлет занавески — восторг бытия! —
ветер, качающий колокол абажура...
Странно подумать, как жизнь бы сложилась моя,
если б иначе сошлись игроки и фигуры.

Вот и печалюсь: откуда бы голос начать,
ветром каким в переулок знакомый ворваться?
Заново чтобы с утра абажуры качать,
форточкой хлопать и занавеской взрываться.

* * *

Беспросветной зимой
я живу ожиданием только.
На морозный покой
звон синиц проливается тонко.

Снова хлынет весна,
снова листья раскроют ладони.
Насекомых волна
загудит, затрещит, задолдонит.

Этой песенки свет
непрестанно мне напоминает,
что когда-нибудь снег
этих страшных сугробов растает.

И тропа побежит,
меж лугов и деревьев петляя,
И... ни слез, ни обид —
только бабочек нежная стая.

ПАМЯТЬ

Еще не сломаны ключи,
еще не заперты колодцы.
Откроешь створки и — молчи,
пока поток чудесный льется.

Еще картинок хоровод,
хоть зыбок, но подвластен свету, —
как будто кто-то воду льет
и я гляжу сквозь воду эту.

Еще возможно заглянуть
и воскресить — и свет, и тени.
И к колыбели протянуть
дрожащей памяти ступени.

И вижу листья, вижу сад,
канал с чугунными мостами.
И дом — облупленный фасад,
и двор — источенный дождями.

* * *

Природа зеленые готовит кисти.
Снег на обочинах мокнет и киснет.
Освобождаюсь от мутных истин.

Или поздно уже?.. Батарейка в теле
разрядилась за зиму, и сердце еле
раскачивает моих чувств качели.

Освобождаюсь от слетающей с неба
мелкой мороси, от грязного снега.
От черного, внутри меня, человека...

Это март. А точнее, середина марта.
Козырная моя давно отыграна карта —
нет во мне нынче ни огня, ни азарта.

На мокрых газонах фантики и окурки.
Рано еще вылезать из куртки,
необдуманные совершать поступки.

А природа в стволах разгоняет соки,
она помнит свои разрывные сроки.
Впереди белый май и апрель стокий.

* * *

Брось монетку в мелеющий пруд...
Юрий Шестаков

Брось монетку,
сильней размахнись —
улетит она в юные дали,
где светла и безоблачна высь,
где бегут по асфальту сандалии.

Через годы вернуться туда,
все равно, что воскреснуть из праха.

Гулко стукнется в стену ребром,
обветшалого дома жилого,
пролетев между злом и добром,
не задев ни того, ни другого.

Это так далеко-далеко...
Сильной оптикой взор свой приближу,
вот как будто бы вижу окно,
но того, кто в окне, я не вижу...

Там моя притаилась судьба
с паутинкой полночного страха.

Ах, монетка, — от прошлого взгляд
отвожу, чтобы не разрыдаться...
Лучше ты возвращайся назад,
ну а я не хочу возвращаться.

* * *

Как медленно текут события!
Пока наполнится стакан,
звезда сорвется с перекрытия
и рухнет в пенный океан.

Пока растут во мне решения
и гибнут, не найдя причин,
мои грехи и прегрешения
во власти малых величин.

Как медленно боль возвращается,
и так же — отступает прочь!
Я слышу, как Земля вращается
и тащит за собою ночь.

И засыпаю в светлой грусти я
на самом краешке земли,
где медленно цветут предчувствия
и послечувствия мои.

* * *

Я вышел в ночь. Из ночи тек
неукротимый дух цветенья.
Ночной промчался мотылек,
как мимолетное виденье.

Ночная музыка полей
сама себя перебивала,
внутри гармонии своей
творила и существовала...

* * *

Автобус ехал среди ночи,
дорогу фарами ища...
Вдруг заяц выскочил с обочины
на свет летучего луча.

Он побежал вперед машины,
вокруг не видя ничего.

И люди страшные, большие
смотрели в окна на него.

А заяц мчал, как будто глобус
крутил ногами что есть сил...
Шофер остановил автобус
и молча фары погасил.

* * *

В плотном облаке мух и слепней
день прошел, словно шумное стадо.
И на строгие тени полей
полилась зоревая прохлада.

Оглядись, этот мир не мираж,
он живет без опор и подсказок.

Ни в каких виртуальных мирах
не найдешь этих линий и красок.

Никакая прелестная ложь
не затмит эти рощи и нивы,
и слова твои, как их не множь,
не заменят земной перспективы.

* * *

Обрати свой взор наружу,
оглядись, слезу пролей —
как выматывает душу
даль вечерняя полей!

Будто просит вечной дани
слез, прощаний и утрат...
Будто сам по этой дали
шел когда-то, жизнь назад.

И опять идешь, и тени
заливают травы тьмой.
Слава Богу, ты не с теми,
кто оставил путь земной.

Ты пока еще шагаешь,
ты пока еще живешь.
Ты пока еще не знаешь,
где, споткнувшись, упадешь...

* * *

Все тяжелей роса в полях,
все глубже отступают реки.
И даль стоит на двух крылах,
рождая слезы в человеке.

Полнеба — в птичьем вираже.
Деревня спит, еще живая...
И свет рождается в душе,
на шаг лишь тьму опережая.

* * *

Не догнать ни воды, ни песка.
Время вытравит юность из тела.
Жизнь моя, что была глубока,
непонятно когда обмелела.

Непонятно под чьим сапогом
травы падали хрустко и ломко...
И неясно в затоне каком
догнивает разбитая лодка.

Только ветер и запах золы,
только странная радость к утратам...

Бледный иней пророс из земли
и пополз по надломленным травам.

Скоро-скоро посыплется снег
с легким шорохом в колбочки зрения.
И проявится то, чего нет,
а что есть, потеряет значение.

В снежный пух упадет лебеда,
вздрагнет тело в потоке сознания...
Скоро-скоро песок и вода
потеряют свои очертанья.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Александр ВАВИЛОВ

БИТВА ЗА АЛЕППО

Александр Иосифович Вавилов — доктор исторических наук, профессор. Многие годы занимается изучением политики США на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Его новая работа посвящена исследованию опасной эволюции такого угрожающего феномена современной международной жизни, как терроризм. В ней убедительно доказывается, что одной из главных причин активизации экстремистских сил является современная гегемонистская и тенденциозная политика США в арабском регионе. Автор многочисленных монографий, статей и других публикаций по избранной тематике. **Живет в Москве.**

Затянувшийся на годы кровопролитный и разрушительный конфликт в Сирии стал наглядным результатом непоследовательной и противоречивой политики США, а также их западных и региональных партнеров во времена турбулентных перемен, охвативших геостратегически важные Ближний Восток и Северную Африку в период начавшейся в 2011 г. «арабской весны».

Если Москва с самого начала этого непростого этапа в жизни народов региона последовательно и неизменно выступала за их суверенное право самим, без вмешательства внешних «доброхотов», решать свою судьбу путем инклюзивного демократического диалога, то в западных столицах, поначалу застигнутых «весенним паводком» в арабских странах врасплох, решили воспользоваться им для достижения своих узкокорыстных геостратегических целей. Для этого западные политики не гнушались никакими средствами, в том числе поддержкой мифической «умеренной» оппозиции и даже ответных террористов, набравших силу в результате подпитки извне и ослабления под внешним давлением местных государственных структур.

Видя в нараставшей активности экстремистов, цинично притавившихся за псевдопатриотическими и религиозными лозунгами и риторикой, серьезную угрозу всеобщему миру и безопасности, российская сторона устами Президента РФ В. В. Путина и других руководителей неоднократно предлагала и предлагает западным партнерам объединить усилия для коллективного отпора этому всемирному злу. Соглашаясь на словах с насущной важностью антитеррористической борьбы, западные политики на деле развернули беспардонную антироссийскую клеветниче-

скую кампанию, продолжая под шумок закулисную подпитку террористов и боевиков всех мастей.

Несмотря на предпринимавшиеся Москвой многовекторные объединительные усилия, Россия и США — главные внешние акторы на региональной арене, как с сожалением констатировал в конце августа 2016 г. пресс-секретарь Президента РФ Д. С. Песков, были по-прежнему далеки от реального сотрудничества по урегулированию в Сирии. Отвечая на вопрос, довольны ли в Кремле динамикой развития взаимодействия Москвы и Вашингтона, он отметил: «Здесь по-прежнему хотелось бы видеть большую готовность к реальному сотрудничеству, к выводу нашего взаимодействия не на уровень обмена информацией или спорадического взаимодействия, а именно полноценного сотрудничества, без которого урегулирование тяжелой сирийской проблемы невозможно»¹.

На достижение этой главной цели были направлены, в частности, рекордно продолжительные (почти 15 часов) переговоры глав российской и американской дипломатии в Женеве 9 сентября 2016 года. Немало времени (около 5 часов) американским представителям потребовалось для согласования с Вашингтоном реакции на российские предложения: под занавес своего президентства Б. Обама решил не напрягаться и отправился поиграть в гольф. Главе российского внешнеполитического ведомства С. В. Лаврову пришлось даже из сострадания дать указание вынести истомившимся в ожидании итогов встречи журналистам несколько коробок с пиццей от американской стороны и две бутылки водки от российской. Их терпение было вознаграждено и результатами переговоров: Россия и США смогли выработать пакет из пяти закрытых документов по дальнейшим конкретным шагам к урегулированию, предусматривавший переподтверждение установленного ранее прекращения огня на полях сражений с оппозиционерами с 12 сентября 2016 г. на 48 часов с последующими продлениями, обещанное еще в начале года американцами размежевание патриотической оппозиции с боевиками и обеспечение гуманитарного доступа к страдавшему в блокаде у террористов населению второго по значению города Сирии Алеппо (около 1,5 млн жителей). После семи дней перемирия предусматривалось создание совместного российско-американского исполнительного центра по наблюдению за размежеванием оппозиции и боевиков «на земле» и координации ударов по экстремистам, в число которых американцы согласились, наконец-то, включить и отъявленную террористическую группировку «Джабгат Фатх аш-Шам» — «Фронт завоевания Сирии и Ливана» (однозную «Джабгат ан-нусру», перекрасившуюся под патриотов и даже отказавшуюся ради нового благопристойного имиджа от своего пиратского черного флага). О сугубо внутрисирийском вопросе — судьбе президента САР Б. Асада в достигнутых двусторонних договоренностях, как и во всех предыдущих, не было сказано ни слова. Выработанные в Женеве многотрудными совместными усилиями шаги создавали условия для возобновления в САР политического процесса.

Если официальный Дамаск и курдские силы самообороны вскоре согласились с такой «дорожной картой» и мировые державы поддержали ее, то оппозиция, как всегда, колебалась и свое отношение высказывать не

¹ ТАСС. 30.08.2016.

спешила. В итоге в ответ на прекращение правительственными войсками боевых действий 21 группировка оппозиционеров от перемирия отказалась и только за первые два дня нарушила его более 60 раз, и число нарушений в последующем только нарастало, превысив к концу сентября 2016 г. 350. На деле режим тишины соблюдали лишь правительственные войска САР и Воздушно-космические силы (ВКС) России. Террористы же продолжали свои вылазки, а окопавшиеся в Алеппо боевики «Исламского государства» (ИГ или ИГИЛ) не только не прекратили огонь, но и стали выступать с открытыми угрозами в адрес подготовленных к отправке гуманитарных конвоев (40 грузовиков).

Действуя по заведенному обыкновению валить вину «с больной головы на здоровую», американцы стали безосновательно упрекать российскую сторону в задержках гумпомощи «из-за недостаточного давления на режим Асада». А сами на своих подопечных из числа оппозиционеров — ярых нарушителей режима тишины никакого влияния не оказывали. При таком покровительстве боевики в очередной раз воспользовались прекращением огня со стороны правительственных сил для восстановления боеспособности и проведения перегруппировки в провинциях Алеппо, Хама и Хомс. Они также предприняли безуспешные попытки занять позиции, оставленные правительственными войсками по условиям прекращения огня.

«Решительно призываем всех тех, кто имеет влияние на “отказников”, — отмечалось в комментарии МИД РФ, — прежде всего американскую сторону, разобраться, наконец, со своими клиентами. Нельзя допустить, чтобы их ожидаемые провокационные действия перечеркнули возможность поворота к политическому урегулированию сирийского кризиса»¹.

Саботаж международных усилий по установлению мира в Сирии нашел понимание у американской стороны. Спецпредставитель США по Сирии М. Ратни подстрекательно и безосновательно заявил, что российско-американские договоренности по Сирии якобы давали оппозиционерам «право на самооборону в случае атак со стороны сирийской армии или России»².

Американцы не пошли навстречу предложению России полностью опубликовать достигнутые в Женеве договоренности, чтобы утвердить их в Совбезе ООН в качестве международно-правового документа, видимо, готовя условия для очередного отказа от взятых на себя обязательств. Позднее после утечек в СМИ они были вынуждены без согласования с Москвой частично обнародовать достигнутые договоренности, оставив многие их положения в тайне, дабы не связывать себе руки в общении с оппозиционерами и экстремистами.

На деле же США продолжали прежний курс на затягивание размежевания между террористами и «умеренной оппозицией», к которой они продолжали относить и отъявленных бандитов из «Ахрар аш-Шам», занесенных в террористические списки ООН.

«Это связано, — прокомментировал такой неконструктивный подход В. В. Путин, — с трудностями, с которыми сталкиваются США на сирийском треке — они никак не могут отделить так называемую здоровую часть оппозиции от полукриминальных и террористических элементов. На мой

¹ ТАСС. 13.09.2016.

² РИА. 11.09.2016.

взгляд, это продиктовано желанием сохранить боевой потенциал в борьбе с законным правительством Башара Асада, но это очень опасный путь, опасное направление развития событий. Похоже, что наши американские партнеры опять наступают на те же грабли». Российский президент отметил, что РФ и США имели общее стремление к миру в Сирии и борьбе с терроризмом, но стороны должны были быть честны друг с другом и двигаться к общим целям¹.

Конструктивный и реалистичный подход российской стороны адекватной реакции Вашингтона не вызвал. Продолжая прежний курс на поддержку деструктивных сил, американские ВВС (четыре самолета и ударный беспилотник) 17 сентября 2016 г., опять же по ставшей обыкновенной «ненамеренной ошибке», нанесли ничем не оправданные удары по позициям правительственных сил, которые вели активные бои с боевиками ИГ близ г. Дейр аз-Зор, в результате которых погибло более 60 сирийских военнослужащих и около сотни были ранены. Таким готовившимся целых два дня «промахом», нарушавшим все обещания американцев и выраженную ими готовность к совместным действиям против ИГ после 7 дней перемирия, тут же попытались воспользоваться боевики этой группировки, перейдя в атаку, которая была благополучно отбита правительственными силами при поддержке российских ВКС.

«Полагаем, — прокомментировал такое вопиющее нарушение достигнутых в Женеве договоренностей начальник Главного оперативного управления Генштаба ВС РФ С. Ф. Рудской, — что данный инцидент с большими человеческими жертвами стал возможен ввиду незнания обстановки командованием Коалиции и нежеланием американской стороны координировать с Россией свои действия по противодействию террористическим группировкам на территории Сирии»².

На проведенном по инициативе России экстренном заседании Совбеза ООН для обсуждения этих ударов американский постпред С. Пауэр, не постеснявшаяся назвать его созыв «циничной и лицемерной выходкой», демонстративно покинула зал во время выступления своего российского коллеги В. И. Чуркина. Тот в долгу не остался и оставил зал, когда стала выступать американский постпред.

Как отметили в МИД РФ, «американские представители не только оказались не в состоянии дать адекватного объяснения произошедшему, но и пытались, по их обыкновению, перевернуть все с ног на голову». «Если раньше у нас были подозрения, — заявила официальный представитель Министерства М. В. Захарова, — что таким образом выгораживается «Нусра», то теперь, после сегодняшних ударов по сирийской армии, мы приходим к действительно страшному для всего мира выводу: Белый дом защищает ИГИЛ»³.

«Особо тревожит то, — отмечалось в весьма жестком Заявлении МИД РФ, — что данный инцидент произошел на фоне множащихся фактов задокументированных нарушений режима прекращения боевых действий (РПБД) со стороны незаконных вооруженных формирований сирийской

¹ ТАСС. 17.09.2016.

² РТР I. 18.09.2016.

³ РИА. 18.09.2016.

оппозиции, которые, по утверждениям американской стороны, к нему присоединились. В очередной раз настоятельно призываем Вашингтон оказать необходимое давление на патронируемые им НВФ (незаконные вооруженные формирования. — А. В.) в плане безукоризненного выполнения условий РПБД. В противном случае может быть поставлена под угрозу реализация всего комплекса российско-американских договоренностей, достигнутых в Женеве 9 сентября, что противоречило бы интересам всего международного сообщества»¹.

А из Вашингтона тем временем неслись уже набившие оскомину призывы к Москве «повлиять на сирийские власти и побудить их соблюдать РПБД».

В итоге 19 сентября 2016 г. командование сирийских правительственных войск из-за не прекращавшихся ни на день подрывных действий сообрававшихся с силами и перегруппировавшихся оппозиционеров и боевиков было вынуждено объявить об окончании перемирия. В российском Минобороны отметили, что США и группировки сирийской оппозиции не выполнили ни одно из условий перемирия, а отряды «умеренной» оппозиции и «Джабгат ан-нусры» не только не разделились, но даже слились и готовились к совместным наступательным действиям, и что в таких условиях одностороннее соблюдение режима прекращения огня сирийской армией стало бессмысленным².

«Умеренные» оппозиционеры вместе с боевиками на другой же день перешли в наступление на позиции сирийской армии, пытаясь прорваться к Алеппо. При поддержке российских военных натиску мятежников и террористов вновь был дан достойный отпор.

«Главное, — прокомментировал ситуацию С. Ф. Рудской, — не произошло разделения умеренной оппозиции и “Джабгат ан-нусры”. Более того, мы наблюдаем не разъединение, а слияние отрядов умеренной оппозиции и “Джабгат ан-нусры”. По-прежнему гибнут сирийские военнослужащие и мирные граждане. Причиной создавшегося положения является то, что США не имеют действенных рычагов влияния на умеренную оппозицию и не знают реальной обстановки на земле»³.

Затягивание американцами обещанного размежевания было на руку джихадистам, позволяя им как щитом прикрываться формированиями «умеренной оппозиции» и продолжать творить свои гнусные дела.

В такой сумятице через несколько дней ударам подвергся стоявший под разгрузкой в восточном Алеппо гуманитарный конвой ООН из 31 грузовика, 18 из которых сгорели или были серьезно повреждены. Жертвами этого теракта стали более 20 сопровождавших, в том числе и сотрудники ООН, которая объявила о приостановке по соображениям безопасности доставки помощи для 300 тыс. заблокированных жителей города, в том числе 100 тыс. детей. Сирийская организация Красного полумесяца в знак протеста против этого варварского нападения приостановила свою деятельность на три дня.

Чтобы отвлечь внимание мировой общественности от «ошибочной» бомбардировки позиций сирийских войск близ Дейр аз-Зора, в западных офи-

¹ ТАСС. 18.09.2016.

² ТК «Звезда». 19.09.2016.

³ Первый канал. 20.09.2016.

циальных кругах и СМИ, а затем и с трибуны Генассамблеи ООН с подачи США были запущены версии, возлагавшие, как повелось, вину за совершение нового злодеяния на сирийские и российские войска. При этом, как всегда, доказательств этим измышлениям не приводилось. Глава комитета начальников штабов ВС США генерал Дж. Данфорд, к примеру, нимало не смущаясь, несуразно заявил, что американские военные не располагали фактами о причастности России к удару по гуманитарному конвою в районе Алеппо, но считали ее ответственной за этот инцидент¹. А накануне глава госдепа Дж. Керри в зале Совбеза ООН пытался всех убедить в том, что нападение на гуманитарный конвой — российских рук дело².

«В отличие от председателя комитета начальников штабов ВС США — факты, то есть данные объективного контроля воздушной обстановки 19 сентября в Алеппо, имеются у нас, — заявил официальный представитель Минобороны России генерал-майор И. Е. Конашенков. — Эти факты совершенно однозначно подтверждают наличие в районе нахождения гумконвоя ударного американского беспилотника “Предатор” с авиабазы “Инджирлик”. А все, что есть у главы комитета начальников штабов ВС США, и как теперь уже всем стало понятно — у министра обороны США — это их личные мнения и страх ответственности за очередную ошибку или намеренную провокацию»³.

Опираясь на объективные данные, Москва и Дамаск клеветнические наветы в свой адрес с возмущением отвергли и назвали нападение на гумконвой неприемлемой провокацией со стороны террористов и их покровителей. А тут, как на грех, и независимые эксперты из Международной группы поддержки Сирии, подробно изучив видеоматериалы и вещдоки, выразили мнение, что налет мог быть просто инсценирован противниками прекращения огня⁴. США такой вывод с ходу отвергли, не приведя никаких контраргументов.

Игнорируя тяжкие уроки неуклюжего и смертоносного вмешательства в Ливии, в США вновь заговорили об установлении в Сирии бесполетной зоны, но только для самолетов правительственных войск и ВКС России, что развязало бы руки боевикам. А на российские запросы о составлении списка «умеренных» оппозиционеров, опубликовании женевских договоренностей и тщательном расследовании нападения на гумконвой американцы предпочитали отмалчиваться.

Для оказания дополнительного давления на Москву и Дамаск в попытках повесить на них, по выражению С. В. Лаврова, «всех собак», а также для отвлечения внимания мировой общественности от «ошибочных ударов» под Дейр аз-Зором Вашингтон и его союзники из Лондона и Парижа 25 сентября 2016 г. созвали экстренное заседание Совбеза ООН под лицемерным предлогом «защиты мирного населения Алеппо от варварских российских и сирийских ударов»⁵.

¹ РИА. 22.09.2016.

² Интерфакс. 22.09.2016.

³ Там же.

⁴ Первый канал. 05.10.2016.

⁵ Официальный сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mid.ru> 26.09.2016.

В. И. Чуркин в своем выступлении отменил все лживые аргументы западной коалиции и призвал ее членов позаботиться о прекращении подпитки псевдоумеренной оппозиции и боевиков, орудовавших в Алеппо, тяжелым вооружением и финансовыми вливаниями. «Восточный Алеппо, — сообщил он, — удерживается под контролем более чем 20 вооруженными группировками, в которых примерно 3500 бойцов. На вооружении у них танки, бронированные машины, орудия полевой артиллерии, системы залпового огня, десятки и десятки единиц, в том числе тяжелой военной техники. Конечно, сделать они кустарно эту технику не могли, все это было получено и продолжает поступать от щедрых западных покровителей при попустительстве, полагаю, возглавляющих коалицию США... Американская сторона фактически расписалась в неспособности повлиять на подопечные ей группировки и честно выполнить тем самым достигнутые договоренности. Прежде всего, отделить умеренные группировки от террористов и провести соответствующее разграничение на местности». При попустительстве Запада, отметил российский постпред, «на территории Сирии орудуют сотни вооруженных группировок. Территорию страны бомбят все кому не лень. Возвращение страны к миру стало почти невозможной задачей»¹.

«Мы констатируем, — заявил Д. С. Песков, — что ситуация действительно весьма тяжелая и вызывает обеспокоенность. Главным образом мы обеспокоены тем, что по-прежнему, несмотря на то, что уже прошел срок больше недели, террористы используют режим прекращения огня для перегруппировки, для пополнения своих арсеналов и для очевидной подготовки, и для осуществления наступательных действий»².

В таких критических условиях Москва отказалась от дальнейших односторонних уступок Западу и, прежде всего, по установлению новых, теперь уже семидневных «гуманитарных пауз», которые использовались им в своих геостратегических планах и для поддержки подрывных антирежимных сил.

А Вашингтон продолжал подыгрывать своим подопечным, резко усилив пропагандистские и информационные наскоки на Москву и Дамаск, прибегая к недозволенным в международной практике методам шантажа и запугивания. В Госдепе договорились до того, что стали в открытую грозить России приостановкой сотрудничества по Сирии, атаками террористов на ее города, многочисленными жертвами среди ее военнослужащих, потерями самолетов и новыми санкциями. В Москве подобные выпады расценили не просто как выход за все мыслимые рамки дипломатии, но и как фактическое подстрекательство экстремистов.

«Это очень опасные игры, — отметил С. В. Лавров в интервью Первому каналу 9 октября 2016 г., — учитывая, что Россия, находясь в Сирии по приглашению законного Правительства этой страны и имея там две базы, имеет там средства ПВО для защиты наших объектов». Ранее глава МИД РФ высказал предположение, что подобные недопустимые угрозы были сигналом тем, кто хотел бы это сделать, к началу таких действий³.

¹ Первый канал. 26.09.2016.

² РТР I. 26.09.2016.

³ Официальный сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mid.ru> 30.09.2016.

Откликаясь на такой провокационный сигнал своих покровителей, боевики в отместку за эффективные удары ВКС РФ по своим позициям в Алеппо объявили 30 сентября 2016 г. в увязке с пятничными молитвами «всемирным днем гнева и протеста», что представляло прямую угрозу россиянам, находившимся за пределами РФ. Учитывая ее серьезность, российский МИД рекомендовал им воздержаться в тот день от посещения общественных мест.

По оценке замминистра иностранных дел РФ С. А. Рябкова, США, отказывая в поддержке РФ в борьбе с ИГ и делая заявления о возможной угрозе России со стороны террористов, фактически помогали им, и такие заявления являлись «показателем политической низости»¹.

Позднее С. В. Лавров поведал о том, что американская сторона пыталась было взвалить обеспечение безопасности гумконвоев в Алеппо на российских военнослужащих. Когда ей было предложено подключить к решению этой задачи и американцев, она, ссылаясь на рискованность подобной операции, ответила отказом².

Обстановка осложнялась усиливавшейся в преддверии президентских выборов в США разногласий в «коридорах власти», когда Госдеп, Пентагон и ЦРУ никак не могли договориться между собой о сотрудничестве с Россией в поисках решения сирийской проблемы и выступали с противоречившими друг другу заявлениями. Если в Госдепе, к примеру, отреклись от поддержки «Джабгат фатх аш-Шам», то в Белом доме путано объясняли свое щадящее отношение к этой общепризнанной террористической группировке лицемерной «заботой о мирном населении»³.

А тут совсем некстати для Вашингтона в мировые СМИ просочились откровения главарей нусровцев о получении от американцев оружия и иной помощи.

В ходе закрытой встречи с представителями сирийских общественных организаций «на полях» 71-й сессии Генассамблеи ООН Дж. Керри сообщил о своих расхождениях с Белым домом по сирийским делам и заявил об отсутствии правовой базы для более глубокого американского вмешательства во внутренний конфликт в САР, тогда как русские, которые его якобы «обхитрили», действовали там по приглашению правительства Сирии. Кроме того, в отличие от Б. Обамы, глава внешнеполитического ведомства США не исключил участия Б. Асада в выборах в Сирии, хотя и предрек его поражение на них⁴.

Нервная реакция Вашингтона на действия России в Сирии объяснялась и осознанием бесплодности усилий Запада блокировать ее активность на мировой арене, принизить ее роль в международных делах. Как констатировалось в ежегодном докладе лондонского отделения американского Международного института стратегических исследований (IISS), «российское вторжение в Сирию сделало Москву центром ближневосточной дипломатии и продемонстрировало, что попытки Запада изолировать РФ не понизили ее статус как суперсилы»⁵.

¹ РИА. 29.09.2016.

² РИА. 06.10.2016.

³ РТР I. 01.10.2016.

⁴ РИА. 01.10.2016.

⁵ РИА. 27.09.2016.

В ответ на эмоциональные срывы, граничившие с истерикой, и анти-российские всплески, вызванные во многом неспособностью американцев повлиять на «умеренную» оппозицию и отделить ее от террористов, а также предвыборной кутерьмой, Москва продолжала последовательную линию на нахождение совместными усилиями выхода из конфликтного тупика через прекращение огня и налаживание внутрисирийского политического урегулирования, предусмотренного международными договоренностями, закрепленными в резолюциях Совбеза ООН. Для этого от американцев требовалось выполнить данное еще в начале 2016 г. обещание провести размежевание их подопечных от террористов. Одновременно МИД РФ предостерегал Вашингтон от агрессивных действий в Сирии, которые могли вызвать непоправимые тектонические сдвиги во всем истерзанном конфликтами регионе.

В Москве искренне не хотели, чтобы покидавшая политическую сцену администрация Б. Обамы вошла в историю как спонсор «Джабгат ан-нусры» вслед за тем, как администрация Р. Рейгана способствовала появлению на свет «Аль-Каиды», а Дж. Буша мл. — ИГ.

В начале октября 2016 г. на фоне успехов сирийской армии, наступавшей на позиции террористов при поддержке ВКС РФ, администрация Б. Обамы объявила о прекращении двусторонних контактов с Россией по поддержанию перемирия в САР и сворачивании интенсивно работавших в Женеве групп специалистов. А созданная еще после запуска первого режима перемирия 27 февраля 2016 г. «горячая линия» связи между российской авиабазой «Хмеймим» и американской аналитической военно-политической группой в Аммане была закрыта по инициативе США еще в конце июля 2016 года. Военные же каналы во избежание конфликтов в воздушном пространстве Сирии между ВКС РФ и ВВС США были благоразумно сохранены. Глава Пентагона Э. Картер признал, что Россия действовала при решении конфликтных ситуаций в небе над Сирией «очень профессионально». Каких-либо новых инициатив или альтернатив по распутыванию туго затянутого (не без участия американцев и их партнеров) сирийского узла Вашингтоном предложено не было.

Там лишь безосновательно и заученно твердили о том, что Россия «не достигла своих целей» в борьбе с террористами. Хотя факты говорили об обратном: по данным Минобороны РФ, в период с 27 февраля по 1 сентября 2016 г. в Сирии было уничтожено около 35 тыс. экстремистов, из них более 2700 выходцев из России и стран СНГ, освобождено 586 населенных пунктов и 12 360 кв. км территории¹.

Резкий поворот в американской политике свидетельствовал о неспособности США выполнить взятые на себя обязательства в соответствии с достигнутыми немалыми трудами венскими договоренностями. «Именно Соединенные Штаты Америки, — заявил в этой связи И. Е. Конашенков, — с треском провалили все договоренности по режиму прекращения огня от 9 сентября, не сумев отделить ни одного формирования так называемой оппозиции от “Джабгат ан-нусры” и позволив террористам провести очередную перегруппировку и пополнить запасы. Не пора ли нашим американским партнерам публично признать, что практически вся выпестованная

¹ ТК «Звезда». 07.10.2016.

и подконтрольная им оппозиция в Сирии — неотъемлемая часть одного зонтичного бренда “Аль-Каиды” — “Джабгат ан-нусры?”»¹.

Как по заказу, террористы вскоре вновь обстреляли российское посольство в Дамаске. Одна из выпущенных ими мин упала на его территории в опасной близости от жилого здания, две другие взорвались неподалеку от нее. К счастью, никто из сотрудников дипмиссии не пострадал, однако здание получило повреждения. Обстрел повторился 12 октября 2016 года.

США при поддержке Великобритании и Украины заблокировали российское предложение осудить в Совбезе ООН атаку боевиков на посольство РФ, внося в проект документа несуразное утверждение о «вине самой России в росте напряженности в Сирии»². В Вашингтоне провокационно заговорили о возможности нанесения американских ударов по позициям сирийской армии и российских ВКС. Однако прибытие к берегам Сирии корабельной ударной группировки ВМФ России из восьми боевых кораблей во главе с тяжелым авианесущим крейсером «Адмирал Кузнецов», наличие в САР зенитно-ракетных систем С-400 и С-300 и намерение Москвы создать в Тартусе полноценную военно-морскую базу оказывали на «горячие головы» в Пентагоне, ЦРУ и на Западе в целом сдерживающее и санирующее воздействие.

«У нас крепнет впечатление, — отмечалось в комментарии МИД РФ, — что в стремлении добиться вожаемой смены власти в Дамаске Вашингтон готов “заключить сделку с дьяволом” — пойти на союз с отъявленными террористами»³.

Такое намерение тяжело отражалось на положении мирного населения в Сирии: из-за нарушений боевиками и примыкавшей к ним «умеренной оппозицией» прекращения огня к началу октября 2016 г., по данным Минобороны РФ, в стране погибло более 16 тыс. человек, из них почти 13 тысяч были гражданскими лицами⁴.

Неспособность и нежелание американцев отмежевать «хороших» оппозиционеров от «плохих» приводили к тому, что мирное население становилось живым щитом для прикрытия и тех, и других. А ответственность за гибель простых людей произвольно возлагалась Западом на Дамаск и Москву.

В первой декаде октября 2016 г. настоящая баталия по сирийскому урегулированию развернулась в Совбезе ООН. Россия заветировала франко-испанский проект резолюции Совета об установлении над Алеппо пресловутых бесполетных зон как грубо искажавший реальное положение дел, носивший политизированный, несбалансированный и однобокий характер. В ответ западники «проголосовали ногами», демонстративно покинув зал заседаний. Они блокировали российское предложение поддержать инициативу спецпосланника Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистуры организовать вывод боевиков с оружием из Алеппо для предотвращения новых жертв среди мирного населения осажденного города.

Террористы такую миротворческую инициативу отвергли и, пытаясь вырваться из окружения, продолжали запрещенные международным пра-

¹ РБК ТВ. 04.10.2016.

² Комсомольская правда. 06.10.2016.

³ Официальный сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mid.ru> 04.10.2016.

⁴ РБК ТВ. 07.10.2016.

вом неизбежные обстрелы жилых кварталов Алеппо, его больниц и школ, в результате которых гибли мирные жители, женщины и дети. По данным российского Центра по примирению сторон, к атакам были причастны и формирования, ранее заявившие о прекращении боевых действий. Чтобы пополнить свои поредевшие ряды, джихадисты объявили мобилизацию подростков в возрасте 14 лет. Одновременно шло объединение сил террористов вокруг «Джабгат ан-нусры», под крыло которой примостились и «Ахрар аш-Шам», и дюжина других группировок, которых США продолжали числить умеренными. А выпестованный Вашингтоном в Саудовской Аравии «сверхумеренный» Высший комитет по переговорам, отработывая полученные авансы, верноподданнически обратился к американцам с просьбой в «одностороннем порядке вмешаться в ситуацию в Алеппо».

Несмотря на обострившуюся конфронтацию вокруг сирийского кризиса, реакция российской стороны на одностороннее прекращение контактов американскими партнерами и другие их далеко не дипломатические выверты отличалась конструктивностью и взвешенностью. Как отметил С. В. Лавров, Москва считала важным не допустить развала российско-американских договоренностей по Сирии, обеспечить усилиями мирового сообщества прекращение боевых действий и создать условия для возобновления политического процесса в стране¹.

Вскоре сама жизнь подтвердила реалистичность и обоснованность последовательной линии Москвы на коллективные поиски политических развязок туго затянутого стараниями западных государств и их региональных подопечных сирийского конфликтного узла. Почти каждодневные контакты глав дипломатических ведомств России и США не прерывались (к октябрю их число с начала 2016 г. перевалило за 70), а 15 октября в Лозанне прошла министерская встреча по Сирии в «узком формате» с участием представителей России, США, Ирана, Катара, Саудовской Аравии, Турции, Египта, Ирака, Иордании и спецпосланника Генсекретаря ООН по Сирии С. де Мистуры.

В ходе обсуждения основной акцент был сделан на задачах восстановления режима прекращения боевых действий в Алеппо и в целом в САР в контексте достигнутых 9 сентября в Женеве российско-американских договоренностей и скорейшего перезапуска политического процесса на основе положений соответствующих резолюций СБ ООН, решений МГПС и Женевского коммюнике 2012 года. Хотя прорывных соглашений на встрече достигнуто не было, все ее участники подтвердили приверженность сохранению САР в качестве целостного, независимого и светского государства, в котором будущее своей страны должны определить сами сирийцы в ходе инклюзивного политического диалога.

Россия воспользовалась встречей, чтобы еще раз довести до всех ведущих акторов в конфликте и регионе свою точку зрения. С ее стороны было подтверждено и подчеркнуто, что залогом восстановления и успешной реализации режима прекращения огня, обеспечения гуманитарного доступа ко всем нуждавшимся в помощи являлось отмежевание отрядов «умеренной» оппозиции от боевиков «Джабгат фатх аш-Шам» и других аффилированных с ней террористических группировок. В этой связи требовалась соответствующая работа всех участников встречи с присутствовавшими в

¹ РТР I. 03.10.2016.

Сирии силами. При этом было необходимо понимать, что операции против террористов должны были быть продолжены¹.

Для облегчения трагического положения мирных жителей Алеппо Москва и Дамаск, проявив добрую волю, пошли на 8-часовое прекращение огня в Алеппо 18 октября 2016 г., чтобы дать горожанам возможность как следует подготовиться к выходу из блокированного боевиками города по гуманитарным коридорам, намеченному на 20 октября. Одновременно перед вооруженными отрядами оппозиции были вновь открыты два коридора, чтобы покинуть захваченные городские кварталы с личным оружием. Такое решение создавало новые возможности для их размежевания с отпетыми террористами. Вскоре коридоры стали использоваться больными, ранеными и престарелыми, а также некоторыми боевиками. Это побудило Президента РФ В. В. Путина по согласованию с сирийской стороной дважды продлевать гуманитарную паузу.

Новые конструктивные шаги России и Сирии к политическому урегулированию кризиса вызвали весьма своеобразную реакцию сколоченной США антитеррористической коалиции: накануне гуманитарной паузы истребители ВВС Бельгии при дозаправке в воздухе от американского самолета, по выверенным данным российских военных, которые тем не менее бельгийская сторона стала неуклюже опровергать, нанесли удары по Алеппо и его окрестностям, убив и ранив мирных жителей². Тогда же три постоянных члена Совбеза ООН и примкнувшая к ним Украина заблокировали российский проект заявления Совета по гуманитарной паузе в Алеппо. «Некоторые из наших друзей, — саркастически прокомментировал ситуацию В. И. Чуркин, — вновь показали свое истинное лицо».

Да и гуманитарную помощь страдавшему от экстремистов населению через открывшиеся коридоры на Западе, несмотря на все словесные заверения, оказывать не торопились. Слабую активность в решении этого жизненно важного вопроса проявляли и сотрудники ООН. «С сожалением приходится констатировать, — отметил в этой связи замминистра иностранных дел РФ Г. М. Гатилов, — что в течение трех суток, объявленных режимом тишины, гуманитарные агентства ООН не смогли реализовать эту возможность и обеспечить вывод из восточной части Алеппо нуждающихся в помощи. При этом раньше нас заверяли в том, что ООНовцы будут готовы эвакуировать до 200 больных, и ради этого Россия пошла на то, чтобы ввести режим тишины. Вместе с тем, как выяснилось, такие планы не были реализованы»³.

И в дальнейшем структуры ООН демонстрировали свою неспособность воспользоваться режимом тишины, неоднократно продлевавшимся российской стороной, для эвакуации раненых и доставки гуманитарной помощи, ссылаясь на отсутствие «необходимых условий безопасности». Западные «доброхоты», охотно витийствуя о «варварстве российского медведя», не торопились пополнять бюджет ООН для гуманитарных операций в Сирии, для которых все тот же «медведь» создавал благоприятные условия. Его дефицит к концу октября 2016 г. достиг кругленькой суммы в 300 млн долларов⁴.

¹ Официальный сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mid.ru> 16.10.2016.

² РБК. 19.10.2016.

³ Интерфакс. 24.10.2016.

⁴ Известия. 24.10.2016.

Зато с трибун неслись потоки клеветы и грубой лжи в адрес Москвы и Дамаска, обвинявшихся во всех мыслимых и немыслимых смертных грехах при подавлении террористов в Алеппо. Не отставал от таких хулителей борцов с экстремизмом и Совет по правам человека ООН, который на своей спецсессии принял британский проект резолюции, искажавший истинное положение дел и выгораживавший боевиков.

«Сирийское досье в СПЧ, — заявил российский постпред при Женевском отделении ООН А. Н. Бородавкин, — рассматривается уже пятый год, и оценки ситуации стараниями определенной группы стран уходят все дальше от реальности. Сегодняшняя сессия — яркий тому пример. Вместо того чтобы поддержать сирийское правительство и народ в борьбе против международного терроризма, ее инициаторы стремятся вывести террористов из-под удара, спасти их от уничтожения, дать возможность перегруппировать силы и продолжить свои зверства на израненной сирийской земле»¹. Правда колола глаза западным лицемерам, и выступление российского постпреда на сессии было грубо прервано.

Двойственная позиция западной коалиции и ее региональных партнеров подвигла непримиримых боевиков отвергнуть предложение покинуть Алеппо. При покровительстве извне они продолжали обстреливать открытые коридоры, препятствуя выходу жителей и доставке гуманитарной помощи, и по-прежнему использовали мирное население истерзанного города в качестве «живого щита». В результате таких подрывных действий были ранены три российских офицера, под обстрел попали также съемочные группы НТВ и RT. Как и в прошлом, боевики под руководством все той же перекрасившейся, но не утратившей свой террористический и экстремистский нрав «ан-Нусры», «правившей бал» в восточном Алеппо, использовали неоднократно продлевавшуюся Россией и Сирией гуманитарную паузу для активной перегруппировки, получения новых вооружений, нередко американского производства, в том числе ПЗРК и крупнокалиберных минометов для подготовки прорыва окружения.

При этом они активно пользовались попустительством внешних покровителей и американских, прежде всего, которые открыто заявляли, что «ан-Нусра» не являлась целью ударов коалиции. «У нас возникают подозрения, — отметил в этой связи С. В. Лавров, — что есть осознанные линии на сохранение “Джабгат ан-нусры” в качестве наиболее боеспособной силы, которую кто-то хочет, наверное, использовать в конечном итоге для силового свержения режима в Дамаске». По его мнению, «это напрямую нарушает резолюции Совбеза ООН, которые принимались, прежде всего, на основе российско-американских инициатив»².

Положение осложнилось с началом 17 октября 2016 г. наступления иракских войск, курдского и шиитского ополчения при поддержке с воздуха западной коалиции на г. Мосул — оплот ИГ в соседнем Ираке. Оно порождало опасность перетекания боевиков на сирийскую территорию по указанию их главарей, а также наплывом беженцев из числа жителей города (к середине ноября их число превысило 50 тыс. человек), многих из которых экстремисты по своему варварскому обыкновению держали в заложни-

¹ РИА. 21.10.2016.

² Там же.

ках в стремлении использовать их в качестве «живого щита», а желавших покинуть его, в том числе женщин и детей, безжалостно расстреливали сотнями. При этом на Западе по-прежнему не желали реагировать на такие зверства боевиков.

«Надеемся, — отметил в этой связи начальник российского Генштаба генерал армии В. В. Герасимов, — что наши партнеры из международной коалиции осознают, к чему приведут свободно кочующие крупные банды ИГИЛ в ближневосточном регионе. Поэтому необходимо не гонять террористов из одной страны в другую, а уничтожать их на месте»¹.

В результате саботажа боевиками, так и не отделенными, несмотря на многократные обещания США, от сил «умеренной оппозиции», очередной инициативы России и Сирии по прекращению огня и оказанию гуманитарной помощи остро нуждавшемуся в ней мирному населению бои в истерзанном Алеппо 23 октября возобновились с новой силой. Несмотря на это, российские и сирийские боевые самолеты воздерживались от полетов над городом в радиусе 10-километровой зоны, давая его жителям возможность бежать от войны через восемь открытых гуманитарных коридоров, работавших в круглосуточном режиме.

В конце октября 2016 г. боевики, перегруппировавшись и получив извне щедрую помощь вооружениями, в надежде деблокировать своих подельников в западном Алеппо воспользовались режимом тишины, строго соблюдавшимся сирийской и российской авиацией, попытались перейти в контрнаступление под шквальным огнем по жилым кварталам, школам и больницам города артиллерии и ракетных установок, а также начиненных взрывчаткой БПЛА и с использованием химического оружия. «США, — констатировал в этой связи С. Ф. Рудской, — не выполнили ни одного взятого на себя обязательства, и подконтрольные им вооруженные отряды после перегруппировки в одностороннем порядке возобновили боевые действия»².

Тогда же экстремисты вновь обстреляли территорию российского посольства в Дамаске, нанеся ему, к счастью, лишь материальный ущерб. Через несколько дней две мины, выпущенные боевиками, опять взорвались близ здания посольства, оставив его на сей раз без повреждений.

Несмотря на такие наглые провокации, получившие, наконец-то, осуждение в Совбезе ООН, В. В. Путин, руководствуясь гуманными соображениями, отклонил предложение Минобороны РФ возобновить удары ВКС по позициям экстремистов, дабы дать возможность США все-таки выполнить свое давнее обещание отмежевать опекавшихся ими пресловутых «умеренных» оппозиционеров от террористов и сохранить открытыми коридоры для выхода мирных жителей и доставки им остро необходимой помощи.

По согласованию с властями Сирии 4 ноября в Алеппо была вновь установлена 10-часовая пауза для размежевания террористов и «умеренной» оппозиции, а также выхода мирного населения и боевиков по гуманитарным коридорам и доставки помощи. Джихадисты вновь сорвали российскую мирную инициативу, продолжили обстрелы и не позволили ни одному мирному жителю покинуть подконтрольные им городские кварталы.

¹ РИА. 19.10.2016.

² Интерфакс. 28.10.2016.

А в это время коалиционная авиация, в том числе и американские стратегические бомбардировщики, продолжали запрещенные международным правом неизбирательные удары, жертвами которых зачастую становились мирные жители Мосула и его окрестностей.

В Белом доме заученно бубнили о том, что Россия своими действиями якобы затрудняла мифические американские усилия по поиску мирного решения конфликта в Сирии. Одновременно не стихала развязанная американцами в мировых СМИ яростная антироссийская информационная война, в ходе которой ее организаторы и вдохновители не гнушались ни клеветой, ни откровенной ложью, чтобы шельмовать Россию. В конце октября 2016 г. они, к примеру, обвинили Москву и Дамаск в нанесении «кровавых ударов» по школе в Идлибе, что на проверку оказалось, по словам М. В. Захаровой, враньем¹. «Мы не знаем, — признался ничтоже сумняшеся представитель Белого дома Дж. Эрнест, — кто нанес удар — режим Асада или Россия. Но мы знаем, что это был кто-то из них двоих»².

К тому времени к антироссийской кампании активно подключились и спонсировавшиеся Западом НПО, на мировом информационном поле наряду с одиозной лондонской «Обсерваторией по правам человека» заработала еще одна «нейтральная» общественная организация — «Белые каски», активно снабжавшая масс-медиа однобокими и часто подтасованными данными о развитии ситуации в Алеппо. Британская независимая журналистка В. Билли обнаружила, что этот новый поставщик компромата на Россию и Сирию находился на содержании спецслужб США, Великобритании и ряда других западноевропейских государств, упрямо выступавших за свержение режима Б. Асада. Она также выяснила, что «каска» тренировал в Турции британский офицер, повоевавший в Косово, Афганистане, Ираке и тесно связанный с частной охранной организацией «Blackwater», предоставлявшей услуги ЦРУ и печально прославившейся своими бесчинствами в Ираке³.

Одновременно активно разрабатывалась и прежняя тема химоружия, в применении которого Запад по-прежнему голословно обвинял Дамаск, как бы не замечая многочисленные задокументированные случаи использования этого смертоносного оружия джихадистами. К концу октября 2016 г. появился четвертый заключительный доклад Совместного механизма ОЗХО и ООН по расследованию химатак, содержащий, как и предыдущие, предвзятые и необоснованные выводы, разночтения и нестыковки, обходивший стороной очевидные и доказанные случаи применения такого запрещенного международным правом оружия боевиками, в Алеппо, в частности. «К сожалению, — отметил в этой связи директор Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД РФ М. И. Ульянов, — приходится констатировать, что сирийское химическое досье усилиями ряда стран превращается в инструмент геополитики с негодными целями»⁴.

Провокационные информационные вбросы были нацелены на то, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от реальных нарушений международного права, совершавшихся США и их союзниками в Сирии и Ираке.

¹ Первый канал. 29.10.2016.

² РИА. 27.10.2016.

³ Первый канал. 27.10.2016.

⁴ ТАСС. 27.10.2016.

В ответ на пропагандистские выпады Минобороны РФ передало американским коллегам строго задокументированные свидетельства неизбирательности ударов коалиции по иракскому Мосулу, в результате которых только с 21 по 23 октября погибли более 60 мирных жителей и более 200 получили ранения¹.

И. Е. Конашенков в начале ноября 2016 г. отметил «радикальные отличия» ситуации в Алеппо и операции по штурму Мосула. По его словам, к тому времени в Алеппо более двух недель вообще не работала российская и сирийская авиация. «Кроме того, — заявил генерал-майор, — в Алеппо Россией и сирийскими властями развернуты 6 гуманитарных коридоров с пунктами горячего питания и медицинской помощи, по которым готовы, но, из-за минирования подходов и обстрелов боевиками, не могут выйти мирные жители». «В Мосуле, — продолжал он, — мы слышим о надвигающемся “штурме” городских кварталов, населенных мирными жителями с туманными, но крайне тревожными из-за массовых жертв последствиями. При этом ни о каких гуманитарных коридорах даже речи не идет, словно миллионный город населяют одни террористы». Представитель военного ведомства России отметил, что в Алеппо «во избежание напрасного кровопролития и, кстати, по просьбе американской стороны», оставались открытыми два специальных коридора для безопасного выхода из города боевиков с техникой и оружием в другие районы Сирии. В Мосуле же коалиция заявляла о «железном кольце» окружения для последующего уничтожения находившихся в городе боевиков. Наконец, по словам И. Е. Конашенкова, в Алеппо находились и работали представители ООН, «Красного полумесяца», других международных организаций, а также журналисты. «В Мосуле же, по странному стечению обстоятельств, — сообщил он, — нет ни журналистов, ни активистов, ни волонтеров “белых” или иных радужных оттенков “касок”. Никого. Поэтому все, что могут себе позволить транслировать американские и европейские телеканалы — это бодрые цензурированные доклады о необычайных успехах коалиции и грядущей великой победе над террористами, не подтвержденные реальными съемками»².

По данным Минобороны РФ, в результате штурма в Мосуле ежедневно гибло до 40 мирных жителей, которых исламисты повсеместно использовали в качестве «живого щита». Число беженцев из осажденного города к началу ноября 2016 г. превысило 20 тыс. человек³.

Реакции американцев на представленные неоспоримые факты допущенных ими грубых нарушений международной законности и тем более их объективного расследования, как и можно было ожидать, не последовало. Представитель госдепа Дж. Кирби, к примеру, 1 ноября 2016 г., не моргнув глазом, заявил, что его ведомство не располагало информацией о жертвах среди мирного населения при операции по освобождению Мосула⁴. И это при ежесуточных 25 бомбардировках и ракетных ударах коалиционной авиации по осажденному городу.

¹ Первый канал. 29.10.2016.

² РИАИ, ТАСС, Интерфакс. 01.11.2016.

³ Первый канал. 07.11.2016.

⁴ РИАИ. 01.11.2016.

Одновременно российская сторона распространила по каналам ООН составленный на основе данных объективного наблюдения «Перечень военных преступлений США и их союзников в Сирии», который убедительно свидетельствовал о том, что самолеты коалиции с октября 2015 г. наносили в САР удары по гражданской инфраструктуре и медицинским учреждениям, что приводило к массовой гибели мирных граждан¹.

Тогда же в Совбезе ООН, на площадках ООН не только в Нью-Йорке, но и в Женеве, среди соответствующих органов и структур этой организации был распространен подготовленный в Москве объемный «Сравнительный анализ выполнения российско-американских договоренностей», в котором приводились все факты реализации российской стороной своих обязательств по договоренностям с США и невыполнения оных американцами².

Несмотря на представленные весомые и неопровержимые доказательства виновности США в военных преступлениях в Сирии и Ираке, информационный прессинг на Россию в западных и некоторых региональных СМИ продолжался. При этом, критикуя действия России и Сирии по выкорчевыванию террористов из Алеппо под лицемерным предлогом «защиты мирного населения», Запад забывал о нем, нанося смертоносные неизбирательные удары по Мосулу.

Признавая устами Дж. Керри, что «ситуация в Сирии — крупнейшая со времен Второй мировой войны гуманитарная катастрофа», американцы не делали практически ничего, чтобы облегчить страдания мирного населения САР, а их продолжавшаяся поддержка «умеренной» оппозиции лишь способствовала консервации этой катастрофы. Так, к примеру, «The Washington Post» в конце октября 2016 г. поведала читателям о существовании в администрации Б. Обамы вопреки ее официальным опровержениям пресловутого плана Б, согласно которому в дополнение к многолетней программе ЦРУ по подготовке и вооружению сирийских оппозиционеров на базах в Иордании и Турции (десять тысяч боевиков за три года) американское вооружение, в том числе и средства ПВО, могло быть передано повстанцам в случае неудачи поисков политического урегулирования. Единственным сдерживавшим фактором для реализации этого подрывного плана, по мнению газеты, были присутствие в Сирии российских ВКС и угроза конфронтации с Москвой в случае применения поставленного оружия³.

В первой декаде ноября 2016 г. в Сирии возник еще один очаг напряженности: курдские вооруженные формирования и мятежники под руководством американских советников и инструкторов при поддержке с воздуха коалиционной авиации, не спрашивая согласия Дамаска, приступили к штурму Ракки, объявленной исламистами столицей «халифата».

В ответ на дестабилизирующие действия США и их партнеров Россия, думая о будущем, предложила мировому сообществу подумать о восстановлении совместными усилиями государственности и экономики стран региона, пострадавших от вмешательства извне и террористов. «Колоссальный масштаб разрушений, — отметил В. В. Путин, выступая в конце октября 2016 г. на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба

¹ РИА. 28.10.2016.

² Интерфакс. 27.10.2016.

³ НТВ. 24.10.2016.

«Валдай», — требует сегодня выработки долгосрочной и комплексной программы, если хотите, своего рода “план Маршалла” для возрождения этого истерзанного войнами и конфликтами региона. И Россия, конечно, готова принять активное участие в такой совместной работе»¹.

Действуя в этом русле, представительная российская правительственная делегация во главе с вице-премьером Д. О. Rogozinым в конце ноября 2016 г. посетила Дамаск, где провела переговоры о перспективах развития экономического сотрудничества между двумя странами, прежде всего в сфере энергетики и транспорта. Принимая делегацию, президент Б. Асад гарантировал создание максимально благоприятных условий для российских проектов в САР².

В отместку боевики в период пребывания российской делегации в Дамаске вновь обстреляли посольство РФ.

А в Вашингтоне тем временем, продолжая прежний деструктивный курс, провели через палату представителей Конгресса США беспрецедентный законопроект о санкциях против Сирии и ее союзников и протолкнули в ГА ООН резолюцию о нарушениях властями САР прав человека, которая отнюдь не способствовала доставке гуманитарной помощи отчаянно нуждавшимся в ней жителям Алеппо (около четверти миллиона человек, в том числе 100 тыс. детей), блокированным и терроризируемым джигадистами³.

Им подпевали западноевропейские партнеры: в конце ноября 2016 г. «поборники свободы слова» проталили в Европарламенте несуразную резолюцию, приравнивавшую российские СМИ к пропагандистским структурам джигадистов, которую В. В. Путин весьма точно и емко назвал «деградацией демократии»⁴.

Прямым потаканием боевикам стало блокирование США и их партнерами в середине ноября 2016 г. подготовленного Россией проекта резолюции СБ ООН, осуждавшей обстрел джигадистами здания в Алеппо, где размещались представительства различных структур Всемирной организации⁵.

О многократно обещанном размежевании «хороших» оппозиционеров и джигадистов в течение семи дней после прекращения авианалетов на Алеппо американцы предпочитали не вспоминать. Зато на всех углах они продолжали твердить о мифических «смертоносных ударах» сирийской и российской авиации по мирному населению Алеппо, не предоставляя при этом по заведенному обыкновению никаких доказательств. Во второй половине ноября 2016 г., к примеру, они допустили, по определению Минобороны РФ, очередной «информационный ляп», обвинив безо всяких на то оснований российскую сторону в разрушении медицинских объектов в многострадальном городе. «Повторение слухов о каких-то разбомбленных “пяти больницах” и “одном мобильном госпитале”, — неліцеприятно отметил в этой связи И. Е. Конашенков, — только подтверждает, что вся публичная риторика Госдепартамента о ситуации в Сирии основана на беспардонной лжи. Сколько мы ни призывали, кроме голословных заявлений по тетрад-

¹ Интерфакс. 27.10.2016.

² РИА. 22.11.2016.

³ ТАСС. 16; 27.11.2016.

⁴ РИА. 23.11.2016.

⁵ Life.ru. 10.11.2016.

ке, ни разу никаких фактов представлено не было. Главное хоть в чем-то обвинить Россию сегодня»¹.

В беседе с Дж. Керри на «полях» саммита АТЭС в Перу С. В. Лавров от-
мел эти беспочвенные обвинения, подчеркнув, что российская авиация уже
месяц не работала в районе Алеппо, сосредоточившись с 15 ноября 2016 г.
на провинциях Идлиб и Хомс, дабы воспрепятствовать проникновению на
сирийскую территорию боевиков ИГ, бежавших из осажденного иракского
Мосула. Результативные удары по объектам военной инфраструктуры и
местам скопления живой силы ИГ и «Джабгат фатх аш-Шам», а также обна-
руженным целым заводам по производству химоружия в этих провинциях
наносила и группа кораблей ВМФ России, прибывшая к тому времени в
Восточное Средиземноморье, в том числе впервые участвовавший в боевых
действиях тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов», многоце-
левой ракетный фрегат «Адмирал Григорович» и стратегические бомбарди-
ровщики, а также береговой ракетный комплекс «Бастион». При этом цели
определялись точно на основе проверенных разведанных².

Одновременно Минобороны РФ не отвергало возможности введения
новых гуманитарных пауз после официального подтверждения ООН ре-
альной готовности к доставке в Алеппо помощи и эвакуации жителей. Как
отметил в этой связи И. Е. Конашенков, «опыт предыдущих гуманитарных
пауз показал, что все заверения представителей ООН о наличии “предвари-
тельных” договоренностей с боевиками в Алеппо — просто слова»³.

Комментируя поведение «власть предержащих» в США накануне сме-
ны хозяина Белого дома, замминистра иностранных дел РФ С. А. Ряб-
ков отметил: «Понятно, что вывод из происходящего может быть только
один — люди путают причину и следствие до такой степени, что полностью
закрылись от внешних импульсов и варятся в собственном соку. Вместо того
чтобы консолидировать ряды в борьбе с терроризмом, предпринимается по-
пытка устроить очередную силовую смену власти в суверенной стране»⁴.

В связи с таким обструкционистским подходом Запада Россия после-
довательно выступала за обещанное американцами размежевание боевиков
и оппозиционеров, за всестороннее выполнение резолюции 2254 СБ ООН,
требовавшей, в частности, проведения межсирийских переговоров без пред-
варительных условий. Проволочки в ООН с реализацией этого международ-
но-правового документа и попытки свалить вину за них на Россию и Сирию
были встречены в Москве с обоснованным недоумением и озабоченностью.

Непонимание вызывал и введенный еще в 2014 г. санкционный запрет
ЕС на транзит в Сирию через территории стран-членов авиатоплива, а позд-
нее — топлива для заправки российского флота, к которому присоединились
и США. На деле он создавал лишь демонстративные и вполне преодолимые
препятствия для продолжения антитеррористической борьбы⁵. Греция эти
неуклюжие шаги заправил ЕС не поддержала, разрушив таким образом все
препоны, искусственно возведенные под диктовку из-за океана.

¹ Первый канал. 18.11.2016.

² Там же.

³ Интерфакс. 12.11.2016.

⁴ ТАСС. 17.11.2016.

⁵ Интерфакс. 27.11.2016.

К концу ноября 2016 г. антитеррористические усилия сирийских правительственных войск при российской поддержке принесли долгожданные плоды: боевики были вынуждены начать отступление из восточного Алеппо, тысячи мирных жителей, в том числе дети, обрели возможность покинуть опасные районы и получить более 280 тонн гуманитарной помощи из России. Кроме того, по указанию В. В. Путина в Алеппо был направлен аэромобильный госпиталь, 75 медработников и оперативная группа МЧС РФ, а обезвреживанием множества взрывчатки, заложенной боевиками, занялись российские саперы из Международного противоминного центра ВС России.

И тут хваленые Западом «умеренные оппозиционеры» вновь показали свое истинное звериное нутро: по наводке своих покровителей они обстреляли из минометов и сожгли развернутый и готовый к приему больных и раненых доставленный из России аэромобильный госпиталь, убив двух медсестер и тяжело ранив врача-педиатра. Осуждения этого нового варварского преступления джигадистов со стороны их опекунов опять не последовало.

Западные страны и структуры ООН, столь сердобольно и горячо выступавшие за «облегчение положения заложников ИГ» и нападавшие по этому поводу на Москву и Дамаск, помогать беженцам не торопились. Там, вопреки всякой логике, раздавались призывы ввести против России и Сирии новые санкции за мнимые «военные преступления и гуманитарную катастрофу» в Алеппо. Запевалами в антироссийском хоре оставались американцы, которые от обратного эффекта уже введенных по их инициативам санкций пострадали гораздо меньше, чем их европейские партнеры и союзники. Глава Пентагона Э. Картер договорился даже до того, что назвал роль России в сирийском урегулировании уже после успешного начала освобождения с ее помощью Алеппо от боевиков «контрпродуктивной»¹.

«Нам очевидно, — саркастически заметила М. В. Захарова, — что некоторые испытывают, как принято говорить, “глубокое разочарование” по поводу провала своих геополитических планов на Ближнем Востоке и пытаются сорвать зло в той форме, в которой они это делают напрямую или через СМИ. Зря стараетесь, потому что так распорядилась история, которая всегда выбирает созидание, а не разрушение, гармонию, а не хаос. В чем наша вина? Наша “вина” лишь в том, что мы на “правильной стороне истории”»².

¹ РИА. 04.12.2016.

² НТВ. 30.11.2016.

Записки ДИПЛОМАТА

Иржи ОПРШАЛ

ВОСПОМИНАНИЯ ЧЕШСКОГО ДИПЛОМАТА

Иржи Опршал — родился в 1932 г. в городе Гавличкув-Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник МГИМО МИД СССР — выпуск 1958 г. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958—1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 гг. — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч хельсинского процесса. С 1990 г. — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток—Запад. С 2002 по 2012 гг. — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. Живет в Праге, Чехия.

Мemento Сазавана

Вода в моей родной реке Сазаве течет, рыба клюет, а иногда отдыхает. Время бежит, и рыбак этого не замечает. Если нет рыбы, то идет в лес за грибами. Если нет грибов из-за засухи, то поливает огород. Но он не может отдыхать, так как ему положено быть активным, работать. В сазавской природе приходится закаляться, прежде всего физически. Но часто на природе, на рыбалке и в лесу, появляются новые идеи и проекты. Основное качество сазавчанина — быть активным физически и духовно.

Это мне, как мальчику, постоянно твердил мой дед — сапожник. Он солдатом пережил окопы Первой мировой войны и вернулся патриотом. Он скромно помогал созидать Чехословацкую Республику, о которой мечтали вместе с ним все солдаты. Позже он вместе с нами переживал позор мюнхенского предательства и гитлеровскую оккупацию. Вся семья дождалась освобождения. Советских красноармейцев мы приветствовали от души, по-сазавски. Жили с ними, мама варила картофельный суп, я его носил солдатам, а дед всех хвалил: «Молодцы, вы нам принесли победу и новую жизнь». Мне дед приказывал: ты должен стоять в первых рядах и активно работать. Ниже я, будучи уже сам дедом, привожу краткий рассказ о своей жизни. Надеюсь, что своих близких и друзей не разочарую. Сазавчанин на это не способен. У него славянская душа.

Юность

Послевоенный энтузиазм был огромен, в особенности у нас, у молодежи. Все мы взялись за строительство новой жизни в свободной Чехословакии. Признательность к

*Демонстрация 7 ноября 1954 г., Красная площадь,
слева направо: Элла Йоганесова, Яромир Йоганес,
Иржи Опршал, Яромир Пржибыл*

советским освободителям была у нас большая и искренняя. Мало кто тогда сомневался в ценности дружбы с Советским Союзом, в котором мы видели надежный оплот.

С 1946 года я стал учиться в лицее в городе Гавличкув-Брод. Здесь я немедленно включился в комсомольскую работу по созданию Союза чешской молодежи. На выборах 1946 года Коммунистическая партия победила и Клемент Говальд стал премьер-министром. Между политическими партиями разгорелась острая борьба, которая кульминировала в феврале 1948 года. Новая обстановка повлияла и на мою студенческую жизнь. 1 мая 1948 года в возрасте 16 лет я стал членом Коммунистической партии Чехословакии. Моя жизнь изменилась основательно. Я был избран членом обкома Союза молодежи в Гавличкувом-Броде. Организовывал ячейки, убеждал земледельцев вступать в кооперативы, руководил даже девичьим хором и аккомпанировал ему на рояле. Участвовал в трудовых бригадах по строительству новых заводов и модернизации железных дорог. Везде я был в первых рядах ударников, их значки я храню до сих пор. В качестве награды нас послали в Польшу, где мы помогали возобновлять центр разрушенной Варшавы. Наградой за это был отдых на пляже Балтийского моря. Так летом 1950 года я в первый раз в жизни смог искупаться в море.

В 1951 году я сдал с отличием экзамены в Гавличкувом лицее и поступил в престижный вуз в Праге — Высшую школу политических и экономических наук. И здесь я учился и стоял в передовых рядах. После первого курса меня выбрали руководителем группы студентов на работу в Остраву, где строился новый металлургический комбинат. В августе 1952 года я вдруг получил телеграмму из отдела кадров чехословацкого МИДа с приказом немедленно явиться. Сказали мне, что я был избран и уже утвержден

в ЦК КПЧ на учебу в Москву в Институт международных отношений. Не верилось поначалу, но так случилось. В свой дневник я тогда записал: «Это в моей жизни пока самое высокое вознаграждение. Знаю, что мне предстоит тяжело трудиться, но уверен, что честно выстою».

Москва — МГИМО

Когда в сентябре 1952 года три первых чехословацких студента — Милош Штепанек, Яромир Йоганес и Иржи Опршал — выходцы из скромных социальных условий — очутились в Москве, едва ли они могли предвидеть, что им придется прожить в последующем пятидесятилетии, полном драматических поворотов и исторических изменений. Мы приехали из Праги, где все еще восстанавливалась послевоенная жизнь. И очутились в Москве, которая перед нами тогда явилась как всемирный центр триумфа, силы и прогресса.

МГИМО принял первых иностранных студентов великолепно. Поселили нас в новых домах на улице Левитана. «Старый дом у Москва-реки» нас очаровал с первых дней. Профессорский состав и советские студенты нам добровольно помогали на каждом шагу. Наше знание русского языка самоотверженно улучшали и с дружеской любовью о нас заботились Валентина Николаевна Бабенко и Соня Цейтлина. В общежитии нашими повседневными помощниками стали Тимур Кудояров, Рудик Куркин и Валерий Коробейников. В институте о нас заботились почти все. Лично я ценил дружбу с фронтовиком Борисом Тогулевым. Всем нам было хорошо с нашим комсомольским вожаком Валентином Львовым, который нас знакомил с культурной и общественной жизнью Москвы. Мы отдавали много сил учебе, нельзя было нам учиться иначе, чем на «отлично».

*Чехословацкие студенты МГИМО 1 мая 1956 г.,
Иржи Опршал, стоящий третьим слева, Ижо Початек, стоящий первым справа*

Вместе с тем мы немедленно втянулись в поток исторических событий. 7 ноября 1952 года мы в первый и последний раз увидели на Красной площади И. В. Сталина живым. Через 4 месяца участвовали в траурном шествии в Колонный зал Дома Советов, чтобы проститься с советским вождем. В 1956 году как весенняя буря повлиял на нас XX съезд КПСС и шокирующий доклад Н. С. Хрущева о культе личности. Он застал врасплох не только нас, студентов, но и политических руководителей. Вспоминается наша, чехословацких студентов, беседа с президентом Антоном Запотоцким, которая состоялась 24 февраля 1956 года в большом зале Московского университета на Ленинских горах. Он своим популярным стилем критически говорил о недостатках чехословацкой экономики, но проблемы культа личности коснулся только коротко в контексте с Югославией. Чувствовалось, что и нашим руководителям нужно было время для того, чтобы подумать, как быть дальше.

Во время каникул мы посещали исторические места СССР. Летом 1953 года съездили в героический Сталинград. Вспомнили защитников тракторного завода и Мамаева кургана, откуда я привез обломок танковой брони и храню его в моем музее. Более того, мы смогли проехать на пароходе по недавно построенному Волго-Донскому каналу вплоть до Калача. Эта стройка нас поразила своей грандиозностью. На следующий год мы посетили Крым. Восхищались не только его природными красотами, но и историей. Посетили дворец Ливадию и познакомились с местами, где проходила Ялтинская конференция. Фото на скамейке перед дворцом, где сидели Сталин, Рузвельт и Черчилль — это сувенир на всю жизнь.

Однако студент МГИМО способен и готов на много других подвигов, кроме учебы и приятного проведения каникул. Он работает творчески. Я был московским корреспондентом газеты «Путь Высочины», и близкие друзья мне писали, что читают мои репортажи с восторгом. Когда я прислал подруге — ударнице пражского предприятия «Летняны» свой репортаж о том, как наш МГИМОВский хор выступил на вечере завода «Красный октябрь» и как нас его сотрудники по-братски приняли, она его показала своему директору. Тот прервал деловое заседание руководства и всем участникам зачитал мой репортаж.

Мне, уже старшекурснику, удавалось заработать немного в качестве «учителя» французского языка для сотрудников чехословацкого посольства. За неплохое знание этого языка я благодарен блестящему учителю Елизавете Яковлевой. Заработав немного денег, я смог пригласить в Москву своего отца, который об этом мечтал всю жизнь. Он приехал в июне 1957 года. Москва ему очень понравилась, но получился еще сверхсюрприз и для отца, и для меня. Мой старший друг по учебе, Леонид Селезнев, ленинградец и блокадник, пригласил нас посетить революционный город. Визит в белые ночи проходил отлично. Мы посетили почти все ленинградские памятники, Петродворец и Кронштадт. Заботилась о нас жена Леонида Эллы Харитоновна, обаятельная хозяйка, также блокадница, которой позже пришлось жить в изгнании в связи с «ленинградским делом».

Вскоре Леонид, который изучил чешский язык, побывал в Праге на стажировке. Я его пригласил на родную Чешско-Моравскую возвышенность. У нас состоялась беседа с членами сельскохозяйственного кооператива. Леонид шокировал всех, когда на своем красивом чешском языке сказал: «То,

что я видел в вашем кооперативе, должно послужить образцом для многих советских колхозов». Наши кооператоры не верили своим ушам, поскольку подобного до этого никогда не слышали.

Дипломатом во Франции

В феврале 1958 года после успешной сдачи госэкзаменов я вернулся на родину. Меня определили во французское отделение Западноевропейского отдела МИД Чехословакии. Этот отдел был тогда подчинен заместителю министра Иржи Гаеку, известному своей открытостью к новым течениям без излишних идеологических искажений. Он часто принимал нас, молодых дипломатов. Когда замминистра узнал, что я в МГИМО занимался проблематикой западноевропейской интеграции, то сказал, что это как раз то направление, которым министерство и должно заниматься. И я стал по сути дела первым референтом МИДа по интеграции. В течение четырех лет я анализировал проблематику, писал статьи и участвовал в экономических дискуссиях. В кабинет Гаека я заходил все чаще и чаще, отчасти и потому, что его секретариатом руководила молодая красавица, которая знала о делах министерства почти все. Ее советы нравились мне все больше и больше, и через некоторое время я осмелился и пригласил ее на бал. Любовь зажглась, и 21 июня 1959 года в Жижковской ратуше состоялась наша свадьба. Я живу с любимой Зденичкой счастливо до сих пор, больше 57 лет.

Мне пришлось ждать первого заграничного назначения почти 5 лет. Отдел кадров предлагал мне выезд в Марокко, но я хотел попасть в желанный Париж. В 60-х годах Франция многим представлялась в стратегическом плане ключевой страной, ищущей окончания эры холодной войны. Роль исторического двигателя тогда сыграл легендарный президент Франции генерал Де Голль. Его идея «Европы от Атлантики до Урала» нас, молодых дипломатов с востока, гипнотизировала. Так же как и его отважная критика в адрес США и НАТО, последствием чего стал выход Франции из военной структуры НАТО и перемещение этого альянса в Бельгию. Позднее президент Де Голль нас всех вновь удивил своим стратегическим лозунгом «Détente—Entente—Coopération» (разрядка—взаимопонимание—сотрудничество), открывшим путь к общеевропейской конференции в Хельсинки. Я был очень счастлив, когда мой посол взял меня как своего близкого сотрудника на новогодний прием 1 января 1967 года в Елисейский дворец. Весь дипломатический корпус заслушал интересное выступление французского президента. Де Голль затем поздравил всех послов лично. Когда он подошел к чехословацкому послу, то обменялся позитивными словами относительно развивающихся отношений между нашими странами. Затем генерал пожал руки послу и его сотрудникам. Мне было приятно находиться среди них.

Подошел роковой 1968 год. Для меня он начался блестяще. Как активного спортсмена меня обрадовало известие из Праги, что чехословацкий олимпийский комитет утвердил меня в качестве олимпийского атташе на зимние олимпийские игры в Гренобле. В феврале 1968 года их опять открывал лично президент Де Голль. Я старался как «француз» помогать нашим спортсменам во всем, чтобы удовлетворить их нужды. Больше всего болел за наших хоккеистов, среди которых были и наши звездные спортсмены

из Брода — Иржи Холик и Ян Сухи. Олимпиада в Гренобле была для Чехословакии самой успешной в истории. Отличился прежде всего Иржи Рашка с золотой и серебряной медалями, знаменитый прыгун. Но больше всего мы переживали победу наших хоккеистов над сборной СССР 5:4. Ночью после этого матча для атташе было нелегкой задачей раздобыть бутылку пльзеньского пива. А на знаменитое французское вино спроса не было.

После возвращения в Париж меня ожидали майские студенческие бури. Я с семьей проживал в центре Латинского квартала в известном «чехословацком доме» на улице Бонапарта, номер 18. Здесь в эти дни и ночи я был свидетелем множества баррикад, горящих автомашин и крупных столкновений. Участвовал и в бурных дискуссиях со студентами во дворе Сорбонны и в театре Одеон. Активно поддерживал контакты со студентами и представителями левых партий. В конце 1967 года я сопровождал Франсуа Миттерана (тогдашнего председателя социалистической унии) и его супругу во время их поездки в Прагу. Посещал Мишеля Роккарда, тогдашнего председателя Объединенной социалистической партии (ПСУ), который позже стал премьер-министром. «Пражская весна» и идея Дубчека строить «социализм с человеческим лицом» председателю ПСУ очень нравилась. Я часто посещал французский парламент, где моим близким собеседником был секретарь радикал-социалистической группы Мишель Шарас. Позже он стал министром экономики. Я его навестил в последний раз с дружеским визитом в здании на Кэ Бранли в 1991 году.

События подходили к горячему чехословацкому лету. Как удар молнии мы приняли известие о том, что 21 августа 1968 года войска Варшавского договора вошли в Чехословакию. Вместе с подавляющим большинством нашего населения мы не могли понять, как подобное могло случиться в стране, которая до тех пор по праву считалась одним из ближайших союзников СССР. Для нас, работников заграничной службы, сложившаяся обстановка была ясна с патриотической и моральной позиции: мы поддерживали наших высших представителей — президента Людвика Свободу, правительство и руководство КПЧ во главе с Александром Дубчеком, которые выступили против военной интервенции и осудили ее. И я лично это сделал без колебаний.

Свою дипломатическую миссию во Франции я закончил, что планировалось вне контекста драматических событий, и 23 декабря 1968 года вернулся на родину. Я не знал, что меня ожидает на работе, но был рад, что встретил своих родных в живых.

Наступила эра «нормализации», пустившая в ход механизм кадровых чисток. Карусель исключений из партии стала крутиться вместе с перевоспитанием «ошибившихся». Она постигла сотни тысяч честных людей, в том числе и меня. Я очутился в группе «ошибившихся», получил выговор и был переведен в безвыездный аналитический отдел МИДа, где стал заниматься подготовкой общеевропейской конференции в Хельсинки. С этой проблематикой я остался связан целых 20 лет до конца своей дипломатической карьеры.

Хельсинки — ОБСЕ

Восточные и западные специалисты признавали, что идея общеевропейской конференции по безопасности и сотрудничеству возникла уже в

середине 60-х годов в Москве. Целью было преодолеть трудный период холодной войны и утвердить эру мирного сосуществования. Созыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписание его Заключительного акта в Хельсинки летом 1975 года стали несомненно одним из самых знаменательных событий послевоенной истории Европы. Заключительный церемониал, когда рядом сидели высшие представители 33-х стран Европы, США и Канады, — это само по себе незабываемое уникальное зрелище. Но правдой является и то, что на всех этапах этого совещания и на последующих встречах существовали глубокие разногласия, так как мотивы подхода Востока и Запада зачастую диаметрально расходились. Я мог бы привести множество примеров конфронтационных столкновений, тяжелых поисков компромиссных решений. Матадоры многосторонних переговоров изобрели для достижения своей цели такие тонкости, как остановка часов или перерывы на кофе, которые зачастую затягивались до позднего ночного времени. Вспомню несколько моментов, которые в свое время приобретали острый характер, а сейчас вызывают лишь улыбки.

На подготовительные переговоры, которые проходили с 22 ноября 1972 года в пригороде Хельсинки Диполи, приехал ветеран советской дипломатии Валериан Зорин. Он имел очень теплое отношение к Чехословакии, которое сохранилось с того времени, когда он работал послом СССР в Праге в первые послевоенные годы. В Диполи он «патерналистически» дружил с нашей делегацией и хорошо относился ко мне, узнав, что я учился в МГИМО вместе с его дочерью. В составе советской делегации он был ответственным за область культуры, воспитания, информации и контактов между людьми. Однажды, когда определялась структура будущего документа, он у меня спросил, что нового в кулуарах конференции. Я ему ответил, что Запад очевидно стремится к тому, чтобы вопросам контактов и обмена информацией отводилась не только третья часть документа, чтобы эти вопросы появились и в первой части как принцип прав человека. Посол Зорин казался удивленным, как будто бы о такой возможности слышал впервые. Его ремарка была очень строгой: «Видите этих западников? Им недостаточно третьей корзины для прав человека, им хотелось бы включить эти права и в нашу декларацию принципов».

Следующий случай также свидетельствует о том, насколько различными были подходы к совещанию. Однажды, когда уже вырисовывалась структура будущего документа, в кулуарах Диполи появились три большие корзины и в них бумажки с названиями отдельных его частей. Это организовали западные журналисты с долей юмора и с целью показать, каким большим объемом проблем делегациям приходится заниматься. Но некоторые «идеологи» в наших делегациях реагировали на выходку журналистов возмущенно: западники бросают в корзины такие важные принципы, как нерушимость границ?! Во вторую корзину экономику — результаты наших пятилеток?! Но если им корзины настолько понравились, то пусть в них оставят свои контакты между людьми и обмен информацией! И на самом деле, позднее в жаргоне совещания чаще всего употреблялись слова «третья корзина».

И на последующих этапах хельсинкского процесса мне было очень приятно работать и встречаться с коллегами по МГИМО. В Женеве, где мы занимались редакцией Заключительного документа и где я был ответствен-

Семья, собравшаяся праздновать 70 лет со дня рождения автора

ным за «Follow-up», то есть последующие шаги, я тесно сотрудничал с Владимиром Петровским и Юрием Дубининым, которые мне очень помогали своим богатым опытом. Во время саммита в Хельсинки летом 1975 года я занимал ответственный пост секретаря чехословацкой делегации, которую возглавлял президент Густав Гусак. Участвовал в организации его двусторонних встреч, например с премьер-министром Штроугалом или министром Хроупеком. Вернувшись в Прагу, я написал брошюру «Чехословакия и ОБСЕ», которая была издана не только на чешском, но и на русском языке. Сопровождал председателя Штроугала, который с официальным визитом посетил Францию, а затем Турцию. Я был ответственным за редактирование заключительных коммюнике.

В 1977–1978 годах я участвовал в сложной работе на Белградской встрече, в 1979 году участвовал в экспертном совещании по Средиземноморью в Лавалетте. В конце 1979 года я был членом чехословацкой делегации в Нью-Йорке на чрезвычайной сессии ООН по разоружению. В начале 1980 года я был назначен в качестве шарже-д'афэр¹ посольства в Брюссель. Оттуда я ездил в Мадрид, где состоялась последующая общеевропейская встреча. Она проходила в очень сложной обстановке из-за советской военной интервенции в Афганистан и из-за последующего военного переворота в Польше.

Брюссель — 1983–1985

Опасный кризис разразился в 1983 году. Страны НАТО начали размещать ракеты средней дальности в Западной Европе и в Турции. СССР в

¹ *hargé d'affaires (дипл.)* — поверенный в делах.

ответ Першингам ускорил работы по размещению ракет СС-20 в ГДР и Чехословакии. Американский президент Рейган развивал свои планы «Звездных войн» и милитаризации космоса. «Битва нервов» вновь стала очень интенсивной.

Мы в Брюсселе проживали лихорадочные дипломатические дни вплоть до лета 1985 года. Были свидетелями и прямыми участниками не только всевозможных давлений и зондажей, но и конкретной подготовки к вооруженному столкновению. Многотысячные демонстрации пацифистов проходили почти ежедневно, и не только в Бельгии. Политики однако оставались неуклонными и беспомощными. Проиллюстрирую ситуацию на одном личном эпизоде.

В эти трудные дни большую активность проявлял бельгийский министр иностранных дел Лео Тиндеманс, который стремился смягчить напряженность и не допустить ее дальнейшей эскалации. Министр помнил меня по Хельсинки, где во время приемов я его обычно приветствовал и мы перебрасывались парой слов. На приеме 1983 года мы опять встретились и я спросил, есть ли у него какие-нибудь обнадеживающие новости. Он ответил отрицательно и объяснил: «Во время похорон Черненко в Москве я поговорил о ракетах средней дальности с Громыко, старался достичь хотя бы тактического смягчения. Ответом Громыко, к сожалению, опять было бескомпромиссное “нет”».

Напряженность продолжалась, и казалось, что выхода из этой опасной ситуации нет. Но вдруг во главе СССР появился Михаил Горбачев, и с ним наступила эра «перестройки» и «нового мышления». В апреле 1985 года Горбачев объявил односторонний мораторий на размещение ракет средней дальности в Европе и возобновил переговоры СССР—США в Женеве о ядерном и космическом оружии. Реакция американской стороны оказалась встречной и позитивной. Вожди двух сверхдержав наверное поняли, что продолжать конфронтацию очень опасно. В ядерную эпоху в конце концов речь идет о жизни и смерти не только для обеих сторон, но и для всего человечества.

И вот наступила оттепель, даже в Брюсселе. Мой бельгийский друг организовал впервые в истории футбольный матч между сборными социалистических посольств и чиновниками НАТО. Он попросил меня выступить на поле в качестве судьи, что я с удовольствием и сделал.

Венская встреча ОБСЕ — 1986—1989

Как только я вернулся из Брюсселя в Прагу, меня назначили заместителем главы чехословацкой делегации на последующую общеевропейскую встречу и перевели в Вену. Время перестройки было для нас необыкновенным и нелегким. Новые идеи вдруг стали приходить из Москвы, откуда раньше чаще всего дул холодный ветер. Советские позиции резко изменились по таким вопросам, как контакты между людьми, гуманитарное сотрудничество и права человека. Тормозящие инструкции для наших делегаций больше не приходили из Москвы, но теперь — из Бухареста, Берлина, а также из Праги.

Чехословацкое руководство того времени боялось почти всего. Диссидентское движение в стране усиливалось, и власти продолжали анахрони-

чески употреблять репрессивные методы. Нам в Вене приходилось присоединяться к общему консенсусу в последний момент, чтобы не очутиться в изоляции. Пострадало от этого и наше предложение по созыву Экономического форума в Праге, за принятие которого я был лично в делегации ответственным. Экономический форум был в значительной степени моей личной инициативой. Венская встреча в результате приняла идею форума, но местом его стала не Прага, а Бонн.

В составе делегаций социалистических стран доминировала «школа МГИМО». Хочу об этом вспомнить, приведя один эпизод с конца венских переговоров. Заключительный документ был почти готов, оставалось его официально принять консенсусом всех участников. Руководители Румынии, ГДР и Чехословакии все еще возражали против его содержания. В те дни среди нас очутился Юрий Кашлев, глава советской делегации, мой товарищ по МГИМО, с которым я соперничал только на баскетбольной площадке. Он нам сказал, что у него есть поручение из Москвы заехать в Берлин с целью убедить руководство Хонеккера больше не препятствовать и принять Венские соглашения. Я ему тогда сказал: «Не хотел бы ты заехать также в Прагу и переубедить наше руководство?» И до сих пор слышу ответ Юрия: «Зачем мне это делать? Ведь у вас очень сильная команда МГИМО. Ты и Милан Каднар отсюда из Вены все как следует объясните. В Праге министр иностранных дел Яромир Йоганес и в международном отделе ЦК Радослав Клейн, наши товарищи по МГИМО. Думаю, что всем вам ясно, что против всеобщего течения идти нельзя. По пути в Берлин остановлюсь в Праге, но только для того, чтобы выпить кружку пльзеньского пива». В последний раз я с друзьями встретил Юрия Кашлева в октябре 2004 года, когда он, проректор Дипломатической академии, принял нас у себя в старом доме у Москва-реки. И мы вспоминали о всех близких, кто очутился в стенах этого небольшого, но исторически невероятно насыщенного богатством людей и идей здания.

В начале 1990 года после 32 лет работы я покинул внешнюю Чехословацкую службу и перешел в частный бизнес. Сегодня, спустя десятилетия, мне чужды все попытки неисторически оценивать прошлое. Мой ответ в адрес либеральных ультраидеологов однозначен: не жалею того, что прожил. Несмотря на кризисы и осложнения, наше поколение сумело сохранить мир в Европе, где холодная война к счастью не переросла в настоящую. Разве этого мало?

Экономический консалтинг Восток-Запад

Когда я подошел к 60-летию своей жизни, я в первый раз пустился в предпринимательскую частную работу. Вместе с французским партнером мы создали консалтинговую фирму, в которой я был директором в течение 10 лет. Кроме того, несколько лет я представлял крупные бельгийские, французские и американские объединения в Средней и Восточной Европе. Не могу сказать, что вся деятельность проходила гладко и благополучно, но МГИМОВское приданое — владение несколькими языками, широкий глобальный кругозор, и кроме того опыт международных переговоров — помогло мне достичь в целом успешных результатов. И в новых условиях я посещал международные ярмарки в Москве и Санкт-Петербурге как пред-

ставитель западных корпораций. Совершенно абсурдным явлением стало то, что новые чешские элиты стремились очернить выпускников МГИМО и отодвинуть их на второй план, в то время как западные фирмы их охотно принимали и ценили их языковые знания и высокий профессионализм.

Я с улыбкой вспоминаю пребывание в сентябре 1999 года в Москве, где сопровождал директора одного американского объединения из Коннектикута. На всех российских предприятиях, которые мы посетили, американский директор всегда начинал свою презентацию с того, что представлял меня как чешского коллегу — выпускника МГИМО. Он считал этот факт важным в общественном плане и предпринимательским плюсом, хотя я его об этом не просил.

Приведу еще одну «МГИМовскую» историю, характеризующую атмосферу конца девяностых годов в Чехии. Однажды мы выбирали из 15 кандидатов человека на пост торгового директора для французского филиала в Праге. Наш выбор пал на одного кандидата не только потому, что он хорошо владел французским языком, но и потому, что он говорил по-арабски, имея опыт работы в Алжире и Тунисе. Он относился ко мне почтительно, но осторожно, и когда я его спросил, где же он выучил арабский язык, он как-то несмело ответил, что это было в одной чужой стране, где он выучил и русский язык. Добавил еще, что это было учебное заведение, в котором готовят студентов для работы в международных организациях, но сейчас о нем не стоит говорить. Чтобы прекратить его терзания, я ему задал последний вопрос: «Не находилась ли эта школа в здании около Крымского моста?» Мой младший коллега покраснел и вздохнул: «Откуда Вы это знаете?» Когда я ему объяснил, что я являюсь одним из первых выпускников этого института, его лицо засияло широкой улыбкой и облегчением. Этим коллегой был Иржи Земанец, выпускник МГИМО 1982 года.

Клуб чешских и словацких выпускников МГИМО

В сентябре 2002 года, спустя 50 лет после того, как мы, трое первых чехословацких студентов, поступили в МГИМО, я связался со своим лучшим другом Милошем Штепанеком и решил собрать коллег на памятную встречу. Собралось около 50 человек, многие не видели друг друга долгие годы. Некоторые лично познакомились впервые — ведь нас уже три поколения: деды, отцы и внуки. Почти спонтанно появилось предложение встречаться регулярно, и с этой целью создать неформальный клуб. Хотя историческая судьба разделила Чехословакию на две самостоятельные республики: Чешскую и Словацкую, мы решили, что наш клуб должен действовать как совместный клуб чешских и словацких выпускников. Мы учились вместе, многими десятилетиями работали вместе и до сих пор находимся в дружеских отношениях, личных или деловых. Нам было очень приятно принять участие в октябре 2004 года в торжествах по случаю 60-й годовщины МГИМО. Мы приехали в Москву довольно крупной делегацией, включая видных бизнесменов, выходцев из МГИМО. Во время торжественного вечера в гостинице «Россия» большое впечатление на нас произвело очень дружеское выступление президента Азербайджана Ильхама Алиева. Это нам послужило импульсом для того, чтобы организовать успешную миссию в Баку. В сентябре 2005 года некоторые из нас представляли свои предприятия на

*Встреча МГИМО
в г. Святой Юр при Братиславе в мае 2004 г.*

Чешской национальной выставке в Иркутске. В Брюсселе наши коллеги помогли наладить контакты с Евросоюзом русским бизнесменам.

2006-й год мы посвятили прежде всего Китаю. Поездку в эту большую страну нам помог организовать наш МГИМОВский коллега Милош Крижко, у которого в Пекине процветающая фирма. При подготовке своего первого визита в Китай я, конечно, не мог не вспомнить своих китайских товарищей — выпускников МГИМО 1958 года. Близкими для меня были Тонг Синли, подруга по французской группе, и Сюй Бо, работавший позже в китайском институте международных отношений. Когда мы в 1958 году прощались в Москве, они мне оставили свои адреса, написанные

Подготовка студентов в Якутске, август 2007 г.

*Передача должности председателя Клуба МГИМО
Йозефу Крейчи, 16 февраля 2012 г.*

на конвертах китайскими иероглифами. Спустя 50 лет я их отослал своим друзьям в Китай. И что же случилось еще до моего отъезда в Китай?! Тонг Синли неожиданно позвонила, взволнованно поздравила и сказала, что они и другие коллеги будут очень рады встретиться со мной. «Встреча МГИМОВцев» состоялась 19 октября 2006 года в ресторане мировой известности «Пекинская утка». Трудно описать те эмоции и чувства, когда встречаются близкие однокурсники спустя 48 лет. Тонг Синли и ее муж Жу Сингли, два видных китайских дипломата, генерал До Тухань, который заканчивал свою карьеру военного атташе как военный представитель КНР при ООН, со своей супругой встретили меня очень тепло и сердечно. Близкий друг Сюй Бо, проживавший в Шанхае, из-за болезни, к сожалению, не смог приехать.

Регулярно мы посещали нашу «альма-матер». Вместе с секретарем Клуба Иржи Беднаржом мы залетели даже в далекий Якутск, чтобы подготовить якутских студентов на учебу в Прагу. Гордились тем, что нам удалось составить «Альманах» первых чехословацких студентов МГИМО, который затем служил в качестве красивого подарка. Кроме коллег из России, мы поддерживали тесные контакты с немецкими товарищами, которые приезжали в Прагу на наши ежегодные встречи, и мы отвечали визитами в Берлин. Мне пришлось руководить нашим Клубом в качестве председателя полных 10 лет. Несмотря на мой возраст, я это воспринимал как почетный долг. В 2012 году, когда мне исполнилось 80 лет, я нашел отличного организатора, который согласился стать председателем Клуба после меня. Им является Йозеф Крейчи, выпускник МГИМО спустя почти 20 лет после меня. Под его руководством наш Клуб продолжает свою активную работу.

«Родная Ладога» — писатель и мыслитель

Освободившись от организационных забот клуба МГИМО, от экономического консалтинга, я смог сосредоточиться на своей творческой работе. По сути дела, я был писателем всю свою жизнь. Дневники я писал для себя и своих близких, начиная с разгрома фашистов под Сталинградом. О моих корреспонденциях из Москвы в студенческие годы я уже рассказывал. Во время работы дипломатом я сочинял сотни и тысячи страниц рапортов, анализов, документов, которые, вероятно, находятся в чехословацких архивах. Я старался, чтобы все мои тексты звучали позитивно с целью способствовать сохранению мира в Европе.

Под старость я тяготел все больше и больше к корням прошлого, к истории. Однако кризисы, войны и поиски выходов из всевозможных бед глобализма заставляют меня до сих пор заниматься и актуальными проблемами.

Я продолжаю сотрудничать с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Думаю, что она должна играть намного более заметную позитивную роль не только в поисках решений кризисных ситуаций, но прежде всего в развитии взаимного сотрудничества. Свидетельствует об этом мой вклад в книгу «CSCE Testimonies», изданную в Вене в 2013 году на английском языке. Очень рад тому, что она содержит мои свидетельства об ОБСЕ (1972–1989) наряду с воспоминаниями моих друзей Юрия Дубинина (СССР) и Петера Штеглиха (ГДР), вместе со свидетельствами видных и близких мне западных дипломатов. В контакте я и с журналом «Сообщество безопасности», где в своих комментариях помогаю искать выходы из тупиковых ситуаций.

Сотрудничаю также с журналами «Славянская взаимность» и «Пражский телеграф», где время от времени появляются мои статьи. Меня терзает, что между некоторыми славянскими народами существуют недоразумения, даже конфликты, вместо сотрудничества.

В духовном плане новый размер мышления раскрылся, когда я и мой словацкий соратник Ижо Початек познакомились и сблизились с профессором Владимиром Заир-Беком, нашим коллегой по МГИМО, хотя он на 20 лет моложе нас. Он часто приезжал в Прагу и Братиславу, и каждый раз нас удивлял и привлекал своими бизнес-проектами и научным творчеством. Когда он нас в первый раз познакомил с журналом «Родная Ладога», мы сразу почувствовали, что этот культурно-просветительный журнал приносит что-то новое. В годы, когда во всем мире стал доминирующим фетиш денег, имущества и роскоши, «РЛ» делает упор на духовную жизнь, на исторические ценности, борется против искажения даже недавнего прошлого. Когда Владимир нам предложил пойти на творческое сотрудничество, наш ответ был без колебаний позитивным.

Наши «чешские» встречи также менялись по своему содержанию, от бизнеса к духовным ценностям. Совместно мы приняли участие в международном симпозиуме в честь Ярослава Гашека под замком Липнице, где он похоронен. Встретили его внука Рихарда Гашека и обещали ему помогать, чтобы память о его деде не искажалась современными «знатоками». Очень приятной была наша встреча с духовными руководителями Чехословацкой гуситской церкви по случаю 600-летия мученической смерти Яна Гуса. Моя статья в «РЛ» о Яне Гусе и гуситах стала для меня настоящим возрожде-

нием, поскольку некоторые сегодняшние псевдоисторики называют гуситов «средневековыми террористами».

Подобно этому я очень благодарен «РЛ» за то, что опубликовал мою статью к 120-летию президента-генерала Людвика Свободы. Помогала мне при этом дочь генерала профессор Зоя Клусакова-Свободова, которой исполнилось в те дни 90 лет. От себя и от издательского дома «Родная Ладога» я преподнес к ее юбилею букет цветов. Мне важно позитивно отзываться о президенте-генерале Свободе и одновременно отвергать клевету о нем потому, что я получил в 1968 году медаль «За службу Отечеству» с его подписью, которую храню и ценю до сих пор.

Визиты в Ленинград (Санкт-Петербург) были для меня источником духовного обогащения всегда. Тем более после моего сближения с «РЛ». До конца своей жизни не забуду продолжительную беседу в редакции журнала с духовным хранителем Владыкой Константином. Сколько богатых мыслей он мне приблизил, рассказывая об истории России. С каким вниманием он выслушал мой рассказ о том, что случилось с чехословацкими парашютистами в катакомбах православной церкви в Праге и о мести гитлеровцев за смерть Гейдриха. Владыка был взволнован настолько, что обещал лично посетить Прагу. Я и мои друзья ждем этого визита и готовы сопровождать этого блестящего человека.

Что сказать в заключение своих размышлений: я убежден в том, что у каждого из нас должны быть свои корни. Места, где он родился, вырос и куда любит возвращаться в годы своей активной работы. Без этой привязанности к родной почве трудножато жить и в сегодняшнем мире, мире мультикультурализма и насилия. Если мы хотим сохранить себя, мы должны беречь свои корни. Нужно об этом помнить, несмотря на все невзгоды настоящего времени.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Алексей ПОДЦЕРОБ

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА

Алексей Борисович Подцероб — выпускник МГИМО МИД СССР и Дипломатической академии МИД СССР. Работал в Центральном аппарате МИДа и посольствах СССР в Алжире, Ливии и Египте, старшим советником Постпредства СССР/РФ при ООН, послом России в Ливии и Тунисе. Имеет ранг Чрезвычайного и полномочного посла. Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Кандидат исторических наук. Автор многих монографий. Живет в Москве.

Современный политический ислам уходит корнями в XVIII — первую половину XX века, которые оказали влияние на современные исламистские организации. К этим столетиям Россия и Австрия завоевали причерноморские и балканские провинции Османской империи, добились независимости Греция, на Алжир, Тунис и Марокко обрушились французы, а Триполитания и Киренаика стали завоевываться Италией, Великобритания установила контроль над югом Аравийского полуострова и покорила Западный Индостан. Мусульманский мир все более и более отставал от Европы в производительности труда, а также в науке. Естественно, руководители исламских стран задавали вопрос, почему так произошло, и находили ответ, в том числе и в религии.

Прежде всего речь идет о ваххабизме. Это учение зародилось в Аравии. Сам Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб родился в 1702 году в Неджде. Он был суфием, путешествовал по Хиджазу, Ираку, Персии. Его вывод — возвращение к чистому исламу, существовавшему в период правления первых четырех халифов, поклонение пророку Мухаммеду, отрицание культа марабутов. Мухаммед проповедовал пуританизм, запрещал носить роскошные одежды, под запрет попадали не только потребление алкоголя, но и курение и нюхание табака, было запрещено посещение кладбищ, был наложен запрет на украшение мечетей, а старые мечети разрушались. Мухаммед требовал от сторонников нового учения вести аскетический образ жизни. Он обвинил в ереси остальных мусульман и повел с ними борьбу.

В начале XIX века ваххабиты, установившие свой контроль над Недждом, завоевали Хиджаз и начали вводить там свои порядки. Ту-

рецкий наместник Египта Мухаммед Али по приказу Стамбула изгнал их в 1811–1818 годах из Мекки и Медины и — на короткий срок — из Неджда. Но, в конце концов, в первой половине XX века ваххабитам удалось объединить под своим руководством в 1902 году Неджд, а затем Эль-Хасу, Хиджаз и Асир. Все это привело к образованию в начале прошлого века Саудовской Аравии.

Король Абд аль-Азиз стал опираться на учение М. Абд аль-Ваххаба, ориентируя его на оседлое земледелие. Вновь, как и столетие назад, возник союз между саудитами и духовными руководителями ваххабизма. Предписания короля стали обязанностью правоверных мусульман. В соответствии с декретами Абд аль-Азиза и проповедью ваххабизма кочевники начали оседать на земле. Основное было сделано — в распоряжении короля оказалась послушная его воле сила. Осевшие племена играли главную роль в политической жизни Саудии. Однако Абд аль-Азиз, выхлостив принцип племенной принадлежности, выдвинул принцип декретов короля, стоявших выше шейхов. Но декреты короля шли дальше — вне зависимости от его желания — Саудовская Аравия превращалась в централизованное государство, освобождаясь от борьбы шейхов племен. Более того, сознавая всю отсталость саудовцев по сравнению с Левантом и Магрибом, Абд аль-Азиз широко привлекал иностранцев, демонстрируя тем самым расхождения с религиозной ксенофобией. Но в то же время проповедники ваххабизма оказывали на короля влияние своей проповедью ислама. Однако позже Абд аль-Азиз убедился, что вмешательство проповедников ограничивает его возможности управления страной, и стал ограничивать их роль.

Однако часть осевших — «ихваны», ударные войска саудовцев, достигнутым не ограничилась и начала наступление на Египет, Трансиорданию и Ирак. В ответ великобританская авиация стала бомбить лагеря «ихванов» на территории Аравии. В связи с этим саудовское правительство предприняло меры по подчинению «ихванов» властям. После этого ваххабизм окончательно превратился из наступательного в консервативное учение. Сторонники этого учения ориентировались на закрепление власти Аль Саудов, отвергая все новшества в религии.

Но разногласия между ваххабитами и Аль Саудами все же возникали. Наиболее ярким примером этих разногласий стало сближение, предпринятое Абд аль-Азизом в отношении Соединенных Штатов во время Второй мировой войны. Саудовская Аравия получила в эти годы роль стратегического союзника Вашингтона. Король КСА стремился дистанцироваться от Англии, которая поддерживала его давних врагов Трансиорданию и Ирак. Кроме того, он был настроен в пользу получения от американцев экономической помощи, а также современного оборудования. В США же исходили из того, что американцы заинтересованы в саудовской нефти, а Эр-Рияд заинтересован в реальной помощи со стороны Вашингтона. Приверженцы ваххабизма проявляли недовольство начавшимся сближением Саудии с американцами. Однако их мнение на этот счет было Абд аль-Азизом проигнорировано.

Следующим стал Али Сенуси. Он родился в 1787 году в Мостаганеме (Алжир). А. Сенуси учился в университете Краун в Фесе, каирском Аль-Азхаре и в мекканском университете Азир, где ознакомился с ваххабизмом, а также учением суфийских лидеров. В 1837 году А. Сенуси, будучи

в Хиджазе, основал свой орден. Перебравшись в Киренаику, он основал завияу¹ Аль-Бейда, а в 1856 году А. Сенуси Великий переместил центральную завияу в оазис Джагбуб, чтобы избежать вмешательства османов. Позже его преемник Мухаммед Сенуси в 1895 году сделал своей резиденцией оазис Аль-Джоф (Куфра), а в 1899 году перенес завияу в оазис Куру (северо-восточная часть массива Тибести). В 1902 году, в связи с продвижением французов, сенуситы решили возвратиться снова в Куфру.

А. Сенуси призывал к возврату к исламу таким, как он был создан Мухаммедом. Он настаивал на очищении суфизма и возврату к Корану и хадисам², а также призывал к объединению тарикатов³ в один универсальный орден. А. Сенуси требовал для мужчин запрета на употребления алкоголя и табака, а также богатой одежды и украшений. Музыка, барабаны, танцы, шествия и хождения по кругу, также распространенные среди членов орденов, были запрещены.

А. Сенуси стремился проповедовать мусульманское учение среди язычников, населявших окраины Сахары. В пустынных районах Киренаики, Феззана, Триполитании, Центрального Судана, Египта и Туниса шло распространение учения сенусизма. В конце XIX века было создано 146 завий. Им принадлежали земли, которые считались вакуфными и не могли продаваться. Каждый, кто желал поселиться в завии, получал участок земли, а богатые лица использовали для обработки земли слуг и рабов. По установившемуся порядку члены племени, во владениях которого находилась завия, должны были платить ей десятину с полученного урожая. Завия была местом для молитв и обучения, но также местом суда, торговым и сельскохозяйственным центром и караван-сараем. Возглавлявший завияу шейх был главным священнослужителем, школьным наставником, арбитром в родовых спорах и кади. При шейхе имелся совет, куда входили заместитель шейха, знатные представители племен и имам. На практике школ в Киренаике тогда не существовало, но в Джагбубе было создано начальное учебное заведение. Позже были созданы другие школы — куттабы, а также университет.

Оседлым жителям и бедуинам во второй половине XIX века практика сенусизма вызвала положительную реакцию: она позволила воцариться в пустыне спокойствию, моральному и экономическому улучшению, а также это учение демонстрировало ненависть к османам. Поэтому жители Сахары выступили против попыток подавить сенусизм. Правда, проповедь сенусизма встречала сопротивление туарегов.

Завии постепенно превратились в органы гражданской администрации, а также выполняли религиозную и образовательную функции. Жители завий и бедуины все более вовлекались в социально-экономические отношения феодально-теократического характера. В начале XX века представители рода Сенуси и шейхи завий превратились в феодалов, создав государство в Османской империи.

¹ Завия — комплекс зданий религиозного назначения, включающий мавзолей святого, мечеть, школу, гостиницу.

² Хадис — описание высказываний и действий Мухаммеда.

³ Тарикат — принадлежность последователей суфизма к одному из орденов, в котором наставник обучал приверженцев религиозно-мистической практике.

Сенуситы не отказывались платить ежегодную дань Высокой порте вплоть до 1856 года, когда султан Абдуль-Меджид I отказался от взимания налогов в свою пользу. Впрочем, сенуситы отделились под защиту османов и в 1908 году подняли над Куфрой турецкий флаг. Но они отказывались вмешиваться в происходящие конфликты, в частности, посылать войска для помощи османской армии в ходе турецко-русского конфликта в 1877–1878 годов, для помощи Тунису, который был оккупирован Францией в 1881 году, и установить контакты с египетским движением Ахмеда Араби-паши.

Сенуситы проповедовали свое учение мирным путем, однако французы в конце XIX — начале XX века и итальянцы в первой половине XX века столкнулись с их сопротивлением. В 1901 году произошли столкновения воинов-сенуситов с французскими войсками в Чаде. Французам удалось за десять лет покончить с сенуситским влиянием в этой стране и на прилегающих территориях. Впрочем, сенуситам мешало то, что начиная с 1911 года их внимание было сосредоточено на отражении агрессии Италии против Киренаики и Триполитании. Правда, 18 октября 1912 года султан Мехмед V признал присоединение Киренаики и Триполитании к итальянцам. Но сенуситы продолжали сопротивление, особенно в Киренаике. Итальянцам удалось умиротворить их в 1933 году.

В ходе Второй мировой войны, после вступления Италии в войну 10 июня 1940 года, сенуситы сформировали Ливийские арабские силы в составе одного моторизованного и четырех пехотных батальонов, которые приняли активное участие в боевых действиях на территории Итальянской Ливии и Египта. Позже численность ливийских сил достигла 14 тыс. человек.

После окончания войны западные державы пытались установить контроль над Ливией, чему противодействовал Советский Союз. В конечном счете, Ливия в 1951 году получила независимость, и сенусизм стал основным учением нового королевства. В 1967 году сенуситы составляли 5 % населения страны. Тем не менее они оказали влияние на формирование последующих форм политического ислама, включая «Третью мировую теорию» Муаммара Каддафи.

Восточный Судан подвергался в XIX веке эксплуатации англичан и египтян, вывозившим скот, зерно и слоновую кость. В широких масштабах велась работорговля, которая, впрочем, была запрещена в 1857 году. В ответ на это суданцы стали склоняться к махдизму, основанному дервишем Мухаммедом бен Абдаллахом. Он родился в Донголе (Судан) в 1834 году. Мухаммед выступал с призывами очистить религию, вернуться к исламу времен Мухаммеда, освободить мир от алчности и коррупции. Его последователи отвергали сунну и считали истинным лишь Коран, а также прокламации руководителей братства. Мухаммед отвергал культ марабутов, призывал к строгой простоте нравов, граничащей с аскетизмом. Он считал прибывших из Египта улемов еретиками, был против введения инноваций, против отмены рабства и высоких налогов. Мухаммед требовал введения всеобщего равенства и братства, отвергал авторитет мазхабов, допуская тем самым новое толкование мусульманских законов. В 1881 году он провозгласил себя махди.

Мухаммед организовал армию, в которую вступили десятки тысяч крестьян, бедуинов, ремесленников и беглых рабов. В начале января 1885 года он взял Омдурман, а некоторое время спустя Мухаммед занял Хартум.

К лету 1885 года почти вся страна была очищена от египетских и английских войск.

Он создал эффективное теократическое государство, которое носило эгалитаристский характер. Было проведено упрощение фискальной системы и снижено налоговое бремя, предпринимались меры по установлению экономических отношений на основе требования социальной справедливости, введено племенное и этническое равенство и исключено проявление роскоши государственных чиновников. Появлялись новые города. Для удовлетворения потребностей армии создавалась мелкая промышленность. Правда, после победы восстания к движению примкнули помещики, вожди племен, купцы, работорговцы. При пришедшем к власти в июне 1885 года после смерти Мухаммеда Абдаллахе государство стало приобретать феодальный характер. Русский путешественник А. В. Елисеев писал, что «вопрос о возникновении и дальнейшем развитии царства махдистов интересен для нас не с одной политической стороны, гораздо важнее и интереснее для нас изучение его с точки зрения общечеловеческой культуры и процесса развития нового мусульманского государства, основанного на новых началах»¹. Путь, предложенный махдистами, оказал воздействие на Чад и Нигерию, а в последующем он влиял не только на Судан, а на весь регион.

К уничтожению государства махдистов привели действия англичан и египтян в 1898 году. Причем оплачивал операцию Египет. Они противопоставили старинным орудиям, стрелявшим ядрами, современные пушки, оснащенные разрывными снарядами, а мушкетам — пулеметы. Сражения носили ожесточенный характер. «...В атаку, — писал Р. Киплинг, — ринулись три тысячи не учившихся по книгам, что смертоубийственно атаковать противника густой толпой под кинжальным огнем. Лишь одиночные выстрелы известили об их приближении, и лишь одиночные всадники скакали впереди — главные же силы состояли из полуголых, пришедших в неистовство людей, вооруженных только копьями и саблями. Обитатели пустыни, где почти не стихают войны, они чутьем угадали, что каре всего слабей с правого фланга, и круто повернули в обход»². У. Черчилль, не отличавшийся человеколюбием, тем не менее писал, что это — лицемерие: утверждать, что война велась с целью наказать злобное поведение дервишей; армия решила, что враги являются паразитами и всех их следует уничтожить.

Среди дервишских орденов махдисты в современном Судане представлены орденом «Аль-Ансар»; они стремятся вернуться к «золотому веку», имевшему сравнительно реальный прецедент в XIX веке. Пустующая на сегодняшний день гробница Мухаммеда (его прах был сожжен англичанами) превратилась в место поклонения мусульман. В 1945 году «Аль-Ансар» была создана партия «Аль-Умма» («Нация»). Она была сформирована феодально-племенной верхушкой, компрадорской буржуазией и крупными чиновниками. Программа «Аль-Уммы» носила антидемократический и антикоммунистический характер. Она требовала развития страны на основе положений ислама и запрещения участвовать профсоюзным и политиче-

¹ Елисеев А. В. По белу свету. Очерки и картины из путешествия по трем частям Старого Света. СПб., 1898. Т. IV. С. 239.

² Киплинг Р. Избранное. М., 1980. С. 48.

ским организациям в политической жизни стары. До 1968 года «Аль-Умма» находилась в первых рядах правых сил Судана.

Среди предшественников современного политического ислама особо выделялся Египет. В 1798–1801 годах он был оккупирован французами. Против оккупантов египетский народ поднимал восстания, но одновременно египтяне знакомились с военными, техническими и научными достижениями Европы и с эгалитаристскими и атеистическими идеями Великой Французской революции. После эвакуации французских войск в Европу, к власти пришел М. Али и его сыновья, хедивы Египта, попытавшиеся модернизировать страну. Быстро возросло производство хлопка и сахарного тростника, ориентированное на экспорт. Было осуществлено строительство железных дорог. Значительно расширился порт Александрия. Возрастало стремление египетских помещиков и купцов освободиться от власти турецкого султана. В 1882 году было организовано восстание, которое возглавил военный министр А. Араби. В ответ на это Египет был оккупирован англичанами, хотя формально страна оставалась вассальным владением Османской империи. Англичане разорили крестьян, 1,5 млн из которых остались без земли. Из 37 текстильных и нескольких прядильных фабрик уцелели две прядильных фабрики.

Параллельно развивалось и движение, направленное на реформирование ислама. Египетское общество нуждалось в переменах, изнемогало под гнетом идейного застоя, политического порабощения и научной отсталости. Естественно, что большинство людей, выступающих за введение инноваций, считали, что главное не в политической борьбе, а в создании условий для просветительства. Реформаторы настаивали на возвращении к первоначальному исламу, очищенному от наслоений, привнесенных деспотами. Безусловно, заявлял муфтий Мухаммед Абдо, человек намерен отличать хорошее от злого и создавать социальное общество, которое принесло бы успокоение¹.

В конце XIX века появились и исламские политические организации — Общество мусульманской благотворительности и Общество мусульманской молодежи. Накануне Первой мировой войны насчитывалось около десятка исламских организаций, среди которых играли заметную роль Союз Аль-Азхара, общество «Мусульманская связь», полудервишская группа «Общество братской солидарности».

Реформаторы выдвигали следующие идеи. Улем Джамаль ад-Дин аль-Афгани и М. Абдо рассматривали как одну из основных задач возрождение иджтихада², врата которого были в целом закрыты в X веке. В политической сфере Дж. Д. аль-Афгани и Рашид Рида выступали за возведение на престол халифа. Но Дж. Д. аль-Афгани настаивал на представительной системе правления, при котором существовало бы правительство технократов, которое с помощью людей, разбирающихся в промышленности, сельском хозяйстве и торговле, смогло бы обеспечить процветание экономики. Р. Рида выступал сначала за халифа, при котором должна существовать шура, а затем — по прошествии какого-то времени — за республику. Абд ар-

¹ Абдо Мухаммед. Адваа аля рисаля ат-таухид. Аль-Кахира, 1978. С. 57, 69.

² Иджтихад — деятельность богослова в решении вопросов религиозной и общественной жизни.

Рахман аль-Кавакиби являлся сторонником введения правления, выступающего за средний путь между аристократией и демократией, для чего он предлагал вернуться к веку правления четырех первых халифов. М. Абдо полагал, что высшим идеалом является правительство, наделенное принципами шуры¹. Противоречия между реформаторами существовали и применительно к методам борьбы. Дж. Д. аль-Афгани утверждал, что к реформам ведет революция, а М. Абдо считал, что просвещение и образование важнее, чем революция.

Вторгались реформаторы и в сферу экономики. А. Р. аль-Кавакиби призывал к возврату к «золотому веку», когда было равенство между богатыми и бедными. Для этого надо провести перераспределение богатства между богатыми и нищими, а закят² позволит предотвратить возобновление социального неравенства. Земля должна находиться в общественной собственности, но аренда должна быть частной. При этом арендатор должен был работать на земле, но его уход оттуда вел к прекращению аренды. М. Абдо настаивал на постепенном проведении реформ, прежде всего выступал за ограничение рибы³, и он издал фетву⁴, что шариат разрешает банковские вклады под проценты, не относя их к рибе. Дж. Д. аль-Афгани выступал за построение «исламского социализма». С его точки зрения, социализм обеспечивал права трудящихся, достижение социального равенства, участие всех граждан в делах общества. При этом он ссылаясь на опыт арабских стран в период жизни пророка и первых праведных халифов. Он противопоставлял идеи «исламского социализма» и капитализму, и основанному на научных достижениях европейскому социализму. Дж. Д. аль-Афгани выступал за панисламизм, а А. Р. аль-Кавакиби заявлял, что халифом должен быть араб-курейшит, а столица — в Мекке, а остальные должны признавать за ним только духовный авторитет.

Одновременно проявился и секуляризм. Саад Заглул-паша заявлял, что религия стоит между человеком и богом, а государство между человеком и человеком. Мустафа Кямил-паша подчеркивал, что базой преобразования должен быть патриотизм, а не ислам. За образец надо брать Японию эпохи Мейдзи, учась у нее патриотизму, конституционализму, использованию европейских достижений в области науки и техники и модернизации системы образования. Мусульманская же религия, по его мнению, должна обеспечивать поддержание веры в бога и соблюдение бытовых традиций, но не более того. Он выступал за эмансипацию женщин, полагая, что им должны быть предоставлены политические права, включая право на занятие административных должностей. Журналист Шибли Шумаель считал, что строительство нового, основанного на рационализме и науке общества требует полного разрыва со старым. Религия, полагал он, явление социальное и может быть объектом анализа и критики.

В конце XIX — начале XX века в рамках знакомого с достижениями Европы общества происходили дискуссии между реформаторами и нацио-

¹ Шура — коранический термин, означающий консультативный орган.

² Закят — налог в пользу бедных и неимущих мусульман.

³ Рибa — коранический запрет давать деньги под проценты.

⁴ Фетва — официальное суждение по поводу того или иного вопроса, выносимое религиозным авторитетом.

наристами, а также теми, кто придерживался эклектичных взглядов. Борьбу против сторонников обновления вели также и феодалы, ортодоксальное духовенство и тарикаты. В результате не удалось одержать победу ни одной из сторон. Но, несмотря на несовместимость их взглядов на общину и нацию, единым оставалось выступление против иностранного господства. С другой стороны, представители средних и низших городских слоев отвергали новшества и придерживались традиционалистской ориентации в исламе.

Отношение к реформаторам англичан было двойственным. С одной стороны, их устраивало то, что, как правило, реформаторы призывали не к вооруженной борьбе, а к внутренним реформам. С другой стороны, их призывы к созданию халифата вступали в противоречие с колонизаторскими устремлениями Великобритании.

Возникшее реформаторское движение в Египте оказало огромное влияние на весь исламский мир. Группы, выступавшие за обновление ислама, появлялись в Персии, Киренаике, Триполитании, Тунисе и Алжире. В Судане знакомство с идеями египетских реформаторов оказало значительное влияние на секту хатмия, а позже на руководителя махдистов Мухаммеда. С другой стороны, воззрения панисламистов оказали влияние на султана Абдул Хамида и на турецкую партию «Единение и прогресс».

Одновременно в 1929 году в Египте возникло новое течение. Ухудшение положения основной массы населения, изменение условий бытия, воздействие набравшей силу модернизации, невозможность для традиционных средних слоев и низов принять перспективу, отрицающую их прежнее социальное состояние, разочарование интеллигенции в возможностях обеспечить развитие страны на путях, предлагаемых сторонниками либерализма, побуждали видеть в религии путь к изменению этой действительности.

Эти условия способствовали упрочению влияния ислама и привели к созданию школьным учителем Хасаном аль-Банной салафитской организации «Ассоциации братьев-мусульман» (АБМ). Он считал, что религия является образом жизни, основой духовного возрождения человека и базой социального правления. Возврат к исламу, очищенному от последующих наслоений, является обязательным. Государство же, где конституцией был бы Коран, ввело бы шариат, а верховная власть в нем принадлежала бы выборному халифу или королю. Частная собственность объявлялась священной, но закят давал право на частичную национализацию частной собственности и распределение среди бедных средств, получаемых таким образом. Запрет на рибу означает запрет на проведение банковских спекуляций, но сама банковская деятельность разрешалась. Х. аль-Банна предусматривал проведение аграрной реформы.

Ассоциация представляла собой полуполюгальное общество, разбитое на ячейки, с сетью воспитательно-религиозных учреждений и располагавшее недвижимостью. Боевую организацию возглавлял Секретный аппарат. «Ихванами» была создана скаутская организация. Братья считали движущей силой движения студенческую молодежь. Но при этом АБМ создавалась как приспособленная к интересам мелкой буржуазии и средних слоев. Кроме того, в АБМ входили также крестьяне, рабочие, учащиеся, чиновники, военнослужащие, религиозные деятели. Ее деятельность отвечала также интересам и люмпен-пролетариата. В 1939 году члены организации «Сво-

бодные офицеры» заинтересовались «ихванами», но вскоре разочаровались в их стремлении создать теократическое государство. В 30-х годах отделения АБМ были созданы в Сирии и Ливане, которые зависели от центральной организации, находящейся в Египте.

Было бы неправомерно рассматривать «Братьев» как экстремистскую группировку. Они путем претворения в жизнь принципов «исламской революции» хотели создать благопристойное общество, где существовала бы социальная справедливость. Но анализ происходящего велся ими исходя не из фактов, а из положений религии. Это придавало выводам АБМ одновременно прогрессивный и реакционный характер, ведя к их блокированию то с левыми, то с правыми силами. Более того, поддержку «ихванам» оказывали короли Фуад и Фарук, исходившие из того, что они противостоят националистам и коммунистам. «Ассоциацию», несмотря на выступление ее с антианглийских позиций, поддерживала Британия, считая, что она оттянет на себя симпатии людей от националистов. Боевики АБМ выступали вместе с армией и полицией при подавлении народных выступлений. Вместе с тем режим Египта противодействовал «ихванам», когда они сопротивлялись режиму, высылал их и даже сажал в тюрьмы.

От пропагандистской активности «братья-мусульмане» перешли к 1936 году к террору. Они провозглашали, что их цель заключается в беспощадной борьбе, равнозначной джихаду. В годы Второй мировой войны лидеры АБМ придерживались пронацистских настроений. Пиком их деятельности стали убийства в феврале 1945 года премьер-министра Ахмеда Махира, в январе 1946 года — министра финансов Амина Османа и 28 декабря 1948 года — премьер-министра Нукраши-паши. В связи с этим АБМ была запрещена, а Х. аль-Банна убит 12 февраля 1949 года без суда и следствия агентом полиции прямо на улице. 26 января 1952 года был организован поджог Каира. Кто организовал это преступление, нет ясности до сих пор. Хотя писатели Дж. Олдридж и Н. Барбер, хорошо знавшие Египет, были убеждены, что организовали это «ихваны». После прихода к власти премьер-министра Гамаль Абдель Насера АБМ, выступившая против него, в 1953 году была запрещена. При президенте Анваре Садате она действовала на полулегальной основе.

Таким образом, в XVIII — первой половине XX века образовалось три течения политического ислама, существующие и в наши дни, а также теократическое государство, которое оказало влияние на попытки формирования во второй половине XX — начале XXI века религиозных государств.

Точка ЗРЕНИЯ

Ростислав ИЩЕНКО КИЕВ: ВНУТРИВИДОВОЙ ОТБОР

Ростислав Владимирович Ищенко — родился в 1965 г. в Киеве. Окончил с отличием Киевский университет им. Тараса Шевченко по специальности «история». Работал в МИД Украины, в Администрации Президента Украины, в Кабинете министров Украины, в Верховной Раде Украины. С 2014 г. гражданин РФ. В настоящее время — председатель правления (президент) Центра системного анализа и прогнозирования, обозреватель МИА «Россия сегодня». Политолог, политический аналитик, публицист, автор нескольких сотен статей, комментариев и интервью в украинских, российских и зарубежных печатных и электронных СМИ. Автор нескольких книг. **Живет в Москве.**

Ситуация в Киеве вновь обострилась. Действия Порошенко свидетельствуют о том, что он всерьез опасается попытки переворота. Информация о чистках в армии, сообщения ориентирующих на Порошенко «общественников», «волонтеров» и «героев АТО» о готовности применить оружие для защиты президента, перекрытие под благовидным предлогом центра города, брошенные СБУ и подхваченные СМИ обвинения антипорошенковской оппозиции в «работе на Путина» — никогда раньше Порошенко не предпринимал столь серьезные меры по противодействию потенциальному путчу.

Между тем «народные выступления», организованные Тимошенко, не поражают многочисленностью. Организация и обеспечение массовки также явно хромают. Верховная Рада ведет себя относительно спокойно. Даже Аваков — наиболее мощный из оппонентов Порошенко — держится вполне лояльно.

Что же пугает Петра Алексеевича и почему украинские политики и эксперты, два года с радостным смехом заявлявшие, что переворот в Киеве невозможен просто потому, что невозможен, теперь только о перевороте и говорят? Причем, в отличие от своих российских коллег, украинские эксперты в большинстве своем говорят именно о перевороте, а не о «третьем майдане», перспективы которого любят обсуждать российские СМИ.

В принципе о неизбежности очередного вооруженного переворота в Киеве я писал еще в 2014 году. Этот вывод базируется на трех объективных предпосылках.

Во-первых, явная недостаточность ресурсной базы и неизбежность ее дальнейшего сокращения в услови-

ях неспособности украинской олигархии вести нормальную экономическую деятельность (без воровства из бюджета и особых, выписанных *ad hoc*, под конкретного олигарха условий приватизации) делает должность президента единственным «перспективным бизнесом» за счет монопольного доступа к государственным ресурсам. Во что это выливается, мы видим в последние два с половиной года. За этот период все украинские олигархи отрапортовали о серьезном обесценивании своих активов и сокращении состояний, богаче стал только Порошенко. (Гипотетический миллиард Яценюка мы в данном случае не рассматриваем, поскольку в случае с Арсением Петровичем речь идет об имеющих несомненный криминальный характер наличных и деньгах на банковских счетах, в то время как собственность олигархата, включая Порошенко, официально легализована.) Таким образом, все финансово-политические группировки Украины должны желать смещения Порошенко и пытаться продвинуть на его место своего представителя.

Во-вторых, не следует забывать о том, что движущей силой февральского переворота 2014 года были нацистские боевики. Свержение Януковича они рассматривали как первый этап своей нацистской революции. И они не считают, что эта революция завершена. По мнению нацистов, власть должна принадлежать им, а олигархат должен быть раскулачен, за исключением тех, кто успеет доказать свою верность идеалам нацизма и обязуется верой-правдой служить нацистской власти.

Порошенко в качестве главы государства никак не соответствовал идеалу нацистского правителя. Это значит, что не только деньги и политическое влияние олигархов, но и военная сила нацистов с первых дней выступали против Порошенко.

В-третьих, резкое падение уровня жизни большинства населения после майдана было неизбежно. Путчисты приходили к власти с одной программой: «Заграница нам поможет!». По их мнению, помощи ЕС и США должно было хватить и на поддержание уровня жизни на Украине, и на разрывывание «достойнейшими», вынесенными майданом на вершину власти. Поскольку прокормить неработающую Украину и ее патологически жадную элиту не может никто, понятно было, что Порошенко очень быстро лишится и без того условной народной поддержки. Тем более, что и стать «президентом мира» он также не мог. Тогда пришлось бы объяснять революционерам, зачем свергали Януковича и начинали войну, если в результате потеряли Крым и вынуждены были согласиться на автономию Донбасса. То есть хуже стало во всех отношениях. При этом после майдана на руках у населения оказалась масса боевого оружия, а вооруженное свержение президента было легитимировано майданом в общественном сознании.

Итак, три потенциальные точки опоры: деньги, военная сила и народная поддержка терялись Порошенко практически мгновенно, и он провисал, а его оппоненты набирали силу.

Удержаться у власти в течение двух с половиной лет Порошенко помогло то, что международным опекунам режима в лице США и ЕС было необходимо «человеческое лицо», которое можно предъявлять на мировой арене. Кроме того, ни Вашингтон, ни Брюссель не могли позволить заинтересованным киевлянам каждый год свергать «законно избранного президента», поскольку понимали, что уже следующего после Порошенко не смогут легитимировать. Да и как объяснить, почему «возмущенный народ»,

свергший «пророссийского Януковича», тут же вслед за ним сверж и «евро-интегратора Порошенко»?

По этой причине с начала 2016 года уставшие ждать оппоненты Порошенко попытались отобрать у него власть законным путем. От Петра Алексеевича стали требовать досрочных парламентских выборов, параллельно пугая его тем, что если на выборы он не согласится, то вопрос решат силовым путем.

Задумка была проста. Опросы свидетельствовали, что в случае досрочных парламентских выборов ориентированные на Порошенко силы потеряют не просто большинство, а даже более-менее заметное представительство в Верховной Раде. После чего новое антипрезидентское большинство с легкостью назначит антипрезидентское правительство. А на следующем этапе должен был быть запущен процесс досрочных президентских выборов. Объяснить необходимость досрочных выборов «мировому сообществу» было просто — страна воюет, кризис, в этих условиях власть должна пользоваться безусловным доверием граждан. Если власть это доверие утратила, ее надо менять. Досрочные выборы — вполне легитимный способ смены власти. Это — не военный переворот и даже не майдан — вполне демократическая процедура.

Замысел был настолько прост и прозрачен, что даже Порошенко не составило труда в нем разобраться. Ответ также был прост, как удар дубиной. Петр Алексеевич отказался даже обсуждать возможность досрочных выборов и еще весной дал понять, что он не Янукович — приказ стрелять отдаст не задумываясь.

Оппоненты Порошенко в этом не сомневались. Кроме того, они понимали, что Запад будет крайне недоволен очередным обострением ситуации на Украине. Поэтому время подумать Порошенко еще весной выдали до конца октября, то есть практически до американских выборов. В Киеве прекрасно понимали, что смена президента открывает окно возможностей. Неважно, кто бы победил — Трамп или Клинтон (это имело значение только с точки зрения личных перспектив того или иного претендента на занятие президентского кресла после Порошенко). Главное, возникала пауза, когда старая администрация уже ничего не могла, а новая еще ничего не могла. Если в этот период провести переворот, то следующий президент США будет поставлен перед фактом, вину за который несет его предшественник.

Шанс, что новую власть в Киеве США признают и за свержение Порошенко ругать не станут, был велик. Именно поэтому, задолго до того, как Трамп стал фаворитом гонки, и даже до того, как он выиграл республиканские праймериз, группировка украинских политиков, ориентированная целиком на Клинтон и на ястребов в Вашингтоне, планировала переворот на конец года. Активные мероприятия должны были начать разворачиваться в конце октября — начале ноября. Что, собственно, на наших глазах и происходит.

Избрание Трампа несколько усугубило ситуацию для Порошенко. Вербуя высокопоставленных чиновников и военных себе в соратники, враги Петра Алексеевича теперь могут обращать их внимание на отказ Трампа встретиться с Порошенко в ходе визита последнего в Нью-Йорк и страшным шепотом заверять их: «Он нас погубит! Сам президент США не желает с ним иметь дело!». Но суть от этого не поменялась. Все же нацистскую партию «Национальный корпус», которая должна сменить в виде политической базы киевских ястребов полностью дискредитированный «Народный

фронт», Аваков с Билецким готовили еще с 2015 года и поразительно точно вышли на ее официальную регистрацию именно к октябрю 2016 года.

Оппоненты наступают на Порошенко тремя колоннами.

Первая — уже упомянутые нацисты, возглавляемые Аваковым/Билецким. Их главной ударной силой является полк «Азов» (по сути, уже развернутый в бригаду). Они также могут рассчитывать на задействование ресурса МВД, по крайней большей его части, для блокирования возможных попыток сопротивления путчу на местах и противодействия попыткам защититься при помощи армии. В отличие от армии, МВД имеет право и даже обязано вмешиваться в случае возникновения беспорядков. «Человеческим лицом» этой силы в качестве нового президента должен стать Яценюк.

Вторая — Оппозиционный блок и примыкающие к нему пострегиональные партии и группы. Они были не против сотрудничества с Порошенко, но по мере ослабления последнего все больше уходили в оппозицию. Эти рассчитывают, что нацисты сделают всю грязную работу, а потом на авансцену выйдут пострегиональные олигархи. Надежды Оппозиционного блока связаны с тем, что проблему Украины и Западу, и России надо как-то решать. Они предлагают сделать все, как было при Януковиче, только с другими людьми во главе. Они разделены на две конкурирующие группы. Одна находится в Москве в эмиграции. Другая в Киеве — в парламенте. Кроме места дислокации и фамилий кандидатов на премьерство и президентство, эти группы не отличаются ничем.

И «киевляне», и «москвичи» считают, что для того, чтобы не повторился казус Януковича, который вышел из-под контроля соратников, приватизировав власть и начав передел собственности в пользу своей семьи, необходимо перераспределить полномочия в пользу сильного премьера (опирающегося на парламентское большинство и зависимого от этого большинства, что гарантирует от неприятных неожиданностей), которому можно придать какого-нибудь безобидного клоуна-популиста на должность лишнего реальной власти президента.

Часть «киевлян» видят возможным премьером Бойко, часть ставят на Вилкула. Харьковский клан готов выдвинуть Добкина, который о своих амбициях уже как-то заявлял. Периодически появляется информация о готовности Левочкина выйти из тени и побороться за премьерство. При этом надо учитывать, что пока из борьбы полностью исключен Ефремов, представляющий луганский клан, а донецкие ослаблены эмиграцией многих своих лидеров и потерей контроля над половиной области, превратившейся в ДНР. Да и в принципе, в Киеве, как обычно, «гетманов» больше, чем «казаков», в любой момент может еще десяток претендентов возникнуть.

«Москвичам» проще — у них один кандидат в «полномочные премьеры» — Азаров. Правда, сидящий в Москве Арбузов тоже не оставил политических амбиций, о чем периодически заявляет в интервью, но его желания мало кому интересны.

За всем этим внимательно наблюдают братья Ключевы, которые никогда не стремились занимать первые позиции во власти, но всегда пытались контролировать тех, кто эти позиции занимает.

Все надежды Оппозиционного блока связаны с тем, что им удастся договориться с Москвой, которая «сделает им красиво»: вернет Крым, Донбасс, до нуля скинет цену на газ, засыплет кредитными деньгами, откроет свои рынки и т. д. Надежды бредовые, неосуществимые, но они питают

«юношей» и «девушек» из ничего не понявших и ничему не научившихся битых и беглых регионалов.

Наконец, третья колонна — Тимошенко со своей «Батькивщиной». Юлия Владимировна давно и упорно борется за президентство. Но ей все время не везет. В 2004 году США сделали ставку на Ющенко, и Тимошенко пришлось пойти вторым номером. В 2010 году она проиграла выборы Януковичу. В 2014 году США вновь сделали ставку не на нее, а на Порошенко. Жизнь прошла в борьбе. Юлия Владимировна уже далеко не молода, этот шанс, скорее всего, последний. Поэтому она действует осторожно.

Надежды Тимошенко примерно такие же, как и у Оппозиционного блока. Только Юлия Владимировна резонно считает, что ее предложение имеет некоторые преимущества перед предложением экс-регионалов.

Во-первых, она — самый рейтинговый на данный момент политик Украины.

Во-вторых, Тимошенко одна. Она полностью контролирует свою политическую силу и в любой политической конфигурации является безусловным лидером. В среде экс-регионалов интриги друг против друга носят перманентный характер.

Тимошенко, конечно, готова обмануть партнера (в том числе внешнеполитического) в любой момент. Но экс-регионалы (как, впрочем, и все украинские политики) также не отличаются повышенной политической порядочностью. Выбор, по сути, между: договариваться с одной Тимошенко (понимая, что постарается обмануть) либо с конгломератом пострегиональных групп, группочек, группировок и личных честолюбий, каждый из которых готов врать, предавать и карабкаться вверх любой ценой.

Тимошенко делает ставку на то, что окажется для Запада и России наиболее приемлемой компромиссной фигурой. С политическими противниками она не церемонится. Порядок в стране готова навести любой ценой. Вот только силового ресурса у нее нет. Значит, как и экс-регионалы, финансово-экономическую, политическую и силовую поддержку она будет искать за рубежом, в первую очередь в России.

Я не шучу, украинские политики действительно до сих пор убеждены в глобальной важности Украины и уверены, что Запад и Россия будут за нее упорно бороться и наперебой предоставлять любую поддержку. В этом был уверен Янукович, в этом уверен Порошенко, в этом уверены и те, кто идет Порошенко на смену. Каждый следующий считает, что предшественник был дураком и поэтому у него не получилось, но он-то умный, у него обязательно выйдет.

Как видим, из всех группировок, добивающихся свержения Порошенко, собственный силовой ресурс есть только у Авакова/Билецкого. Однако в этом уравнении есть еще одно неизвестное. Наделенный огромными полномочиями по контролю над армией и спецслужбами, избегающий публичности, бывший спикер парламента и и.о. президента, по версии майдана, а ныне секретарь СНБО Турчинов. Можно только догадываться, каким силовым ресурсом располагает лично он и на какую чашу весов он его бросит в критический момент.

Пока что активные действия по раскачиванию режима Порошенко принимала только Тимошенко. Именно она организовала уличные выступления 15–18 ноября, которые были, впрочем, слишком слабы, чтобы привести к существенным результатам. Тимошенко имитировала попытку майдана.

Слабость выступлений может быть связана с традиционным непрофессионализмом политтехнологов. В 2010—2012 годах, втавив Тимошенко в противостояние с Януковичем, ее технологи не смогли ни обеспечить серьезную уличную массовку, ни добиться достаточной зарубежной поддержки. В конечном итоге, в тюрьму Тимошенко посадил не столько Янукович, сколько ее собственные политтехнологи.

Однако есть и другое объяснение такой демонстративной слабости тимошенковского псевдомайдана. Юлия Владимировна прекрасно понимает, что у нее за спиной выжидает серьезный конкурент в лице Авакова/Билецкого, опирающихся на реальных вооруженных боевиков. Она также знает, что Порошенко вряд ли сдастся без боя. То есть стороны готовятся к стрельбе, а собственного силового ресурса у Тимошенко нет.

В этих условиях важно, на кого удастся возложить ответственность за первую кровь. С позиции Авакова было бы неплохо, чтобы Тимошенко организовала достаточно массовые выступления, которые могли бы окончательно запугать Порошенко и вынудить его к репрессиям. Тогда Аваков и его боевики могут выступить как защитники демократии против узурпатора Порошенко. А сама Юлия Владимировна вполне может погибнуть от рук «кровавого режима».

Поэтому Тимошенко обозначает присутствие на улицах, но так, чтобы ее нельзя было обвинить в атаке на власть во время войны и в «работе на Путина». В интересах Тимошенко столкнуть боевиков Авакова и защитников Порошенко. Перестрелка между ними дискредитирует обоих, после чего наступит время выйти на авансцену Юлии Владимировне в «белых одеждах».

Понятно, что экс-регионалы из Оппозиционного блока предпримут такую же попытку. Но как для большинства киевлян, так и для «героев АТО», и даже для нацистских боевиков, Тимошенко (стоявшая на первом майдане и сидевшая в тюрьме при Януковиче) более приемлема, чем уцелевшие подельники Януковича.

Для самого Порошенко важно, чтобы попытка псевдомайдана была достаточно массовой, чтобы оправдать репрессии, но чтобы до перестрелки дело не дошло. Петру Алексеевичу необходимо спровоцировать неподготовленное массовое выступление майданной массовки, не поддержанной боевиками. Тогда он может начать аресты своих политических оппонентов, причем далеко не одних лишь сторонников Тимошенко. Предлог, как обычно, «работа на Путина». Если Порошенко удастся одним ударом обезглавить всю оппозицию, то без лидеров даже боевики могут угрожать ему только локальными бунтами.

Ситуация осложняется усилением регионального сепаратизма. Днепропетровцы (Коломойский, «Приват»), харьковчане (Добкин с Кернесом), группирующиеся вокруг Ахметова и Колесникова остатки донецких, не против побороться за власть в Киеве, но их главные базы — в своих регионах, где большинство имеет даже собственные вооруженные отряды. Одесса однозначно предпочла бы вообще забыть о центральной власти. Местная контрабандистская элита давно мечтает о «вольном городе» и порто-франко, понимая под этим свой собственный контроль над таможней. С уходом Саакашвили город приблизился к реализации своей мечты де-факто, оставаясь де-юре в подчинении Киева. В Закарпатье даже не скрывают, что там еще в 2014 году сформировалось удельное княжество Балоги. Формальная

зависимость от Киева гарантирует (пока) границы области от притязаний восточноевропейских соседей. Во всем остальном регион живет как вполне самостоятельная политическая единица.

В случае если эфемерная киевская стабильность рухнет, все перечисленные регионы моментально попытаются обеспечить свои интересы. Не уверен, что местные элиты решатся сразу провозгласить независимость, но о разных формах широкой автономии речь может пойти. Причем ступеньки федерация — конфедерация — независимая территория могут быть преодолены в считанные дни.

Итак, на Украине существует четыре линии разлома:

1. Между народом и властью.
2. Между олигархами и нацистами.
3. Между Порошенко и остальной элитой.
4. Между центром и регионами.

Отсутствие внутреннего ресурса не позволяет разрешить эти противоречия путем компромисса. Поэтому столкновение является неизбежным. Наиболее вероятно, что процессы начнутся с внутриэлитного столкновения, которое первоначально будет направлено на смещение Порошенко, а на втором этапе выльется в борьбу различных группировок за продвижение на президентскую должность своего человека.

Приоритетность внутриэлитного столкновения объясняется тем, что, во-первых, мятеж против Порошенко давно и хорошо подготовлен. Во-вторых, смена власти — последний шанс элиты избежать народного бунта, нацистского переворота и распада страны. Это шанс эфемерный, нереализуемый, но попытку они должны сделать обязательно. Хотя бы потому, что, как я писал выше, верят, что им удастся договориться с внешними игроками и получить извне ресурсы, необходимые для стабилизации ситуации.

Поскольку украинские политики считают, что та политическая конфигурация, которая определится к моменту вступления Трампа в должность, будет принята и поддержана новой администрацией США, путчисты рассматривают период между концом ноября и началом января, как окно возможностей для переворота. В то же время Порошенко попытается протянуть время и продержаться до конца января. После этого он будет добиваться явных «знаков внимания» от кого-то из высокопоставленных сотрудников нового президента. Такие «знаки» необходимы ему, чтобы убедить своих оппонентов, что Вашингтон решил и дальше работать с ним, а значит, свергать его нельзя.

При этом общая ситуация на Украине такова, что вспышка конфликта может произойти в любое время, в любом месте и по любому поводу (в том числе и в форме народного бунта). Каждая такая вспышка может потенциально быстро распространиться на всю Украину. Также и по этой причине время торопит олигархическую оппозицию Порошенко.

Пока еще они ждут первой крови и стараются спихнуть ответственность друг на друга. Но, как только первая кровь прольется, сдерживающие центры окончательно перестанут работать. Терять будет нечего обеим сторонам. Учитывая же количество «сидящих в засаде» в этом политическом сюрплясе (таких как Левочкин, Турчинов, пока даже Аваков), провокации не просто возможны, а практически неизбежны. Да и украинская политическая традиция обязывает. Вся политическая жизнь Киева — одна большая провокация. Чем дальше, тем кровавее. И нет оснований считать, что в ближайшее время что-то должно измениться. Скорее наоборот.

Елена ШАЛЯПИНА

ОСЕННЯЯ МОЛИТВА

Елена Леонидовна Шаляпина — родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский кораблестроительный институт. Работала библиографом в Центральной военно-морской библиотеке в течение 25 лет. Автор двух поэтических книг: «Сад одиночества» и «Второе дыхание». Публиковалась в ряде поэтических сборников. Член СП России. В настоящее время работает свечницей в Крестовоздвиженском соборе на Лиговском проспекте. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Пахнет яблоками. Осень.
Солнце светит не спеша.
Ничего, почти, не просит
Умудренная душа.

Ничего, почти, не хочет.
Плоть страдает и хлопочет,
А душе и горя нет.
Свет небесный застит очи.
Золотой осенний свет.

* * *

Пока земли израненное тело
Своей нас не печалит наготой,
Пока листва еще не облетела,
Любуйся уходящей красотой.

Любуйся дивной кротостью
прощальной,
Спокойствием перед лицом зимы,
Последней нежностью
исповедальной
В преддверии неотвратимой тьмы.

Благословенно таинство исхода!
Лазурь и золото.

И терпкий вкус дождя.
И невозможная, казалось бы,
свобода.
И первый снег, немного погода.

МОЛИТВА

Преподобне отче Серафиме,
Вырицкий предивный чудотворче!
Помоги мне, святче, вспомани мя
Там, где ныне пребываешь, отче.

В сердце расхожайничалась память,
Раздышалась пламенем и тленом.
Ничего мне, отче, не исправить.
Как предстану пред
Царем вселенной?

Оттого душа скорбит и плачет.
Нету ниоткуда утешенья.
Помолись о мне Пречистой, святче,
Чувствую, не будет мне прощенья.

Преподобне отче Серафиме,
Горько вопию к твоей святыне!

Помоги мне, святче, помяни мя
Там, где ты творишь молитву ныне.

* * *

Вечер. Сумерки сгустились.
Отворились небеса.
И на землю опустились
Неземные чудеса.

Чтобы путнику ночному
Не пропасть безвестно тут.
Чтобы путник вышел к дому,
Где его так долго ждут.

Разлетелись золотые
Быстрокрылые лучи:
Может, ангелы святые,
Может, звездочки в ночи.

Чтобы радость этой встречи
Поднималась в небеса.
Чтобы каждый божий вечер
Не кончались чудеса.

6 АВГУСТА

А на Божием Небе,
Там, где ангелов весь,
О Борисе и Глебе
Радость велия днесь.

Слышен солнечным утром
Топот легких подков:
Глеб поехал на Муром,
А Борис — на Ростов.

Там Бориса и Глеба
Славит архистратиг.
И до нашего неба
Голос горний достиг.

Нипочем бездорожье,
В буреломе леса.
Днесь, по милости Божьей,
На земле — небеса.

И на наши селенья
Снизошла благодать.
И от горнего пенья
Сникла вражия рать.

День Бориса и Глеба!
По пригоркам крутым
Едут конники с Неба
На подмогу земным.

* * *

Пора собираться в дорогу.
Душа моя, верно, пора.
Давай-ка помолимся Богу,
Как добрые люди, с утра.

От сердца заботы отложим
И тронемся в путь налегке,

Все переберем, подытожим
В житейском своем сундуке.

Под огненно-звездною высью...
Должно быть, и правда — пора,
Когда нам подобные мысли
Приходят на сердце с утра.

* * *

Кипят над Летним садом облака.
Сад весь кипит, волнуется и плещет.
Все движется, сверкает и трепещет.
Не разберешь, куда течет река.

К Неве ли устремились небеса?
Нева ли в небо устремила воды?
И места не находит Летний сад,
Как пленник в предвкушении свободы.

* * *

Дерева осиротели.
Листья сдуло дочиста.
Все, кто волен, улетели
В неизвестные места,

В незнакомые пределы,
В запредельные края...
У окна стою без дела
У предела ноября.

Словно пойманная птица,
Я к стеклу прижалась лбом.

За моей спиной — больница,
Всех скорбящих странный дом.

Темный лист случайный бьется,
Зацепившись за сучок.
Где-то возле сердца вьется
Незнакомый сквознячок.

Что же я стою без дела,
Достаю веслом до дна
У последнего предела,
У больничного окна?

* * *

Мы — внуки отречшихся Бога.
Мы — жалкие правнуки их.
Нас много, о Господи, много...
Никчемных, слепых и глухих.

И этих-то, сбившихся с круга,
Забывших, где правда, где ложь,
Ты всех — по путям и халугам —
На пир Твой зовешь и зовешь.

* * *

Боже наш, Благий и Сильный,
До конца помилуй нас.
Вот, стоит Твоя Россия
В ранний час и в поздний час

На молитве у святыни,
В стороне от дел мирских,
В городах, в лесной пустыне
И на островах морских.

В недоезжей глухомани
И столицы посреди,

Боже Крепкий, буди с нами,
От беды нас огради,

От войны и недорода,
От неправды и туги.
Сердце нашего народа
От греха убереги.

Чтобы звоны над домами
Колокольные текли.
И не плакали б над нами
Ангелы Твоей земли.

РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ XX ВЕК

Новомученикам и исповедникам Российским

Венец православного
Календаря:
Голгофа России.
Россия моя,

Горчайшую повесть
Здесь можно прочесть
Про русскую совесть
И веру, и честь.

Война да неволя,
И снова война.
По русскому полю —
Кресты, имена...

Но всех календарь
Не откроет имен.
Бог знает один,
Кто и где погребен.

Где — общая яма...
Где — общее дно...
И все это было
Не так уж давно.

По совести — первым
Вошел в календарь
Святой Николай,
Всеми преданный царь.

И царская кротко
Вступила семья.
И русская — вслед —
Потянулась земля.

В вагонах, на баржах,
Пешком и ползком,

Под пристальным вражьем
Тюремным глазком.

Всем миром на крестные
Муки пошли
Простые святые
Из русской земли.

Смотрели им вслед
Их пустые дома.
Встречала их
Божия Матерь Сама:

Убитых, раздетых,
В грязи и в крови.
И ангелы пели им
Песню любви.

* * *

Ноябрь. Полусырой. Полуморозный.
Внезапный снег над темною Невой.
Летит и тает. Небосвод беззвездный
Всю ночь плывет, плывет над головой.

Чуть виден путь, протянутый над бездной.
А воздух весь и фонари — в снегу.
И все белее, ярче мост железный.
И впереди светлей на берегу.

ПОЭЗИЯ

Владимир ЛЕОНОВ

«ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ — ЧАСТИЦА ВЕЛИКОЙ РОССИИ»

Владимир Леонтьевич Леонов — родился в 1956 г. в Ленинграде. Филолог, поэт, член СП России, зам. председателя Санкт-Петербургского отделения СП России, автор девяти поэтических сборников. В 2007 г. был среди пассажиров взорванного террористами поезда «Невский экспресс». Одним из первых он организовал спасательную операцию и лично вынес из искореженных вагонов более 20 раненых. За мужество и находчивость в экстремальной ситуации был награжден Президентом РФ медалью «За спасение погибавших». Начальник Аппарата вице-губернатора Санкт-Петербурга. Живет в Санкт-Петербурге.

166-й СКОРЫЙ

Билет

Женщина с морщинками у глаз —
Я и видел-то ее всего лишь раз —
Мне счастливый выдала билет.
Спас меня он, как в бою бронезилет.

Ленинградский вокзал

Под звуки музыки помпезной,
Лишь оттолкнувшись от перрона,
Не зная, что несутся в бездну,
Ушли сидячие вагоны.

Террорист

Желтая рука от табака
Ночью наотмашь куском тротила
Пассажиров кровью на века
На живых и мертвых поделила.

Вагон

Искореженный взрывом вагон,
Не сумевший пройти перегон —
Как о берег разбившийся кит,
В лужах крови на рельсах лежит.

Носилки

На носилках, сделанных из полки,
Неподвижно женщина лежит.
Только взгляд, пронзая как иглой:
«Я — живая!», — на весь мир кричит.

Московский вокзал

Весь вокзал охвачен общей болью,
Весь вокзал в предчувствии беды...
Поезд подойдет,
груженный скорбью, —
Призраком придет из темноты.

166-й скорый

Сто шестьдесят шестой скорый,
В Питер ты принес горе.
Холмики могил вскоре
Скорбью окропят город.

ВАЛЬС ЗЕМЛИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ

Ранним утром пройду по хрустальной росе осторожно
По дремучим бескрайним столетним лесам Подпорожья.
И под ладожский ветер лицо на заре подставляя,
Я тебя, Ленинградская область, сейчас прославляю!

Ленинградская область — частица великой России.
Для меня нет на свете земли ленинградской красивей.
То, что здесь я и в холод, и в зной, и в ненастье, —
Называю я гордо простым человеческим счастьем.

Пролетят облака торопливо над Невской Дубровкой,
Где мой край защищали бойцы с трехлинейной винтовкой,
Где в атаку знамена бесстрашно они поднимали
И, сраженные пульей, упрямо чуть слышно шептали...

Ленинградская область — частица великой России.
Для меня нет на свете земли ленинградской красивей.
То, что здесь я и в холод, и в зной, и в ненастье, —
Называю я гордо простым человеческим счастьем.

А под вечер усталый приеду я к лучшему другу
В обреченную временем с ветром балтийским Усть-Лугу,
Посмотрю, как вечернее солнце залив обнимает,
Как украдкой волна засыпающий берег ласкает.

Ленинградская область — частица великой России.
Для меня нет на свете земли ленинградской красивей.
То, что здесь я и в холод, и в зной, и в ненастье, —
Называю я гордо простым человеческим счастьем.

В ГОСТЯХ У ВАСИЛИЯ ЛЬВОВИЧА ПУШКИНА

Традиционная Пушкинская Ассамблея Академии Российской словесности в этом году была посвящена 250-летию поэта Василия Львовича Пушкина, родного дяди великого поэта. И состоялась она в мемориальном музее Василия Львовича на Старой Басманной улице, д. 36, открывшемся не так давно, в 2013 году. Здесь, в небольшом особняке, памятнике деревянного Московского зодчества начала XIX века, встретились участники и гости Ассамблеи, которая проводилась совместно с Государственным музеем имени А. С. Пушкина и Обществом ревнителей духовного единства народов «ОРДЕН». Руководители музея для именитых гостей Ассамблеи провели запоминающуюся экскурсию по дому, куда в 1824 году переехал Василий Львович, и где он после десятилетней разлуки встретился со своим уже знаменитым племянником. По современным меркам особняк небольшой, но сколько здесь подлинных экспонатов, любовно собранных сотрудниками музея и размещенных в интерьерах, идентичных интерьерам 20-х годов XIX века!

В уютной гостиной собирался цвет современной московской литературы, известные поэты и писатели. И Александр Пушкин... Он читал гостям свое сочинение, напечатанное под названием «Путешествие в Арзрум». А в столовой, украшенной живописными полотнами, можно было увидеть знаменитого арзамасского гуся, символ веселого общества «Арзамас», старостой которого был Василий Львович.

Невозможно в нескольких словах рассказать обо всех красотах и тайнах музейной экспозиции; конечно, лучше в этом доме побывать. Здесь ощущается дыхание эпохи, а гости и участники Ассамблеи почув-

*Дом-музей Василия Львовича Пушкина. 21 октября 2016 г.
Восьмая Пушкинская Ассамблея. Вручение Пушкинской медали
«Ревнителю просвещения» В. Н. Крутину
На снимке: Ю. А. Беляев, А. Г. Звягинцев (слева),
В. Н. Крутин (в центре), В. М. Наринян (справа)*

*Восьмая Пушкинская Ассамблея. Вручение Пушкинской медали
«Ревнителю просвещения» Н. П. Бурляеву
На снимке: Н. П. Бурляев (слева), Ю. А. Беляев,
А. Г. Звягинцев, В. М. Наринян (справа)*

*Восьмая Пушкинская Ассамблея. Вручение Пушкинской медали
«Ревнителю просвещения» А. М. Городницкому
На снимке: Ю. А. Беляев (слева), А. Г. Звягинцев,
В. М. Наринян, А. М. Городницкий (справа)*

*Восьмая Пушкинская Ассамблея.
Вручение Н. И. Михайловой
Диплома Действительного члена Академии Российской словесности.
Диплом вручает президент АРС Ю. А. Беляев*

ствовали незримое присутствие Василия Львовича. И помогла в этом замечательный пушкинист, фактически инициатор создания этого музея Наталья Ивановна Михайлова. Она, как никто другой, знает Василия Львовича Пушкина, его жизнь и его творчество. Он для нее незримый обитатель этого дома. Наталья Ивановна говорит о нем так, словно хозяин вот-вот спустится вниз и присоединится к своим гостям.

Остроумный собеседник, Василий Львович был душой любого собрания. Современники любили его за радушие и умение сближать людей. И как человек деятельный, член многих обществ и один из учредителей Общества любителей российской словесности при Императорском московском университете Василий Львович оценил бы устроенное в его доме собрание членов Академии Российской словесности и кавалеров Пушкинской медали «Ревнителю просвещения». Да, иначе, как ревнителями просвещения нельзя назвать известных писателей — президента АРС Юрия Беляева, почетного президента «ОРДЕНА» Александра Звягинцева, сопредседателя Союза писателей России Владимира Крупина, Валерия Поволяева, Владимира Муссалитина, Владимира Исайчева, Владимира Суродина, Сергея Антипова, публициста Валерия Нариняна, народного артиста России Сергея Яковенко, историка и геральдиста Станислава Думина. На Ассамблее также присутствовал целый ряд ярких художников — Леонид Феодор, Мансур Саттаров, Виктор Ерохин, Леонид Козлов, Наталья Маркова, Александр Рябичев, Александра Загряжская, Наталья Астафьева.

Новые кавалеры Пушкинской медали представляли в этот день весь спектр современной русской культуры. Вместе с Владимиром Крупиным новыми кавалерами Пушкинской медали стали: основоположник бардовской песни Александр Городницкий, народный артист России Николай Бурляев, вице-президент «Вольного экономического общества», видный ученый и издатель Юрий Якутин, знаменитый телеведущий Николай Дроздов, известный журналист Геннадий Мальцев, главный редактор журнала «ОРДЕН» Павел Лукьянченко.

По традиции на Ассамблее были вручены новым членам Академии Академические дипломы. Действительными членами Академии стали — лауреат Государственной премии РФ, пушкинист Наталья Михайлова, президент Академии поэзии Валерий Иванов, писатель, лауреат премии имени М. Горького Алексей Бархатов, поэт и бард Елена Муссалитина. Дипломы членов-корреспондентов АРС были вручены генеральному директору издательства «Серебро слов» Денису Минаеву и генеральному директору «Центрально-Черноземного книжного издательства» Николаю Сапелкину.

Ассамблея прошла в атмосфере творческого единодушия. Звучала музыка Баха и Рахманинова, легендарные песни Александра Городницкого, старинные русские романсы и конечно стихи — Александра Пушкина, Василия Пушкина, Юрия Беляева и новых членов академии — Валерия Иванова и Елены Муссалитиной.

Завершил Ассамблею дружеский фуршет и общий снимок на память о чудесном вечере в гостеприимном доме Василия Львовича Пушкина.

Наталья Листикова

Фото В. Конева

Точка ЗРЕНИЯ

**Николай
МИЛОЧЕНКО**

ДУРАКИ ИЛИ НЕГОДЯИ?

Николай Павлович Милоченко — родился в Санкт-Петербурге в 1949 г. Автор многих статей в защиту русской культуры. Многие годы возглавлял созданные им Петербургское общество защиты русской культуры и Международный Фонд поощрения социальных инициатив. Академик РАЕН. Живет в Санкт-Петербурге.

*Хочешь уничтожить народ —
истреби его язык.*

А. С. Шишков

Видимо, недалек тот день, когда телевидение явит нам новую рубрику — «Крайние новости», в Русском музее под картиной Карла Брюллова засверкает новая табличка «Крайний день Помпеи», а следующее издание исторического романа Джеймса Фенимора Купера станет называться «Крайний из могикиан». И все это будет, очевидно, «крайним» достижением современной российской культуры, науки и образования. Телевидение, СМИ и киноиндустрия над этим усиленно трудятся, прививая очередную заразу гигантской аудитории соотечественников. Вот и прямо в момент написания этих строк телевидение подкидывает новые примеры того, что беспокойство наше оправдано. Цитирую предложение из репортажа с канала «Россия 24»: «Первым идет командир, крайним — замыкающий». Следом актриса в телесериале сообщает: «Это крайняя сцена, освобожусь через час». Подчеркну, этой системной вульгаризацией нашего языка занимаются люди с высшим образованием, для которых правильная речь — профессиональный инструмент.

Предыдущая подобная эпидемия серости, случившаяся полвека назад, начиналась не сверху, как теперь, а снизу, и была быстро и успешно преодолена реакцией интеллигенции, усилиями педагогов, замечательными радиопередачами о русском языке, своевременной книгой Льва Васильевича Успенского «Слово о словах», остроумием сатириков, эталонной речью дикторов радио и телевидения. В те годы вопрос М. Горького: «С кем вы, мастера культуры?» — уже не стоял. Сегодня же «мастера культуры» явно не с нами. Из эфира льется нескон-

чаемый поток неправильной речи. И верить в то, что это происходит не намеренно, иногда просто нет возможности. Скажем, недавно культурная среда была отравлена очередным ядовитым выбросом от «мастеров культуры» в форме словосочетания «на районе». Сначала песня «У нас на районе», затем фильм, потом сериал «Любовь на районе». Следом полицейские из многочисленных сериалов стали говорить: «У меня на районе...». Потом появилась игра, сеть магазинов «Пиво на районе», двадцать тысяч видеороликов в интернете...

Идет постоянная война против русского языка. По одну сторону растерянные родители и учителя, по другую — тяжелая артиллерия электронных СМИ, интернет, киноиндустрия.

Пока писалась эта статья, я насчитал более десятка заслуженных артистов РФ, говорящих с телеэкрана: «свеклА». А в одном телесериале городская учительница вообще «поправила» сельского водителя полуторки, объяснив, что правильно говорить не «свЁкла», а «свеклА»! Что это, как не языковая диверсия? Этот эпизод, совершенно не обязательный в детективном фильме, зачем-то был придуман, и множеством людей с высшим образованием, участвовавших в создании фильма, был удивительным образом не замечен. Впрочем, суди сам, дорогой читатель, во что тебе легче поверить: в то, что наши актеры, сценаристы, режиссеры, звукооператоры и прочие «мастера культуры» как один малограмотны, либо в то, что против «великого и могучего» реализуется коварный заговор «мастеров культуры» — предателей, разрушителей родной речи.

Вот уже четверть века по разным поводам я и сам задаю себе вопрос: «Дураки или негодяи?». Невежество или предательство движет людьми, разрушающими науку, образование, язык своего народа?

Когда политики или телевизионщики говорят «в Украине» — это невежество или позиция?

Когда чиновник с телеэкрана говорит: «От Кёнигсберга до Владивостока» — это о пространстве или о времени? Это наш чиновник?

Андрей Выползов в статье «Вашингтон дал старт: теперь у России будут отнимать Калининград» пишет: «Мы видим, как пятая колонна крепнет и наглет. Уже стало правилом хорошего тона, что на культурных мероприятиях названия городов и местностей в Калининградской области именуются на немецкий лад — Земландский полуостров (в российской топонимике — Калининградский полуостров), Роминтенская пуца (в советское время — Краснолесье), остров Ломзе (Октябрьский остров)...». Продукты питания, произведенные в Калининграде, вобрали в себя всю узловую топонимику Восточной Пруссии. К примеру, коньяк «Инстербург» (город Черняховск), пиво «Нойхаузен» (город Гурьевск) и Königsberg (уже и не в русской транскрипции), хлеб «Бальга» (в честь немецкой крепости) и «Кайзеровский».

Когда воспитательница в детском саду репетирует с малышами, как правильно восклицать «Вау!», — она начиталась рекламы в петербургском метро о том, что «первый шаг к лучшей жизни — английский язык»? Или такое указание поступило от местных властей? Глупость? Или моральный распад?

Седой дирижер в генеральском мундире неуклюже выламывается под «Секс бомб». Безвкусица или измена? В Ульяновском суворовском училище курсанты поют строевые песни и отдают команды... на английском

языке! Стажировку проходят в Лондоне. Быть может, службу они будут проходить в армиях «наших партнеров»?

Почему мы так безропотно и обреченно живем в атмосфере гадких слов и отвратительных повадок? Вот как пишет об этом Татьяна Воеводина: «Люди активные, склонные руководить жизненными процессами и держать всё под контролем, видят тут некий дьявольский план, разработанный в тайных канцеляриях и подземных лабораториях. Я же, человек более созерцательного склада, склоняюсь вот к какой версии. Это приспособительная реакция. Болезненная, безусловно, но направленная на сохранение существующего миропорядка. Так, тело больного радикулитом инстинктивно ищет позу, при которой не так больно. Поза эта некрасива и с точки зрения здорового организма — нерациональна, но она есть приспособительная реакция к болезни. Оболванивание — это тоже приспособительная реакция капитализма к отсутствию нового пространства для экспансии».

Сколько же можно безнаказанно жить на подобной лингвистической помойке в условиях полной языковой антисанитарии? Навязываемое обществу мнение, что «великий и могучий» «всё переварит», дескать, не о чем беспокоиться, нелепо и вредно. Именно нашим беспокойством, тревогой за язык, а еще более за его носителей, способен выжить русский язык. Но нет тревоги...

Первое, о чем позаботились новые хозяева жизни — поспешно упразднить по сути единственный, но такой необходимый миллионам граждан, источник правильной речи — эталонный язык дикторов радио и телевидения, заменив его развязным, будто бы демократичным, безответственным и легковесным, изобилующим языковыми ошибками трепом теле- и радиоведущих. Разве допустимо в эпоху побеждающей безграмотности полностью отказаться от контроля речи ведущих, от работы корректоров в печатных изданиях, при правке текстов сценариев? И несется отовсюду: «кремА», «тренерА», «диспетчерА», «благА», «катАлог», «афЁра», «танцовщИца», «туфлЯ», «ходатАйство», «щАвель», «Оптовый», «инциНдент», «прецеНдент», «двухтысячепервый и все годы, вплоть до шестнадцатого». «Озвучил» (сугубо кинематографический термин) вместо нормальных слов «огласил», «назвал», «перечислил» и т. п. На «Эхе Москвы», у «Эха Москвы», «Эху Москвы»... И «смещение французского с нижегородским»: «Русская служба новостей Life», «патриотический блокбастер» и невозможное «совместное сотрудничество». И запредельное «зоны культурных и спортивных активностей». А название телепередачи «Аффтар жжот» — это игра с бензином на пожаре, это заигрывание бессовестности с безграмотностью.

Напомню, речь идет не о гостях всевозможных телевизионных программ, а о телеведущих и тележурналистах, обязанных владеть правильной речью. Видимо, справедливо утверждают преподаватели, что 90 % выпускников факультетов кино и телевидения профессионально непригодны.

Наш актерский корпус почему-то совсем не знает различия в словах «одеть» и «надеть». Не отстают и рекламщики. Года три нам терзали слух рекламой: «Обувай Кордиант», фразой, иначе как на рейдерско-бандитский язык не переводимой. Теперь рекламы нет. Может быть, флагман российских производителей покрышек «обули»?

Правоохранители, и реальные и, следом за ними, кинематографические, «ботают по фене»: «обыскА», «арестА», «осУжден», «возбУждено». Острослов И. Губерман заметил:

*Душно от несчётных прокуроров,
Мыслящих на фене воровской.*

Не поспорить! А ведь это именно им следовало бы зорко следить за соблюдением федерального закона «О государственном языке Российской Федерации». Еще Михайло Васильевич Ломоносов подмечал: «Сомнительна юриспруденция без грамматики». Вот так-то!

По мере того, как мы перестаем производить что-либо, в наше языковое пространство все наглее вторгаются иноземные названия, затаскивая на оккупированную территорию и чуждые нам повадки. Скажем, в так называемом «ресторане» (?) «Макдоналдс» наши граждане едят из картонных коробочек. Руками. Часто не снимая пальто. В центре культурной столицы репродуктор рассказывает аборигенам о хотдогах, которые *«можно есть на ходу»*. Что же, теперь, наверное, уже можно все. Почему бы людям, уже прошедшим инициацию в мировое быдло, поголовно переодетым в униформу неораба — натурально грязные или искусственно рваные джинсы, — а летом разгуливающим по городу Пушкина, Тютчева, Некрасова, Блока, Мандельштама... в трусах и шлепанцах, еще бы и не пройти с сосиской в кулаке?

С бесами нельзя заигрывать... Это всегда заканчивается скверно. Попробуй, озабоченный поиском национальной идеи читатель, найти сам в ряду окружающих нас слов: памперс, сникерс, Барби, Макдоналдс, Пепси, Голливуд, попкорн, айфон, хамон... — место слову «Патриот». Не кажется ли тебе недостаточно убедительным разговор *о скрепах* в стране, для которой даже скрепки, как известно, делает «Эрих Краузе»?

Речь идет, конечно же, о невынужденных заимствованиях. Кому, например, может не нравиться слово «доброволец»? Какое богатство смыслов! Нет же, — волонтер. Видимо, прав наш замечательный мыслитель С. Г. Кара-Мурза, утверждая: «Методичная и тщательная замена слов русского языка ... чуждыми нам словами-амебами — никакое не “засорение” или признак бескультурия. Это — необходимая часть манипуляции сознанием».

А ведь так хотелось, чтобы — дураки...

Впрочем, с дураками тоже все в порядке. Вот свежие примеры. «Футбольные дерби между Россией и Молдавией». Забавно... Журналист использовал, видимо, малознакомое слово, и... вышел конфуз. А вот представьте себе, что вы включили радио и услышали: «Третий бомбовый удар был нанесен в шесть утра по Москве». Не смешно. Такая языковая неопрятность кому-то может стоить здоровья. «Губернатор презентовал область иностранному гостю». Уж не Кемской ли властью одарил он шведского короля?

Увы, несть числа подобным примерам. По мнению Анны Шатиловой, замечательного диктора телевидения в недавнем прошлом, только в новостных передачах ныне допускается до пятидесяти языковых ошибок.

Неужели этому никак нельзя противостоять? Или, все-таки, за дураками прячутся негодяи? Константин Паустовский писал: «По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку. Человек, равнодушный к родному языку, — дикарь. Он вредоносен по самой своей сути, потому что его безразличие к языку объясняется полнейшим безраз-

личием к прошлому, настоящему и будущему своего народа». Нет, не все равнодушны к родному языку. Недавно наткнулся на статью знающего и радеющего за сохранение языка специалиста. Но не мог он обойтись то ли без дураков, то ли без негодяев. Вот, что из этого вышло: «Правильно говорить не свекла, а свекла; не планер, а планер; афера, а не афера...». Я привел только часть большого списка. Издатель, сэкономивший на точках от, видимо, неуважаемой им буквы «ё», свел доброе и своевременное начинание к нулю, превратив в нелепость. Сегодня даже в словарях, пренебрегающих постановкой ударений и точек над «ё», вы не сразу найдете ответы на возникшие вопросы. А что же делать школьнику?

Беда и с прессой, и с беллетристикой. М. Горький различал два подхода к созданию литературы и прессы для народа. Буржуазный — опускающий тексты до уровня читателя, и советский — поднимающий читателя до уровня настоящей литературы. Люди, не утратившие еще привычки читать постоянно, подтвердят: многие сегодняшние авторы тянут читателя... снизу!

В этом году исполнилось 20 лет, как языковые ошибки проникли в Федеральный закон и даже в его название. Так сказать, «ошибки “в законе”». Закон уже не единожды правился, но... до работы над ошибками дело так и не дошло. Я имею в виду «Закон об основах туристской деятельности». Мне раньше казалось, что каждому, для кого русский язык — родной, очевидно, что туристская деятельность — это деятельность туристов. Дальше — больше: «туристские» продукты, «туристский» рынок, «туристское» образование, наука. Раньше бы я подумал, что туристские продукты — это, скажем, тушенка, концентраты и т. п.; туристское образование — научиться быстро разбивать палатку, развести под дождем костер с одной спички. Туристский рынок можно только вообразить. «А ваши туристы почему?» Законодатель же имел в виду деятельность туристической отрасли. Но почему-то так не сказал...

В это трудно поверить, но сегодня некоторые «робкие филологи» уже ссылаются на Закон. Вы понимаете, на какой? Вот уж «юриспруденция без грамматики»!

Аналогичная история произошла и с «компетентностным подходом» — дурно переведенной калькой с заморской выдумки. Дело в том, что в русском языке до этого слово «компетенция» формы множественного числа не имело. Возможно, в Минобрнауки об этом не знали...

Я тогда написал стишок, который может стать полезным сегодня для многих. В нем собраны три десятка слов, которые также не имеют формы множественного числа. Получилось краткое пособие «Как нельзя говорить по-русски». Приведу его.

АБРАКАДАБРА МИНОБРА

*Невежество обычно не убивает людей,
но, как правило, их губит.*

Из жизненных наблюдений автора

Компетентностный подход —
Здравый смысл наоборот.
Хворые энтузиазмы
Сеют бреды и маразмы.

Компетенций обрести —
Как терпений запастись,
Уважений тщетно ждать,
Счастливых в жизни не видеть.

Беленами вы объелись?
Пылей наглотались, сея ересь?
И в болезненных экстазах ошалели,
Русских языков не пожалели.

«Компетенции» страшной обрезов!
Тверже медей станем и железов!
Героизмы человек, где вы?
Поменяем доброты на гнев!

Запады на Руси не пролезут!
На студенчества где сядут, там и слезут.
Наши детворы и молодежи
Их невежествам предел положат.

Ради наших гордостей и смехов,
Не за нефти, а за человек,
Дружбами сплотимся крепче стальной!
Вы, Минобры, нас уже достали!

Но шутки шутками, а образовательная общественность, по-видимому, тоже не была в курсе и дружно откликнулась тысячами «научных» статей и методик. Короче, полный «одобрям». Думаю, скоро чуть-чуть поправим словари. Если в следующий раз кто-нибудь из больших чиновников что-нибудь напутает с гравитацией, мы и учебники физики перепишем. Россия, как известно, — страна возможностей.

А пока «компетенции множат невежества», лишь заметим, что у законов бывают следствия.

Попробуем сформулировать и к нашему случаю:

Человек, говорящий на русском не по-русски, — манипулирует вашим сознанием.

Когда вам доводится слышать о «таргетировании инфляции», «накоплении “компетенций”», «секвестировании бюджета» — вас дурят. Только стесняются сказать прямо.

Пока наше равнодушие к своему языку превосходит инстинкт самосохранения, пока власть не боится в переходе от созидательного труда к оголтелому потреблению растратить будущее народа, мы будем жить в ядовитой атмосфере вопиющего невежества.

Мы прочтем на баннере Москонцерта (просветительного учреждения!): «Комитет по культурЫ»; в тексте поздравительного баннера ко Дню внутренних войск МВД: «Воины внутренних войск — профессии Аналы своего дела»; на асфальтоукладчике возле вашего дома двусмысленное, а может, и недвусмысленное: «Кладем на совесть».

Магазин «Мега» позабавит вас текстом: «Детей — в детский клуб, мужа — в кино, а сам — по магазинам». Если бы не откровенно радужное оформление рекламы, я бы тоже подумал: «Дураки».

Орнитолог с экрана телевизора поведает вам, как живут в Подмоскovie «соколА» и «ястребА». В меню роскошного ресторана вы найдете и салат «из помидор», и соте «из баклажан». При такой скорости языковой регрессии мы скоро будем пить напитки «из банан» и «апельсин». Ведь пришла на смену озорной песенке:

*Не ходите, дети, в школу,
Пейте, дети, Кока-Колу —*

рекламная строка: «Живи футболом — пей Кока-Кола». Как призывает другая реклама: «Почувствуйте разницу». Или вот: «Пей фанта — будь бамбуча». Как не вспомнить заклинание сестрицы Аленушки: «Не пей, братец, из копытца...».

Каждый день с голубого экрана вас будут продолжать уговаривать скатать перхоти «гудбай», будто бы уже стало известно, что и эта дрянь — заморского происхождения.

В Ярославле продолжит работать кафе «Ням-ням», а в Санкт-Петербурге — бистро «Ням» и магазин автозапчастей «Би-би» («тянут снизу»).

Мы не насторожились, когда в информационное пространство стали поступать сигналы: «избыточный багаж знаний», «переизбыток образованных людей»... Мы не потрудились задуматься, для кого же наши знания могут быть избыточны, а носителей знаний слишком много. Патриоты ли они? Властные ли дураки? Или все-таки...

Глупость или предательство?

Совершенно очевидно, что система образования уже разрушена. Проходит этап придания необратимости ее деградации. Жертвы «новообразования» уже идут в школы и в вузы преподавать, писать методички и учебники. А в бесчисленных обсуждениях бесчисленных инноваций (замысел негодяев) догорают остатки протестной энергии приличных людей, полагавших, что противостоят глупости.

ТРАДИЦИЯ

Петр ЛОСЕВ

СТАРИННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ОБЫЧАИ КАК ЧАСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА

Петр Степанович Лосев — родился 22 июня 1955 г. в Белоруссии в г. Шклове. По профессии — теплотехник. Интересы: история, литература, этнография. В свободное время занимается изучением мифов Древней Греции, Древней Индии, славянских обычаев. В процессе многолетних поисков пришел к выводу, что в мифах в зашифрованном виде содержится часть истории и знание о социальном устройстве общества. Вот эту историю и старается расшифровать. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Трудно переоценить значение старинных народных обычаев, они сохраняют преемственность опыта наших предков в семейной, хозяйственной, культурной жизни. Но существуют определенные трудности в понимании смысла этих обычаев. Есть много работ по этнографии, в которых прослеживается не только запись старинных обрядов, но и желание их понять. Далеко не всегда эти попытки удачные, но каждый автор попытался внести свою лепту в их понимание. Что-то в этих работах верно, что-то сомнительно, а что-то ошибочно. Прошло много времени с момента публикации большинства этих работ, и можно посмотреть на эти традиции в новом свете¹.

В наше время, когда семейные ценности подвергаются в буквальном смысле агрессии (достаточно вспомнить, что во многих европейских странах приняты законы об однополых браках), есть необходимость по-новому посмотреть на традиции наших предков. Почему в европейских странах предпринимаются такие попытки слома основы существования самого общества? Ведь тем самым разрушается культурный код народа. И почему наши предки с таким уважением относились к народным обычаям? Их смысл заключался в сохранении безусловного сокровища русского народа — семьи. Ведь большинство обрядов совершалось внутри семьи, и направлены они были на сохране-

¹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М.: Наука, 1977; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М.: Наука, 1979.

ние семьи, а потому их ценность особенно важна. Конечно, многие могут сказать, что за старинными обрядами таится суеверие и что наше время диктует совсем другое отношение к жизни. Но, как мне кажется, базовые основы семьи остаются прежними. Возможно, нам лучше удастся отстоять семейные ценности, если мы поймем мироощущение наших далеких предков. И как знать, возможно, утратив старинные традиции, мы уже перестанем быть людьми...

Конрад Лоренц писал еще в 1966 г.: «“Молодой либерал”, достаточно поднаторевший в критическом научном мышлении, но обычно не знающий органических законов, которым подчиняются общие механизмы естественной жизни, и не подозревает о катастрофических последствиях, которые могут вызвать произвольные изменения [культурных норм], даже если речь идет о внешне второстепенной детали. Этому молодому человеку никогда бы не пришло в голову выкинуть какую-либо часть технической системы — автомобиля или телевизора — только потому, что он не знает ее назначения. Но он запросто осуждает традиционные нормы поведения, как предрассудок нормы, как действительно устаревшие, так и необходимые. Покуда сформировавшиеся филогенетически нормы социального поведения укоренены в нашей наследственности и существуют, во зло или в добро, разрыв с традицией может привести к тому, что все культурные нормы социального поведения угаснут, как пламя свечи»¹.

Радуница — светлый праздник зарождения жизни

Календарь славянских праздников неразрывно связан с природой и хозяйственным укладом народа. После принятия христианства на Руси он испытал сильнейшее влияние нового учения. Хозяйственный уклад жизни народа нуждался в сохранении земледельческого календаря, и церковные власти понимали, что нужно сохранить его основы. Некоторые традиционные праздники наложились на христианские, и получился сложный симбиоз народных верований с христианскими. Одним из таких праздников была Радуница. Ее место православный календарь определяет так: понедельник, вторник Фоминой недели или воскресенье. Но поскольку Пасха — праздник, дата которого колеблется между первыми числами апреля и мая, то и Радуница не имеет своего твердого места в календаре. Традиционно Радуница считается поминальным днем предков, и славяне устраивали поминальную трапезу на могилках, которая напоминала древнюю тризну. Но наряду с этим в обрядах и поговорках Радуницы сохранилось нечто такое, что свидетельствует и о других мотивах этого праздника. В Белоруссии говорили: «на Радуницу до обеда пашут, после обеда плачут, а вечером пляшут». Уже из этого видно, что Радуница означала начало работ в поле. Земля-кормилица. Мать Сыра Земля. Столь почтенное отношение к земле заключалось в понимании простого факта: весенний день год кормит. Но невозможно начинать полевые работы в таком широком диапазоне. Поэтому Радуницу славяне в дохристианский период отмечали в строго определенный день солнечного календаря.

Попробуем найти эту дату.

¹ Lorenz K. La accion de la Naturaleza y el destino del hombre. Madrid, 1988.

За точку отсчета возьмем дату равноденствия. Славяне делили год на четыре части по солнцестояниям и равноденствиям. В народном календаре день весеннего равноденствия назывался Сороки, с ударением на первом слоге. Сорок сороков. В православном календаре он именовался Сорок мучеников. На этот день у славян было много различных примет: «С Сорока мучеников — сорок утренников». «Пропусти сорок морозов после Сорока мучеников, сей гречу». «На Сорок мучеников — прилет жаворонков: сколько проталинок, столько жаворонков». «На Сорок мучеников сорок птиц прилетает, сорок пичуг на Русь пробирается»¹. Сколько поговорок — и сколько упоминаний числа сорок! Несомненно, это свидетельствует о его значимости. В этот день хозяйки выпекали печенье в форме жаворонков, а головку украшали гребнем, вставляли в глаза изюминки, сушеные ягоды черники. Длительное наблюдение за природой привело крестьян к выводу, что посевную следует начинать после того, как пройдет 40 суток после равноденствия, в течение которых по утрам могут наблюдаться утренние морозы. В этот день пели песни: «Жавороночек, принеси весну на своем хвосту, на сохе, бороне, на ржаной копне, на овсяном снопе». В некоторых местах, чтобы проще было вести счет дням, пекли «сороки» — 40 маленьких шариков из ржаной или овсяной муки, и затем каждое утро хозяйка выбрасывала по одному на улицу и заклинала мороз: «Мороз, Красный нос! Вот тебе хлеб и овес! А теперь убирайся подобру-поздорову!» Насколько доброжелательны были крестьяне даже к холоду, что, провожая морозы, угощали Деда Мороза хлебом!²

Восточные славяне занимали территорию Восточно-Европейской равнины между 49 и 58 параллелями северной широты. Средняя линия славянских земель проходит по нынешним городам Гродно, Минск, Могилев, Рославль, Козельск, Тула, Рязань. Движение сока березы в этой местности начиналось примерно в дни, близкие к равноденствию. А через сорок дней в первых числах мая начинается цветение черемухи. И в это время температура в почве на глубине 10 сантиметров устанавливается 10 градусов при среднесуточной температуре воздуха 12 градусов. Это лучшее время для посева зерновых и овощей. В течение многих лет, наблюдая за явлениями природы, крестьяне пришли к пониманию значимости этой даты. Большой знаток народной жизни Василий Иванович Белов приводит такой необычный способ для определения этого времени: «В шутку или всерьез, не поймешь, но в народе говорили так: “Выйди в поле и сядь на землю голой задницей. Сразу узнаешь, пора сеять или погодить требуется”»³. И действительно, если твоему организму неуютно, то и растениям ведь тоже. Вместе с черемухой зацветал одуванчик. В это же время можно было услышать первые песни соловья. Свои песни он начинает через 3–5 дней после прилета. В мае он поет не только ночью, но и днем. Самки соловья прилетают на несколько дней позднее самцов.

Традиционный календарь восточных славян носил прежде всего практический смысл. Заниматься сельским хозяйством без учета климатических,

¹ Народный месяцеслов. Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и погоде / сост. и авт. вв. Г. Д. Рыженков. М.: Современник, 1991.

² Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

³ Белов В. И. Лад. Очерки о народной эстетике. М.: Молодая гвардия, 1982.

фенологических и погодных особенностей невозможно. Приходя на могилу к своим предкам, крестьяне не только стремились почтить их блинами, крашеными яйцами («В крашенке — 40 поминков!», и в этом чувствуется благодарность предкам за определение даты посева зерновых), но и просили их рады (совета)¹ и благословения перед началом работ в поле. Умершие предки, похороненные в земле, связаны с ее богатством и возможностями и могут повлиять на будущий урожай. Весенняя природа жила надеждой на лучшую жизнь, поэтому Радуницу в Полесье называли Деда радостные. «Среди белорусов бытует строгий запрет “трогать” землю до Радуницы или до Благовещения (если Радуница приходится на позднюю весну). Это может обернуться продолжительной летней засухой и как следствие — неурожаем, а также повлечь за собой смерть кого-либо из близких родственников, поэтому сначала следовало навести порядок на могилах своих предков — заручиться их поддержкой, получить благословение, а затем начинать цикл сельскохозяйственных работ»².

Этот праздник сопровождал пение птиц, и голос соловья был украшением этой поры года. Пройдет полгода, закончится сельскохозяйственный год, и крестьяне придут на кладбище в день осенних Дедов — сорок дней спустя после осеннего равноденствия, чтобы почтить память своих предков и выразить им свою благодарность.

В этот день дети закликали дождь. Благоприятной приметой считался весенний дождь в Радуницу и радуга на небе. После дождя наблюдаются дружные всходы. Со словом «радуница» связаны слова радеть, радить, радость, род, рождение, родители. Радеть — печься, заботиться, стараться, усердствовать, желать, хлопотать. Разве можно вырастить урожай и детей без забот и стараний! «Радить — советовать, давать совет, помогать советом, наставлением, дать ума, надумать»³. Опыт жизни, передаваемый по наследству, — это безусловное богатство. Собравшись всем родом у могил своих предков, славяне чествовали их и просили помощи и благословения для урожая зерновых и главной культуры полей Руси — ржи. Украшением этого праздника стали радуга и крашеное яйцо — символ новой зарождающейся жизни.

В Православии крашеное яйцо на Пасху служит «символом гроба и возникновения жизни в самых недрах его: окрашенное красной краской, оно знаменует возрождение наше кровию Иисуса Христа⁴. Архиепископ Иннокентий в книге «О великих Господских и Богородичных праздниках» пишет: «А что употребляется при христосовании яйцо, окрашенное в красный цвет, то сие означает духовное веселие. Впрочем, поелику Церковь таковым вещам не дано точного толкования, то можно, взирая на употребление красных яиц во время Пасхи, представлять себе и другое приличное празднеству значение»⁵. Так в народном представлении соединились старинные славянские и христианские представления. «Веселы песни о масленице, а веселей того о Радунице», «Веселая масленица — бесстыдная горе-пьяни-

¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980.

² *Котович О., Крук Я.* Золотые правила народной культуры. М., 1978–1980.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907.

⁴ *Котович О., Крук Я.* Золотые правила народной культуры. М., 1978–1980.

⁵ *Панкеев И.* Русские праздники и игры. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999.

ца, а гульливая Радоница — светлой радости приятельница». Три главных мотива Радуницы: посевная, почитание предков и радость. Пословицы говорят, что путь к радости прост: «моя радость в тебе, а твоя во мне»; «кто чужой радости не рад, тот сам себе враг»; «дай Бог в честь да в радость, в лад да в сладость». Почитание предков — это путь к уважению окружающих, только благодарный человек достоин уважения.

Первый сборник стихов Сергея Есенина назывался «Радуница», и в нем есть стихи, посвященные Радунице:

*Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.*

*Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, —
Я одурманен весной.*

*Радугой тайные вести
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.*

*Сыть ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.*

Загадка первого блина. Как или кому?

Блины — любимое русское блюдо. Их готовят не только по праздникам, но и в обычные дни. Каждая хозяйка умеет их печь и передает свои навыки дочерям и внукам. Казалось бы, секретов в их приготовлении не должно быть. Тогда почему же появилась пословица «Первый блин комом»? Неужели всякую хозяйку подстерегает неудача в столь повседневном деле? И наши любимые женщины не извлекают опыта из этих неудач? Несомненно, с этой пословицей что-то не так...

Многие старинные пословицы звучат для нас не всегда понятно. Некоторые из них появились на свет, когда существовали предметы и понятия, не дошедшие до нашего времени. Условия изменились, пословицы остались, и смысл их стал загадочным. Большинство предлагает понимать эту пословицу как отражение неудачного первого опыта. Но почему именно блины стали поводом для закрепления в памяти народа неудачи первых шагов в приобретении практических навыков любого дела? Неужели технология приготовления блинов столь сложна? Ведь каждая хозяйка приобретает свой первый опыт в этом деле под присмотром опытных наставниц — мамы, бабушки, тети, старшей сестры. Таким образом возможность избежать неудачи у нее резко повысится. Но даже если подобная ошибка и могла быть

совершена в отрочестве, почему ее повторяют все женщины с регулярной неизбежностью и во взрослом состоянии? А потом у нас же есть правило, как избежать ошибок: не наступай на грабли... Почему первый блин становится граблями? Может быть, здесь речь и не идет о неизбежности ошибок в начале любого дела.

Некоторые пословицы дошли до нас в укороченном или несколько измененном виде. И от этого их смысл меняется на противоположный, ведь вторая часть пословицы или дополняет первую, или раскрывает ее смысл с неожиданной стороны, что придает ей неподражаемую парадоксальность. Часто приходилось слышать от многих: «пьяному — море по колено», но полный вариант звучит тоньше и остроумнее: «пьяному — море по колено, а лужа — по уши». Выпивший человек явно преувеличивает свои возможности, а реальность оказывается намного прозаичнее. Или некоторые говорят: «волка ноги кормят», имея в виду, что нужно много работать и двигаться, чтобы добыть пропитание. Но полный вариант пословицы говорит о разнообразных возможностях живых существ и человека: «зайца ноги несут, волка зубы кормят, лису хвост бережет». Наблюдательный ум крестьянина с иронией подмечает, что в минуты опасности одни люди «делают ноги», другие огрызаются, третьи прячутся. Как видим, русские пословицы не столь прямолинейны, они более многозначны и хотят подчеркнуть многообразие человеческих возможностей и тонкость в переживании человеческого опыта. А иногда в них явно прослеживаются остатки какого-то ритуала. Обратимся к пословице о первом блине, которая тоже существует в более полном варианте, хотя и сохраняет вид секретного послания из глубины веков:

*Первый блин — комом,
Блин второй — знакомым,
Третий — дальней родне,
А четвертый — мне¹.*

Здесь уже речь идет не только о первом блине, но и о втором, третьем, четвертом... И что-то мне говорит, что первый блин вышел вовсе не неудачным комом, а достался кому-то в подарок. Три строчки пословицы говорят, кому предназначался блин, почему же первая должна свидетельствовать о неудаче в приготовлении? Кому же полагался первый блин? Комам? Но кто такие комы? Вероятно, именно они больше всех нуждались в пище. Им и полагался первый блин, их следует почитать.

Некоторые любители старины предлагают в комах видеть ...медведей. Якобы славяне поклонялись медведям, и проснувшимся после зимней спячки голодным мишкам добрые и жалостливые хозяйки несли блины, задабривая хозяина леса². Можно только удивляться, что, спустя много столетий прикармливания медведей, мы не видим их в качестве домашнего животного. Но почему блины, а не мясо или мед, например? Голодные и злые медведи ведь запросто могли не ограничиться только блинами, и вежливые хозяйки

¹ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

² Этнаграфія Беларусі // Энциклапедыя. Мінск, 1989.

стали бы пищей невежливых обитателей леса. Голод — не тетка, а медведь в школу не ходил и не слышал пословицы: «голод не тетка, пирожка не поднесет». И благодарность медведям не свойственна. Для него и пирожки, и блины, и тетки всего лишь только пища. В смерти таких наивных женщин прошу медведей не винить, здесь виновны авторы подобного вымысла. А женщинам разве нет кому поднести блины, кроме медведей? Какой смысл угощать лесных зверей, которые время от времени нападают на домашний скот, разоряют борти, колоды и улья и от которых гибнут иногда и люди? Если разбойник вас грабит, так надо ли встречать его хлебом и солью? Глупо награждать неблагодарного человека, а уж кормить лесных разбойников не только глупо, но и смертельно опасно.

Судя по всему, приведенная пословица — явный отголосок некоего ритуала дарения, дошедшего до нас из глубины веков. Испекши блины, хозяйка дарила их поочередно неким комам, потом знакомым, затем родне и только потом себе и своей семье. Здесь мы видим, что круг общения крестьянина — мир, как и окружающее его пространство — мир, разделены на четыре части, что соответствует четырем строкам пословицы. Но кто же больше других нуждался в пище? Лишенные крова, очага, семьи и земельного надела. Нищие и странники. Пространство для земледельца не было пустым: близкий круг — это семья, далее следуют родственники, потом знакомые. Самый дальний круг мира наполнен странниками и скитальцами. Пришельцы из дальних мест были лишены крова и очага, но они утоляли духовный голод крестьян, рассказывая им старинные предания, былины, принося весточки из дальних земель. И разве можно было их не отблагодарить за это! В четырех строчках пословицы говорится о хозяйке, родных, знакомых и ...незнакомых — нищих, пришлых людях, странниках. Блины — поминальное блюдо славян. Поднося блины нищим, странникам, пришельцам, хозяйка просила их поминать своих предков — Благо дарю! — и благодарные странники разносили вести о добрых людях. Память странников отныне будет хранителем добрых дел. Поклонившись четырем сторонам света, хозяйка давала блины странникам, которые кланялись ей. Добрые дела делают мир (вселенную, нашу Землю) светом. Царством тьмы становится мир без добрых дел. Кто хочет мира (покоя) душе, живет с миром (обществом) в ладу. Крестя спину странника, — пусть хранят тебя четыре стороны света! — хозяйка провожала его в путь.

Ритуал дарения очень древний. Совместная трапеза венчала едва ли не все славянские обряды. Есть глубокий смысл в стремлении одарить, а особенно, когда в даре нуждается человек, лишенный самого необходимого. Русское слово «причащать» сейчас используется почти исключительно в религиозном смысле. Но вот его греческий аналог εὐ-χαριστία ἡ (евхаристия) имеет следующие значения:

- благодарность, признательность Dem., Polyb.;
- воздание благодарности, благодарение (πρὸς τινα Diod.; τινί NT)¹.

Если же обратиться к старинным славянским словам, то можно найти такое слово, как «комкати (камкати, комькати)», которое означает причащать, причастить². Поэтому одним из значений слова «комы» можно

¹ Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980.

считать «одариваемые», «получившие часть пищи». Самое удивительное, что дарение делает счастливым не только получающего дар, но и самого дарителя.

Пословицы — практическая мудрость

Значительная часть русской литературы анонимная, авторов пословиц, былин, сказок мы не знаем. Эти произведения создавались в народной гуще. Если сравнить эту часть литературы с авторской — романами, драмами, поэмами, стихами, то возникает впечатление, словно безымянных авторов фольклорных произведений интересуют совсем другие цели, задачи, сюжеты. Пословицы написаны в ином литературном стиле. Эту литературу создавали в свободное от основной работы время люди дела. Поэтому язык пословиц немногословен, он предназначен для обретения навыков житейской мудрости. Главное для крестьянина и ремесленника — это труд, для рассуждений мало времени. Вместе с тем труд — это основа нравственности. Производительный труд не оставляет выбора: жить надо честно. Никто за крестьянина не накормит его семью. Это барин может позволить себе безделье, а у сельского жителя каждая минута на счету. Крестьянин рассуждает с оглядкой на мир природы, поэтому в пословицах часто возникают образы различных зверей: волка, зайца, лисы, медведя, коня, кошки и т. д. Пословицы — меч мудрости, спасающий человека в часы житейских невзгод. Наблюдения над жизненными опасностями заставляют крестьян видеть на несколько шагов дальше, чем кажется при поверхностном взгляде на вещи. Сколько скрытых смыслов обнаруживает ум крестьянина и ремесленника в мелочах жизни!

Удивительное дело! Понимая красоту этих пословиц, мы довольно часто не всегда верно понимаем их смысл, ведь многие пословицы мы используем в их сокращенном варианте, часто забывая их вторую, наиболее яркую, а иногда парадоксальную часть. Эта вторая часть напоминает крестьянину, что в большинстве житейских ситуаций надо держать ухо востро, быть начеку. Потеря внимания в любом деле часто оборачивается неудачей. В этих кратких афоризмах много практического ума и сметки, которые жизненно необходимы каждому человеку. Авторы пословицы прекрасно понимали, что время — это драгоценность, потому язык пословиц столь краток. Читая сказки, былины и пословицы, складывается впечатление, что наряду с дворянской Россией существовал параллельно ей иной мир, иные ценности, своя правда, своя нравственность. Пройдет много времени, и на этот мир обратят внимание поэты: Пушкин, Некрасов, Кольцов, Клюев, Есенин.

Пословицы в значительной степени отражают глубинные мысли крестьян. В них много мыслей о самом необходимом, излишеств жители села никогда не имели. Наблюдая жизнь дворян, крестьяне нутром чуяли, что их господа не ведут праведный образ жизни, который они понимали как труд на земле, поэтому земля для них кормилица. Свободное время, потраченное помещиками не на хлебопашество и ремесло, а на часто непонятные для них занятия, понималось ими как безделье. Излишек свободного времени становится в их глазах обузой. Ничего сверх меры! А мера человеку — его деяния. Нести свой крест. Жить надо так, чтобы дела были соразмерны мыслям.

Голод не тетка, пирожка не поднесет.
Гол как сокол, а остер как топор.
Губа не дура, язык не лопатка, знает, где кисло, знает, где сладко.
Два сапога пара, оба левые.
За двумя зайцами погонишься — ни одного кабана не поймашь.
Кто старое помянет — тому глаз вон, а кто забудет — тому оба.
Лиха беда начало — есть дыра, будет и прореха.
Бабушка гадала, надвое сказала: то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет.
Бедность — не порок, а большое несчастье.
В здоровом теле здоровый дух — редкая удача.
Везет как субботному утопленнику — баню топить не надо.
Ворон ворону глаз не выклюет, а и выклюет, да не вытащит.
Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить.
Дураку хоть кол теши, он своих два ставит.
Девичий стыд — до порога, переступила и забыла.
Дорога ложка к обеду, а там хоть под лавку.
За битого двух небитых дают, да не больно-то берут.
Зайца ноги носят, волка зубы кормят, лису хвост бережет.
И делу время, и потехе час.
Комар лошадь не повалит, пока медведь не подсобит.
Куручка по зернышку клюет, а весь двор в помете.
Молодые бранятся — тешатся, а старики бранятся — бесятся.
На чужой каравай рот не разевай, пораньше вставай да свой затевай.
На сердитых воду возят, а на добрых сами катаются.
Не все коту масленица, будет и пост.
Не печалится дятел, что петь не может, его и так весь лес слышит.
Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса.
Новая метла по-новому метет, а как сломается — под лавкой валяется.
Один в поле не воин, а путник.
От работы кони дохнут, а люди — крепнут.
Палка о двух концах, туда и сюда бьет.
Повторенье — мать ученья, утешенье дураков.
Пьяному море по колено, а лужа — по уши.
Пыль столбом, дым коромыслом, а изба не топлена, не метена.
Работа — не волк, в лес не убежит, потому ее, окаянную, делать и надо.
Расти большой, да не будь лапшой, тянись верстой, да не будь простой.
Рука руку моет, да обе свербят.
Рыбак рыбака видит издалека, потому стороной и обходит.
Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает.

Собаку съели, хвостом подавились.

Старый конь борозды не испортит, да и глубоко не вспашет.

Тише едешь — дальше будешь от того места, куда едешь.

У страха глаза велики, да ничего не видят.

Ума палата, да ключ потерял.

Чудеса в решете — дыр много, а выскочить некуда.

Язык мой — враг мой, прежде ума рыщет, беды ищет.

Дуракам закон не писан, если писан — то не читан, если читан — то не понят, если понят — то не так¹.

Эта уникальная подборка пословиц характерна тем, что многие люди вторую часть пословиц не всегда помнят. Чем-то эти пословицы напоминают китайские стратагемы². В качестве примера можно привести стратагему «Пожертвовать сливой, чтобы спасти персик». Смысл этой стратагемы не ясен, как часто и с нашими пословицами. Название данной стратагемы восходит к древней народной песне «Кричит петух»:

*Персиковое дерево растет у колодца,
Сливовое дерево растет рядом с ним.
Вот пришли муравьи и грызут корни персика,
Но слива жертвует собой ради персика.
Если даже деревья жертвуют собой ради друга,
То разве может брат забыть родного брата?³*

Народная мудрость имеет единое происхождение, повседневная жизнь людей рождает удивительные образы, находит оригинальное решение любой проблемы. Словно сама природа подсказывает решение этих проблем. Точно так же и наши пословицы, как китайские стратагемы, можно применять в разных сферах жизни, а не только по прямому назначению. Иногда в пословицах прослеживается добрая ирония, иногда самокритика. В них мир крестьянина открывается с неожиданной стороны, хотя на первый взгляд все вроде бы и хорошо известно. И было бы большим несчастьем, если бы они до нас не дошли...

¹ Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо-Пресс, 2000.

² Тридцать шесть стратагем / пер. с кит. В. В. Малявина. М.: Белые альвы, 1997.

³ Там же.

Ольга ПЛАТОНОВА
ФИЛОСОФСКОЕ
В ЛИРИКЕ ЮРИЯ
ШЕСТАКОВА
(1949–2010)

Ольга Яковлевна Платонова — родилась в г. Обояни Курской области. Окончила библиотечное отделение Московского государственного института культуры, десять лет отработала в селе, а затем более тридцати лет — в Центральной библиотеке города Губкина Белгородской области. С творчеством Ю. М. Шестакова знакома много лет. По его стихотворениям написала два литературных коллажа, сделала слайд-презентацию его памяти, стала редактором трех сборников статей по итогам Шестаковских чтений. **Живет в г. Губкине Белгородской области.**

*Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.*

М. В. Ломоносов

*...космос подобен добрейшему
и разумнейшему животному.
Ни один атом Вселенной не избегнет
ощущений высшей разумной жизни.*

К. Э. Циолковский

*О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить...*

А. А. Блок

Космос, Вселенная, человек, космическое в человеке. Эти философские проблемы волновали многие поколения людей. Особенно близка эта тема представителям словесности. В этой связи достаточно вспомнить глубокую поэзию М. В. Ломоносова, «Грезы о земле и небе» К. Э. Циолковского. Соотношение «общей» жизни человечества и душевной жизни отдельного человека присутствует в лирике К. Н. Батюшкова. Проблема жизни и смерти находит место в поэзии А. А. Фета. Образ пространства и времени в их дискретном существовании предстает в поэзии XX века у В. Я. Брюсова, О. Э. Мандельштама, А. А. Блока, А. А. Тарковского и др.

Человека, как высшее существо, авторы, пишущие в лирических тонах, иногда сравнивают со Вселенной в миниатюре. Известно, что каждая материя во Вселенной, развиваясь по общим для всего законам, имеет свои особенности, которые делают ее индивидуальной и неповторимой. Так и люди, развиваясь по общим физическим и социальным законам, имеют свои индивидуальные качества, делающие одних из них гениями, других просто хорошими людьми. С этих позиций хотелось бы рассмотреть личность и творчество современного поэта, интересного человека, который очень любил жизнь, а главное, думал о

смысле этой жизни, отражая свои мысли в стихах. Это санкт-петербургский поэт Юрий Шестаков.

Как представитель современного периода российского литературного творчества, Ю. Шестаков имеет не просто свой авторский почерк, но его творчество как многогранно, так и философски направлено. Его стихи — это размышления о смысле бытия, о неизмеримости сущего, о силе человеческого духа перед всемогущей природой, огромным в своей непостижимости Космосом. Он относится к тем людям, которые жили в разное время на Земле, но каждый из них всерьез задумывался над проблемами сущего, проводя параллель между неизмеримо малым и неизмеримо большим. В результате, М. В. Ломоносов, например, стал гением науки и искусства, И. Ньютон открыл закон всемирного тяготения, К. Э. Циолковский стал отцом космонавтики.

Творчество Ю. Шестакова отмечено как талантливое, зрелое, образное и щемяще лирическое известными современными писателями. Среди них А. А. Тарковский, С. Д. Давыдов, Ю. М. Поляков. Оно стало предметом изучения поэтессы, литературного критика, заместителя главного редактора журнала «Родная Ладога» В. В. Ефимовской, поэтессы и искусствоведа И. Н. Важинской, учителя литературы и друга поэта В. М. Лобовой. Стихи Ю. М. Шестакова публиковались и в нашей стране, и за рубежом. Он — автор литературных сценариев кинопоэтических лент: «В начале было...», «Два дома», «Возрадуйся!». По его творчеству написаны сценарии, оно стало основой внеклассных мероприятий для школьников и студентов, творческих встреч. В городе Губкине неоднократно проходили литературные чтения его имени. Тем не менее, нельзя сказать, что поэтическое творчество поэта исследовано в достаточной степени. Каждый раз, открывая сборник стихов Ю. М. Шестакова, находишь все новые мысли, испытываешь новые ощущения. Его творчество волнует и пробуждает желание размышлять о жизни. Чем больше читаешь его стихи, тем чаще приходит понимание, что познакомился с большим поэтом, имеющим свой творческий почерк и своего читателя, а его стихи стали необычным и красивым явлением в мировой культуре.

Личность Юрия Шестакова представляется многогранной и многополюсной. Он мудрый философ с сердцем ребенка, жадно познающего сущее, пьющего энергию из родниковых источников земли. Он пишет о серьезных вещах, оставаясь при этом поэтом с образной речью и мечтательным взглядом, устремленным в бездонную высоту неба. В его стихах находят место неизмеримо малые величины атома (*«...душа сквозь молекулы тела уйдет, как вода сквозь песок...»*), *«Трактаты философские зачитывал до дыр, материю деля на кванты, граммы...»*, *«атом невидимый также загадочно смертен, как наболевшая в небе остывшем звезда...»*) и необозримые разумом просторы Вселенной (*«На землю сквозь космические дали светило солнце...»*, *«Луна взошла, багровая как рана...»*, *«...вновь проклевывает вечность скорлупку неба клювиками звезд!»*). Понимая эту раздвоенность, мучимый желанием знания (*«Познать желаю смысл добра и зла...»*, *«...хочу понять, что чувствовал Ньютон, земное открывая притяженье?»*), поэт признается: *«...жадный к познанию, живу в наказании между мега- и микровселенными на сквозняке...»*.

Как и вся его жизнь, географически поэзия Юрия Шестакова имеет двухполюсный характер. Детство его прошло в селе Богословка, с ее широ-

кими просторами, особенностями природы центра России, а взрослый период жизни — в северной столице с особым европеизированным укладом, с солидными центрами культуры, литературными сообществами. Душа поэта вновь и вновь возвращается в родную Богословку, а разум ищет подпитку в культурных анналах Санкт-Петербурга. Он с нежностью описывает земное: сельскую природу, уклад крестьянского быта (*«...и русскую степную песню раздольно пели мужики», «Кони щиплют вкусный сумрак, пряно пахнувший травой»*), пишет о невских берегах и огнях северной столицы (*«Как медленно растут деревья, как быстро заводские трубы!», «Фонарей блестящие цветы мне подарит город на прощание»*), но тут же взор его устремляется к невиданным космическим высотам, непостижимым разумом, перемещается во времени и пространстве (*«И в уши мне шептали травы колко о соках, скрытых в глубине земли...», «На землю сквозь космические дали светило солнце», «...отражение детства в глубинной памяти воды хранится...»*).

Юрий Шестаков — человек редкого дара чувствовать природу, любить жизнь. Природа в его творчестве, как и живое существо, наделена чувствами, переживаниями. А человек причиняет ей боль, беспокойство, наносит порой неизлечимые раны: *«И лягу — болью для травы...», «Старинный друг мой, речка Орлик...», «...глазастые росинки очень любопытны...», «Яблони, видать, устали очень...», «...за мной шла весна на каблукках капли...»*. И далее, его игра с природой, как с живой, способной чувствовать, огорчаться, следить украдкой за поэтом, вызывая в нем чувство неловкости, вины, заставляя и его лукавить, притворяться.

*Под каблуками снегу не до сна:
на нем — мои следы, на мне — вина,
что он невольной тяжестью обижен...
А из-за туч за мной следит луна,
я притворяюсь, что ее не вижу.*

(«Тяжесть», 1992)

Уже в ранних, юношеских стихах прослеживается эта устремленность к высоким облачным высотам, звездной беспредельности. В стихах, посвященных воспоминаниям детства, мы находим первые впечатления о мире, который по мере взросления поэта разрастается все дальше и глубже (*«Мир ввысь и вишь тянулся, раздавался...»*), уходя в Космос, за пределы человеческого разума (*«...а мир все рос, в округу не вмещался!», «...я вырастал — не по часам и дням, а по лесам, по рекам и полям, перераставшим для меня — в Россию...»*). И все это зримо, ощутимо, удивительно прекрасно:

*И чьи-то руки смугло солнцем пахли,
когда внезапно к небу приподняли —
и разлетелись вишь степные дали —
как дивно мир в пространство был распахнут!*

Вот это чувство высоты, широты и необозримости пространства отражает и широту его натуры, которая всегда присутствовала в его встре-

чах с земляками, читателями, прослеживалась в его желании поделиться творческими находками, восторгом от непостижимости знания о звездном и земном. Надо заметить, что один из самых ярких поэтических образов Юрия Шестакова — звездное небо. То это безбрежность и неизмеримость («...когда я вверх смотрю, где, как река, течет непредсказуемое небо»), то как бы суживается до размеров родного дома, имя которому планета Земля, дома привычного знакомого, родного.

*На иссохшую землю
ночной опускается мрак,
и откуда-то сверху
струится прохладой воздух,
словно между Вселенной
и нашей планетой —
сквозняк:
сквозь дырявую крышу небес,
где прорехами — звезды...*

Звездным сиянием проникнуто все его творчество: «*И только звезд спасительная твердь / сияет, освещая дали горние...*». Признаваясь в любви к звездам, к их таинственности и неизмеримости, он пишет о неиссякающей силе души человека, глубины которой неподвластны и звездам.

ЗВЕЗДЫ

*Я все сильнее люблю их и страшусь.
И пусть не вечно тело будет жить, —
не вычерпать и звездному ковшу
родник неиссякающий души.*

Звезды манят его своим вечным светом, но он с некой долей гордости констатирует, что звезды — эти глаза Вселенной, — мельче, холоднее и равнодушнее глаз человека, этой малой песчинки в масштабах Космоса: «*Что им поле, что им горе, дума, / что им боль неспящего в ночи?*» и человеческое: «*...этих глаз, что излучают душу вглубь и вширь Вселенной зорче звезд...*». Или еще:

*Из космоса, из первозданной тьмы
с тревогой смотрят звезды —
гнезда света:
что принесет им смутная планета,
что будем значить для Вселенной мы?*

(1993)

Земля и звезды переплетаются в его сознании неким неделимыми и органичным. Все земное он сравнивает со звездным («*Торопятся созвездья мотыльков <...> из тел своих земных — к безмерной жизни...*»), он сам стремится к звездам, ему тесно в границах его астрального и физического тела («*А мне порой бывает тесно / среди домов, машин, людей...*»).

Вырастая до небес, он как бы играет со звездами, с непосредственностью и наблюдательностью поэта сравнивая их с яблоками, которые растут в саду горячо любимого деда. И звезды, и яблоки объединяет одно — они имеют свойство иногда падать на землю. Но падают они неодинаково: «...яблоки с небес летят на землю, / тусклы и круглы, а звезды... — звезды яркие и длинные в паденье...».

Дед незримо присутствует в его стихах как духовный наставник, как первый учитель, как проводник к роднику, питающему кроны его древа жизни. Он обращается к деду снова и снова в поисках ответов на непостижимые земным умом вопросы: «*Про бытие, что с Вечностью слилось...*», про тайны мироздания и зарождения жизни. И он с некоторой долей юмора пишет, как загнанный в угол вопросами растущего внука дед отвечает неопределенно и уклончиво:

*И к деду в поле я спешил с вопросом:
«А небо, звезды, целый мир откуда?
И не хитри — уже давно подрост я!»
Лишь крякал дед:
«Пристал... Да все оттуда!»*

(«Первый учитель», 1986)

С вселенскими и земными ощущениями в стихах Юрия Шестакова тесно переплетается человеческое чувство. Оно становится замысловатым узором, эликсиром жизни, неким философским камнем превращения земного в божественное: «*Светом души озаряется разум...*», «*Месяц-вопрос над Землею навис, а за ним — звездное многоочие...*». Он ощущает себя центром большого мира, который находится в движении, меняется, сверкает яркими красками: «...вокруг меня водоворот пространства! И я в водовороте этом — центр...» Душа его стремится, рвется ввысь, а плоть удерживается земной твердью («...с каждым смертельным прорывом к свободе душе все теснее скафандр этой плоти»). Поэт смотрит в небо, а «пристальное небо» смотрит в него, в его душу.

*Но только безначальный Свет,
Которого превыше нет,
дает в молитвенной тиши
узреть и свет, и тень души...*

(«Светотени», 2007)

Часто в поэзии Юрия Шестакова звучит слово «бездна». Бездна света, бездны тьмы: «*Я пойду за незримо Ведущим через бездны — к рассвету в дали...*». Противостояние, противоборство тьмы и света, тепла и холода, жизни и смерти, вечности и мгновения («...ковчег тепла и холод зимней бездны...», «мир земной смертельно краток, полжизни мне прожить осталось, полнеба солнцу — до заката») становится предметом его философских раздумий о мире.

Как человек, верящий в непостижимость тайны бытия, поэт задумывается о божественном мироощущении людей. Дух, духовность, смысл сущего

проходит через все его творчество. Храм души, храм святого духа, хранилище нравственных основ общества — в этом он видит источник веры и созидания («О, если не бесплоден был бы камень, кусочек храмовых руин посеял бы я в землю, как зерно...»). Поэта беспокоит растущая бездуховность общества, высокомерие человека, считающего, что он не просто венец природы, но ее хозяин, покоритель («...ведь человек — венец природы — не роковой ее венок!»). От этого, по его мнению, в мире все больше расцветает жестокость, несовместимая с достижениями человеческого разума. Восхищаясь и удивляясь каждой малостью совершенных созданий природы, он задается вопросом о несовершенстве духовных основ общества. Познать желая «смысл добра и зла», он пишет:

*Куда несешься, жизнь земная,
своим бессмыслием страша?
Все дерзновенней сила знаний,
все беззащитнее душа.*

*Все гуще тьма фантазий плотских,
все приземленнее мечта.
Все больше мыслей философских,
все меньше — веры во Христа.*

(1997)

Картина мира, созданная стихами Юрия Шестакова, огромна. А если сравнить его творчество с творчеством живописца, то это смелые широкие мазки, без мелких деталей. Но его стихи настолько философски содержательны, что эти мелкие детали невольно дорисовываются воображением читателя. Поэт как бы спешит объять необъятное, он боится не успеть, желая поймать ускользающую мысль, образ. Часто в конце строки он ставит многоточие, приглашая читателя к сотворчеству, увлекая в мир поэзии, который для него становится Вселенной, облеченной в слова.

ПОЭТ

*Понял я среди непрочных
зримых форм, явлений внешних,
что поэт — лишь переводчик
мыслей — из миров нездешних:
на язык наш человеческий
переводит голос Вечности...*

(2002)

**Николай
ПЕРЕСТОРОНИН**

«СТИХЛА ЖИТЕЙСКАЯ ВЬЮГА, НО НЕ НА ВСЕ ВРЕМЕНА...»

Николай Васильевич Пересторонин — родился в 1951 г. в Кирове. Окончил Уральский госуниверситет. Член СП России, Заслуженный работник культуры России, лауреат премии Правительства России в области печатных СМИ, лауреат Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского, Всероссийской литературной премии имени Н. А. Заболоцкого. Автор 17 книг стихов и прозы. Живет в Кирове.

* * *

Уехал друг в Разбойный Бор
До октября.
На возвращение он не скор,
Да жду не зря.
Не по стаканам водку лить,
Стихи вещать.
Нам есть о чем поговорить
И помолчать.
Взойдет над берегом звезда,
А, может, нет.
Но не доступен, как всегда,
Абонент,
Где распустился девясил
И иван-чай.
Но почему он говорил:
«Прости-прощай!»?
Иду один, смягчая шаг,
Смирив тоску,
А Раздерихинский овраг
Давно в снегу.

* * *

*Вологодскому гармонисту
Константину Пирожкову*

Иней ложится на землю.
Близкой зиме улыбнусь,
Видимо, зря говорится
Походя: «Тоже мне, гусь...»
Воздух холодный клубится,
Легкий морозец бодрит.
Но перелетная птица
Родине верность хранит.
Травушка во поле вянет,
Стая сбивается в круг,
Но до последнего тянет,
Не улетает на юг.
То ли вожак встрепенулся,
Крылья свои распластав,
Только охотник вернулся,
Дичи не настреляв.
Слух взбаламутил деревню:
Будто, стреляя навскид,
Видел, как трепетной тенью
Гуси взмывают в зенит.
Долго гармоники пели,
Песней сводили с ума:
«Гуси на юг улетели,
И наступила зима».

ВАЛЬДШНЕП

Окольцованный в Париже —
Наш пострел везде поспел —
Все доверчивей и ниже
Он на родину летел.
Как она его манила,
Как хотелось слиться с ней...
Просто есть такая сила —
Тяга к родине своей.
И тянулся что есть мочи,
Но закрашивал закат

Антрацитовые очи,
Отведенные назад.
А потом как в воду канул
Вальдшнеп, будто и не жил.
Как некстати выстрел грянул,
Как не вовремя сразил.
Лай охотничьей собаки,
А потом — лишь гладь да тишь...
Будто знал: убьют на тяге,
А кольцо вернут в Париж.

ВОЛОГОДСКИЙ МОТИВ

Покажется: здесь и душа отдыхает,
Хранима Всевышним на все времена,
В полуночной Вологде ветер стихает,
И белая церковь видна из окна.
Но запертый воздух холодного крова
Рванется наружу, знакомый до слез,
И каменный шарфик на шее Рубцова
Затянет потуже крещенский мороз.

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

В годы несытого быта,
В пору студеной времен,
Зимнее солнце сокрыто
И небосвод убелен.
Стихла житейская вьюга,
Но не на все времена,
Дивная эта округа
Снегом занесена.
Чтобы земля не остыла,
Жизнь беззаветно любя,
Зимнее солнце явило
Хладному миру себя.
В небе заснеженном реет
Гордо, победно, светло.

Зимнее солнце не греет,
Но обещает тепло.
Словно грядущее знает,
Тайные зрит письмена,
Зимнее солнце сияет —
Не за горами весна.
Ну, подморозило малость,
И в серебре голова,
Зимнее солнце закралось
В эти земные слова.
В русские наши старания,
Что и в холодные дни
Зимнее солнцестояние
Нас до тепла сохранит.

* * *

И памятник придумывать не надо —
В России снег.
С небес и до земли

Серебряные нити снегопада
По жизни, распахнувшейся крылато,
Холодными прожилками легли.

* * *

Сегодня вынос плащаницы,
Кадильный дым не ест глаза,
Но словно раненые птицы
Восходят певчих голоса.

Они вовеки не прервутся,
Смотреть на свечи не дыша.
И льются слезы, слезы льются,
И очищается душа.

* * *

Мне всегда казалось, это было,
Только почему-то позабыл:
Тишина небесная царила,
И молчаньем старец говорил.
Видел он духовными очами:
Книгу, не написанную мной,
Ангел с золотыми волосами
Бережно кладет на аналой.

В ней такие чистые страницы,
В ней такие светлые слова,
Словно снег на солнышке искрится
Самая правдивая глава.
Я ее как другу дорогому,
Сам не знаю, как и доверял:
Золотом писал по золотому,
Серебром по серебру писал...

* * *

Во тьме кромешной лучик узкий.
Я голос свой не узнаю:

«Я русский, Господи, я русский!»
«Иди к своим, они в раю!»

* * *

Снова я уступаю надежде,
Только ей, велика ли беда,
Словно годы, что выпали прежде,
Тают, не оставляя следа.

Снова кажется: я еще молод,
Мне легко забывать о былом.
Кружит снег, словно ангел Никола,
Осенья холодным крылом.

БЛАЖЕННЫЙ ИНОК*

*Жизнеописание блаженного
инока Владимира,
Важеозерского чудотворца*

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея
Руси Кирилла*

*Составлено по воспоминаниям
современников и их потомков.
Составитель А. Е. Селезнев*

*Продолжение. Начало в №№ 1,
2, 3, 4 за 2016 г.

Знать о том, что у Андреевых ожидается прибавление в семействе, он, конечно, знал, но откуда ему было известно, что ребенок уже родился, и что это девочка? Только не этому удивился Лука Иванович, а тому, что теперь у Андреевых будет две Александры: мать и дочь. Высказал отцу Владимиру свое недоумение, а в ответ услышал:

— Пусть назовут Александрой, и ты будешь у нее крестным.

Так и крестили, как сказал отец Владимир, с именем Александра, а чтобы с матерью не путать, всегда звали Шурой. Часто потом бывал у Андреевых крестный. Неподдалеку от их дома была баня, где любил он париться, после чего обязательно заходил к кумовьям попить чай из самовара. Брал с собой огромный ситник для детей и был там всегда желанным гостем.

Сам отец Владимир приходил к Андреевым, предваряя свое появление стуком зонта в окно:

— Рады, не рады, а иду.

Проходил в комнату родителей, молился там, а потом выходил в гостиную. Однажды он пришел до появления с работы Дмитрия Андреевича. Все долго ждали его возвращения и не сажались за стол. Наконец, хозяин дома появился, и Александра Макаровна стала просить благословения у отца Владимира садиться обедать. Но блаженный инок молчал, будто и не слышал вопроса. Удивившись его молчанию, Александра Макаровна занялась другими делами, потом дважды обращалась к нему, но с тем же результатом. Немного погодя отец Владимир попросил подать ему большую миску с водой и сам стал готовить трапезу. Покрошил в миску вареную картошку с шелухой, налил уксуса, подсолнечного масла, насыпал много соли, горчицы, перцу, добавил куски селедки, все перемешал и сказал:

— Теперь ешьте.

Есть никто не хотел. Но много лет спустя, во время войны, свидетели той сцены вспомнили ее во всех подробностях и только тогда поняли, что так блаженный инок предсказал им голод.

С едой у них связано еще одно воспоминание об иноке Владимире. В один из его приходов в гостях у них была двоюродная сестра Александры Макаровны. Из-за какой-то болезни у нее во рту высыпали гнойные прыщики, и от боли она ничего не могла есть. Отец Владимир об этом не знал, но, поев немного, вдруг поставил перед ней свою тарелку и велел доесть. Она все доела и почувствовала, что тут же исцелилась.

Странные, неожиданные поступки отца Владимира вспоминали практически все, знавшие его.

Жительница Парголово Прасковья Ефимовна Смекалова рассказывала, как однажды она несла бидон молока в Петербург и на Литейном мосту встретила блаженного инок. Остановив ее, он сел поперек пешеходной части, свесил ноги на мостовую и попросил налить ему молока в крышку бидона. Сцена, конечно, привлекала взгляды прохожих, на которые инок никак не реагировал, зато смущалась молоденькая Прасковья, готовая провалиться от стыда сквозь землю.

Ничего кроме презрения к миру, ко мнению окружающих, символика этого эпизода нам не сообщает, разве только говорит об уроке смирения, преподанном Прасковье Ефимовне, хранившей его в памяти всю долгую жизнь. Для самого инок Владимира в этом поступке не было ничего значительного. С одинаковым равнодушием относился он к мнению о себе как близких, так и незнакомых. Бывало, оденут его в приличную одежду, и в тот же день видят блаженного в этой праздничной паре сидящим на паперти среди нищих оборванцев.

Но по словам той же Прасковьи Ефимовны, странные поступки инок Владимира все же чаще были наполнены благодатной силой и смыслом, раскрывающимся позже. Инок бывал в их доме и в один из своих приходов, когда она страдала зубной болью, навсегда излечил ее необычным образом. Инок Владимир сжал голову Прасковьи своими коленками так, что до глубокой старости (умерла П. Е. Смекалова в возрасте 92 лет) зубы у нее больше никогда не болели.

И тосненцы долго помнили странности блаженного инок, так похожие на поступки древних пророков.

Случился там большой пожар. Дома вокруг сплошь деревянные, стоят тесно. Из тех, что еще не загорелись, жильцы поспешили вытащить скarb на улицу, стоят перед домами, ждут своей участи. В это время инок Владимир заходит к одним из них и говорит:

— Ставьте самовар, будем чай пить.

Хозяева на связанных узлах ждут, что пожар доберется и до их дома. Конечно, в ту минуту всем было не до чая, но, однако, заметили, что пожар «вдруг» повернул в сторону от дома.

Был еще пожар в Тосно, и ветер в тот день дул сильный, ждали, что выгорит все село. Горел уже третий дом, инок побегал с людьми на пожар, но вместо обычных в таком случае действий он сделал нечто, о чем вспоминали тосненцы не одно десятилетие. В последний горящий дом он бросил... куриное яйцо, и пожар на этом доме прекратился.

Конечно, и пожары тушил, и зубы лечил не сам блаженный инок. Не было в его действиях самостоятельной «чудодейственной» силы. Странности инока были лишь ширмой, прикрывавшей его молитвы к Господу, Подателю всех благ.

Супруга протоиерея Бориса Николаевского, настоятеля храма свт. Иоасафа Белгородского в Парголово, рассказывала, как, бывая у них в доме, отец Владимир умывался внизу, а вытирать руки шел наверх к псаломщику.

Сам отец Борис относился к иноку с большим благоговением, видя в нем человека духовно одаренного. От многих своих прихожан он слышал о поразительной его прозорливости и, будучи человеком смиренным, почитая себя пастырем недостойным, боялся первой с ним встречи. Из опасения встретиться случайно на улице, шел он домой картофельным полем, как вдруг прямо перед собой увидел словно выросшую из-под земли высокую фигуру инока Владимира. Отступать было некуда, отец Борис шел прямо на него. Подойдя ближе, он заметил, что инок Владимир пристально смотрит поверх его головы. Потом, улыбнувшись отцу Борису, он попросил у него благословения. Позже, когда их отношения переросли в духовную дружбу, на вопрос отца Бориса, куда это смотрел инок при их первой встрече, тот ответил:

— А ты, когда видишь впервые человека и не знаешь каков он есть, спроси о нем у его Ангела-хранителя. Уж он-то наверняка все знает о своем подопечном.

Так говорил блаженный инок о своих отношениях с миром невидимым, горним. Позже, за годы общения с иноком, отцу Борису не раз довелось быть их свидетелем. Однажды инок Владимир заказал Литургию трем святителям: Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту. Служил отец Борис без диакона, и когда при пении Херувимской вышел на амвон с кадилом, то увидел блаженного инока вознесшимся над полом на метр. То же самое, только с другой точки, видела женщина, торговавшая свечами за ящиком, она подтвердила слова отца Бориса. Другой раз, при посещении Киево-Печерской Лавры, отец Борис оказался в одной из пещер с блаженным иноком. Свечи, с которыми они там ходили, неосторожным дыханием были задуты. В полной темноте, без спичек, они потеряли ориентацию, но страха не было — рядом со святыми не страшно. Искушение это длилось недолго: инок Владимир помолился, и свечи зажглись сами собой.

Парголово-ские женщины, работавшие в поле, видели его идущим по железнодорожному полотну, озаренным необычайным сиянием. Поначалу в районе будки стрелочника они видели какое-то свечение. Потом разглядели человеческую фигуру и узнали в ней инока Владимира. Бросились к нему по насыпи, но когда он заметил их, свечение тут же исчезло.

Похожее впечатление пережил один благочестивый человек, оказавшийся вдвоем с отцом Владимиром на террасе в доме Марии Андреевны. Поздним вечером они сидели молча в темноте, как вдруг в одно мгновение лицо инока Владимира осветилось необычным светом, и вся терраса преобразилась. Длилось это несколько секунд, потом опять стало темно. Поразившись увиденным, посетитель молча поклонился ему и так же молча вышел. На следующее утро он встретил Марию Андреевну и подробно рассказал ей о виденном, прибавив: «Истинно, отец Владимир — человек Божий!»

Будучи в паломничестве на Святой Земле, инок Владимир нечаянно забыл там посох. Кто-то из спутников блаженного, возможно даже Мария

Антоновна из Тосно, сопровождавшая его всюду, заметила ему с участием, что вот де, мол, посох пропал, на что он в обычной своей шутиливой манере ответил:

— Не диво, что посох пропал, а вот будет диво, когда он сам пешком домой придет.

Фотография, на которой инок Владимир снят верхом на ослике, запечатлела тот самый посох. Один из богомольцев, по обету пешком путешествовавший в Святую Землю и обратно, принес его отцу Владимиру в Тосно. Так посох и в самом деле назад пешком пришел.

Не все почитатели инока могли сразу понять глубокий смысл его слов, часто достигавших пророческих высот. Но проходило время, и слова эти, растворенные верой слушающих, сбывались.

В тяжелые годы после гражданской войны многие семьи ждали возвращения своих кормильцев. Одна из прихожанок храма свт. Иоасафа Белгородского в Парголово очень бедствовала, жила с сестрой и кучей ребятишек в небольшом домике. Инок Владимир с отцом Борисом часто заходил к ним.

Как-то они зашли в то время, когда хозяйка уже изнемогала под тяжестью жизненных невзгод. Постоянная нужда, страх, что муж погибнет на фронте или где-нибудь от тифа, — все это вылилось в безудержных рыданиях на дорогах гостей. Но инок Владимир, казалось, не замечал ее слез, и даже как бы не обращал на нее внимания, разговаривал с сестрой и ласкал детей. На просьбу отца Бориса успокоить плачущую женщину и сказать ей, когда вернется муж, блаженный инок, нервно шагая по избе, вдруг быстро заговорил:

— Когда вернется, когда вернется... Ну откуда я знаю, на какой поезд он сядет? Вот он стоит и раздумывает, на какой поезд сесть. Пойдем о. Борис, пойдем скорее.

Действительно, вскоре возвратился домой ожидаемый воин. В тот час, когда инок Владимир был у них в доме, хозяин стоял на вокзале и раздумывал, что ему делать: ехать ли поездом, который отходил через несколько минут, или со следующим, чтобы кое-что сделать в городе.

Не можем мы знать наверняка, что инок именно видел солдата на перроне за многие десятки верст, как видим мы все вокруг своим телесным зрением. Но то, что ему открывалось будущее, в которое он смотрел «яко в настоящее», известно из многих свидетельств.

Интересный случай известен с сыном Марии Андреевны, тем самым Борисом, о котором инок молился по ее просьбе еще в монастыре, не зная ни его, ни матери.

Был инок в гостях у Николаевых и решил «пошутить». Поставил Борю на табурет, надел на него свою длинную рясу, камилавку, дал в руки Евангелие и велел читать. Все так и посчитали это шуткой, тем более, что Боря был вполне светским мальчиком и о служении в Церкви не думал. Однако прошло много лет с того дня, и Борис Николаев был рукоположен в иереи.

Или другой случай. Мария Андреевна послала свою дочь Ольгу из Парголово в Тосно к инок. Пришло время ей возвращаться, а инок не отпускает, не благословляет ехать, говорит:

— На следующем поедешь.

Следующий поезд инок тоже «отменил», сказал, что они поедут вместе завтра. Ольга вся испереживалась, думая больше не о волнениях матери, а

о напрасном ожидании подруг. Но делать нечего, пришлось подчиниться. Каково же было узнать на следующий день, что под Тосно произошла железнодорожная катастрофа с большими жертвами. В катастрофу попал как раз тот самый поезд, на который так стремилась Ольга.

Уроженка Тосно, Татьяна Петровна Дикало, дочь Марии Алексеевны и Петра Кондакова, вспоминала рассказы своей мамы, крестницы Марии Антоновны, как посещал их дом инок Владимир, как предсказал ее рождение и рождение брата, как мать по просьбе знакомых, хотевших посмотреть на инока, устраивала эту встречу.

Мать с ними пошла к инок Владимиру, — рассказывала она. — Подошла одна женщина к нему, а он, похлопав ее по плечу, сказал:

— Иди, матушка. Меня не надо проверять.

Второй сказал:

— Когда очистишься, тогда и придешь ко мне, — а она в то время имела на себе, о чем инок, конечно, знать не мог.

Третью он тоже по какой-то причине не принял. Ну, а четвертую принял, поговорил с ней, о чем — мать не слышала.

Но кроме впечатлений от маминых рассказов об иноке Владимире есть у нее свидетельство другого рода, о его посмертном заступничестве.

Еще был такой случай со мной. Мне тогда лет 9—10 было. Я заболела, у меня было рожистое воспаление ноги, появился гнойный пузырь. Вызвали врача, он велел положить лед к ноге, тогда такое же воспаление началось и на спине. Врач через день приходил меня осматривать. Приходит в очередной раз и видит, что у меня на ноге почернели пальцы, и даже чернота поднялась выше. Врач немедленно послал отца со мною (я не могла ходить, он нес меня на руках) в областную поликлинику. Приехали, там несколько врачей меня осматривали долго, потом велели отцу вынести меня в коридор, а самому зайти обратно в кабинет. Вышел отец оттуда весь бледный. Я спрашиваю, что врачи сказали, но он мне ничего не ответил. Оказывается, они сказали, что мне надо немедленно отнимать ногу, т.к. у меня началась гангрена, и если не согласиться на операцию, то я погибну. Отец решил везти меня домой, чтобы посоветоваться с женой, т.е. с моей матерью. На Московском вокзале сели мы в поезд, немного отъехали и сошли с поезда. Там пошли на кладбище, где первоначально был похоронен инок Владимир. Отец посадил меня на могилку, а сам опустился рядом на колени и так рыдал, что я до сих пор помню. Вечером к нам пришла незнакомая старушка и спросила: «где здесь больной ребенок?» Меня показали, и она взялась меня лечить. Помню, она приходила к нам через 3 дня, а через 3 недели я была совершенно здорова, и живу после этого уже 53 года. От болезни остались только пометки.

Виктор ПОТАНИН

ЧАРОДЕЙ

Повесть

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, лит. институт им. М. Горького; работал в областной газете лит. консультантом Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

Сочинение написано на отдельных листочках, и листочки скреплены скрепкой.

«Но это же нарушение», — поморщился Григорий Михайлович и прикрыл листочки ладонью. И почему-то сразу заболело в висках. Он понял, что нервничает, и сразу же осудил себя: «Ну зачем я нагружаю себя по пустякам?» — и устало прикрыл глаза. А в голове опять ворохнулось сердитое: «Ну как они не поймут, ведь для домашних сочинений нужны специальные тетрадки. Я же объяснял сколько раз и нацеливал. А тут какие-то листочки, никакого порядка... Но все же — чье это творение?» — он приподнял последнюю страничку, а там подпись — Пугина Галина, 10А класс. Он улыбнулся и покачал головой: «Ах, Галочка-палочка, вечно у тебя какие-то вензеля. И не слушаешь никого...», — он сказал это нервно и с вызовом, как будто Галочка сидела напротив. Но что поделаешь, как и многие люди, Григорий Михайлович порой разговаривал сам с собой. Такое бывает от одиночества, от постоянной грусти и меланхолии, ведь семьи у него еще не было, да и друзей — кот наплакал... А листочки между тем все еще томилась в ладони, и он снова заговорил: «А теперь взглянем, Галочка, что ты насочиняла. Ты же у нас числишься умницей, или я ошибаюсь?» — и он поднес к глазам самый первый листочек. И стал читать. И читал медленно, с остановками, точно шел по тонкому льду. Но все равно нервы затихли и улеглись, будто кто-то дохнул на горящую спичку. А ведь так и было, — нервы его постоянно горели. Все последние дни он жил в ожидании какой-то печали или несчастья. Правда, несчастье

уже случилось: пять дней назад он потерял очень дорогого человека, который гостил у него и вдруг уехал. Отъезд был внезапный и походил на бегство. Наверное, гость на что-то обиделся, — и обида погнала из дома. И он не смог его удержать и теперь ждал письма или телеграммы. Но ожидание, видно, напрасно. Но все равно он ждал, он надеялся, что получит весточку. А спасенье искал в работе. И правильно делал, потому что в школе, на уроках, он забывался, — и боль понемногу стихала. Вот и сейчас он почти успокоился, — так подействовал на него Галин почерк. Все буквы у ней стояли прямо, точно литые, и напоминали аккуратный, крепкий заборчик, слегка склоненный в правую сторону. Но это же хорошо, конечно же, хорошо, потому что в словах таилась уверенность и какая-то упругая сила. И все же ему опять сделалось беспокойно, ведь все слова на листочке относились к нему, только к нему одному. И вот что Галочка написала: «Год назад к нам пришел новый учитель Григорий Михайлович Ерохин. Это не человек, а чудесный клад...», — он усмехнулся и положил листочек перед собой. — «Надо же — клад... Ну и дуреха!..» — У него дрогнули губы и как-то нехорошо стукнуло сердце, а потом зашпешило, задергалось, точно бы он пришел к стоматологу и у него сейчас вырвут зуб. Таких процедур в жизни было немного, но он всегда их побаивался, избегал. Вот и сейчас нервно вспыхнули щеки, — «а ведь, наверно, сам виноват... — Но какая же это вина: он всего лишь дал домашнее сочинение на вольную тему — «Самый дорогой человек в селе». И разве он думал, что кто-то напишет о нем. А вот Галочка написала. Но кто же ее заставлял?..» — он рассмеялся и опять поднес листочек к глазам. А там снова Галочкины фантазии: «Этот человек изменил всю мою жизнь. И теперь Григорий Михайлович как отец для меня, но лучше бы сказать, как брат. Ведь наш учитель еще совсем молодой, а столько уже сделано. Вот об этом я и буду писать...» — А дальше на листочке — два зачеркнутых предложения. Он хотел их разобрать, но зачем. Может, лучше прерваться и перевести дух. И он отложил листочек от себя и стал что-то искать на столе. А на щеках опять проступил румянец, видно, волнение не оставляло. Да и как не волноваться, если Галочка не стеснялась в выражениях, и он стал повторять про себя — «ну какой же я брат тебе, моя дорогая. Ведь мне уже скоро двадцать пять, даже страшно подумать, половина жизни считай, а нечем похвастать. Так что, Галочка, умерь свой пыл». — Он откинулся на спинку стула и опять стал что-то искать на столе. Наконец ладонь нашла то, что искала. Это была пачка сигарет, еще не раскрытая пачка. Иногда он позволял себе сигарету-другую. Это случалось, когда чересчур волновался или на кого-то сердился. Вот и сейчас попробовал закурить, но в последний момент раздумал. А точнее сказать, он так ушел в себя, что забыл про сигареты. Да и глаза не отпускали от себя листочки, и он приказал себе — надо обязательно дочитать до конца, надо, надо. И он так и сделал, и опять поразился: Галочка не уставала его хвалить. И какие слова! — «Наш Григорий Михайлович самый чистый, порядочный и лучше не надо. Говорят, его сам Бог послал в нашу школу. Здесь его все любят и уважают. А я нашего учителя прозвала — Чародей. В этом слове много смысла, и оно к нему очень подходит. Ведь где бы он ни появлялся, — всегда от него идет какое-то сияние. Это как радуга после дождя. После нее всегда ждешь теплого и яс-

ного дня. Так что он — чародей и есть, но у меня не хватает слов. Лучше бы об этом стихами. И однажды я про это напишу и ему прочитаю. Если он не уедет. Ведь учитель у нас нездешний, приезжий. Говорят даже, что он сиротка, детдомовец. И хорошо бы узнать поподробней. Правда, одно знаем точно, — родился он возле города Кокчетава. Есть там знаменитое место, даже курорт, Боровое. И наш учитель постоянно о нем вспоминает. Так что я теперь знаю, что это местечко — самое чудесное на земле. А лежит оно среди зеленых холмов и бездонных озер, в которых вода как живая. А по цвету она как в море, даже лучше, чем в море. Правда, возле морей я еще не была, но учителю я верю и каждое его слово запоминаю. Так что — да здравствует Боровое! Так бы и улетела туда. А какие там холмы! И все они — в соснах, и порой кажется, что это совсем не сосны, а по холмам ходят люди...» — и на этом листочек закончился. Он отложил его в сторону. И странно: листок словно бы ожил, затрепыхался, как птичка, и он прижал его ладонью. Но он продолжал вздрагивать, точно хотел улететь. А виноват, наверно, сквозняк, который гулял по всей комнате. И вдруг ему вспомнилось, и эти слова обожгли: «Ветер над окошками, тихий, как мечтание...» — И сразу же в глазах поднялась его милая Катенька. Они часто читали наизусть Николая Рубцова. Соревновались: кто больше знает. Побеждала всегда она, и он не оспаривал... О, Боже, Боже, когда это было? Он уже не видел ее целых полгода. Страшно подумать — целых полгода...

2

Он резко поднялся со стула и закрыл форточку. В комнате стало тихо, точно в лесу — и он вспомнил о сочинении. Ладонь взяла листочек, на котором проставлена цифра два. И начал читать: «А еще учитель говорил, что вода в озерах целебная, как в море, но я об этом уже написала. А теперь пора признаться, хотя это, может, смешно, но я все равно скажу, — наверное, это Боровое и есть земной рай, и каждый его может увидеть, были бы только глаза. И в этом раю у него осталась подруга, и ее зовут Катерина. Но лучше назовем ее Катя, и это будет как-то роднее. А вот фамилию ее я не знаю. Наверное, он не говорил никогда про фамилию. А вот про имя однажды вспомнил. Нет-нет, даже не вспомнил, а как-то проговорил, что в Боровом у него живет Катя-Катюша. И больше к своим словам ничего не добавил, но все равно теперь все наши девчонки завидуют этой Катюше. Но больше я ничего не скажу, — я и так лишнее написала, ведь мое сочинение будет проверять сам Григорий Михайлович, и он, конечно, осудит. Ну и пусть! Я ничего не боюсь, я ведь нигде не солгала, ничего не украла. А про земной рай я написала потому, что очень люблю природу... Я даже иногда представляю те холмы и озера. Про это Боровое я даже сочинила стихи. Конечно, я форменная дура, что занимаюсь стихами, и сейчас об этом узнает мой любимый учитель. Ну и пусть знает... А я все равно вижу и представляю, как по вечерам за этими холмами прячется солнце. И вот уже совсем-совсем вечер, и вот уже последний закатный луч скользит по холмам, и они на глазах розовеют, а потом темнеют. А потом всходят звезды и отражаются в озерах. Но лучше, наверное, сказать, что они сливаются с водой и текут уже вместе. И лучше этой минуты нет ничего...» — И листочек опять

закончился, и учитель глубоко вздохнул. А потом откинулся на стуле и кому-то сказал: «А ведь в этой Галочке что-то есть... Может, таится будущий журналист?» Он оглянулся по сторонам, но его вокруг никто не услышал. Может быть, только стены, но они тоже молчали. И ему стало грустно и захотелось на улицу — к людям, и он встал у окна. А там, за стеклами, уже хозяйничал вечер и было так тихо, как перед дождем или снегом. Наверное, так и будет, ведь погода в апреле щедра на сюрпризы. Он чему-то улыбнулся, а потом устало закрыл глаза. И, кажется, даже задремал, но вдруг тишину кто-то нарушил. Он даже вздрогнул, — и сразу глаза увидели стайку гусей. Они шли прямо под окнами и шли степенно, вразвалочку и как будто о чем-то размышляли. И он осуждающе покачал головой: зачем, мол, птицу выпустили на волю, ведь еще только-только апрель и надо бы подождать. А потом чему-то улыбнулся и провел ладонью по волосам, — они у него всегда рассыпались, не слушались, — и вот сейчас все повторилось. Расческа быстро сделала свое дело, и он тут же приказал себе: «А теперь, дорогой, иди к столу и дочитай все эти фантазии Галочки». И он тут же взял листочек под номером три, и сразу глаза побежали по строчкам. А там, Боже мой... Ведь Галочка стала рассуждать о его внешности: «...мне нравится и лицо моего учителя. Он высокий, голубоглазый и стройный, как тополе. Нет, нет, не так... Надо сказать по-другому: он как русский князь Владимир. Таким его рисуют художники, и я им верю. И хорошо бы нарисовать кому-то и нашего учителя, а мы бы этот портрет — сразу на стену. Рядом бы с Сергеем Есениным и Некрасовым. А что? Он достоин и даже трижды достоин! А недавно наш учитель совершил прямо подвиг. Конечно, подвиг, и других слов я не знаю, ведь он привел в свой дом больного старика-инвалида. А если сказать еще точнее и откровенней, — он стал ухаживать за совершенно чужим человеком. Говорят, они встретились где-то в поезде и теперь живут, как отец с сыном...» — листочек дрогнул в ладони и медленно, как-то устало прилег на стол. И такая же усталость накатила на душу. Такое бывает, когда не спишь две ночи подряд. Знала бы Галочка Пугина, что она прикоснулась сейчас к самому больному. Ведь этот старик-инвалид недавно уехал от него, а точнее — сбежал. И с дороги — ни телефонного звонка, ни телеграммы. Что с ним, где он? Может, уже неживой?.. От этих вопросов даже потемнело в глазах. И он рассердился на этот листочек, на Галочку — зачем полезла к нему в душу, зачем? Но это длилось только секунду, и вот уже обида прошла: в конце концов, при чем тут Галочка? Ведь он сам во всем виноват, именно сам! И мог бы отговорить того от поездки, мог бы, мог бы. А раз так, то и нет тебе оправдания, и теперь живи с этой раной... — Он поднялся из-за стола, прошелся по комнате, потом опять опустился на стул, потому что в затылке стало нехорошо. Туда пришли странные, непонятные звуки, точно бы кто-то постукивал молотком по железу, — но что это, что? Но кто ему ответит, кто отзовется, если рядом только пустые стены, полутемная улица...

3

А боль в затылке не отступала, словно кто-то методично стучал по железу. И от этих звуков уже не спастись, не укрыться, разве только закрыть глаза. Но и это не помогает, ведь эти звуки уже были в нем самом и потому

так мучили, угнетали. И вдруг он понял, как-то враз догадался, что это стучат колеса, вагонные колеса. А потом в глазах встало и все остальное. Да так явственно, зримо, точно случилось только вчера, а может, и час назад. А может, и еще раньше, и ведь на него уже смотрели глаза, живые, печальные и с укором, а потом накатил и голос. Он был прерывистый, глуховатый, и некоторые слова сливались в один звук, который не различить. И это почему-то сердило. Правда, на кого тут сердиться, если перед ним сидел немощный старичок, у которого, наверно, куча болезней. Да и он об этом и говорил:

— Без вашей помощи я бы умер. Спасибо великое за труды. А вы, значит, побывали в Перми? Какое-то совещание?

— Вы угадали. Совещание по школьным делам. И чуть не опоздал на поезд. Вот была бы история...

— Вы бы на поезд опоздали, а я бы в этом поезде умер... Конечно, я и проводнице благодарен. Ей бы полагается заплатить. Нынче без этого никуда... — Он тяжело вздохнул и протер платочком щеки. Они почему-то были потные, влажные, хотя в купе уже гулял сквознячок. А потом... Что было потом? Кажется, сосед о чем-то спросил... Да, да, он наклонился к нему очень близко, прямо к самому лицу, и тихо сказал:

— Мы ведь едем, считай, давно, а все еще не знакомы. Так что — как вас по батюшке?

— Григорий Михайлович.

— Как, как, повторите?!

И он повторил, и сосед почему-то заволновался. По щекам у него пошла краснота, и дыхание стало тяжелым. Но молчать он, видимо, не привык и потому снова спросил:

— Значит, Григорий Михайлович? Но лучше бы — Гриша, Гришенька, — вы ведь совсем еще молоденький, как... как... — Старик вдруг замешкался и нервно закрутил головой. И он стал его успокаивать:

— Успокойтесь, вам вредно теперь волноваться.

— А мне сейчас все вредно, одна морока с такими...

— Зачем вы так! Надо себя беречь. Ведь только что ночью был приступ. Хорошо, что у проводницы находилось лекарство. Славная, действительно, женщина. А у вас давно проблемы? Как бы поточнее сказать...

— А вы, Гриша, не подбирайте слова. Меня уж давно врачи приговорили. А все началось после сына. Да, да, это так. У меня же был сынок, мой единственный, дорогой. Был, был, да уплыл...

Он еще что-то сказал, а потом посмотрел на него долгим проникающим взглядом и закрыл ладонью глаза. Плечи заволновались, задержались, — он, кажется, заплакал. Так и есть: когда ладонь опустилась, глаза были мокрые и ресницы отяжелели. И голосок совсем ослабел:

— Простите, я не сдержался... — Он сказал это тихо, чуть слышно и сразу же замолчал. И наступила долгожданная тишина, только колеса дробно постукивали, и это приносило покой. Он даже сначала задремал, а потом стал смотреть в окно. А там, за стеклом, были снега. Какая-то бесконечная, унылая белизна — ни одного дерева, ни кустарника. И если долго разглядывать эти снега, наверно, можно сойти с ума. А вот в Боровом даже зимой все по-другому, — и на него нахлынуло Боровое. Но мысли вдруг сбились, потому что в дверь постучали. И сразу же в купе вошла молодая женщина

в синем халатике. Он узнал проводницу. Но она даже не взглянула в его сторону, а обратилась к соседу:

— Как наши дела? Сегодня полегче? А может, надо врача? Скоро большая станция, и там есть медпункт...

— Ничего не нужно, спасибо. Я в полном порядке... — ответил сосед, и проводница почему-то нахмурилась. Может, даже обиделась, потому что сказала:

— Как хотите. Только потом без претензий, — последние слова она выговорила резко, с каким-то даже укором, и сразу вышла за дверь. А дальше... Что было дальше?.. — Он стал вспоминать, но мысли закружились, запутались, да и вспоминать-то особенно нечего: просто они остались в купе вдвоем, и он наконец-то внимательно рассмотрел соседа. И ничего особого не увидел: перед ним сидел обычный старик, и одежда на нем обычная — какой-то старенький свитерок и такие же старенькие спортивные брюки. А лицо в мелких желтеньких оспинках, и глаза унылые, как у собаки, и плавают в глазах какое-то серое молочко. Зато нос на лице — господин. Он не в меру широкий, лопаточкой и весь в красных жилках, как у очень больного. А на коленях у него покоилась тросточка с резиновым наконечником. Странно только — почему он ее не поставил в угол, в купе места хватает...

А молчание между тем продолжалось, и они еще долго друг на друга смотрели. Причем сосед делал это, не таясь, откровенно и, наконец, не выдержал и воскликнул. Откуда и голос взялся:

— Надо же, надо же!! Как две капли воды...

— О чем вы? Не понял?

— А понимать не надо... — он задышал опять тяжело и плотно сжал губы. И наконец заговорил опять:

— С Гришей моим вы схожи. Просто одно лицо. И имя одно. Так редко бывает. — Он замолчал, а глаза продолжали вглядываться в него, изучать. Потом глубоко, надсадно вздохнул и протянул ему руку: — Пора познакомиться и поближе. А то вы всю ночь со мной провозились, а кто я — так и не знаете... Может, ворюга с большой дороги...

— Не наговаривайте на себя.

— Ладно, не будем ссориться. В общем, зовут меня Михаил Петрович, и я тоже из педагогов...

— Кто вам про меня рассказал?

— Да вы же обмолвились, что ездили по школьным делам, а теперь знаете что? — Он хмыкнул и пожевал губами. — Значит так: положите на столик правую ладонь, а мы на нее поглядим.

— Не понимаю?

— Сейчас поймете. Но только не волнуйтесь, это нам ни к чему... — Он на миг задумался, а потом снова заговорил и слова выговаривал шепотом, как заговорщик:

— А теперь взглянем на ваш указательный пальчик. И что мы там видим? А видим только одно — он у вас весь в чернилах. И это от ручки. Я угадал? И даже не отпирайтесь: вы же постоянно пишете, и чернила впитались. А в Перми вы были на каком-нибудь расширенном педсовете? Я, чувствую, опять угадал?

— Ну конечно, Михаил Петрович. Вы все знаете наперед. Вам, наверное, даже известно, что в Перми меня наградили дипломом. Верней, награ-

дили моих ребяташек за творческие сочинения. Был большой конкурс, и мы победили.

— Ну что же, поздравляю и восхищаюсь. Значит, вы с честью исполнили свой долг... — Эти последние слова он произнес с каким-то пафосом, даже торжественно, а потом потихоньку добавил:

— Скажите откровенно: вы от меня не устали?

— О чем вы?

— Ну как вам ответить? Легче, говорят, подумать, чем выразить, — он усмехнулся и покачал головой. Потом снова заговорил:

— Я же лезу к вам с разговорами. Может, как-то мешаю? А вас, значит, звать-величать Григорий Михайлович? Вы, правда, уже сообщали, но я же склеротик... — Он опять задышал нервно и с остановками, и при каждом вздохе лицо почему-то кривилось и щеки подрагивали... А потом, что было потом? Он задал этот вопрос самому себе и сразу как будто проснулся. Оказалось, что он уже не сидит за столом, а стоит у окна, а в затылке по-прежнему постукивал какой-то молоточек и отвлекал на себя. Наверное, это усталость, и он закрыл глаза. Но что толку, — в голове опять поднялись все те же картины, и все тот же голос настигал его и преследовал:

— Господи, Гриша. Гришенька-а... Можно вас так, без отчества? Я знаю, что вы не обидитесь. К тому же у вас все, как у сына. И имя и отчество. Вы, наверно, только помладше? Сколько вам, если не тайна?

— Скоро исполнится двадцать пять.

— О-о, радость моя! Вы же еще ребенок... Столько же было моему Гришеньке, когда он погиб. И вот уже два года прошло. Да, два годика, а точно случилось вчера... — Он замолчал и протер платочком глаза. Они слезились. Он плакал, и слезы уже не скрыть. И сразу изменилось лицо. Оно сделалось серое, почти землистое, а губы шевелились. Он точно хотел что-то сказать и не мог выговорить. Но, наконец, взял себя в руки:

— А служил наш Гриша в Абхазии. Это же надо понять! И море там, и вечное лето... — Он прервался и стал расстегивать ворот рубашки. Но пальцы плохо слушались, и ворот не поддавался. Он только вздохнул и грустно пошутил:

— У старого, говорят, не по-старому. Руки порой как чужие. Совсем силы нет. Все здоровьишко забрал мой сынок. А как хорошо начиналось. Ведь Абхазия — Божий рай. А Гришеньку после погранинститута — сразу туда. И я радовался, я ликовал, — и вдруг война... — Последнее слово он произнес почти шепотом и огляделся по сторонам. Он точно бы испугался, что его слушает кто-то чужой. Но вокруг — никого, и он снова заговорил, но теперь уже твердо, уверенно:

— Не понимаю и никогда не пойму. Как же так, как же? Стали воевать свои со своими. Ведь один гимн пели, дружили — и такой получился раздрай. Ты мне объясни, растолкуй. Ведь я, наверно, темный, мне два на два не умножить. — Он еще хотел что-то добавить, но потом обреченно махнул рукой. А в глазах опять что-то мелькнуло, и он тихо-тихо сказал, почти прошептал:

— Как ни суди, а сынка уже не вернешь.

— Когда он погиб?

— В прошлом месяце было два года. Ровно два годика назад доставили сынка в домовине. И вскрывать не дали. Наверно, обгорел он, сердешный,

вот и скрыли от глаз... Но давайте закроем эту дверку, а то тяжело... — Он прикрыл ладонью глаза, и ладонь заволновалась, задергалась, и он опустил ее на столик. А потом спросил совсем, совсем о другом:

— Кто твои родители, Гриша? Кстати, ты не осерчал, что я перешел на «ты»?

— Нет, нет, я и сам хотел попросить...

— Ну раз нет, то где они проживают — твои папка с мамкой?

— А я ведь детдомовец, Михаил Петрович. Про таких говорят — сиротка. Но я не терплю это слово. Правда, вам не понять...

— А что понимать. Я и сам теперь сирота. Ведь уплыла далеко моя Марьюшка. Даже ручкой не помахала.

— Это ваша жена?

— Конечно, жена — моя половинка. Только месяц и пожила после нашей могилки. Видно, сынок позвал к себе, заскучал без нас. Вот и мне пора собираться туда, чего время тянуть... — Он устало прикрыл глаза, пошевелил плечами. А ладони у него все еще лежали на столике. И они точно жили отдельно: пальцы волновались и как будто что-то выстукивали и били по клавишам. Они как будто притягивали к себе, не отпускали. Михаил Петрович задумчиво улыбнулся:

— Вижу, заинтересовали тебя мои пальчики. Да, да, — и даже не отпирайся. — Он подвигал губами и усмехнулся:

— Эти пальчики Господь дал мне для музыки. Я ведь, миленький, доморощенный Моцарт. Не смешно, да схохочешь. А что! И баян, и мандолина, даже немного гитара, — все было за мной. Скажу больше — люди завидовали, и в школе за это ценили. Я вел одно время уроки пения. И ничего — справлялся. А ты не веришь?

— Верю, верю...

— А мне, понимаешь, не верится. Порой падет в голову — неужели это было со мной? О, Господи-и, только вздохнешь да охнешь. Мы ведь с Гришенькой даже пели дуэтом. И романсы любили, и старые песни. И затаем на два голоса, войдем в раж, увлечемся. А моя Марьюшка с нами за зрителя. Но нервишки ей сильно мешают. Сидит как всегда на диванчике, а платочек у глаз. Но что толку, ведь слезы прямо ручьем. А потом платочек отнимет и смотрит, смотрит на нас, как будто запоминает. Видно нутром уже слышала, что сынок — ненадолго. Так и вышло у нас, ведь сердце — вещун. Особо материнское сердце. А потом и сама убралась за Гришенькой. Вот и мне пора укладывать чемоданы... — Он опять замолчал, и молчание какое-то нутряное, тяжелое, обещает снова печаль. И она уже рядом, у сердца, потому что в купе стало неудобно, тревожно, зато отчетливей стук колес...

4

От колес все вздрагивает и замирает внутри. Эти перестуки и приносятся печаль. И хорошо бы от всего убежать, но куда? Зато сосед вроде бы задремал.

— Михаил Петрович, чаю хотите?

Он не отозвался, — значит, все-таки задремал. Теперь можно отдохнуть от разговоров и размять ноги.

А в коридоре совсем безлюдно, и за окном белая мгла. Опять летит снег. Как хорошо, как легко! И можно стоять часами у вагонного окна и благодарить дорогу за этот покой. А однажды... Да, однажды они будут стоять у окна уже вдвоем, и это случится, наверное, скоро, конечно же, скоро, ведь стоит только решиться на это и тогда... Что тогда? — Он улыбнулся и приказал себе: ну что же тогда — договаривай! Но ничего не вышло из этого приказа, потому что мысли убегали куда-то далеко, в Боровое, а потом свились в клубочки и совсем потерялись. И сразу стало грустно, и он вернулся в купе. А Михаил Петрович точно бы ждал его и сразу начал с вопроса:

— Где пропадал, молодой человек? Я уже стал беспокоиться.

— Но вы же спали.

— Неправда. Я чуть-чуть подзабылся, не больше того. А ты, наверно, кого-то встретил? Я угадал?

— Почти угадали. Просто я постоял у окна, размечтался. И в мечтах была встреча...

— А я знаю, с кем твоя встреча. Но грустить не надо. В твоем возрасте еще много будет встреч и свиданий. Будет и семья, и невеста. Вначале, конечно, невеста... — Он хмыкнул и подвигал подбородком. Он как будто что-то обдумывал, но сказать не решался... Наконец, сказал:

— А мне, Гришенька, важно дожить до конца и не помереть раньше смерти.

— Так не бывает, Михаил Петрович.

— Эх. Гриша, Гриша... Твое имя для меня как иконка. Ведь так же звали сына. И нету теперь моей защиты, нету, не будет...

— От кого вас защищать-то, Михаил Петрович?

— Ладно, миленький, давай сменим пластинку. Только запомни: защищать стариков всегда надо. Особенно в наше время. Вот у нас в поселке идет отстрел стариков.

— Не понимаю, Михаил Петрович. Отстреливать можно волков, на худой конец — лисиц или зайцев. Вы, наверно, что-то напутали?

Но он не ответил... А потом, что было потом?.. — И опять, опять он стал мучительно вспоминать те часы, те минуты. Его как будто приговорили к этим мучениям. Вот что наделала Галочка Пугина своими фантазиями. И он опять прошел к столу и нашел листочки. Захотелось еще раз перечитать и подумать. Но не вышло. Буквы куда-то исчезали и расплывались, а вместо них на него смотрели чьи-то глаза. И они снова мучили, осуждали. Правда, он уже догадался, он понял, кто его изучает. И сразу взмолилась душа — «О, Господи, за что мне такое! Это же снова он — Михаил Петрович». И голосок его ожил, затрепыхался:

— Вижу, Гришенька, ты мне не веришь?

— О чем вы?

— Да про отстрел стариков. — Он глубоко вздохнул и покачал головой: — Как говорится, — охо-хони, вышли кони, — и тяжело об этом рассказывать, но надо. К тому же и сам я уже старик и все мои однолетки — пенсионеры.

— Ну и что из того?

— А ты, Гриша, не перебивай, а лучше послушай. Значит так: каждый месяц — десятое число — считай, самый главный наш День. Почтальонша

Нина Ивановна в этот день разносит по домам пенсию. И в ту же ночь за денежками приходит братва.

— Кто это?

— Да раз на раз не приходится. Иногда из города — гости, но больше, конечно, свои. Работать-то негде, вот и промышляют, вынюхивают. Да что там — алкаши...

— Но все же неясно?

— Правильно, Гришенька... Неясно кругом, сильно пасмурно. А страдаем мы — старичье. Ведь заходят гости без стука и забирают все до копейки. А не будешь отдавать — финяк к горлу и точка. Все уж бывало, перебивало, — водочка-то кружит умы.

— Но есть же полиция?

— Молодец, догадался! Но эта полиция то ли есть, то ли сидит где-то в кустах. У нас, Гришенька, вся полиция — это Степа-Держи вора. Это, конечно, Степино прозвище. Он участковый на два поселка, так что работы — завал. И поэтому зачем работать, лучше время проводить. Это про него сказано: то лень, то неохота, но зарплата идет. Так что была милиция, а стала полиция. И что изменилось? Все те же штаны, только кверху пуговкой... — И после этих слов он затих. Но молчал как-то задумчиво и сердито. Казалось, что он еще что-то хочет сказать, может, в чем-то признаться. И, наконец, не выдержал:

— И на меня с Марьюшкой покушались. Да, да, но вышла осечка. Помешал пустячок... — он опять тяжело вздохнул и покрутил подбородком. Можно подумать, что помешал воротник у рубашки. И даже шея налилась, покраснела. Казалось, затронь пальцем, — и брызнет кровь. Видно, сильно переживал. Да и как по-другому, если заговорил о беде:

— А все вышло как раз на десятое число. Пенсию нам принесли с утра, и мы сразу поплелись в магазин. Раз случилась свободная копейка, надо ее издержать. А потом, как всегда, в огороде полили, а там, глядишь, и вечер пришел. И только ужинать сели, как сверху загремело, заухало, — и я на крыльцо. Поглядел, а небо все в тучах, идет гроза. И почему-то тяжело на душе, к тому же и ночь подкатила и стало темно, как в трубе... Ты меня слушаешь, Гриша?

— Слушаю, слушаю...

— Ладно, поверим. — Он хмыкнул и поставил свою тросточку в угол, как будто она помешала. Но что-то тросточке не понравилось, и она упала. Он поморщился и в сердцах произнес:

— Надо же, все из рук валится. Вот и тогда стал чай наливать, а чашка у меня на пол — хлоп. Ну, думаю, не к добру. К тому же за окном уже всполохи то блеснут, то погаснут. Точно предупреждают: идет, мол, беда. И вот уже рядом эта беда. Но мы еще ничего не знаем, не ведаем, даже лампу зажгли. У нас ведь теперь постоянно свет вырубают — порой часа на три на четыре. Но мы не сдаемся, даже керосин запасли. Вот и тогда сидим под лампой и о чем-то толкуем. И вдруг слышим — вроде ворота скрипят, а потом и за стенкой — стук, перестук. Моя Марьюшка сразу что-то учуяла и губы сжала, как на допросе. А потом вижу: в руке у нее вилка. Бог ты мой, прямо смех и грех — кому рассказать. А она уж со стула соскочила и кому-то грозит: я, мол, вам живая не дам, я вам задам стрекача. Вот

оно как... Тебе, Гриша, надо бы отдохнуть, ну да. А то моих историй не переслушать...

— Отдохнуть успеем. А вы продолжайте...

— А что, Гришенька, продолжать. Ведь сердчишко мое тогда — на разрыв. И вот уже в сенках у нас мат до потолка и топают как жеребцы. Видно, собрались дверь ломать. Сейчас ворвутся, и нам обоим — кранты. И только так подумал, как вспыхнул свет. И все лампочки разом, а у меня ведь и в сенках — фонарь. Вот оно, наше спасение! И все это запылало да заиграло и стало светло, как днем. А в голове только одно: «О, Господи, милосердный Господи! Это ты пожалел нас и зажег спасительный свет». И я между делом — в сенки. Но там — ау, никого. Зато прибежал сосед Иван Николаевич и сразу с допросами: что да как, почему?! А у меня каша во рту и зубы стучат. Но он, конечно, обо всем догадался и давай утешать — не падай, мол, духом, крепись. Они в эту ночь уже не заявятся. Вот оно как. В эту, мол, ночь... А дальше что? А если завтра придут? С тех пор мы покой потеряли. А теперь и вовсе один живу, совсем один, как куличок на болоте...

— Уезжать вам надо куда-нибудь. Есть же места поспокойней...

— Легко сказать, Гришенька, а сделать нельзя. Ведь там же Марьюшка лежит рядом в ближнем борочке. И сынок возле. Как же их бросить? Это никак!

— Но надо подумать о жизни, Михаил Петрович. Ведь жить надо до конца... Вы не согласны?

— Согласен, милый, согласен! Но только здоровьишко мое убежало. И как его догонять — не знаю... — Последние слова он произнес как-то вяло, невнятно. И сам голос теперь изменился, стал с какими-то трещинками, с хрипотцой, а потом и совсем ослабел. Но все равно можно понять слова. А они опять о печальном:

— Ты меня, Гришенька, не успокаивай. Не старайся, зачем? Ведь ко мне уже пришел этот конец. Ты сам рассуди — сына у меня убили, а Марьюшка умерла. Вот он — мой конец, и пора меня отпевать. Да, да и даже не возражай... — И после этого он совсем затих...

5

Так прошло минут пять, может, больше. А потом он наклонился за своей тросточкой и положил ее снова в колени. Только зачем положил — непонятно.

А потом, что было потом... Помнится, в коридоре начался какой-то шум, заплакал истошно ребенок. И сквозь плач — женские голоса, голоса... Их было много, наверное, большая компания. И вдруг разом все стихло, точно исполнили чей-то приказ. И тогда он выскочил в коридор. Его словно бы вытолкнула туда какая-то сила. А впрочем, это было не так, совсем не так... Ведь его, кажется, о чем-то попросил Михаил Петрович, и он стал выполнять. Но о чем же он попросил-то, о чем? — О, Господи, его уже вконец измучили эти думы. Но почему же он не может их сбросить с души, почему? Его как будто привязали к ним незримой веревочкой. И это уже не веревочка, а настоящий канат. Вот что наделала Галочка Пугина и ее глупое сочинение... Но почему же глупое, ведь эти листочки — настоящая

исповедь?.. И он опять стал их перебирать, перечитывать. Но глаза все время упирались в то место, где Галочка написала, как «недавно наш учитель совершил прямо подвиг... Он стал ухаживать за совершенно чужим человеком...». Он повторял и повторял эти слова несколько раз и улыбался, — действительно, смешная ты, Галочка. Чего ты насочиняла. Какой же это подвиг, родная моя. Ни о каком подвиге он не думал. Он просто жалел этого Михаила Петровича. И хотелось хоть в чем-то помочь ему, угодить. Вот и тогда сосед попросил принести чашечку чая, — и он кинулся выполнять. А когда уже шел обратно, с ним случилось такое, от чего перехватило дыхание. Ведь прямо на него надвигалась инвалидная коляска. Она заняла весь проход, и она как будто кричала: «Дорогу мне, дорогу!» А в коляске сидел парень, точнее, половина парня, потому что ног у него не было — чуть пониже колен. А сзади коляски возвышалась высокая черноволосая женщина, похожая на гречанку, — наверное, жена парня, а может, сестра. Она энергично подвигала коляску вперед и что-то сердитое бормотала. Сам же парень молчал и как будто сжался в комок. Зато жили глаза. Они беспомощно озирались и точно кого-то искали. Но вот коляска миновала коридор и выехала в тамбур. Наверное, скоро остановка. Так и есть: поезд замедлил ход, потом резко дернулся и замер. И сразу же люди потянулись к выходу, но ему почему-то выходить не захотелось, и он вернулся в купе. Михаил Петрович как будто его поджидал, потому что сразу заговорил:

— Видел парня? Я убежден — была мина... — И вдруг спросил:

— А ты в армии где служил?

— Я еще не служил. Я же был студент, потом сельским учителям давали отсрочку, так что...

— Так что, Гриша, еще не все потеряно... — Михаил Петрович его перебил и с какой-то укоризной взглянул в глаза, точно бы осуждая за что-то, а может, и обвиняя. Он, помнится, даже обиделся тогда на соседа и вышел в тамбур. А там, на перроне, стоял шум, как на базаре. Людей много и все — молодые, веселые, а на двоих — даже военная форма. И все они толпились возле той инвалидной коляски. А потом они подхватили коляску и хотели куда-то нести, но их остановила та черноволосая и что-то сказала. Парни сразу опустили коляску. И сделали это бережно, даже торжественно. А потом, чуть подождав, опять покатали.

— Так встречают только героев... — Это голос Михаила Петровича. Он, видимо, вышел на перрон подышать. И теперь стоял рядом и вдруг спросил:

— Сколько лет тебе, Гриша? Ой, прости, ты же уже сообщал. Кажется, двадцать пять?..

— Столько мне стукнет в июле. Так что уже недолго...

— А армии не боишься? Тебя же могут забрить в любой день. Все отсрочки, говорят, отменили.

— Не боюсь, Михаил Петрович. Я ведь прошел детдом, а это покруче армии... — Потом он еще что-то ему сказал, но это уже было неважно, потому что на него навалилась обида. И обида какая-то горькая и внезапная. Точно кирпич упал на голову, и он уже без конца повторял про себя: неужели этот старикан считает, что я совсем малохолный, что я совсем не мужик? И кто ему дал такое право, ну кто? — От этих вопросов что-то тяжелое поднялось к горлу и стало трудно дышать. И он ушел к себе в

купе... Но и здесь не нашел покоя. И опять пришел стыд, и он без конца повторял: «Как же так, как же? Почему такое? Вот он сидит в чистеньком уютном купе, а где-то в эти минуты стоят на боевом посту его одноклассники, и, может, кто-то из них уже пролил свою кровь, а может, отдал и жизнь. А он-то? Почему он не с ними, почему, почему? И все это промелькнуло в голове мучительно быстро, но потом возвращалось снова и снова, и ему стало так плохо, что он сжал виски. Но легче не стало, и было такое чувство, как будто он кого-то бросил в беде, а может, и предал. И чем бы это кончилось, он не знает, но в этот миг дернулся поезд, — и сразу ожил сосед:

— Гриша, а ведь за окнами — Свердловск, то есть Екатеринбург. Никогда не могу привыкнуть. Значит, скоро Курган?

— Не понял?.. — Он, действительно, так ушел в себя, что ничего уже не слышал, не понимал. Но сосед повторил:

— Я спрашиваю — долго тебе еще ехать?

— Часов шесть — не больше...

— Значит, скоро прощаться... — Он глубоко вздохнул и вдруг как-то пронзительно взглянул на него. А в глазах — непонятное. И проходила минута, другая, а он все смотрит и смотрит, даже страшно — что с ним?.. Вот так же и Галочка Пугина о себе заявляла. Она сидела на первой парте, в двух шагах от учителя. И бывало — он объясняет новый материал, увлечется, — а вдруг нечаянно взглянет вперед, а там Галочкины глаза, ее восторженный взгляд. И не спрятаться от них, не спастись. Так и тогда в купе — сосед неотрывно смотрел и смотрел на него, точно бы запоминал навсегда. Наконец не выдержал и спросил:

— Гришенька, знаешь что?

— Ну что?

— Да ты не сердись. Я же не могу успокоиться. Вот смотрю на тебя и глазам не верю — ты же родня мне и даже не отпирайся!

— Но это смешно...

— Не смешно, Гришенька, а просто чудесно. Ведь если бы увидела тебя моя Марьюшка, у ней бы сердце зашло...

— Но почему?

— А потому, милый мой, что ты — вылитый наш сынок. Прямо, точная копия, чистый клон. И что делать, хоть глаза закрывай. — Он замолчал и стал торопливо что-то искать в нагрудном кармане. Пальцы дрожали и плохо слушались. Наконец ладонь достала маленькую иконку. Но это оказалась совсем не иконка, а фотография.

— Вот взгляни — мой сынок. Постоянно держу у груди. А помирять буду, накажу, чтобы положили рядом. — Он опять тяжело задышал, но продолжал говорить:

— Ну как портретик?.. Да ты взглядишь в него повнимательней, взглядишь... — Он еще что-то сказал, но слова утонули в шуме, за вагонными окнами все гудело и грохотало, точно кто-то сильный, могучий перекачивал камни. Но это гудели, стучали колеса, потому что поезд развил огромную скорость, и казалось: еще немного — и он сойдет с рельсов. И потому на душе тревожно. Так бывает, часто бывает, когда ждешь срочную весть или телеграмму, и ты уже знаешь, что телеграмма будет плохая, но все равно надеешься на лучшее, и потому так натянуты нервы.

А фотография между тем еще лежала у него в коленях, и он почему-то не решался взглянуть на нее. И сосед это заметил:

— А ты, Гришенька, обижаешь... Почему не хочешь поглядеть на сынка?

— Простите, я немного задумался. — Помнится, он тогда еще что-то проямлил в свое оправдание, но потом все же рассмотрел фотографию. Но лучше бы этого не делать. Ведь тогда он чуть не выронил ее из ладоней. Ведь там, на снимке, был он сам, точно он — точнее не бывает. И даже прическа его — короткая стрижка под ежик. И щеки, губы — тоже его, но особенно нос — слегка вытянутый, с горбинкой. Из-за этого носа он натерпелся в детстве. Все мальчишки дразнили его Грачом, и он просто болел от этого, безумно страдал — особенно в старших классах. Он даже стеснялся девчонок, но те не проявляли к нему интереса. И только одна Катя, ненаглядная Катенька, позволяла провожать ее до дома. И он стал вспоминать свою Катеньку, но его отвлек Михаил Петрович:

— Ну, как снимочек? Узнал, конечно, себя? Правда, как не узнать. Как говорится, постаралась природа... — И после этих слов он затих, а потом взял у него фотографию и положил обратно в кармашек. И когда застегивал кармашек, ладонь снова подрагивала, а губы шевелились. Он точно хотел что-то сказать, но не получалось. Наконец, получилось. Но в каждом слове — слезы:

— Слава Богу, что Гришеньку привезли домой. Правда, я худо помню, — в голове одна пелена. Это потом сказали, что гроб сопровождали два солдата. Молоденькие, как два цыпленка... Да хватит, поди? Ты, поди, устал от меня?

— Я не устал...

— Но мне, миленький, тяжело. Ведь когда гроб опускали, я совсем отключился. Говорят, меня за руки держали, а я стонал, как под пыткой. Зато Марьюшка моя на ногах устояла. Только сжалась вся — и ни слова от нее, ни полслова. А распоряжалась всем директор школы Анна Адамовна. Она и поминки организовала, и людей благодарила, ведь проститься с Гришенькой пришел весь поселок. Но только за что ему эти муки...

— О чем вы, Михаил Петрович?

— А ты будто не понял? Вот и скажи мне, объясни — за что Гришеньке такая смерть? Он ведь в бэтээре сгорел, а товарищ его — бортовой стрелок — остался живой. Правда, какая это жизнь, потому что глаза выжгло и лицо повредило. Мне его адрес дали, и я стал с ним переписываться. Теперь он живет в Казани и семьей обзавелся. Они меня к себе пригласили. Вот я и ездил к нему, наконец-то собрался.

— Ну и как?

— А лучше не спрашивай. Тяжелая инвалидность, жена водит за ручку, и все денежки — на лекарства. Еле сводят концы с концами. Но сам-то парень веселый, все шуточки шутит да по школам ездит. Его везде приглашают как героя. Мы наговорились с ним досыта, наплакались. Вот я после тех разговоров и заболел. А вчера даже и помирать собрался. И вы всю ночь с проводницей со мной отваживались. Без вас мне бы как. А может, это бы к лучшему, но раньше времени туда не пускают... — Он усмехнулся и как-то брезгливо пожевал губами, точно на кого-то обиделся. А потом медленно,

с большим трудом приподнялся и оперся на дверную ручку, но выходить раздумал. Да и вагон вовсю качало, казалось, что его сдувает ветер. Но это совсем не ветер, просто скорость большая, и поезд не мчался, а прямо летел, точно спешил на какой-то праздник, и не приведи Бог опоздать...

Вагон качало, а за оконной рамой уже опускался вечер и воздух синел и клубился, предвещая опять непогоду. Да и кто знает, что будет завтра, да и зачем гадать, напрягаться, если в голове — покой и бездумье, но глазам не прикажешь. И они все равно все видят и подмечают, как далеко-далеко, у самой линии горизонта темнеют перелески и тоже клубятся. И временами кажется, что они живые, и, наверное, так и было, ведь все на этой земле живое, рожденное для долгой и бесконечной жизни. И он бы еще так долго о чем-то размышлял и смотрел в окно, но вдруг рядом с ним что-то звякнуло и покатилося под ноги — что это? Может, сосед? Так и есть: Михаил Петрович смущенно забормотал:

— Какая оказия! Захотелось чайку, а он остыл. Я расстроился и ложку выронил. Я сейчас подниму. Мне не составит труда.

— А если тяжелая ложечка?

Но тот не понял шутки и нервно поморщился:

— У старого, говорят, все не по-старому. Ой, что это? — Действительно, что это? Ведь в купе резко убавился свет. Все лампочки теперь светились слабо и почему-то мигали. Затем и вовсе погасли, — и сразу стало таинственно и темно. Сосед даже заохал:

— Ох, Гришенька, не повезло нам — где-то авария... — Но договорить он не успел, потому что вспыхнул свет. Он был ярче обычного — какой-то оранжевый, переливчатый и загорелся внезапно, как будто залетела в купе чья-то душа. Что-то подобное почувствовал и Михаил Петрович, потому что перекрестился и испуганно прошептал: «О, Господи, помилуй нас, грешных...» Глаза у него нехорошо заблестели, а в щеки кинулась бледность. Наверное, это волнение, но от чего? Правда, легко догадаться, потому что заговорил он опять о своем:

— Вот гляжу на тебя, Гришенька, и все во мне обмирает — точно сынок мой ожил и сидит рядком. Даже можно потрогать. Но тебе ведь скоро сходить?

— Еще не скоро. Часов пять еще, а потом уж Курган.

И тут сосед неожиданно признался:

— Я ведь не раз бывал в вашем Кургане. Сынок-то мой учился в вашем военном институте.

— Как учился? Не закончил что ли?

— Почему?! Еще как закончил. Среди отличников был. А потом уж служба, Абхазия... — Последние слова он произнес совсем тихим, погасшим голосом и покачал головой. Потом добавил:

— Ладно, не буду, не буду. Лучше посижу возле тебя, помечтаю. Мне ведь надо на тебя наглядеться, запомнить. Когда снова свидимся? Наверное, никогда...

— Не мучайте себя, Михаил Петрович! Что значит — никогда? Забудьте об этом.

— Как это, Гришенька?

— А вот так! Я вас приглашаю в гости. А в Кургане на билете сделаете отметку. Так что соглашайтесь. Квартира у меня позволяет — две смежные

комнаты. Одна будет ваша! — Последние слова он произнес тогда решительно, громко, а почему так случилось — ему бы не объяснить. Да и сам он не узнавал себя, — как будто в него вселился кто-то другой, совсем другой человек, — боевой, энергичный, и этот человек вел себя уже по-хозяйски:

— Ну как, решились?

— Надо подумать.

— А что думать. Скоро Курган, а потом садимся в автобус и через час — наши пенаты.

— Я тронут, конечно. Но как-то все неожиданно, быстро. Ты, Гришенька, какой-то горячий. Правда, и сынок был такой же. Никогда не узнаешь, что у него на уме. Но если уж что задумал...

— Значит, согласны!.. Вот и хорошо, замечательно. А пока попьем чаю, посмотрим в окно на эти равнины. Здесь когда-то прогуливался Ермак Тимофеевич. Вы любите историю?

Но Михаил Петрович ничего не ответил. Он ушел весь в себя и шумно, с напряжением дышал. И он решил его больше не беспокоить и вышел в коридор. Там было пусто, как будто все в вагоне заснуло. Из репродуктора лилась такая же тихая, спокойная музыка. Какой-то виртуоз играл на гитаре, и гитара страдала. Звуки переливались, вздыхали, иногда оживал в них почти человеческий голос. И от него кружилась голова и как-то странно слабели ноги, — и он снова зашел в купе. Прилег на полку и неожиданно задремал. И почти сразу же его разбудило легкое и вежливое покачивание. А затем начались извинения.

— Гриша-а, прости старика. Я твой сон нарушил. Но какую музыку включили! Ты послушай радио, послушай. Это же праздник!

— Да, да, согласен.

— А ты, Гриша, любишь гитару?

— Ну как же! Даже немного играю...

— О, Господи-и-и! И тут мы родня. Мой сынок тоже играл на гитаре. Даже в армии записали в какой-то ансамбль. Правда, не знаю в какой. Наш Гришенька не любил хвастаться. Он был такой скромный, прилежный, как девочка. И голосок у него, да... Тебе интересно? Но все равно доскажу. Так вот, и голосок такой же, пологий, негромкий. Как с таким голосом он был командиром? Часто думаю, а ответа нет... Ну хорошо — умолкаю. Ты, поди, устал от меня? Я ведь только о сыне, о сыне. Но что поделаешь. Без него я как полынка на пустыре...

— Я вас понимаю, хорошо понимаю. Я же — бывший детдомовец, сирота. Бывало, на душе так одиноко... — Но договорить ему не дали, сосед перебил:

— Да, да, это самое главное, потому что в семье не бывает одиночества. Сейчас вспоминаю, как сынок без нас тосковал. И рвался всегда домой, летел, как на крылышках. Да что уж, ведь нет же его, нет и нет... — Он быстро вынул что-то из нагрудного кармана. Наверное, достал таблетку. Так и есть: он быстро проглотил кругленький белый комочек и брезгливо поморщился. А потом достал носовой платок и тщательно протер губы, как будто к ним что-то прилипло, — ну а потом... Что было потом-то? Они, кажется, о чем-то поговорили, но теперь даже не вспомнить. Да и зачем вспоминать каждую мелочь, он и так измучился от своих дум. И теперь хорошо бы на что-то переключиться от своих дум, и он закрыл глаза. Но это не помогло: мысли

снова и снова бежали в одном направлении и все еще были в том поезде с Михаилом Петровичем. Но зато руки, эти руки делали что-то свое. И он вначале даже не понял, а потом удивился, когда увидел в своих ладонях какие-то листочки — откуда они? И тут же рассмеялся и покачал головой — ну как же он забыл о Галином сочинении? А листочки эти просто звали к себе, притягивали, и он опять стал читать: «Не зря нашего учителя зовут Чародей. А я бы даже добавила, что он похож на доброго колдуна или волшебника, которые всем помогают. И примеров — не сосчитать. Об одном я уже написала, но с удовольствием повторюсь: недавно Чародей был в командировке в Перми — и что бы вы думали! Он привез оттуда больного старика, считай, инвалида и теперь возится с ним, как с ребенком. Он даже привел своего гостя к нам на классный час, и тот рассказывал нам о своем сыне-герое, который погиб на войне. Мы, конечно, прослушали этот рассказ, правда, не все поняли, осознали. Да и тяжело слушать этих стариков, особенно когда они начнут вспоминать, потому что после каждого слова у них — охи да вздохи. А что вспоминать, если прошлое уже не вернется. Надо жить сегодняшним днем и отдавать людям всю душу. Именно так и поступает наш учитель Григорий Михайлович. А ведь он еще совсем молодой, даже в армию пока не сходил, хотя по натуре — настоящий солдат. Из таких, как он, и получаются герои, если будет война. А она будет, и может начаться такое, что...». И на этом листочек заканчивался и надо бы взять другой и дочитать Галину писанину, но он почему-то раздумал. Да и разболелась голова, в висках неприятно позванивало — теперь хорошо бы на воздух, на улицу, но что-то его удерживало за столом, — наверное, это листочки. Он придвинул их поближе и грустно повторил про себя: «Смешная ты, Галочка. А может, просто дитя. И ничего ты в жизни пока не поняла, не узнала... Но не расстраивайся: все наживное, в свое время придет. Но только героя из меня не сочиняй — я запрещаю. Договорились?» — Этот вопрос он произнес уже вслух, как будто Галочка сидела напротив, и он опять повторил: «Значит, договорились? Вот сынок у Михаила Петровича — тот герой, и о таких надо писать, возвеличивать, он заслужил...» — И вдруг мысль куда-то съехала в сторону, а потом и вовсе оборвалась. И сразу в глазах что-то замелькало, забрезжило — то ли чья-то тень, то ли чье-то лицо. А потом и голос возник, и он сразу узнал его. Да и как не узнать, — это снова он, Михаил Петрович:

— Прости меня, Гришенька. Знаю, ты устал от меня. От моих печалей поневоле устанешь. Но давай хоть посижу возле тебя, помолчу. Мне ведь надо на тебя наглядеться. Скоро будет прощанье. Курган-то твой когда?

— Скоро, скоро, но прощанья не будет! — Он сказал это резко, обрывисто, не сказал — точно крикнул.

И тот, помнится, что-то проворчал в ответ, но он не расслышал и опять повторил:

— Не будет прощания! Я вас забираю с собой.

— Как?

— А вот так! Как я оставляю вас в таком виде, а если приступ ночной повторится? Что тогда?

Сосед после этих слов как будто даже обиделся, только за что? И когда заговорил — обида так и полезла:

— Не хорони меня раньше времени, не отпевай. Да и дурдом какой-то — ехал, ехал до дома и вдруг передумал. Да не могу я к тебе. Ведь

могилку сына нельзя бросить. Там же душа его ходит, живет... Так что, прости, — не могу, к тому же виноват я перед сыном. И не замолить этот грех...

— Какой грех у вас — не поверю. Вы же... — но договорить не дали, — Михаил Петрович громко кашлянул и поднял руку. Он точно приказывал замолчать. Сам же заговорил быстрым, срывающимся голосом, и в словах — снова обида:

— Ты не утешай меня — я не дитя. К тому же виноват по макушку.

— Да что было-то?

— Было, было и ничего не исправить. Правда, началось тогда с радости, у нас встреча была. Ведь приехал к нам сынок в отпуск, и мы с женой как именинники. Да, да, ведь радость какая. Помню: ходим возле него прямо на цыпочках, даже не дышим. Угодить бы, мол, только, ничем не обидеть. Правда, он ничего у нас не просил и всем был доволен. Только от жары сильно страдал. В то лето солнышко как в Сахаре. Но у нас был садик за домом, а там и тень, и скамеечки. А самое главное — там у нас и малины полсотки, есть и смородина, и крыжовник пять кустов. Но в том июле, как нарочно — ни ягодки, хоть бы одна была — на погляд. Какие же ягоды в засуху, да... — Он тяжело вздохнул, замолчал. А щеки подрагивали туда-сюда, и казалось, что и тело его тоже вздрагивает, точно от холода, хотя в купе даже жарко. Значит, это нервы у него расходились, волнение. И когда заговорил опять, то слова стали путаться, уплывать:

— Ну вот... На чем я споткнулся? Скажи, так и я скажу. — Он пожевал губами, поморщился, — Значит что... дело тогда вышло серьезное: сынок наш ягодок захотел. Ведь чего нет, то и подай, и он спросил у меня: «Папа, смородина-то у нас поспела? Мне бы хоть горсточку ягодок, хоть на зубок...» А я в ответ: «Нет, Гриша, не могу угостить. Все лето у нас жара — погиб урожай...» Так и сказал ему, повел себя, как старый дурак. А мне бы только сбежать к соседям — может, у них что-то выросло, мне бы весь поселок облазить и выполнить его просьбу. Это ж была его последняя просьба, потому что в скорости он погиб. И вот теперь места не нахожу, пуговицы у рубахи рву, и так горько, точно человека убил. А ночью часто — только засну — сынок уже рядом и просит у меня, умоляет: «Папа, хоть бы горсточку ягодок... хоть бы горсточку — чего тебе стоит». А проснусь, и все щеки в слезах. Разве это не грех?

— Грех не грех, Михаил Петрович, но я все же настаиваю — будьте моим гостем. Поживете с месяц и, может, понравится, а тогда уж...

— Что тогда, что?!

— А то, что никаких возражений. Совсем скоро Курган, а потом — ко мне. И не пожалеете, честное слово. Отдохнете, придете в себя... Ну как?

Он на это ничего не ответил. А потом они снова заговорили, и разговор продолжался, наверное, целый час и, в конце концов, Михаил Петрович сдался. И в Кургане они уже сошли с поезда вместе... Но все равно Галочка Пугина немного напутала. Она написала, что этот гость живет у него. О, если бы, если бы! Но он ведь уехал на днях. Правда, Галочка об этом не знала, — сочинение ведь писалось до этих событий. Он задумался, закурил. Но сигарета не успокоила. И он снова и снова терзал себя — ну почему, почему он так внезапно уехал. Даже не поговорил с ним толком, не попрощался по-человечески. Ну почему так случилось, почему?.. Вопросы, вопросы,

десятки вопросов. И они мучают, не дают покоя. А в памяти, в воспаленной памяти опять поднялся тот день и те роковые часы. Да что часы — каждая минута того дня заиграла, засветилась с какой-то непонятной, угрожающей силой. А ведь день-то тогда выдался такой благодатный — какой-то даже ласковый, теплый. А что удивляться, — неделю назад наступило уже настоящее календарное лето. И с раннего утра он был уже в школе, а как же иначе, раз конец учебного года и работы по горло. Скопилась гора бумаг — какие-то распоряжения, отчеты, характеристики, — и все это следовало пронумеровать, разложить в папочки, сделать копии, да мало ли что еще. Конечно, это унылая и пустая работа, но в нынешней школе без этого не могут... И вот он сидел в учительской и сортировал бумаги, — и вдруг ожил мобильник. Звук был злой и настойчивый, и сразу в виски ударила кровь, он почувствовал — что-то случилось печальное. Так и есть: в трубке он услышал приглушенный голос Михаила Петровича:

— Прости, Гриша, наверное, отвлекаю. Но я надумал уехать. Не сердись, не ругай меня. Но через час мой автобус...

— Я не ослышался? Что за аврал?

— Прости, Гриша... Но так надо.

— А я вам запрещаю, Михаил Петрович! Вы слышите — я за-пре-щаю!!

— Не шуми, Гришенька. Ты не генерал, а я не солдат... — И после этого голос пропал и телефон замолчал. И сразу в учительской разлилась тишина, и ему показалось, что все это сон, наваждение, и сейчас он откроет глаза — и сон пропадет. Но в этот миг снова позвал мобильник, а в трубке опять его голос:

— Гриша, ты бы пришел? Надо же попрощаться...

— Ладно, приду...

Он ответил спокойно, но сердце уже бешено колотилось, а голова куда-то поплыла, поплыла. И потому он плохо помнит, как дошел тогда до дома, как поднялся на крыльцо, как вошел в комнату. А там, возле стола, сидел Михаил Петрович и что-то перебирал в своем рюкзаке. На нем были старенькие спортивные брюки и домашние тапочки. И это сразу бросилось в глаза. Ведь точно в таком же наряде он был тогда, когда они встретились в поезде. И у него невольно вырвалось:

— Что случилось, Михаил Петрович? Вам надоело у меня?

Но тот молчал, и он повторил:

— Что случилось, не понимаю? Вы прямо сбегаете, и даже в тапочках...

— Не сердись, Гриша, я, конечно, переобуюсь. И вообще, не сердись. Я тебе здорово благодарен. Ты ходил за мной, как за родным отцом. Я, может, еще сюда приеду, а сейчас не держи... Мне надо к ним. Они уже заждались. Ты понимаешь, о ком я?..

— Как не понимать. Но их уже нет на свете...

— Ошибаешься... Ты ошибаешься, мой дорогой... — Михаил Петрович промокнул платочком глаза, но слезы не проходили. И пока они шли до автобусной остановки, он не отнимал платочек от глаз. Но вот подошел автобус и открылась дверка. Шофер что-то крикнул, наверное, велел поторапливаться. И он посадил Михаила Петровича на самую верхнюю ступеньку и подал ему рюкзачок. Сам Михаил Петрович был легонький, чуть потяжелее рюкзачка. И все косточки на теле прощупывались, и если сжать их посильней, то надломятся... Но лучше об этом не думать. Но как

не думать, если в ту же секунду случился конфуз: Михаил Петрович наклонился к нему, чтобы обнять на прощание и вдруг покачнулся и — вниз по ступенькам, — еще бы немного, и стукнулся головой о дверку, но он его подхватил, уберег. А потом прижал к груди и слегка приподнял, а потом как ребенка донес до сиденья. И тут же автобус тронулся, но дверка оставалась открытой, и он выскочил на ходу. И слава Богу, что все обошлось, потому что мог попасть под колеса...

А когда вернулся домой, его настигла вина. И такая, что просто не пережить! Он ругал себя самыми последними словами за то, что отпустил своего гостя одного — такого больного, слабенького, несчастного. Надо бы сопровождать его до самого поезда и посадить в вагон. Он ругал себя и за то, что не надел на него какую-нибудь теплую курточку или плащ — на случай дождя. Но сильнее всего винил себя за то, что не уговорил его пожить с ним подольше — еще бы месяц-другой. Эти мысли вогнали в такую печаль — хоть убегай из дома. Но разве это спасет, — и он совсем отчаялся. В каком-то беспамятстве он упал на диван и так пролежал часа три. А потом пришла ночь, тяжелая, мрачная ночь без сна. Его словно приговорили и наказали за какое-то преступление, но он-то знает за какое... Но само наказание кто-то отложил и отсрочил, — и вот теперь мучайся этим ожиданием, терзайся...

А ночь все не кончалась, и потом уже перед утром его воспаленный мозг вдруг прикоснулся к самому больному и горькому: он стал думать о своих родителях. И к этим думам сразу привязались вопросы, вопросы, десятки вопросов. Но задать их было некому, совершенно некому, но он все равно бросал их в пустоту, куда-то в безмолвие. А ведь ему так хотелось узнать буквально все о своих родителях: и какие у них были лица, глаза, какой голос, привычки... И чему они радовались в этой жизни, а от чего страдали. И самое главное — хотелось узнать, хотелось понять — за что, за что же их так наказал Господь, ведь они погибли при страшном пожаре. Да, да, так и было, об этом ему потом рассказали какие-то чужие добрые люди. Тогда в их селе был сильный пожар, — после удара молнии сгорело сразу два дома, а его, годовалого, в мокрых пеленках, вытащили из огня соседи. А потом, что потом? — Он усмехнулся и покачал головой. — А может, лучше не думать об этом? Забыть навсегда, откреститься?.. Но как забыть, как не думать, ведь все это была его жизнь, его печальные и унылые дни — вначале в детприемнике, а потом в детском доме. Но, конечно, рядом были эти добрые и милые люди, которые его жалели и привечали, но разве они могли заменить мать или отца, особенно, наверное, отца, потому что любому мальчишке так нужен отец, который и друг, и защитник, с которым любая беда — не беда и каждый день на земле — это радость. Но отца не было, отца не придумаешь, и он снова и снова спрашивал себя, мучил вопросами — ну за что же все-таки он несет в себе эту Божью кару?.. И эти вопросы чаще всего мучили и приходили ночами, вот и сейчас опять все повторилось. И он несколько раз за ночь поднимался с дивана и пил воду, и когда пил, в груди оживала какая-то знобящая льдинка и мешала дышать. И все-таки он заснул, и это случилось уже под утро — в тот самый час, когда стихают все звуки и шорохи, когда все улицы куда-то плывут, поднимаются — может быть, к небесам.

Он заснул — и пришло облегчение. И принес его опять Михаил Петрович. Но вначале он его не узнал. Да и как узнать, если человека не видишь, а слышишь только дыхание, которое, как слабый ветерок, дотронулось до лица. Оно дотронулось — и сразу стало тепло, горячо. А потом явился и голос, но какой-то слабый и угасающий. Но он все равно разобрал слова. И они поразили, ведь голос произнес — «спи, сынок, отдыхай». А потом следом — другие слова, совсем другие слова, но он их уже не понял, не разобрал, а так хотелось понять, так хотелось. И он не выдержал, переспросил: «Отец, я не расслышал... Ты повтори мне, ты повтори!» Но тот не ответил, даже совсем куда-то исчез, точно и не был только что рядом, точно приснился. Он продолжал искать его глазами, а самому уже сделалось страшно, очень страшно, и он крикнул: «Отец, где ты! Где ты?! Откликнись...» — И неожиданно все осветилось, точно в темной комнате раздвинули шторы, — и в этом белом проеме поднялся Михаил Петрович. Он как будто шагал к нему, приближался, он даже протягивал к нему руки, а в ладонях что-то белелось. Но он так и не понял, что это, потому что открылись глаза. В комнате было тихо, просторно, словно приподнялись стены, но это от солнца. Оно стояло уже высоко и залило светом все ближайшие дома, переулки, и там, где-то у самых заборов, суматошно кричали гуси, — и все эти звуки как-то по-хорошему успокоили душу. Он улыбнулся, — значит, люди давно проснулись и ушли на работу. И он тоже наскоро попил чаю и собрал свой портфель. Ему почему-то захотелось поскорее оказаться в школе, — в последнее время он часто скучал по своим ученикам, по работе...

Но в этот день у него все валялось из рук. У него что-то спрашивали, что-то просили, советовали, но он в ответ только кивал головой, улыбался, а сам был в каком-то полусне, забытии. И такое длилось до самого вечера, а потом и на следующий день повторилось — тяжелые мысли, тоска. К тому же и Михаил Петрович молчал — ни телеграммы нет, ни телефонных звонков. Наверное, угодил в больницу, а телефон свой где-то оставил... А может, с ним в дороге что-то случилось — опять приступ, сердечные боли, и его приютили у себя чьи-то чужие, незнакомые люди, но нет-нет, лучше не думать об этом. Но как не думать, если изболелась душа. Правда, немного отвлекает работа. А ее скопилось целый ворох, вагон. Даже дня не хватает, вся надежда на ночь. И вот она пришла — эта ночь, и он включил настольную лампу и разложил на столе самые срочные бумаги — листочки. А в голове опять он, этот печальный человек — Михаил Петрович. Ну почему он даже не позвонил с дороги, неужели он обиделся на что-то и не простил — уехал? Но почему, почему?! Но кто ему ответит, кто даст надежду... И опять — тоска, тяжелые мысли, и он моментально потянулся за сигаретой. Потом подошел к окну и прижался лбом прямо к стеклу. Но там, за рамой, стояла тьма и разглядеть ничего невозможно. А он все равно стоял и курил. Со стороны бы показалось, что он решает что-то очень важное, дорогое. И так прошло минуты две, может, больше, а потом он вернулся к столу и занялся бумагами. И опять в ладонях, как-то невзначай, оказалось Галино сочинение. Оно как бы преследовало его, не отпускало. Он взял в руки эти листочки и покачал головой: «Ах, Галочка, Галочка, как же ты меня расписала. Даже стыдно читать, честное слово...» — И он отложил ли-

сток в сторону, а потом... А потом что-то случилось против его воли, потому что ладони опять взяли листочек из стопочки и поднесли близко-близко к глазам. И глаза сразу же прочитали — «по натуре наш учитель — настоящий солдат. Из таких, как он, и выходят герои, если случится война. А она обязательно случится, потому что моя Родина лучше всех. И ей завидуют, строят уловки. Но знайте — русских никому не сломить, потому что среди нас такие, как мой учитель...» — Он рассмеялся и отложил листочек. Но потом его снова нашла ладонь, как будто ему кто-то приказывал, заставлял. Но все равно чтение прервалось, потому что опять стало нехорошо, как будто уличил себя в тяжелом грехе и никто о нем не знает. И все-таки глазам хотелось читать, но буквы почему-то прыгали, ускользали, точно хотели затаиться от него... Ну все-таки, почему она так написала? Точно он какой-то тульский медовый пряник. А ведь она совсем ничего о нем не знает, а он даже в армии не служил. И зачем говорит о каких-то героях, солдатах? — Какая она наивная, чистая, без тормозов. Ведь совсем не сдерживает себя, резвится, как жеребенок... Он почувствовал, что начинает злиться, но на кого? Неужели на Галочку? Но это же глупо, при чем здесь она... — Он резко поднялся со стула и заходил по комнате, но волнение не проходило, не отступало. Даже заболело в горле — наверное, спазма. Ох уж эти нервы, злосчастные нервы. Ведь еще совсем молодой и даже семьи не завел, а в голове все время какие-то страхи, тяжелые мысли, и постоянно кажется, что ты перед всеми виноват и некому заступиться. Он тяжело вздохнул, потом остановился возле окна, чтоб отдышаться. Сердце колотилось, точно ему идти на какой-то экзамен. Такое с ним было, пожалуй, только однажды. И он вспомнил один из своих последних дней в школе. Тогда к ним в класс пришел необычный гость — какой-то старый полковник из военкомата. Но про свой возраст он, видно, просто забыл, потому что был веселый, смешливый и постоянно над чем-то схохатывал, хотя без причины.

Рядом с ним был только один человек — худенькая белокурая девушка в желтеньких джинсах и в таких же желтых полированных туфельках на каблучках. Забавная девушка. У ней и губы были в такой же желтой яркой помаде. Не человек — цыпленок. И этот цыпленок достал из сумочки длинный блокнотик и стал что-то быстро-быстро писать. И всех занимало, — чего она там строчит, почему хмурит брови, ведь никаких событий пока не случилось. Но они начались минут через десять, когда стала говорить классный руководитель Анна Васильевна. Но речь была краткой и вся — из эмоций. Она даже не выдержала — заплакала, а потом как-то обреченно махнула рукой и передала слово тому веселому полковнику из военкомата. А тот сразу стал серьезным и даже нахмурил брови и подвигал угрожающе подбородком. Потом вышел к классной доске и поднял вверх руку. И сразу все замерли — что же он скажет? А он сказал, что в соседнем городе есть пограничный институт, который объявил прием студентов. Так что спешите подавать заявление. Он так и сказал: спешите, мол, не опоздайте. Ведь всего пять лет учебы, и ты уже не курсант, а блестящий офицер — гордость России. И после последних слов он скомандовал: «Кто желает в институт — поднимите руку!» Все мальчишки из класса вскинули руки. И он тоже собрался тогда стать военным. К тому же это его давняя мечта. Но прошло несколько дней, и он передумал. Ему стало стыдно перед своей Катенькой, которая собиралась поступать в педагогический. Выходит, он предает ее, изменяет, и она никогда не простит...

И вот сейчас он стоял у окна и перебирал в памяти те часы, те минуты, и сердце снова куда-то спешило — и он закрыл глаза. Как тяжело порой, как одиноко и так хочется к кому-то прижаться, забыться. Вот был бы отец. Если б отец!.. — он повторял эти слова снова и снова, а они, точно пчелки, крутились в голове, не отпускали. Он прижал ладони к вискам — и боль ослабела. А потом — бездумье и тишина, но какая-то тревожная, как перед грозой. И почему-то трудно дышать. Он медленно отошел от окна и прилег на диван. Голова сразу утонула в подушке, а потом куда-то поплыла, поплыла, и ему показалось, что он задремал. Но это была не дрема, а что-то другое. Ведь такое порой случается с нами, — когда душа вдруг забывает обо всем горьком, печальном и начинает обещать какие-то новые светлые дни. И все же это был, наверное, сон, настоящий сон, — иначе почему бы перед ним появился Михаил Петрович. И он был живой, совершенно живой, настоящий. Казалось, протяни руку и сразу уткнешься ему в плечо, в лицо, и это лицо что-то без конца говорило и говорило. Вот только слов не понять. Они были совсем глухие, почти беззвучные, как шелест листвы. Но он все равно старался понять, хоть и нервничал, и кусал губы с досады. Но вот голос усилился, точно ему приказали, и сразу слова ожили, встали в рост, как будто слетела с них шелуха. Они ожили, а он поразился, ведь Михаил Петрович стал его утешать: «Гришенька, ты не страдай. И не мучайся, мой дорогой, ведь не пропала твоя мечта. Ты еще станешь военным...» — И потом голос пропал, точно его кто-то испугнул, помешал. И после этого тишина, ожидание, что все опять повторится, продолжится, и он даже чувствовал, что кто-то стоит за спиной, даже слышно дыхание. А потом и голос возник, все тот же голос, и опять утешает: «Не печалься, Гришенька, это пустое. Ведь тебе еще двадцать пять — детский возраст. Так что все еще будет, только не отступай. И твоя Катенька, милая Катенька, поддержит тебя во всем и пойдет до конца. Да, да! Так и будет, только не отступай! И она будет гордиться, что стала женой офицера...» — И в этот миг открылись глаза. И он опять поразился — что с ним было, с кем он только что говорил?.. С кем, с кем?! — Терзалась душа. Он попробовал расстегнуть ворот рубашки — не получилось. Пальцы подрагивали, не слушались, и он поморщился и сжал кулаки. Но в них почему-то не было силы, а он все равно сжимал их, напрягал, точно готовился к драке. Но с кем драться-то, на кого нападать? Может быть, на себя, да, да, да — на самого себя, — и это было бы справедливо. Ведь он уже ненавидел себя за эти дрожащие руки, за какую-то путаницу в голове, за душевную слабость, но больше всего за то, что отпустил из дома своего гостя, ведь тот уже стал родным, а он его бросил. Но нет, нет, он же не бросил, он хочет вернуть его, но как это сделать? Как, как?.. — он потрогал ладонью виски. Они накалились, пульсировали — опять эти нервы, его бедные нервы... Он медленно поднялся с дивана и подошел к окну. И сразу распахнул створку и вздохнул полной грудью. Ночной воздух освежил, и стало легче дышать...

8

А ночь стояла теплая, звездная — везде море звезд. И каждая звездочка смотрит прямо в глаза. И вдруг одна из них, наверное, самая смелая, бойкая, потянулась к нему и прикоснулась к щекам. И он вздрогнул, зажмурился, потому что в глазах что-то вспыхнуло, засияло, и этим светом

точно омыло все тело, а потом... Но он бы не объяснил никому, что было потом, ведь ему стало так легко, хорошо, что захотелось громко крикнуть от радости, от великой внезапной радости, но вокруг — никого, только его дыхание. И он распахнул широко окно, но и на улице — никого, точно все вымерло вокруг, точно застыло. «Ну и пусть, пусть!» — опять ожила, заволновалась душа, и в этот миг он решил окончательно: завтра он поедет в город и подает заявление в погранинститут. Да, да, так и будет, и он не отступит! Нет, не отступит!! — Он повторял это несколько раз и ходил по комнате, а потом на глаза попали листочки с Галиным сочинением, и он сжал их в ладони и засмеялся: «спасибо тебе, милая Галочка, ты открыла глаза своему чародею, ты помогла...» А потом он опять подошел к окну. И опять стал смотреть на звезды. А небо точно застыло. По нему пролегали какие-то беловатые, молочные полосы, как следы от реактивного самолета, и они завораживали, притягивали глаза. Майские ночи короткие, и к этому пора бы привыкнуть. А лучше всего в такие ночи совсем не спать, а смотреть и смотреть часами на звезды, и тогда уйдут все печали. Вот как сейчас, ведь ему так хорошо. Ему даже вспомнилось что-то из детства — какой-то костерок у реки, рыбалка, а потом уха напололам с дымком и такими вкусными окуньками. А почему бы не повторить все это! — И вдруг зазвонил телефон. Звонок был громкий, призывный, как будто молил о помощи. И он с опаской взял трубку. А там — знакомый до боли голос:

— Гришенька, я к тебе попал? Не ошибся?

— Ко мне, ко мне, Михаил Петрович!!

— Ну тогда — прости за молчание. Я же болел и угодил в районную больницу. А мобильник дома оставил, не разрешили в палату... — Голос на миг пропал, как будто где-то застрял, а потом возник снова, но теперь был слабенький, шелестящий, еле понятны слова:

— Гришенька-а-а, дорогой, ты все же прости меня, не сердчай. Я же не забыл тебя, все время вижу во сне. И с утра до вечера разговариваю. С тобой, Гришенька, с кем же еще. А ты-то каков? И как школа?..

— Все хорошо, отец, даже лучше, чем надо. Завтра еду в город и подаю документы в погранинститут. Туда же, где учился наш Гриша. Ты слышишь, отец, буду военным... Почему молчишь, ты одобряешь?

Но мобильник как онемел. Только вверх, на панельке, загорались и гасли, потом опять загорались зелененькие узоры. А секунды все бежали, бежали, и у него закончилось терпение. И он сжал мобильник в ладони, точно хотел раздавить. А голос сразу сорвался на крик:

— Отец, отец!! Ты почему молчишь, ты живой?.. — И он еще хотел что-то спросить, но горло перехватило спазмом. Да и ожил мобильник:

— Гришенька, ты повтори, повтори!.. Меня же из ума вышибло — как ты меня назвал, как?! — И трубка опять замолчала, но в ней что-то двигалось и дышало, как будто ветерок перебирал ветки сирени. И он догадался, он понял, что старик, наверное, плачет. И плачет тихо, чуть слышно, потому что кончились силы. Но вот откуда-то снова пришли слова, и телефон ожил:

— Сынок, я тебя одобряю! И горжусь тобой, я горжусь... — И в трубке опять тишина.

— Тебе плохо, отец? Ты бы вызвал врача?

— Ничего мне не надо. Ко мне теперь все вернулось. И будем жить с тобой долго-долго. Ведь жить надо до конца.

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:**

Ясенов Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaaya.ladoga@gmail.com

**КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:**

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de zoreana@mail.ru
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетилайнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенов Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Ниžний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprshal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 10.10.2016 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1612046.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.